

The book cover features a dramatic landscape painting. In the foreground, there are large, mossy rocks. The middle ground is dominated by a large, dark green tree with a thick trunk, standing in a field of vibrant red flowers. The background shows rolling hills and mountains under a sky with a mix of purple, pink, and orange, suggesting a sunset or sunrise. The title 'ЭЛИЗАБЕТ' is written in large, white, serif letters at the top. Below it, the subtitle 'Расплата кровью' is in a smaller, white, serif font. The author's name 'ДЖОРДЖ' is written in the largest, white, serif letters at the bottom of the title block.

ЭЛИЗАБЕТ
Расплата кровью
ДЖОРДЖ

THE BEST OF DOCUMENTS

Элизабет Джордж

Расплата кровью

Серия «Инспектор Томас Линли и сержант Барбара Хейверс», книга 2

OCR&Spellcheck by Xana

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156231

Джордж Э. Расплата кровью: Издательство «Иностранка»; Москва; 2004

ISBN ISBN: 5-94145-198-9

Оригинал: ElizabethGeorge, "Payment in Blood"

Перевод:

Елена Владимировна Дод

Аннотация

В большое имение в Шотландии прибывают гости. Это члены театральной труппы, собирающиеся на читку новой пьесы. Вокруг пьесы разгорятся споры, завершающиеся убийством ее автора. Инспектор Томас Линли, занимающийся расследованием дела, оказывается в тяжелом положении, ведь главная подозреваемая – его давняя любовь.

Содержание

1	4
2	20
3	54
4	98
5	124
6	150
7	179
8	204
9	253
10	288
11	317
12	349
13	369
14	403
15	438
16	468
17	508

Элизабет Джордж

Расплата кровью

Светлой памяти Джона Вира

*Когда к безумству женщина склонится
И узнает, что другом предана,
Как ей от мук, бедняжке, исцелиться?
Как может честь спасти она?
Один есть путь о клятвах вероломных
Неверного заставить сожалеть,
Свое бесчестье скрыть от глаз нескромных,
Одно есть средство – умереть!*

Оливер Голдсмит (Перевод Д. Закса)

1

Шестнадцатилетний Гоуван Килбрайд терпеть не мог вставать спозаранку. Еще живя на ферме у родителей, он каждое утро выбирался из постели с ворчанием, разнообразными сетованиями и берущими за душу жалобами оповещая всех, кто оказывался поблизости, насколько ему обрыдла жизнь земледельца. Поэтому когда Франческа Джеррард, недавно овдовевшая владелица самого крупного в их краях поместья, решила превратить свой огромный шотландский

дом в деревенскую гостиницу (надо было как-то возместить налог на наследство), Гоуван тут же отрекомендовался ей: он тот самый человек, который ей требуется – готов быть официантом, барменом, а также надзирателем над двумя десятками цветущих юных особ, которые, вне всякого сомнения, рано или поздно наймутся сюда служанками или горничными. Но Гоуван вскоре обнаружил, что не все мечты сбываются. Ибо, не проработав в Уэстербрэ и недели, он понял, что обихаживать весь этот громадный, построенный из гранита домище предстоит штату всего из четырех человек, в состав коего входят: сама миссис Джеррард, средних лет кухарка с чрезмерной растительностью над верхней губой, Гоуван и семнадцатилетняя девушка из Инвернесса – Мэри Агнес Кэмпбелл.

Работа устраивала Гоувана так же, как и его положение в иерархии гостиницы, то есть не устраивала вовсе. Он был мастером на все руки и на все сезоны: привести в порядок участок – он, подмести полы – он, покрасить стены – тоже он, починить древний бойлер, ломающийся каждые две недели, – он, оклейка новыми обоями будущих номеров – тоже на нем. Все эти унижительные хлопоты (а он-то всегда мнил себя очередным Джеймсом Бондом!) и постоянные обиды можно было терпеть исключительно ради Мэри Агнес Кэмпбелл. Это чарующее создание появилось в поместье, чтобы навести лоск перед приемом первых постояльцев.

Не прошло и месяца, как Гоуван перестал воспринимать

утренний подъем как тяжкий долг, ибо чем скорее он выбирался из своей комнаты, тем скорее он мог лицезреть Мэри Агнес, вступить с ней в беседу, почуять дурманящий аромат, когда она проходит мимо. А уж через три месяца все его заветные мечты о водке с мартини (смешанных в шейкере, а не просто взболтанных) и о зажатом в чьей-то мертвой руке (после его выстрела!) легком итальянском пистолете были напрочь забыты. Их сменила надежда удостоиться одной из солнечных улыбок Мэри Агнес, увидеть ее красивые ножки, надежда – по-юношески мучительная, дразнящая – хоть на миг прикоснуться к ее восхитительно полной груди, нечаянно столкнувшись с девушкой в одном из коридоров.

Все это казалось вполне возможным и естественным, пока накануне вечером не нагрянули первые постояльцы: группа актеров из Лондона, прибывших вместе со своим продюсером, режиссером и несколькими неизбежными прихлебателями. А прибыли они, чтобы отшлифовать новую постановку. Присутствие лондонских знаменитостей да еще некий сюрприз, обнаруженный Гоуваном нынче утром в библиотеке, с каждой минутой, похоже, все дальше отодвигали его мечту о блаженстве с Мэри Агнес. Поэтому, извлекая из кучи мусора, валявшегося в библиотеке, скомканный лист почтовой бумаги с гербом Уэстербрэ, он сразу отправился на поиски Мэри Агнес; нашел он ее в похожей на пещеру кухне, где девушка в одиночестве сервировала подносы для утреннего чая, которые надо было разнести по комнатам.

Кухня уже давно была излюбленным местом Гоувана, главным образом потому, что, в отличие от остальных помещений, на нее не посягнули и, стало быть, не испортили. Подгонять ее под вкусы будущих гостей не было нужды. Вряд ли они забредут сюда, чтобы попробовать соус или поговорить о том, насколько хорошо прожарено мясо.

Поэтому кухню и оставили такой, какой Гоуван помнил ее с детства. Пол, выложенный плиткой – неяркого красного и приглушенно кремового цвета, – по-прежнему напоминал огромную шахматную доску. Ряды блестящих медных сковородок висели вдоль одной из стен на дубовых рейках, и металлические крепления казались неясными тенями на потрескавшемся кафеле стен. Четырехъярусный сосновый стеллаж над одним из рабочих столов был полон разномастной посуды для повседневных нужд, а рядом шаталась под тяжестью чайных полотенец и скатертей треугольная сушилка. В глиняных горшках на подоконниках сидели чудные тропические растения с крупными, похожими на пальмовые листьями, – растения, которым, по всем правилам, следовало бы погибнуть под напором ледящей шотландской зимы, но которые тем не менее прекрасно разрастались в теплом помещении.

Однако сейчас здесь было совсем не жарко. Когда вошел Гоуван, было почти семь утра, и огромная плита, разогревавшаяся у одной из стен, еще не изгнала холодный утренний воздух. На конфорке кипел большой чайник. Сквозь уз-

кие арочные окна Гоуван увидел, что обильный ночной снегопад укрыл гладким ковром луга, простиравшиеся до озера Лох-Ахиемор. В другое время он, может быть, и насладился бы этим зрелищем. Но в данный момент праведный гнев мешал ему увидеть что-либо, кроме светлокожей сильфиды, стоявшей у стола в центре кухни и застилавшей салфетками подносы.

– Объясни-ка мне, Мэри Агнес Кэмпбелл, что это такое.

Лицо Гоувана, вспыхнув, почти сровнялось цветом с его волосами, а веснушки потемнели. Он протянул выброшенный листок, большой палец широкий, мозолистый, прижимал на бумаге герб Уэстербрэ.

Мэри Агнес устремила на листок простодушный взгляд своих голубых глаз и мельком глянула на Гоувана. Нисколько не смутясь, она прошла в буфетную и принялась снимать с полок чайники, чашки и блюда. Можно было подумать, что это не она, а кто-то другой вдоль и поперек исписал листок бумаги непривычной к этой работе рукой: *миссис Джереми Айронс, Мэри Агнес Айронс, Мэри Айронс, Мэри и Джереми Айронс, Мэри и Джереми Айронс с детьми.*

– А чего такого? – отозвалась она, откидывая назад густые черные волосы. Из-за этого движения, нарочито стыдливого, белая наколка, лихо сидевшая на кудрях, съехала и закрыла девушке один глаз. Она стала похожа на очаровательного пирата.

В том-то и была загвоздка. Еще ни одну женщину Гоуван

не желал так страстно, как Мэри Агнес Кэмпбелл. Он вырос на ферме Хиллвью-фарм, которую, среди прочих, хозяйка Уэстербрэ сдавали в аренду, и ничто в его здоровой жизни, полной свежего воздуха и плавания в лодке по озеру, среди овец, пятерых братьев и сестер, не подготовило его к тому воздействию, которое всякий раз оказывала на него Мэри Агнес, когда он находился в ее обществе. И только мечта в один прекрасный день сделать ее своей удерживала его от объяснения.

И эта мечта никогда не казалась ему совсем уж несбыточной, несмотря на существование Джереми Айронса, чье красивое лицо и выразительные глаза смотрели с многочисленных вырезок из журналов о кино, развешанных по стенам в комнате Мэри Агнес. В конце концов, все девушки обожают всяких недоступных красавчиков, верно? По крайней мере так постаралась объяснить Гоувану миссис Джеррард, когда он, по своему обыкновению, облегал перед ней душу во время ежедневных, все более успешных занятий: он учился разливать вино и уже не проливал большую часть онога на скатерть.

Все это, конечно, было прекрасно, до тех пор пока красавчики существовали в каком-то другом измерении. Но теперь, когда в доме кишмя кишели лондонские актеры, Гоуван вдруг осознал, что Джереми Айронс начинает казаться Мэри Агнес не таким уж и недоступным. Наверняка хоть кто-то из постояльцев с ним знаком, он их сведет, а там уж

природа возьмет свое. И эти его опасения подкреплялись обнаруженной Гоуваном бумагой, предельно ясно указывающей, каким Мэри Агнес представляла свое будущее.

– Чего такого? – повторил он, ни на миг не поверив этому небрежному тону. – Ты оставила это в библиотеке, вот чего такого!

Мэри Агнес вырвала у него листок и сунула в кармашек фартука.

– Вот спасибо, что принес, дружок, – сказала она.

Ее спокойствие выводило из себя.

– И ты мне так ничего и не объяснишь?

– Я тренировалась, Гоуван.

– Тренировалась? – Молодая горячая кровь прямо-таки закипела от этих слов. – Это еще зачем? Чтобы черкать «Джеремии Айронс»? Всю бумажку исчеркала. Он, между прочим, женат!

Мэри Агнес побледнела.

– Женат? – Она поставила одно блюдо на другое. Фарфор противно клацнул.

Гоуван тут же пожалел о непроизвольно вырвавшихся словах. Он понятия не имел, женат ли Джереми Айронс, но одна мысль о том, что Мэри Агнес грезит по ночам об этом актере, в то время как он в соседней комнате, весь обливаясь потом, мечтает прикоснуться губами к ее губам, доводила Гоувана до отчаяния. Это было не по-божески. Это было несправедливо. Она непременно должна получить по заслу-

гам.

Но, увидев, как задрожали ее губы, он отругал себя за подобную глупость. Если он будет нести всякую чушь, она возненавидит его, а не Джереми Айронса. А он этого просто не переживет.

– Ну, Мэри, это еще не точно. Точно я ничего сказать не могу, – признался Гоуван.

Мэри Агнес фыркнула, собрала фарфор и вернулась в кухню. Гоуван не отступал от нее ни на шаг, как щенок. Она расставила чайники по подносам и принялась насыпать в них чай, потом расправила салфетки и стала раскладывать серебряные ложки, демонстративно игнорируя молодого человека. Жестоко наказанный, Гоуван подыскивал, что бы такое сказать, чтобы вернуть ее расположение. Он смотрел, как она подалась вперед, чтобы взять молоко и сахар. Под напором ее полной груди мягкая шерстяная ткань платья натянулась.

У Гоувана пересохло во рту.

– А я тебе рассказывал, как плавал на остров Гробницы?

Не самое вдохновляющее начало для беседы. Остров Гробницы был густо поросшим деревьями холмом посреди озера Лох-Ахиемор. Увенчанный любопытным сооружением, которое издалика казалось искусственной руиной в викторианском стиле, он был местом последнего упокоения Филипа Джеррарда, недавно ушедшего в мир иной мужа нынешней владелицы Уэстербрэ. Такому парню, как Гоуван,

сызмальства привыкшему к физическим нагрузкам, конечно же, ничего не стоило туда сплавать. Едва ли и Мэри Агнес, которая, вероятно, и сама могла бы запросто проделать то же самое, сочла бы это великим подвигом. Поэтому он начал срочно придумывать, чем бы приукрасить свой рассказ.

– А ты ничего не слыхала про этот остров, Мэри?

Мэри Агнес пожалала плечами, ставя чашки на блюдца. Но ее лучистые глаза метнули короткий взгляд в его сторону, этого Гоувану оказалось достаточно, чтобы ощутить прилив вдохновения.

– Не слыхала? Ну, Мэри, все в деревне знают – в полнолуние миссис Франческа Джеррард стоит вся голая у окна в своей спальне и зовет, значит, мистера Филипа, чтобы он пришел к ней. С острова Гробницы. Где его похоронили.

Теперь он точно привлек внимание Мэри Агнес. Забыв о подносах, она прислонилась к столу и сложила руки на груди, приготовившись слушать дальше.

– Ни словечку не верю, – предупредила она. Но тон ее голоса говорил о другом, как и лукавая улыбка.

– Да я тоже не верил, лапуля. Ну так вот, в последнее полнолуние я поплыл туда на лодке сам. – Гоуван с опаской ждал ее реакции. Но улыбка ее стала шире. Глаза еще больше заискрились. Воодушевленный, он продолжал: – Миссис Джеррард – какой это был вид, Мэри! Голая, в окне! Руки протягивает! И сиськи ейные свисают прям до пояса! Вот ужас! – Он театрально передернулся. – Так что мне-то ясно, чего ми-

стер Филип так спокойненько лежит! – Гоуван бросил тоскующий взгляд на прелести Мэри Агнес. – Потому как это чистая правда, что при виде красивой женской груди мужчина ничем не останется спокойным.

Мэри Агнес проигнорировала более чем прозрачный намек и вернулась к своим чайным подносам, отмахнувшись от его попытки продолжить рассказ:

– Шел бы ты работать, Гоуван. Ты вроде должен был утром заняться бойлером? Этой ночью он все чихал, как моя бабуля.

От столь прохладной реакции у Гоувана упало сердце. Рассказ о миссис Джеррард наверняка должен был поразить воображение Мэри Агнес, так что она могла даже, например, попросить отвезти ее на остров в следующее полнолуние. Сгорбившись, он поплелся в судомойню, где покрхтывал бойлер.

Однако Мэри Агнес, словно сжалившись над ним, заговорила снова:

– Но даже если б миссис Джеррард и хотела, мистер Филип не вернулся б к ней, дружок.

Гоуван замер на полпути.

– Почему?

– «И чтобы тело мое не лежало в этой проклятой земле Уэстербрэ», – язвительно процитировала Мэри Агнес. – Так говорится в завещании мистера Филипа Джеррарда. Миссис Джеррард сама мне это сказала. Так что, если твоя история

верная, она может хоть вечность простоять у окна, если надеется воротить его таким манером. Не будет же он ходить по воде, как Иисус. Даже ради сисек, вот так-то, Гоуван Килбрайд.

Завершив свою речь сдержанным смешком, она пошла за чайником. И когда вернулась к столу, чтобы налить воду, прошла так близко от Гоувана, что вся его кровь забурлила снова.

Всего нужно было разнести десять подносов с утренним чаем, включая хозяйкин. Мэри Агнес была преисполнена решимости проделать это не споткнувшись, не разлив ни капли и не смутившись, если вдруг застанет кого-нибудь за одеванием. Или за чем похуже.

Она много раз репетировала свой первый выход в качестве гостиничной прислуги. «Утро доброе. Чудный денек», – и быстро пройти к столу и поставить чайный поднос, стараясь не смотреть на кровать.

«На всякий случай», – смеялся Гоуван.

Она прошла через буфетную, через столовую с задернутыми шторами и вышла в обширный холл Уэстербрэ. Ни на лестнице в его дальнем конце, ни в самом холле ковров не было. А обитые дубовыми панелями стены были в пятнах копоти. С потолка свисала люстра восемнадцатого века, в ее подвесках отражался, преломляясь, мягкий свет лампы, которую Гоуван всегда включал ранним утром кнопкой на стойке портье. Пахло масляной краской, чуть меньше – дре-

весными опилками и совсем еле-еле – скипидаром – миссис Джеррард не щадила сил на ремонт и превращение своего старого дома в гостиницу.

Но, заглушая все эти ароматы, в воздухе витал более специфический запах – результат внезапной и необъяснимой вспышки страстей, ознаменовавшей собой прошлый вечер. Гоуван только что вошел тогда в огромный холл, неся поднос со стаканами и пятью ликерными бутылками, чтобы обслужить постояльцев, как вдруг из маленькой гостиной буквально вылетела миссис Джеррард, рыдая как ребенок. Ничего не видя перед собой, она столкнулась с Гоуваном, в результате чего он оказался на полу посреди груды осколков уотерфордского хрусталя и ликерной лужи глубиной в четверть дюйма, протянувшейся от дверей гостиной до стойки портье под лестницей. Гоувану понадобился почти час, чтобы ликвидировать весь этот разгром. Он ловко орудовал веником и совком, картинно поругиваясь каждый раз, когда мимо проходила Мэри Агнес, – и все это время туда-сюда, топоча, сновали люди, а на лестнице и в коридорах звучали взволнованные голоса.

Мэри Агнес так толком и не поняла, чем был вызван этот бурный всплеск эмоций. Она только знала, что компания актеров отправилась в гостиную вместе с миссис Джеррард, чтобы прочитать сценарий, но не прошло и пятнадцати минут, как там началась шумная ссора, завершившаяся сокрушением антикварной горки, не говоря уже о катастрофе с

ликерами и хрусталем.

Мэри Агнес прошла через холл до лестницы, осторожно поднялась по ней, стараясь не грохотать каблуками по голому дереву. Комплект ключей от дома внушительно постукивал по правому бедру, придавая ей уверенности.

«Сначала негромко постучи, – наставляла ее миссис Джеррард. – Если никто не ответит, открой дверь – воспользуйся своим ключом, если придется – и поставь поднос на стол. Раздвинь шторы и скажи: какой прекрасный день!»

«А если день не прекрасный?» – с озорством спросила Мэри Агнес.

«Тогда сделай вид, что прекрасный».

Мэри Агнес добралась до верхней площадки лестницы, сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, и окинула взглядом ряд закрытых дверей. Первую комнату занимала леди Хелен Клайд, и хотя Мэри Агнес видела, как накануне вечером леди Хелен самолично помогала Гоувану убирать осколки и разлитые в большом холле ликеры, девушка оробела, не решившись самый первый в своей жизни поднос с утренним чаем подать дочери графа. Нет, вдруг что-то не так... Поэтому Мэри Агнес двинулась дальше, во вторую комнату, обитательница которой, скорей всего, не обратит внимания на несколько капель чая, пролитых на льняную салфетку.

На стук никто не отозвался. Дверь была заперта. Нахмурившись, Мэри Агнес поставила поднос на левое колено и, удерживая равновесие, стала перебирать ключи, пока не на-

шла соответствующий дубликат.

Отперев дверь, она толкнула ее и вошла, стараясь не забыть все отрепетированные реплики.

В комнате было ужасно холодно и темно и не слышалось абсолютно никаких звуков, даже тихого шипения радиатора. Но, возможно, обительница номера просто не стала его вечером включать. Или, возможно, улыбнулась про себя Мэри Агнес, она была в постели не одна, а нежилась, прижавшись под стеганым пуховым одеялом к какому-нибудь джентльмену. А может, и не просто прижавшись. Мэри Агнес подавила смешок.

Она подошла к столу у окна, поставила поднос и раздвинула шторы, как учила миссис Джеррард. Едва рассвело, над туманными холмами за озером Лох-Ахиемор сиял только яркий краешек солнца. Само озеро отливало серебром, и в его шелковистой, гладкой поверхности, точно в зеркале, отражались холмы, небо и близлежащий лес. В небе висело несколько редких облачков, похожих на сгустки дыма. День обещал быть великолепным, полная противоположность вчерашнему – с ревом ветра и снегопадом.

– Красота, – весело сказала Мэри Агнес. – Доброго вам утра.

Она отвернулась от окна и расправила плечи, собираясь направиться к двери.

Но что-то было не так. Возможно, эта странная, какая-то неестественная тишина – словно комната затаила дыхание.

Или запах – довольно сильный и почему-то смутно напомиравший тот, что стоял, когда ее мать отбивала мясо. И еще груды покрывал, будто наброшенных в спешке, да так и оставленных. И ни малейшего движения под ними. Словно никто не шевелился.

И не дышал...

Мэри Агнес почувствовала, как на затылке у нее зашевелились волосы. Ее ноги будто приросли к месту.

– Мисс? – слабо прошептала она. И второй раз, чуть громче, потому что и в самом деле женщина могла спать слишком крепко. – Мисс?

Ответа не последовало.

Мэри Агнес нерешительно шагнула вперед. Ладони ее похолодели, пальцы не гнулись, но она заставила себя протянуть руку. Взялась за край кровати и потрясла ее.

– Мисс?

Третий призыв не вызвал отклика, как и первые два.

Машинально ее пальцы захватили пуховое одеяло и начали его стягивать. Одеяло, отсыревшее оттого пробирающего до костей холода, которым сопровождается обильный снегопад, сначала не поддавалось, но потом соскользнуло. И тогда Мэри Агнес увидела перед собой нечто ужасное... существовавшее уже по каким-то своим кошмарным законам.

Женщина лежала на правом боку, ее открытый в немом крике рот напоминал выбоину в камне, валяющемся в луже крови. Одна закоченевшая рука была вытянута, ладонью

вверх, как будто в мольбе. Другая зажата между ног, словно ее пытались согреть. Длинные черные волосы разметались в разные стороны. Как крылья ворона, они раскинулись по подушке, обвилились вокруг руки, пропитавшись кровью. Она уже начала свертываться, поэтому багровые сгустки отдавали черным и казались окаменевшей накипью на поверхности адского варева. И в таком ореоле, – неподвижно, как наколотая на булавку букашка в музейной витрине, лежала женщина; кинжал с роговой рукояткой пропорол ее шею с левой стороны и воткнулся в матрас.

2

Детектив-инспектор Томас Линли получил сообщение незадолго до десяти часов утра. Он ездил на ферму замка Шеннен, чтобы посмотреть на молодняк, и возвращался на принадлежавшем поместьи «лендровере», вот тут-то его и перехватил брат, придержав тяжело поведившую боками гнедую лошадь, из раздувавшихся ноздрей которой вырывались облака пара. Было очень холодно, гораздо холоднее, чем обычно в Корнуолле, даже в это время года. Линли невольно прищурился от обжигающего морозца, когда опустил стекло «ровера».

– Тебе сообщение из Лондона! – прокричал Питер Линли, ловко наматывая на руку поводья. Кобыла дернула головой, замышляя какой-то фокус, и бочком шагнула поближе к сложенной из камня изгороди, отгораживавшей поле. – Суперинтендант Уэбберли. Что-то насчет Департамента уголовного розыска Стрэтклайда. Он просил перезвонить ему как можно скорее.

– Это все?

Гнедая пошла по кругу, словно пытаясь избавиться от бремени, и Питер рассмеялся в ответ на этот вызов. Они минутку посражались, причем каждый стремился доказать превосходство над другим, но Питер знал, что делал; его рука словно чувствовала, когда нужно дать лошади ощутить по-

воду, а когда это будет посягательством на свободу вольнолюбивого животного. Он направил гнедую в лежавшее под паром поле, словно идея пройтись по кругу была обоюдной, и привел назад, к тронутой морозом изгороди.

– На звонок ответил Ходж – Питер ухмыльнулся. – Можешь себе представить. «Из Скотленд-Ярда – его светлости. Мне поехать или съездите вы?» Слышал бы ты, как он говорил, с каким неодобрением.

– Тут уж ничего не поделаешь, – отозвался Линли. Прослужив в его семье более тридцати лет, старый дворецкий никак не желал примириться с тем, что упрямо именовал «прихотью его светлости» – даром что она длилась вот уже двенадцать лет. Словно считал, что Линли мог в любой момент прийти в себя, узреть свет и проникнуться его сиянием, ведя тот образ жизни, к которому, как горячо надеялся Ходж, он привыкнет, поселившись в Корнуолле, в Хоуэнстоу, как можно дальше от Скотленд-Ярда. – И что же Ходж ему сказал?

– Вероятно, что ты занят выслушиванием подобострастных заверений своих арендаторов в вечной преданности. Ты же знаешь. «Его светлость в настоящий момент находится в своих владениях». – Питер очень точно изобразил похоронные интонации дворецкого. Братья рассмеялись. – Хочешь вернуться назад верхом? Это быстрее, чем в «ровере».

– Благодарю, нет. Как говорится: тише едешь, дальше будешь.

Линли с шумом рванул с места. Испугавшись, лошадь встала на дыбы и понеслась было прочь, не обращая внимания ни на удила, ни на поводья, ни на каблуки. Защелкали по камням подковы, тихое ржание уступило место безумному кличу страха. Линли молча смотрел, как его брат сражается с животным, зная, что бесполезно просить его побережься. Ежесекундный риск, ощущение того, что одно неосторожное движение может обернуться каким-нибудь переломом, а то и несколькими – этим в основном и привлекали Питера его лошадки.

Как бы там ни было, Питер в возбуждении откинул голову назад. Он прискакал без шапки, и его густые волосы блестели под зимним солнцем, как золотистый шлем. Его руки, огрубевшие от работы, даже сейчас, зимой, сохраняли загар, заработанный за месяцы трудов под солнцем юго-запада Англии. Жизнь била в нем ключом, он выглядел необыкновенно молодым. Наблюдая за братом, Линли чувствовал себя старше не на десять, а на все сорок лет.

– Эй, Шафран! – крикнул Питер, натягивая поводья, и, махнув рукой, помчался по полю. Было ясно, что он и в самом деле достигнет Хоуэнстоу задолго до Линли.

Когда лошадь и всадник исчезли вдалеке, за лесозащитной полосой из платанов, Линли нажал на газ и чертыхнулся: сцепление старого автомобиля сработало не сразу. Но через минуту он уже потихоньку ехал вперед по узкой дороге.

Линли связался с Лондоном из маленького алькова в го-

стиной. Это было его личное убежище, сооруженное прямо над парадным крыльцом фамильного дома и обставленное в начале двадцатого века его дедом, знавшим толк в том, что делает жизнь сносной. Под двумя узкими окнами помещался небольшой письменный стол красного дерева. На полках стояли разнообразные книги развлекательного содержания и переплетенные комплекты «Панча» за несколько десятков лет. Часы из золоченой бронзы тикали на резной полке камина, к которому было придвинуто удобное кресло для чтения. Оно всегда было долгожданной целью в конце утомительного дня.

Ожидая, пока секретарь Уэбберли разыщет патрона, и пытаясь понять, какого дьявола и секретарь, и суперинтендант торчат в выходной, да еще в такую стужу, на службе, Линли смотрел в окно на обширный сад. Там сейчас была его мать – высокая, стройная, в наглухо застегнутой толстой куртке и бейсболке, прикрывавшей рыжеватые волосы. Увлеченная беседой с одним из садовников, она не видела, что ее ретривер набросился на оброненную перчатку, явно намереваясь ею позавтракать. Линли улыбнулся, когда мать, обернувшись, вскрикнула и вырвала из пасти пса перчатку.

Когда на линии прорезался голос Уэбберли, звучал он так, будто его обладатель мчался к телефону бегом.

– У нас тут чреватая неожиданностями ситуация, – с ходу объявил суперинтендант. – Какие-то актеры из «Друри-Лейн» нашли труп, а местная полиция ведет себя так,

словно разразилась эпидемия бубонной чумы. Они позвонили в свой местный Департамент уголовного розыска, в Стрэтклайде. Но Стрэтклайду это дело не достанется. Оно наше.

– Стрэтклайд? – тупо повторил Линли. – Но ведь это в Шотландии.

Можно подумать, что его начальник сам этого не знал! В Шотландии существовала собственная полиция, они редко обращались в Ярд за помощью. А если и обращались, особенности шотландского законодательства не позволяли лондонским коллегам работать эффективно и вообще исключали их участие в последующих судебных разбирательствах. Линли охватило мучительное предчувствие, но он потянул время, спросив:

– А разве в эти выходные никто не дежурит?

Он знал, что в ответ на эту реплику Уэбберли по крайней мере объяснит, в чем дело. Ведь уже в четвертый раз за пять месяцев он вызывал Линли на службу в неурочное время.

– Ну-да, дежурят, – резко ответил Уэбберли. – Но что толку? Отдыхать будем, когда все это закончится.

– Когда что закончится?

– Да вся эта кутерьма. – Голос Уэбберли затих, потому что в его лондонском кабинете заговорил кто-то другой, изысканно и весьма пространно.

Линли узнал звучный баритон сэра Дэвида Хильера, старшего суперинтенданта. Значит, действительно стряслось что-то из ряда вон... Пока он прислушивался, стараясь разо-

брать слова Хильера, коллеги его явно пришли к какому-то соглашению, и Уэбберли продолжил в более доверительном тоне, словно опасался возможных нежелательных слушателей:

– Как я сказал, ситуация чревата неожиданностями. В этом замешан Стюарт Ринтул, лорд Стинхерст. Вы его знаете?

– Стинхерст. Продюсер?

– Он самый. Мидас¹ сцены.

Линли улыбнулся этому очень точному определению. Лорд Стинхерст был знаменит в лондонском театральном мире тем, что финансировал одну успешную постановку за другой. Наделенный острым чутьем на то, что любит публика, и умением рисковать огромными деньгами, он обладал и еще одним поистине бесценным даром, он умел распознать новый талант, выловить из проходившей каждый день через его руки массы бездарных поделок сценарий, просто обреченный впоследствии на награды. Последним его дерзким проектом, насколько мог узнать любой читатель «Тайме», было приобретение оставшегося без хозяина лондонского театра «Азенкур». В этот проект лорд Стинхерст вложил больше миллиона долларов. Обновленный «Азенкур» должен был открыться, естественно, с триумфом, всего через два месяца. Линли показалось весьма странным, что Стин-

¹ Мидас – в греческой мифологии царь Фригии; прикосновением руки обращал любой предмет в золото. (Здесь и далее прим. перев.)

херст решил, пусть и ненадолго, уехать из Лондона, когда данное событие было уже совсем не за горами. В извечном стремлении к совершенству лорд в свои семьдесят с лишним лет не отдыхал годами. Это было частью его светской легенды. Так что же он делает в Шотландии?

Уэбберли, словно услышав этот незаданный вопрос Линли, продолжал:

– По-видимому, Стинхерст привез туда своих актеров, чтобы обкатать сценарий спектакля, который, как предполагалось, должен был покорить зрителей на открытии «Азенкура». С ними там один газетчик – какой-то парень из «Тайме». Театральный критик, я думаю. Вероятно, ему было велено день за днем фиксировать историю театра «Азенкур». Но, судя по тому, что мне сказали сегодня утром, в настоящий момент ему не до театра, он из кожи вон лезет, прорываясь к телефону. Знает, что ему придется заткнуться, как только мы туда к ним доберемся.

– А что это он так суетится? – спросил Линли, понимая, что Уэбберли приберег самый лакомый кусочек напоследок.

– Потому что звездами новой постановки лорда Стинхерста должны стать Джоанна Эллакорт и Роберт Гэбриэл. И они тоже в Шотландии.

Линли даже тихо присвистнул от удивления. Джоанна Эллакорт и Роберт Гэбриэл! Они и в самом деле были аристократами в своей среде, на данный момент два наиболее востребованных актера страны. За годы своего партнерства Эл-

лакорт и Гэбриэл блистали во всех спектаклях – от Шекспира до Стоппарда² и О'Нила³. И хотя порознь они работали так же часто, как и вместе, только когда они выступали вдвоем, случалось истинное волшебство. И газетные отклики в этом случае всегда были одинаковыми: «Эмоциональный накал, остроумие, тончайший эротизм, который держит аудиторию в напряжении».

В последний раз, припомнил Линли, такие дифирамбы вызвал «Отелло», который при переполненных залах шел в театре «Хеймаркет» несколько месяцев. Он был снят со сцены только три недели назад.

– И кого же убили? – спросил Линли.

– Автора новой пьесы. Видимо, многообещающего. Женщину. Ее имя... – Послышался шорох бумаг. – Джой Синклер. – Уэбберли прочистил горло, что всегда предшествовало неприятной новости. И она не замедлила прозвучать. – Боюсь, тело уже увезли.

– Проклятье! – ругнулся Линли. Теперь никакой реальной картины места преступления, а стало быть, куча всякой лишней мороки.

– Понимаю вас, дружище. Но теперь уж ничего не попишешь. Как бы там ни было, сержант Хейверс встретит вас в Хитроу Я заказал вам билеты на час – до Эдинбурга.

² Том Стоппард (р. 1937) – английский драматург «второй волны», киносценарист.

³ Юджин О'Нил (1888—1953) – американский драматург.

– Хейверс не подойдет для этого дела, сэр. Если тело уже таскали туда-сюда, мне понадобится Сент-Джеймс.

– Сент-Джеймс больше не работает в Скотленд-Ярде, инспектор. Я не могу заполучить его за такой короткий срок. Если вам нужен судебный эксперт, возьмите одного из наших людей, а не Сент-Джеймса.

Линли очень хотелось воспротивиться, в душе он понимал, почему на дело вызвали именно его, а не другого детектива-инспектора, дежурившего в эти выходные. Стюарт Ринтул, граф Стинхерст, явно находился под подозрением, но начальство желало вести расследование деликатно, что было бы гарантировано присутствием восьмого графа Ашертона, то есть Линли. Пэр, то и дело повторяющий «ну, мы-то с вами люди одного круга» и осторожно выведывающий правду у другого пэра. Все это, конечно, прекрасно, но если Уэбберли совершенно не собирался считаться с чинами ради того, чтобы свести лорда Стинхерста и лорда Ашертона, то Линли стоило позаботиться и о себе – то есть во что бы то ни стало избежать сотрудничества с детективом-сержантом Барбарой Хейверс. У нее был пунктик: она во всем хотела быть первой – начиная с учебы в средней школе и кончая желанием надеть наручники на какого-нибудь графа.

По мнению сержанта Хейверс, причиной всех главных проблем в жизни – от кризиса в экономике до роста числа венерических заболеваний – была классовая система, из которой они являлись в готовом виде, как Афина из головы Зев-

са⁴. Классовый вопрос, говоря откровенно, был самым большим местом в отношениях между ними и неизменно становился фундаментом, сутью и завершающим украшением каждой словесной баталии, в которую ввязывался Линли в те пятнадцать месяцев, что Хейверс была его напарницей.

– В силу некоторых особенностей характера Хейверс, ей нельзя доверять это дело, – резонно заявил Линли. – Как только она узнает, что здесь замешан лорд Стинхерст, она забудет о всякой объективности.

– Она преодолела это. А если нет, то ей давно пора это сделать, если она хочет сотрудничать с вами.

Линли содрогнулся при мысли, что суперинтендант, вероятно, намекает, что они с сержантом Хейверс вот-вот должны стать постоянной командой, соединенной в законном браке карьеры, из которого ему уже никогда не вырваться. Надо было как-то нейтрализовать планы начальника насчет Хейверс, найти приемлемый компромисс – на данный момент.

И он ловко воспользовался предыдущей репликой шефа.

– Что ж, если вы так решили, сэр... – спокойно произнес он. – Но что касается проблем, связанных с тем, что тело уже увезли... Наши нынешние сотрудники не чета Сент-Джеймсу, у него колоссальный опыт. Вы лучше меня знаете, что он

⁴ Согласно мифу, Зевс проглотил свою супругу океаниду Метилу, беременную Афиной. Гефест, бог огня и кузнечного ремесла, расколол голову Зевса ударом молота, и на свет появилась Афина в полном снаряжении.

был нашим лучшим криминалистом и...

– Он и сейчас наш лучший криминалист. Мне известен обычный порядок действий, инспектор. Но все дело во времени. Заполучить Сент-Джеймса просто невозможно... – Послышалась короткая, резкая реплика старшего суперинтенданта Хильера. Уэбберли тут же приглушил ее, без сомнения, зажав ладонью микрофон. И почти сразу сказал: – Ладно. Будет вам Сент-Джеймс. Так что быстренько летите туда и посмотрите, что там за каша заварилась. – Он кашлянул, прочищая горло. – Мне все это нравится не больше, чем вам, Томми.

И Уэбберли дал отбой, прежде чем последовала дальнейшая дискуссия или расспросы. И, только держа в руке уже умолкнувшую трубку, Линли задумался о двух любопытных деталях. Ему практически ничего не сказали о преступлении и впервые за двенадцать лет сотрудничества суперинтендант назвал Линли по имени. Очень странная причина для смутного беспокойства. Тем не менее его вдруг одолело любопытство: чем же их все-таки так всполошило это убийство в Шотландии? Но он быстро отвлекся на другие мысли.

Когда Линли покинул нишу в гостиной, направившись в свои комнаты в восточном крыле Хоуэнстоу, его вдруг поразило имя. *Джой Синклер*. Где-то он его видел. И совсем не так уж давно. Он остановился в коридоре рядом со старинным комодом и вперился невидящим взглядом в стоявшую на нем фарфоровую вазу. *Синклер. Синклер*. Фамилия каза-

лась такой знакомой, вот сейчас он вспомнит. Изящные голубые на белом фоне узоры вазы расплывались у него перед глазами, накладывались друг на друга, пересекались, менялись местами...

Менялись местами. Из конца в начало. Игра слов. *Не Джой Синклер* он видел, «*Синклер'с Джой*»⁵, заголовок в воскресном приложении к газете. Это была инверсия, явно подразумевающая: «вот какие мы остроумные», а за ней следовала дразнящая фраза «С „Тьмой“ рассчитались, вперед – к вершинам».

Он вспомнил, что из-за этого заголовка подумал: неужто речь идет о какой-то слепой спортсменке перед Олимпийскими играми? И даже довольно основательно углубился в статью; выяснилось, что эта радостная Синклер никакая не спортсменка, а драматург, что ее первая пьеса была хорошо встречена критикой и зрителями, жаждущими отдохновения от обычной лондонской мишуры, и что ее второй пьесой откроется театр «Азенкур». Вот, собственно, и все, что он тогда о ней узнал. Потому что звонок из Скотленд-Ярда оторвал его от газеты: надо было мчаться в Гайд-парк, где нашли труп совершенно раздетой пятилетней девочки, спрятанный в кустах под мостом через Серпентайн⁶.

Надо ли удивляться, что до сего момента он и не вспоминал о Синклер. Это жуткое зрелище... Одна мысль о том,

⁵ Joy – радость (англ.).

⁶ Серпентайн – узкое искусственное озеро в Гайд-парке (букв. «змеевидное»).

что вынесла Меган Уолшем, прежде чем умерла, на многие недели изгнала из его головы любые другие мысли. От ярости он ничего вокруг не видел, а ел и спал лишь по необходимости – чтобы были силы на поиски убийцы Меган... а затем – арест дяди девочки, брата ее матери... а затем – он должен был сообщить убитой горем матери, кто виновен в изнасиловании, нанесении телесных повреждений и убийстве ее младшего ребенка.

Ведь он только-только отошел от этого расследования. Он был совершенно измотан теми долгими днями и еще более долгими ночами, он жаждал отдохновения, очищения души, сокрушенной этим мерзким убийством и бесчеловечностью.

Но его мечтам не суждено было сбыться. По крайней мере, не здесь и не сейчас. Он вздохнул, выбил пальцами дробь на крышке комода и пошел укладывать чемодан.

Детектив-констебль Кевин Лонан терпеть не мог чай из термоса. На нем всегда образовывалась отвратительная пленка, напоминавшая ему пену в ванне. И когда обстоятельства вынудили его налить себе желанной влаги из помятого термоса, извлеченного из затянутого пылью угла в конторе Департамента уголовного розыска Стрэтклайда, он, давась, проглотил всего один глоток, а остальное выплеснул на узкую, залитую гудроном полосу, представлявшую собой местное летное поле. Погримасничав, он вытер рот рукой, обтянутой перчаткой, и начал похлопывать в ладоши, что-

бы немного разогнать кровь. В отличие от предыдущего дня, в небе сверкало солнце, совсем по-весеннему, несмотря на пышные сугробы, но морозец все равно был крепкий. А густая гряда облаков, надвигавшаяся с севера, обещала еще одну метель. Если эти деятели из Скотленд-Ярда желают сюда добраться, им стоит поторопиться, мрачно подумал Лонан.

И, словно ему в ответ, воздух прорезал ровный рокот винтов. Мгновение спустя с востока показался вертолет Королевской шотландской полиции. Он дал круг над Ардмакнишбей, примериваясь к тому, что земля могла предложить в качестве посадочной площадки, затем медленно опустился на квадрат гудрона, который был расчищен тяжело сопевшим снегоочистителем за полчаса до этого. Винты вертолета продолжали вращаться, взметая небольшие вихри снега из сугробов, окаймлявших летное поле. От рева винтов ныли зубы.

Невысокая, пухлая фигура, как мумия закутанная с головы до ног в нечто, напоминающее потрепанный коричневый коврик, распахнула пассажирскую дверь вертолета. Сержант Барбара Хейверс, решил Лонан. Она лихо сбросила трап – будто это был не трап, а веревочная лестница из шалаша на дереве, потом скинула вниз три чемодана, которые глухо стукнулись о землю, и стала спускаться. За ней показался мужчина. Он был очень высоким, с очень светлыми волосами, с непокрытой, несмотря на холод, головой, в хорошо сшитом кашемировом пальто, кашне и перчатках – един-

ственные две уступки минусовой температуре. Это, подумал Лонан, верно, инспектор Линли, объект особого в данный момент интереса Департамента уголовного розыска Стрэтклайда, интереса, разожженного тем, как Лондон настаивал на его приезде, как давил. Вот инспектор обменялся несколькими словами с сержантом Хейверс. Она указала на фургон, и Лонан ждал, что теперь они двинутся к нему. Однако вместо этого оба повернулись к трапу вертолета, по которому медленно сходил третий человек. Спускаться ему было неудобно и тяжело из-за поврежденной левой ноги. Как и блондин, он был без шляпы, и его черные волосы – кудрявые, слишком уж длинные и совершенно непослушные – развевались вокруг бледного лица. Черты этого лица были резкими и чересчур угловатыми. Сразу чувствовалось, что этот человек никогда не упускает из виду ни малейшей подробности.

При виде этого неожиданного гостя констебль Лонан беззвучно ругнулся. Интересно, знает ли уже инспектор Макаскин о том, что Лондон прислал тяжелую артиллерию: судебного-медицинского эксперта Саймона Алкерт-Сент-Джеймса? Констебль энергично зашагал к вертолету, где прибывшие заталкивали трап назад в вертолет и подбирали свои вещи.

– А вам не приходило в голову, что в моем чемодане может быть что-то хрупкое, Хейверс? – спрашивал Линли.

– Намерены пить при исполнении? – едко отбрила она. – Если вы захватили сюда виски, тем хуже для вас. Это все равно что приезжать в Ньюкасл со своим углем, вам не кажется?

– Похоже на реплику, которую вы приберегали несколько месяцев.

Когда Лонан подошел к ним, Линли махнул рукой и кивком поблагодарил пилота.

Когда все начали знакомиться, Лонан, пожимая руку Сент-Джеймсу, выпалил:

– Я как-то слышал ваше выступление в Глазго. – Даже сквозь перчатку Лонан почувствовал худобу его руки, однако пожатие оказалось на удивление крепким. – Это была лекция об убийствах Крэдли.

– Ах да. Обвинение основывалось на причинном месте преступника, – пробормотала сержант Хейверс.

– Что, помимо всего прочего, звучит как-то двусмысленно, – добавил Линли.

Было ясно, что Сент-Джеймсу не в новинку словесные подковырки его спутников, потому что он спокойно улыбнулся и сказал:

– Нам повезло, что у нас оказались его лобковые волосы. Бог свидетель, у нас больше ничего не было, кроме нечетких отпечатков зубов на трупe.

Лонана так и подмывало обсудить все поразительные подробности этого головоломного расследования с человеком, который четыре года назад выложил их перед ошеломленными присяжными заседателями. Однако, настроившись на беседу с обладателем потрясающей интуиции, он вспомнил об инспекторе Макаскине, который ждал их сейчас в поли-

цейском участке и наверняка уже метался взад и вперед по кабинету.

Слова «Фургончик вон там» заменили его блистательное замечание об искажении следов зубов на фрагменте тела, который сохраняли в формальдегиде. Он мотнул головой в сторону полицейской машины, и, когда прибывшие обратили на нее свое внимание, на его лице мелькнуло виноватое выражение. Он не думал, что их будет трое. И не думал, что они привезут с собой самого Сент-Джеймса. Иначе настоял бы на каком-нибудь более подходящем автомобиле, вроде новенького «вольво» инспектора Макаскина, в котором были нормальные сиденья – и спереди, и сзади – и исправный обогреватель. В машине же, к которой он их вел, было всего два передних сиденья – из обоих выпирала набивка и пружины – и единственное откидное, зажатое сзади двумя комплектами оборудования для осмотра места преступления, тремя мотками веревки, несколькими сложенными кусками брезента, лестницей, ящиком с инструментами и грудой промасленных тряпок. Неловкая ситуация. Но если троица из Лондона и была недовольна, комментарии никаких не последовало. Они молча разместились, естественно, усадив Сент-Джеймса впереди, а двое устроились сзади, причем, по настоянию сержанта Хейверс, Линли занял сиденье.

– А то еще испачкаете свое красивое пальто, – сказала она, прежде чем плюхнуться на брезент и размотать добрых тридцать дюймов шарфа.

Лонан наконец смог получше рассмотреть сержанта Хейверс. Далеко не красотка, заключил он, глядя на ее вздернутый нос, густые брови и круглые щеки. Уж конечно она попала в столь избранную компанию не из-за своей внешности. Наверное, у нее какие-нибудь потрясающие криминалогические способности. Лонан всерьез решил понаблюдать за каждым ее шагом.

– Спасибо, Хейверс, – мирно отозвался Линли. – Видит бог, одно масляное пятно может запросто выбить меня из колеи.

Хейверс фыркнула.

– Тогда давайте припорошим его пеплом.

Линли достал золотой портсигар, который подал ей, а затем протянул серебряную зажигалку. У Лонана упало сердце. Курящие, подумал он, и заранее смирился с разъедающим глаза дымом и аллергическим насморком. Однако Хейверс не закурила, потому что слышавший их разговор Сент-Джеймс открыл свое окно, отчего резкий порыв ледяного ветра ударил ей прямо в лицо.

– Хватит. Я поняла, – проворчала Хейверс и, нахальным образом вытащив сразу шесть сигарет, вернула портсигар Линли. – Сент-Джеймс всегда такой неженка?

– С рождения, – ответил Линли.

Лонан с трудом завел фургон, и они направились в Департамент уголовного розыска в Обане.

Инспектора-детектива Иена Макаскина из Департамен-

та уголовного розыска Стрэтклайда передвигало по жизни единственное горючее: гордость. Она принимала разные формы, в сущности, совершенно между собой не связанные. Самой весомой была гордость за семью. Ему нравилось, что люди знают – ему удалось добиться благополучия несмотря ни на что. В двадцать лет он женился на семнадцатилетней девушке, прожил с ней двадцать семь лет, вырастил двоих сыновей, дал им университетское образование и ревностно следил за их карьерами: один был ветеринаром, другой – морским биологом. Еще он гордился своей отменной физической формой. При росте пять футов девять дюймов он весил не больше, чем в двадцать один год, когда еще был констеблем. Его тело было здоровым и подтянутым благодаря ежевечерней гребле по проливу Керрера летом и таким же планомерным занятиям зимой на тренажере, установленном у него в гостиной. И хотя вот уже десять лет волосы у него были совершенно седые, они по-прежнему оставались густыми и сверкали, как серебро, под лампами дневного света полицейского участка. И этот полицейский участок был еще одним предметом его гордости. На протяжении своей службы он ни разу не закрыл дело за неимением улик и всячески старался, чтобы любой из его людей мог сказать то же самое и о себе. Его розыскная группа работала очень слаженно – полицейские вынюхивали каждую деталь, как гончие в погоне за лисой. Он следил за тем, чтобы они не расслаблялись. Все это помогало ему быть поистине вездесущим в

своей конторе. Типичный неврастеник, он грыз ногти до мяса и поэтому сосал освежающие мятные лепешки, или жевал резинку, или поглощал картофельные чипсы – целыми пакетами, пытаясь отучить себя от этой единственной дурной привычки.

Инспектор Макаскин встретил лондонскую группу не в своем кабинете, а в комнате для совещаний – небольшой конурке десять на пятнадцать футов, с неудобной мебелью, недостаточным освещением и плохой вентиляцией. Выбрал он ее намеренно.

Ему очень не нравилось то, как все начиналось. Макаскин любил, чтобы все шло по порядку, без путаницы и суеты. Каждый должен был делать то, что ему положено. Жертвы – умирать, полиция – допрашивать, подозреваемые – отвечать, а криминалисты – собирать улики.

Однако, за исключением жертвы, которая любезно лежала бездыханной, с самого начала расспросы вели подозреваемые, а полиция отвечала. Что же касается улик, то это вообще была особая история.

– Объясните мне все еще раз. – Голос инспектора Линли звучал ровно, но в нем слышались резкие нотки, по которым Макаскин понял, что сам Линли недоволен двусмысленной ситуацией, которая сложилась из-за его назначения на расследование. Это радовало... Макаскин даже сразу почувствовал симпатию к детективу из Скотленд-Ярда.

Скинув верхнюю одежду, все расселись вокруг соснового

стола, все, кроме Линли, который стоял, сунув руки в карманы и зло посверкивая глазами.

Макаскин был только счастлив снова поведать данную историю.

– Сегодня утром я приезжаю в Уэстербрэ, и проходит всего минут тридцать, как мне передают, чтобы я срочно позвонил своим людям в Департамент.

Главный констебль сообщил мне, что делом будет заниматься Скотленд-Ярд. Это все. Больше ничего не смог от него добиться. Только инструкции – оставить людей в доме, вернуться сюда и ждать вас. Сдается мне, что какой-то умник с *вашей* стороны решил, что здесь будет действовать Скотленд-Ярд. Он дал понять это нашему главному констеблю, и мы, чтобы все было честь по чести, с готовностью позвонили с «просьбой о помощи». Вот так.

Линли и Сент-Джеймс обменялись загадочными взглядами.

– Но почему тогда вы увезли тело? – спросил Сент-Джеймс.

– Поступил приказ, – ответил Макаскин. – Чертовски странный, по моему разумению. Опечатать комнату, забрать тело и привезти его на вскрытие, после того как наш судмедэксперт оказал нам честь, объявив ее умершей на момент обнаружения.

– Что-то типа «разделяй и властвуй», – заметила сержант Хейверс.

– Да, похоже на то, – отозвался Линли. – Стрэтклайд разбирается с вещественными уликами, Лондон занимается подозреваемыми. И если кому-то где-то повезет, мы не сможем должным образом поддерживать друг с другом связь, и все заметут под ближайший коврик.

– Но под чей?

– Да. Вот в *чем* вопрос, верно? – Линли уставился на столешницу, испещренную множеством отпечатков кофейных кружек которые сплетались в забавный узор. – Что же именно произошло? – спросил он у Макаскина.

– Эта девушка, Мэри Агнес Кэмпбелл, обнаружила тело в шесть пятьдесят сегодня утром. Нам позвонили в семь десять. Туда мы добрались в девять.

– Почти через два часа?

Вмешался Лонан:

– Из-за вчерашней метели занесло все дороги, инспектор. От ближайшей деревни до Уэстербрэ пять миль, и еще ни одна дорога не была расчищена.

– Ради бога, на кой черт лондонской трупке понадобилось тащиться в такую глухомань?

– Франческа Джеррард – вдова и владелица Уэстербрэ – сестра лорда Стинхерста, – объяснил Макаскин. – По всей видимости, у нее были большие планы – хотела превратить поместье в шикарную сельскую гостиницу. Оно стоит как раз на берегу Лох-Ахиемор, и я полагаю, хозяйка решила, что это весьма романтическое место для отдыха. Мечта новобрач-

ных. Ну, сами знаете все эти штучки. – Макаскин скорчил брезгливую гримасу, вдруг сообразив, что подобные речи пристали рекламному агенту, а не полицейскому, и поспешно закончил: – Она сделала там кое-какой ремонт, и, как я разузнал сегодня утром, Стинхерст привез своих людей в качестве «пробных» клиентов, чтобы дать сестре возможность отладить весь механизм обслуживания, прежде чем она по-настоящему откроет свое заведение.

– Что насчет жертвы, Джой Синклер? Есть у вас о ней какие-нибудь сведения?

Макаскин сложил руки и мрачно посетовал, что не смог вырвать побольше сведений у трупы в Уэстербрэ, а все потому, что ему приказали уехать.

– Да, сведений маловато. Автор пьесы, над которой они и приехали работать на эти выходные. Дама из числа литераторов, насколько я понял со слов Винни.

– Винни? Кто это?

– Газетчик Джереми Винни, театральный критик из «Таймс». Похоже, они с Синклер были хорошими друзьями. Больше всех потрясен, насколько могу судить. Хотя это странно, если задуматься.

– Почему?

– Потому что здесь находится и ее сестра. Но это Винни требовал, чтобы убийцу арестовали, тогда как Айрин Синклер абсолютно ничего не сказала. Даже не спросила, как убили ее сестру. Ее это не волновало, если вы спросите мое

мнение.

– И в самом деле, странно, – заметил Линли.

Сент-Джеймс пошевелился.

– Вы сказали, что была задействована еще одна комната?

Макаскин кивнул. Подойдя к столику у стены, он взял несколько папок и рулон бумаги. Когда он развернул его на столе, все увидели весьма точный поэтажный план дома. Он был проработан до мельчайших деталей, несмотря на то, что побывать в Уэстербрэ довелось очень недолго. Макаскин улыбнулся, и сам довольный своей работой. Прижав углы листа папками, он указал на правую сторону.

– Комната жертвы находится в восточной части дома. – Он открыл одну из папок, глянул на свои записи, затем продолжил: – С одной стороны к ней примыкает комната Джоанны Эллакорт и ее мужа... Дэвида Сайдема. С другой стороны живет молодая женщина... вот она. Леди Хелен Клайд. Это вторая комната, которую опечатали. – Он как раз вовремя поднял глаза, чтобы прочесть удивление на лицах всех трех лондонцев. – Вы знаете этих людей?

– Только леди Хелен Клайд. Она со мной работает – ответил Сент-Джеймс. Он посмотрел на Линли. — Ты знал, что Хелен поедет в Шотландию, Томми? А я-то думал, что она собиралась поехать с тобой в Корнуолл.

– Она упростила меня отпустить ее сюда вечером в прошлый понедельник, поэтому я поехал один. – Линли посмотрел на план, задумчиво проведя по нему пальцами. – Поче-

му опечатали комнату Хелен?

– Она соединяется с комнатой жертвы, – ответил Макаскин.

– Нам повезло, – улыбнулся Сент-Джеймс. – Где же еще могла поселиться наша Хелен! Конечно, по соседству с жертвой. Нам стоит немедленно с ней поговорить.

При этих словах Макаскин нахмурился и наклонился вперед, многозначительно вклинившись между двумя мужчинами, явно желая привлечь их внимание.

– Инспектор, – произнес он, – что касается леди Хелен Клайд... – Что-то в его голосе заставило его собеседников умолкнуть. Они украдкой переглянулись, когда Макаскин сурово добавил: – Что касается ее комнаты...

– А что с ее комнатой?

– Похоже, до жертвы добрались через нее.

В ту минуту, когда инспектор Макаскин выдал эту потрясающую информацию, Линли лихорадочно пытался понять, какого черта Хелен торчит со всеми этими актерами в Шотландии.

– Что заставляет вас так думать? – спросил он наконец, хотя его мозг все еще был занят последним разговором с Хелен, менее недели назад, в его библиотеке в Лондоне. Она тогда была в прелестнейшем шерстяном платье цвета нефрита, попробовала его новый испанский херес – как всегда весело смеясь и болтая, а потом поспешно ушла, чтобы встретиться с кем-то за ужином. *С кем?* Хотел бы он это знать. Она не

сказала. Он не спросил.

По лицу Макаскина он понял, что у того припасены кое-какие соображения и он просто ждет подходящего момента, чтобы предъявить их все разом.

– Потому что дверь, ведущая из комнаты жертвы в коридор, была заперта, – ответил Макаскин. – Когда Мэри Агнес безуспешно пыталась разбудить ее сегодня утром, ей пришлось воспользоваться запасным хозяйским ключом...

– Где они хранятся?

– В кабинете. – Макаскин указал на план. – Нижний этаж, северо-западное крыло. – Он продолжал: – Она отперла дверь и нашла тело.

– У кого есть доступ к дубликатам ключей? Есть еще комплект?

– Запасные только одни. Ими пользуются исключительно Франческа Джеррард и Мэри Агнес. Их держат запертыми в нижнем ящике стола миссис Джеррард. И только у нее и у этой девушки Кэмпбелл есть ключи от данного ящика.

– И больше ни у кого? – спросил Линли.

Макаскин задумчиво посмотрел на план, найдя взглядом нижний северо-западный коридор. Он был частью четырехугольника, возможно пристройкой к зданию, и отходил от большого холла почти у лестницы. Он указал на первую комнату в коридоре.

– Здесь живет Гоуван Килбрайд, – пробормотал он. – Он у них тут мастер на все руки. Он мог бы добраться до ключей,

если бы знал, что они там.

– А он знал?

– Вполне возможно. Я выяснил, что обязанности Гоувана в основном не связаны с апартаментами постояльцев, поэтому ему дубликаты ключей ни к чему. Но он мог знать о том, что «хозяйский» комплект ключей существует. Мэри Агнес могла сказать ему, где они лежат.

– Вы полагаете?

Макаскин пожал плечами:

– А почему нет? Они еще совсем юные. А молодые иногда довольно нелепым образом пытаются произвести друг на друга впечатление. Особенно если между ними существует симпатия.

– Что сказала Мэри Агнес, были ли хозяйские ключи на своем обычном месте сегодня утром? Их никто не трогал?

– По-видимому, нет, поскольку стол был заперт. Но на такие вещи девушки вряд ли обращают внимание. Она отперла стол, взяла в ящике ключ. Лежали они или нет на том самом месте, куда она их положила, она не знает, так как в последний раз просто бросила их в ящик не глядя.

Линли был восхищен: масса информации за столь короткое время! Он смотрел на Макаскина с растущим уважением.

– Все сюда приехавшие друг друга знают, так? Тогда почему была заперта дверь Джой Синклер?

– Из-за вчерашней свары, – подал голос из своего угла Ло-

нан.

– Свары? По какому поводу?

Макаскин бросил на констебля порицающий взгляд: его людям не пристало употреблять такие вульгарные словечки. Извиняющимся тоном он сказал:

– Это все, что нам пока удалось узнать сегодня утром у Гоувана Килбрайда – до того, как миссис Джеррард отослала его прочь, приказав дожидаться сотрудников Скотленд-Ярда. Только то, что произошла какая-то ссора, в которую оказались вовлечены все актеры. В разгар ее что-то там разбили и разлили в холле, какие-то напитки. Один из моих людей нашел в мусоре осколки фарфора и стекла. И еще уотерфордского хрусталя. Похоже, спор был жарким.

– И Хелен приняла в нем участие? – Сент-Джеймс не стал дожидаться ответа. – Томми, насколько хорошо она знает этих людей?

Линли медленно покачал головой:

– Я вообще не знал, что она их знает.

– Она тебе не сказала...

– Она отказалась ехать в Корнуолл, сославшись на то, что у нее другие планы, Сент-Джеймс. Она не сказала, что за планы. А я не спросил. – Линли поднял взгляд и увидел, как изменилось выражение лица Макаскина – внезапное движение глаз и губ, почти неуловимое. – Что такое?

Макаскин задумался, но всего на секунду, потом взял одну из папок и вытащил листок бумаги. Это был не отчет, а

сообщение, из тех, что содержат информацию с грифом «для внутреннего пользования», профессионалу от профессионала.

– Отпечатки пальцев, – пояснил он. – На ключе, которым запирали дверь, соединяющую комнату Хелен Клайд и убитой. – Словно понимая, что он балансирует на грани неподчинения своему начальству (главный констебль приказал все оставить Скотленд-Ярду) и оказания всей посильной помощи своему брату полицейскому, Макаскин добавил: – Буду признателен, если вы не станете упоминать мое имя в отчете, но как только мы поняли, что в комнату убитой проникли через дверь смежной комнаты, мы тайком принесли ключ сюда и сравнили отпечатки на нем с теми, что сняли со стаканов для воды в других комнатах.

– В других комнатах? – быстро спросил Линли. – Значит, отпечатки на ключе принадлежат не Хелен?

Макаскин покачал головой, потом нехотя произнес:

– Нет. Они принадлежат режиссеру постановки. Он валлиец, некто Рис Дэвис-Джонс.

Линли, немного подумав, заключил:

– Значит, Хелен и Дэвис-Джонс прошлой ночью обменялись комнатами.

Сидевшая напротив него сержант Хейверс скривилась, но на него не посмотрела, только зачем-то провела своим коротким пальцем по краю стола, не отводя глаз от Сент-Джеймса.

– Инспектор, – осторожно начала она, но Макаскин ее пе-

ребил:

– Нет. Согласно показаниям Мэри Агнес Кэмпбелл, в комнате Дэвис-Джонса вообще никто не ночевал.

– Тогда где же была Хелен... – Линли резко замолчал, чувствуя, как его охватывает дурное предчувствие, как предвестие болезни, уже проникшей в организм. – О, – произнес он и затем: – Простите, сам не знаю, что говорю.

Он внимательно принялся разглядывать поэтажный план и чуть погодя услышал, как сержант Хейверс бормочет какое-то ругательство. Она сунула руку в карман и вытащила шесть сигарет, которые взяла у него в фургоне. Одна сломалась, поэтому она выбросила ее в корзину и взяла другую.

– Покурите, сэр, – вздохнула она.

Одна сигарета, как обнаружил Линли, оказалась не слишком действенным успокаивающим. *У тебя нет никаких прав на Хелен, грубо одернул он себя. Всего лишь дружба, всего лишь приятное прошлое, всего лишь годы веселых шуточек и смеха. Ничего более.* Занятная собеседница, наперсница, подруга. Но никогда она не была его любовницей. Они оба были слишком осторожны, слишком не хотели этого, слишком опасались увлечься друг другом.

– Вы начали делать вскрытие? – спросил он Макаскина.

Ясно, что шотландец ждал этого вопроса с момента их приезда. С откровенно эффектным жестом, достойным эстрадного фокусника, он вынул из одной папки несколько экземпляров отчета и передал им, отметив наиболее су-

щественную информацию: жертву закололи кинжалом шотландских горцев длиной восемнадцать дюймов, который проткнул ей шею и перерезал сонную артерию. Она умерла от потери крови.

– Однако полного вскрытия мы не сделали, – с сожалением добавил Макаскин.

Линли повернулся к Сент-Джеймсу:

– Могла она закричать или застонать?

– Едва ли. Разве что тихо что-нибудь пробормотать. Ничего такого, что можно было бы услышать в другой комнате. – Он опустил взгляд на листок. – Вам удалось сделать тест на наркотики? – спросил он Макаскина.

– Страница три. Отрицательный, – тут же отчеканил инспектор. – Ничего похожего. Ни барбитуратов, ни амфетамина, ни токсинов.

– Вы установили время смерти между двумя и шестью часами?

– Это предварительно. Мы еще не исследовали ее кишечник. Но наш эксперт дал нам волокна из раны. Кожа и шерсть кролика.

– Убийца действовал в перчатках?

– Так мы предполагаем. Но их не нашли, а на основательные поиски у нас не было времени, мы ведь должны были вернуться сюда. Но могу точно сказать, что шерсть и кожа попали туда не с орудия убийства. На нем вообще ничего нет, кроме крови жертвы. Рукоятка протерта начисто.

Сержант Хейверс просмотрела свой экземпляр отчета и бросила его на стол.

– Восемнадцатидюймовый кинжал, – медленно произнесла она. – Где можно такой раздобыть?

– В Шотландии? – Макаскин, казалось, был поражен ее невежеством. – Да в любом доме. Были времена, когда ни один шотландец не выходил из дому без кинжала на боку. А в этом доме, – он указал на столовую на плане, – на стене висит целая коллекция. Рукоятки с ручной резьбой, концы как у рапир. Настоящие музейные экспонаты. Орудие убийства было взято оттуда.

– Согласно вашему плану, где спит Мэри Агнес?

– В комнате в северо-западном коридоре, между комнатой Гоувана и кабинетом миссис Джеррард.

Пока инспектор говорил, Сент-Джеймс делал заметки на полях отчета.

– А что насчет передвижений жертвы? – спросил он. – Такая рана не вызывает моментальной смерти. Есть ли какие-то свидетельства того, что она искала помощи?

Макаскин поджал губы и покачал головой:

– Этого не могло быть. Невозможно.

– Почему?

Макаскин открыл свою последнюю папку и вынул пачку фотографий.

– Нож пригвоздил ее к матрасу, – резко сказал он. – Боюсь, она не могла двинуться. – Он положил фотографии на

стол. Они были большие, восемь дюймов на десять, глянцевые, цветные. Линли стал их рассматривать.

Он привык к виду смерти. Он видел ее во всех мыслимых проявлениях за годы службы в Ярде. Но никогда еще не видел такого изуверства.

Убийца вогнал кинжал по самую рукоятку, словно ему было мало просто уничтожить Джой Синклер, словно его обурежала какая-то первобытная ярость. Она лежала с открытыми глазами, но их цвет изменился и потускнел, а взгляд стал застывшим и мертвым. Интересно, как долго она прожила после того, как кинжал вонзился ей в горло? И поняла ли она вообще, что с ней случилось – в момент, когда убийца ударил ее кинжалом? Сразу ли ее охватило благословенное забытие или она лежала, беспомощная, ожидая и беспомысленно, и смерти?

Это было чудовищное преступление, о чем свидетельствовал и этот пропитавшийся кровью матрас, и эта судорожно протянутая рука, молящая о помощи, которая так и не пришла, и эти раскрытые в безмолвном призыве губы... Нет преступления отвратительней убийства, думал Линли. Оно заражает, оно пачкает, и ни один человек, который соприкасался с ним – не важно, насколько близко, – никогда не будет прежним.

Он передал фотографии Сент-Джеймсу и посмотрел на Макаскина.

– А теперь, – сказал он, – не пора ли нам обсудить эту ин-

тригующую тайну: что случилось в Уэстербрэ между шестью пятьюдесятью, когда Мэри Агнес Кэмпбелл нашла тело, и семьюдесятью, когда кто-то наконец удосужился позвонить в полицию?

3

За дорогой, ведущей в Уэстербрэ, следили плохо. Даже летом довольно сложно было преодолевать все эти резкие повороты, колдобины, крутые подъемы к поросшим вереском пустошам и стремительные спуски в долины. Зимой же путешествие по ней превращалось в настоящий ад. И хотя за рулем «лендровера» Департамента уголовного розыска Стрэтклайда сидел констебль Лонан, привычный к подобным испытаниям, до дома они добрались только к сумеркам, вынырнув наконец из леса и юзом пролетев последний обледенелый поворот, что заставило Лонана и Макаскина хором выругаться. Последние сорок ярдов констебль вынужден был тащиться на малой скорости, после чего с нескрываемым облегчением выключил зажигание.

Перед ними, как некий готический кошмар, возвышалось на фоне окружающего пейзажа здание, совершенно не освещенное и ужасающе тихое. Построенное целиком из серого гранита в стиле охотничьего дома довикторианской эпохи, оно распростерло флигели, ошетинилось трубами и сумело принять угрожающий вид, несмотря на снег, который, как свежевзбитые сливки, лежал на его крыше. У него были своеобразные фронтоны из сложенных уступами более мелких гранитных блоков. Позади одного из них маячил странноватый придаток – крытая шифером башня, своеобразный

контрфорс двух флигелей дома. Глубокие окна башни были ничем не закрыты и не освещены. Парадную дверь предвв-рял портик с белыми дорическими колоннами, и ползучие ветви голой сейчас виноградной лозы предпринимали героическое усилие, чтобы взобраться по нему на крышу.

В целом это сооружение соединяло в себе причуды трех архитектурных стилей и по меньшей мере стольких же культур. Вспомнив реплику Макаскина, Линли подумал, что на романтическое местечко для новобрачных этот дом явно не тянет.

На подъездной дорожке, на которой они поставили машину, образовалась отличная колея, проторенная явно не одним, а несколькими автомобилями, успевшими наведаться сюда в течение дня. Но в этот час Уэстербрэ вполне мог пу-стовать. По крайней мере, окружавший его снег – на лужайке и дальше по склону, ведущему к озеру, – был чист и нетро-нут.

Мгновение никто не шевелился. Затем Макаскин, бросив через плечо взгляд на своих пассажиров, распахнул дверцу, и на них дохнул пронизывающий ледяной ветер. Они неохот-но выбрались наружу.

Совсем неподалеку этот же противный ветер порывами гнал воду от берега, неумолимо напоминая о том, как далеко на севере расположены Лох-Ахиемор и Уэстербрэ. Он дул со стороны Арктики, заставляя коченеть, покусывая щеки и покалывая легкие, неся с собой запах соседних сосняков и

слабый мускусный аромат горящего торфа, которым в местных краях топили камины. Зябко поеживаясь, все торопливо пересекли дорожку. Макаскин постучал в дверь.

Утром он оставил здесь двух своих людей, и в дом их выпустил один из них – веснушчатый констебль, здоровяк с огромными ручищами, форма на котором чуть ли не трещала по швам. Держа поднос, полный тех несытных сэндвичей, что обычно украшают блюда во время чаепития, он с жадностью жевал и был похож сейчас на переростка-беспризорника, который много дней ничего не ел и, возможно, еще очень не скоро получит какую-то еду. Он пригласил их в большой холл и, судорожно глотая, со стуком захлопнул за ними дверь.

– Кьюик прибыл тридцать минут назад, – поспешно объяснил он Макаскину, который, поджав губы, с неодобрением смотрел на него. – Я просто нес это им. Кажись, они уже больше не могут без еды.

Суровый взгляд Макаскина заставил констебля умолкнуть. От растерянности на щеках у него проступили пятна, он виновато переминался с ноги на ногу, не зная, что ему делать, как оправдаться перед начальством.

– Где они? – спросил Линли, охватывая взглядом холл и отметив ручной работы панели и огромную, не горевшую люстру. Не прикрытый ковром пол был недавно отполирован, но его уже успели испортить огромным пятном, сползшим, как патока, к одной из стен. Все двери, ведущие из хол-

ла, были закрыты, и единственный источник света находился на стойке портье, расположенной под лестницей. По-видимому констебль нес свою вахту именно здесь, поскольку на стойке теснились чашки и громоздились журналы.

– В библиотеке, – ответил Макаскин. Он с подозрением стрельнул глазами в сторону своего подчиненного, словно его любезная заботливость об оголодавших подозреваемых могла этим не ограничиться, могла привести к другим проявлениям любезности, о которых потом пришлось бы пожалеть. – Они там с тех пор, как мы утром уехали, Юан?

Молодой констебль ухмыльнулся.

– Ага. Только быстренько водили их в туалет. Две минуты, дверь не запирать, я или Уильям снаружи. – Когда Макаскин повел остальных через холл, он продолжал: – Одна все еще ярится, инспектор. Наверно, не привыкла целый день сидеть в ночной рубахе.

Вскоре Линли обнаружил, что констебль предельно точно описал состояние леди Хелен Клайд. Когда инспектор Макаскин отпер и распахнул дверь в библиотеку, она вскочила первой, и что бы там ни кипело у нее внутри, оно грозило выплеснуться наружу, пробив броню самообладания.

Она сделала три шага вперед, ее шлепанцы беззвучно ступали по тому, что выглядело – но никак не могло быть – обюссонским ковром.

– А теперь послушайте меня. Я решительно *настаиваю*... — Ее слова были полны пылкого гнева, но они замерли – она

онемела от удивления при виде вновь прибывших.

Линли знал, что встреча с леди Хелен не оставит его равнодушным, но никак не ожидал от себя нежности. И тем не менее именно это чувство с неожиданной стремительностью охватило его. Хелен выглядела такой жалкой. В шлепанцах и мужском пальто поверх ночной рубашки. Рукава она загнула, но ни с длиной, ни с широкими плечами ничего нельзя было сделать, и поэтому оно висело на ней мешком, доставая до самых щиколоток. Ее обычно гладко зачесанные каштановые волосы были растрепаны, никакой косметики, и в полумраке комнаты она казалась одним из мальчишек Феджина⁷ – двенадцатилетних и отчаянно нуждавшихся в спасении.

В голове Линли промелькнуло, что, вероятно, он впервые видит Хелен, не знающую что сказать, и сухо промолвил:

– Ты всегда знала, как одеться в соответствии с обстоятельствами.

– Томми, – отозвалась леди Хелен. Ее ладонь поднялась к волосам жестом, рожденным скорее замешательством, чем неловкостью. Она бессмысленно добавила: – Ты не в Корнуолле.

– Действительно, я не в Корнуолле.

Этот короткий обмен репликами вдохновил затворников на энергичные действия. Они были рассредоточены по всей комнате: кто у камина, кто у бара, кто на стульях у застек-

⁷ В романе Ч. Диккенса «Оливер Твист» (1837 – 1838) Феджин – старик, руководящий шайкой юных воришек.

ленных книжных шкафов. Но теперь все, как один, вскочили и ударились в крик. Голоса понеслись со всех сторон, никто не ждал ответов, просто люди стремились дать выход гневу. Мгновенно начался крошечный ад.

– Мой адвокат узнает...

– Нас держат под замком...

– ... никогда не встречала более безобразного обращения!

– Мы как будто живем в цивилизованном...

– ... и не удивляюсь, что эта страна катится в тартарары!

Словно не слыша их, Линли переводил взгляд с одного человека на другого, потом быстро осмотрел комнату. Тяжелые розовые шторы были задернуты, и горели всего две лампы, но света вполне хватало, чтобы изучить эту компанию, продолжавшую громко галдеть, на требования которой он по-прежнему не обращал внимания.

Он узнал главных участников этой драмы в основном потому, что они составляли окружение самой притягательной и яркой особы в этой комнате – Джоанны Эллакорт. Знаменитая актриса стояла у бара, прекрасная и холодная блондинка, ее белый свитер из ангоры и белые же шерстяные брюки, казалось, подчеркивали то ледяное презрение, с которым она встретила приехавшую полицию. Словно готовый исполнить любое ее повеление, рядом с Джоанной стоял дюжий мужчина постарше – глаза с тяжелыми веками, жесткие седеющие волосы, – без сомнения, ее муж Дэвид Сайдем. По другую сторону от Джоанны, всего в двух шагах, ее партнер по

будущему спектаклю – он резко вернулся к своему бокалу, который как раз наливал. Роберт Гэбриэл либо не интересовался прибывшими, либо просто решил основательно подкрепиться для схватки. А перед Гэбриэлом, быстро поднявшись с дивана, воздвигся Стюарт Ринтул, лорд Стинхерст. Он внимательно разглядывал Линли, словно собираясь попробовать его в какой-то из своих будущих постановок.

О том, кто были остальные присутствующие, Линли мог пока только догадываться. Две пожилые женщины у камина – скорей всего жена лорда Стинхерста и его сестра Франческа Джеррард; мужчина за тридцать, низенький толстячок со злой физиономией, куривший трубку, в довольно новом твидовом костюме, надо полагать, это журналист Джереми Винни; вместе с ним на канапе сидела на удивление плохо одетая, непривлекательная женщина – типичная старая дева, – смутное сходство с лордом Стинхерстом, а особенно исключительная долговязость указывали на то, что это его дочь; двое юнцов, работающих в гостинице, сидели рядышком в самом дальнем углу комнаты; и в низком кресле, почти скрытая тенью, черноволосая женщина, которая подняла поникшую голову при появлении Линли – ввалившиеся щеки, затравленный взгляд темных глаз, в которых угадывалась скрытая страсть, удерживаемая в жестокой узде. Айрин Синклер, догадался Линли, сестра жертвы.

Но никто из них не интересовал Линли, и он еще раз обвел всех взглядом, пока не нашел режиссера пьесы. Он узнал

его по оливковой коже, по черным волосам и по темным валлийским глазам. Рис Дэвис-Джонс стоял рядом со стулом, с которого только что вскочила леди Хелен. Он тоже двинулся вслед за ней, словно не хотел допустить, чтобы она сражалась с полицией в одиночку. Однако он остановился, когда ему, как и всем остальным, стало ясно, что прибывший полицейский – знакомый леди Хелен Клайд.

Через все пространство комнаты и как бы сквозь призму непримиримых различий, обусловленных извечным конфликтом их культур, Линли смотрел на Дэвис-Джонса, чувствуя, как его охватывает жестокая антипатия, почти физическое страдание. Любовник Хелен, подумал он, и еще раз яростно это повторил, чтобы осмыслить мрачную непреложность факта: это любовник Хелен.

Вот уж кто совсем не годился на эту роль. Валлиец был лет на десять старше Хелен, а то и больше. С кудрявыми волосами, слегка тронутыми сединой на висках, с худым обветренным лицом, он был гибким и крепким, как его предки кельты. И так же, как они, он был довольно низкорослым и далеко не красавцем. Черты его лица были резкими и мало-выразительными. Но Линли не мог не признать, что в этом человеке чувствовались ум и внутренняя сила, качества, которые Хелен ставила выше всех остальных.

– Сержант Хейверс, – резко крикнул Линли, пресекая негодующие реплики, – проведите леди Хелен в ее комнату и позвольте ей одеться! Где ключи?

Вперед выступила юная девушка с широко распахнутыми глазами и бледным лицом. Мэри Агнес Кэмпбелл, обнаружившая тело. Она протянула серебряный поднос, на который кто-то сложил все гостиничные ключи, руки у нее дрожали, поэтому поднос слегка подрагивал. Взгляд Линли с ключей снова переместился на собравшихся.

– Я запер все комнаты и собрал ключи сразу же после того, как она... как тело было обнаружено сегодня утром, – объяснил лорд Стинхерст и снова сел на свое место у камина, на диван, где сидела одна из пожилых женщин. Ее ладонь ощупью нашла его руку, и их пальцы переплелись. – Я не знаю точно, как положено действовать в подобных случаях, – добавил Стинхерст, – но мне показалось, что это самое разумное.

Увидев, что Линли не собирается выказывать ни малейшей признательности, Макаскин решил вступить за Стинхерста:

– Сегодня утром, когда мы приехали, все находились в салоне. Его светлость оказал нам услугу, заперев всех там.

– Как это любезно со стороны лорда Стинхерста. – Это сержант Хейверс заговорила тоном настолько вежливым, что в нем звучали стальные нотки.

– Найди свой ключ, Хелен, – сказал Линли. Она все это время не сводила с него глаз. Он и сейчас чувствовал на себе ее взгляд, теплый, как ласковое прикосновение. – Остальным придется еще немного потерпеть все эти неудобства.

Это заявление было встречено новой бурей протестов, леди Хелен хотела было что-то ответить, но Джоанна Эллакорт ловко переключила внимание на себя, направившись через комнату к Линли. Неяркое освещение было очень для нее выигрышным, а Джоанна – женщиной, которая умеет воспользоваться моментом. Длинные, распущенные волосы переливались на ее плечах точно шелк, освещенный солнцем.

– Инспектор, – промурлыкала она, грациозным жестом указывая на дверь, – я знаю, что могу просить вас... не сочтите это слишком большой вольностью. Я буду крайне признательна, если мне позволят побыть несколько минут одной. Где угодно. Не здесь. Например, в моей комнате, но если это невозможно, в любой другой. Все равно где. Лишь бы там был хотя бы стул, чтобы можно было сесть и еще раз подумать и собраться с мыслями. Я прошу пять минут, не больше. Если вы окажетесь настолько добры, что устроите это для меня, я буду считать себя вашей должницей. Когда этот жуткий день останется позади.

Ее выступление было очаровательно, Бланш Дюбуа⁸ в Шотландии.

Но у Линли не было намерения играть роль джентльмена из Далласа.

– Прошу простить, но, видимо, вам придется положиться на доброту каких-нибудь других незнакомцев, не на мою. –

⁸ Бланш Дюбуа – действующее лицо пьесы американского драматурга и прозаика Т. Уильямса "Трамвай «Желание»" (1947).

И повторил: – Найди свой ключ, Хелен.

Леди Хелен сделала хорошо знакомый ему жест – с него она всегда начинала разговор. Линли отвернулся.

– Мы будем в комнате Синклер, – сказал он Хейверс. – Дайте мне знать, когда она оденется. Констебль Лонан, проследите, чтобы все остальные пока оставались здесь.

Снова раздался хор злобных голосов. Линли, не оборачиваясь, вышел из комнаты. Сент-Джеймс и Макаскин последовали за ним.

Оставшись наедине с этой кучкой снобов, таких нетипичных в сравнении с обычными подозреваемыми в делах об убийстве, Барбара Хейверс страшно обрадовалась шансу присмотреться получше к потенциальным обвиняемым. У нее было на это время, пока леди Хелен вернулась к Рису Дэвис-Джонсу, чтобы тихо обменяться с ним несколькими словами, заглушёнными громкими протестами и проклятьями, которыми проводили Линли.

Ничего себе сборище, решила Барбара. Шикарно, просто божественно одетые. За исключением леди Хелен, все они могли послужить примером того, как надо одеться на случай убийства. И как вести себя по приезде полиции: справедливое негодование, звонки адвокатам, злобные замечания. Пока что они оправдывали все ее ожидания. Вне всякого сомнения, каждый из них мог в любой момент упомянуть о дружбе с членом парламента, о близости с миссис Тэтчер или припомнить какого-нибудь знаменитого предка. Все они тут

один другого стоили, надувшиеся от важности, видите ли, сливки общества.

Все, кроме вон той женщины с худым лицом и крупным телом, так неловко сжавшимся на краешке канапе, ибо она постаралась сесть как можно дальше от своего соседа. Элизабет Ринтул, подумала Барбара. *Леди* Элизабет Ринтул, если быть точной. Единственная дочь лорда Стинхерста.

Она вела себя так, будто сидевший рядом с ней мужчина был болен какой-то опасной и заразной болезнью. Вся напрягшись, она придерживала у горла ворот темно-синего кардигана, плотно притиснув к бокам локти. Ее ноги в простых черных туфлях без каблука, которые, как правило, называют практичными основательно стояли на полу. Они, как две темные лужицы нефти, выступали вперед из-под уныло-черной фланелевой юбки, к которой прилипло множество каких-то ниточек и пушинок. Она не участвовала в бурных обсуждениях, кипевших вокруг. Но что-то в ее осанке говорило, что она едва сдерживается и в любой момент может сорваться.

– Элизабет, дорогая, – пробормотала сидевшая напротив нее женщина. На лице ее застыла многозначительная, вкрадчивая улыбка, из тех, что предназначены непослушному ребенку, который плохо ведет себя в присутствии посторонних. Мамочка, догадалась Барбара, сама леди Стинхерст. Бежевый комплект – кардиган и джемпер, бусы из янтаря, лодыжки аккуратно скрещены, а руки сложены на коленях. –

Может быть, мистеру Винни нужно принести чего-нибудь освежающего?

Тусклый взгляд Элизабет Ринтул переместился на мать.

– Может быть, – отозвалась она, нарочито дерзким и раздраженным тоном.

Бросив умоляющий взгляд на мужа, словно прося у него поддержки, леди Стинхерст продолжала настаивать. У нее был мягкий, неуверенный голос – такой бывает у старых дев, не привыкших разговаривать с детьми. Она нервозно подняла руку к волосам, умело выкрашенным и уложенным в прическу, призванную противостоять неотвратимо надвигающейся старости.

– Видишь ли, дорогая, мы сидим здесь уже так давно, и, по-моему, мистер Винни ничего не пил с половины третьего.

Это был уже не просто намек. Это был четкий приказ. Бар находился в другом конце помещения, и Элизабет велели обслужить мистера Винни, будто она юная дебютантка, а он – ее первый в жизни кавалер. Указания были достаточно ясными. Но Элизабет не собиралась им следовать. На ее лице отразилось презрение, и она вперила взгляд в лежавший у нее на коленях журнал. И это после того, как с ее губ сорвался отнюдь не подобающий леди ответ, всего одно слово! Ее мать явно все сразу поняла.

Барбара слушала их с чувством некоторого изумления. Леди Элизабет на вид было хорошо за тридцать, вероятно, даже ближе к сорока. Ей вряд ли требовались мамочкины

советы по части мужского пола. Но мамочка так не считала. Более того, несмотря на неприкрытую враждебность Элизабет, леди Стинхерст едва заметно подтолкнула Элизабет в направлении мистера Винни.

Похоже, Джереми Винни и сам не жаждал добиться расположения Элизабет. Он всячески старался не обращать внимания на этот разговор. Он сосредоточенно чистил свою трубку какой-то железякой и беззастенчиво подслушивал, что говорит в другом конце комнаты Джоанна Эллакорт. Она была рассержена и совершенно этого не скрывала.

– Она из нас из всех сделала дураков, разве не так? Какая радость для нее! Как весело – до безумия! – Актриса бросила уничтожающий взгляд на Айрин Синклер, которая по-прежнему сидела в стороне от остальных, словно смерть сестры каким-то образом сделала ее присутствие нежелательным. – И кому, *по-твоему*, выгодны изменения, сделанные в сценарии вчера вечером? Мне? Да ничего подобного! Учти, Дэвид, я этого не потерплю. Я не потерплю этого, черт побери.

– Ничего еще не решено, Джо, – попытался успокоить ее Дэвид Сайдем. – Не решено окончательно. Раз она изменила сценарий, твой контракт вполне можно считать недействительным.

– Тебе кажется, что контракт недействителен. Но ведь у тебя его нет, не так ли? Мы ведь не можем заглянуть в него? Ты не знаешь, действителен ли он вообще. И ты ждешь, что я тебе поверю? Положусь на слово после всего, что случилось?

Что мелкие изменения в характере образа достаточны, чтобы контракт стал недействительным? Прости, но мне что-то не верится. Мне просто смешно. И за это тоже прости. И налей мне еще джину. Сейчас же.

Ни слова не говоря, Сайдем мотнул головой в сторону Роберта Гэбриэла, который подтолкнул в его сторону бутылку «Бифитера», опустошенную уже на две трети. Сайдем налил жене и вернул бутылку Гэбриэлу. Тот схватил ее и срывающимся от смеха голосом пробормотал:

– «Хватаю – И нет тебя. Рука пуста. И все ж Глазами не перестаю я видеть Тебя, хотя не ощутил рукой»⁹. – Гэбриэл искоса глянул на Джоанну и налил себе еще. – Сладостные воспоминания о выступлениях в провинции, Джо, любовь моя. Это было наше первое? Хм, нет, возможно, нет. – В его устах это прозвучало как воспоминание о сексуальных утехах, а не о постановке «Макбета».

Пятнадцать лет назад школьные подруги Барбары все, как одна, просто умирали от питер-пэновской красоты Габриэла, но ей он никогда не казался привлекательным. Как, кстати сказать, и Джоанне Эллакорт: та в ответ одарила его улыбкой, которая таила в себе острое жало – по другому поводу.

– Дорогой, – ответила она, – разве я могу *когда-нибудь* забыть? Ты пропустил десять строк в середине второго акта, и я тащила тебя до конца. По правде говоря, последние семнадцать лет я ждала, когда «вода этих морских пучин от

⁹ У. Шекспир. «Макбет», акт II, сц. 1; перев. Б. Пастернака.

крови покраснеет»¹⁰.

Гэбриэл фыркнул.

– Сука из Уэст-энда¹¹, – объявил он. – Умеет же сформулировать.

– Ты пьян.

Что, конечно, походило на правду. И словно в ответ на это обвинение, Франческа Джеррард неловко поднялась с дивана, на котором сидела вместе с братом, лордом Стинхерстом. Видимо, она хотела взять ситуацию под контроль, сохранить статус хозяйки гостиницы, пусть даже рискуя выставить себя в смешном виде. Она повернулась к Барбаре.

– Если бы мы могли выпить кофе... – Ее рука взметнулась к низкам разноцветных бус, которые она носила на груди как кольчугу. Прикосновение к ним, казалось, придало ей мужества. Она снова заговорила, на этот раз более властно: – Мы бы хотели выпить кофе. Не могли бы вы это организовать? – Когда же Барбара не ответила, она повернулась к лорду Стинхерсту. – Стюарт...

Он заговорил:

– Я был бы очень признателен, если бы вы это устроили, – сказал он Барбаре. – Кое-кому из присутствующих хочется протрезветь.

Барбара с удовольствием подумала о том, сколько у нее еще будет возможностей поставить графа на место.

¹⁰ Отсылка к реплике Макбета; акт II, сц. 2.

¹¹ Уэст-энд – западная, фешенебельная часть Лондона.

– Прошу прощения, – резко ответила она, оборачиваясь к леди Хелен. – Если вы сейчас пойдете со мной, полагаю, инспектор захочет побеседовать с вами с первой.

Леди Хелен Клайд чувствовала некоторую вялость, шагая к двери библиотеки. Она решила, что это из-за голода, ведь они почти ничего сегодня не ели, и вообще этот бесконечный и кошмарный день, страшный дискомфорт оттого, что на тебе только ночная рубашка, и многочасовое сидение в этой комнате, где холод пробирает до костей и откуда нельзя отлучиться. Добравшись до двери, она запахнула на себе пальто – стараясь изобразить этакую небрежность – и вышла в холл.

Сержант Хейверс неприкаянно следовала сзади.

– Ты хорошо себя чувствуешь, Хелен?

Леди Хелен благодарно повернулась к Сент-Джеймсу – он ждал ее за дверью. Линли и Макаскин уже поднялись наверх.

Она пригладила волосы ладонью, пытаясь привести их в порядок, но, поняв, что это невозможно, огорченно улыбнулась.

– Можешь ли ты хотя бы представить себе, каково торчать целый день в комнате, полной индивидов, которые привыкли лицедействовать? – спросила она Сент-Джеймса. – С половины седьмого утра мы прошлись по всему диапазону. От гнева до истерики, от скорби до паранойи. Честно говоря, к полудню я готова была душу продать за один из пистолетов

Гедды Габлер¹². – Зябко поевжившись, она стянула у горла ворот пальто. – Но я чувствую себя прекрасно. По крайней мере мне так кажется. – Она посмотрела на лестницу, затем снова на Сент-Джеймса. – Что такое с Томми?

Шедшая сзади сержант Хейверс вдруг резко передернулась, но леди Хелен не могла этого видеть. Сент-Джеймс, заметила она, не спешил с ответом: он сосредоточенно отряхивал штанину, на которой не видно было никакой грязи. Подняв, наконец, голову, он в свою очередь спросил:

– А что вообще, Хелен, ты тут делаешь?

Она оглянулась на закрытую дверь библиотеки.

– Меня пригласил Рис. Лорд Стинхерст поручил ему поставить спектакль для открытия театра «Азенкур», и в эти выходные должен был состояться прогон... что-то вроде предварительного чтения сценария.

– Рис? – повторил Сент-Джеймс.

– Рис Дэвис-Джонс. Ты не помнишь его? Моя сестра встречалась с ним. Несколько лет назад. До того как он... – Леди Хелен принялась яростно крутить пуговицу у воротника пальто, не зная, стоит ли продолжать, но потом решилась: – Последние два года он работал в провинциальном театре. Новый спектакль должен был стать его первой лондонской постановкой со времен... шекспировской «Бури». Четыре года назад. Мы были там. Ты наверняка помнишь. – Она видела, что помнит.

¹² Гедда Габлер – героиня одноименной пьесы Г.Ибсена(1890).

– Господи, – с некоторым благоговением произнес Сент-Джеймс. – Это был Дэвис-Джонс? Я совершенно забыл.

Леди Хелен не очень-то ему поверила, подобное не забывается: тот жуткий вечер в театре, когда Рис Дэвис-Джонс, режиссер, сам вырвался на сцену, и все поняли, что он находится на грани белой горячки. В погоне за демонами, видимыми только ему, он расталкивал актеров и актрис, прилюдно круша собственную карьеру. У нее перед глазами стояла та сцена, общее смятение, мучительный позор, который он навлек на себя и других. Потому что это случилось во время монолога в четвертом акте, когда его пьяное безумие оборвало прелестную речь, в одно мгновение уничтожив его прошлое и будущее, не оставив камня на камне от бывшего благополучия.

– После этого он провел в больнице четыре месяца. Сейчас он вполне... поправился. Я столкнулась с ним на Бромптон-роуд в начале этого месяца. Мы поужинали и... ну, с тех пор часто виделись.

– Должно быть, он действительно вылечился, раз работает на Стинхерста, Эллакорт и Гэбриэла. Высокие сферы для...

– Человека с его репутацией? – Леди Хелен, нахмурясь, посмотрела в пол, осторожно касаясь своей обувью в шлепанец ногой одного из колышков, которые скрепляли дерево. – Полагаю, да. Но Джой Синклер была его кузиной. Они очень дружили, и мне кажется, она воспользовалась возможностью дать ему второй шанс в лондонском театре. Именно ее ста-

раниями лорд Стинхерст подписал с Рисом этот контракт.

– Она имела влияние на Стинхерста?

– У меня создалось впечатление, что Джой имела влияние на всех.

– То есть?

Леди Хелен колебалась. Она была не из тех женщин, которым ничего не стоит очернить других, даже при расследовании убийства. Ей было трудно нарушить свои принципы, даже ради Сент-Джеймса, человека, которому она безоговорочно доверяла и который ждал ее ответа. Метнув быстрый взгляд в сторону сержанта Хейверс, она словно попыталась определить степень ее благоразумия. Потом неохотно сказала:

– Очевидно, в прошлом году у нее был роман с Робертом Гэбриэлом, Саймон. Как раз вчера между ними разгорелся грандиозный скандал по этому поводу. Гэбриэл хотел, чтобы Джой сказала его бывшей жене, что он спал с ней только один раз. Джой отказалась. Она... в общем, ссора грозила обернуться дракой. Но слава богу, в комнату Джой ворвался Рис и разнял их.

Сент-Джеймс изумленно поднял брови.

– Не понимаю. Джой Синклер знала жену Роберта Гэбриэла? И даже знала, что он был женат?

– Конечно, – ответила леди Хелен. – Роберт Гэбриэл девятнадцать лет состоял в браке с Айрин Синклер. Сестрой Джой.

Инспектор Макаскин отпер дверь и впустил Линли и Сент-Джеймса в комнату Джой Синклер. Щелкнул выключателем на стене, и два вспыхнувших изогнутых бронзовых светильника явили глазам вошедших картину, полную противоречий и контрастов. Линли подумал, что столь красивую комнату обычно предоставляют исполнительнице главной роли, а не автору. Дорогие зеленые с желтым обои, викторианская кровать с пологом, комод, платяной шкаф и стулья – девятнадцатого века. Уютный чуть поблекший эксминстерский ковер покрывал дубовый пол, и половицы заскрипели от старости, когда они прошли по ним.

И наряду со всей этой роскошью – приметы варварского убийства, а в холодном воздухе ощущался запах крови и распада. Первой бросалась в глаза кровать с заскорузлым от крови сбившимся бельем и единственной прорехой – красноречивое свидетельство того, как умерла эта женщина. Натянув резиновые перчатки, вошедшие с почтением приблизились к кровати: Линли – окинув быстрым взглядом комнату, Макаскин – пряча в карман запасной ключ Франчески Джеррард, а Сент-Джеймс – пристально вглядываясь в каждый дюйм этого ужасающего катафалка, словно это могло раскрыть личность виновного.

Пока Линли и Макаскин молча смотрели, Сент-Джеймс вынул из кармана маленькую рулетку и, наклонившись над кроватью, тщательно обмерил уродливый разрез. Матрас

был необычным, набитым шерстью на манер подушек. Такая набивка очень удобна, потому что чуть-чуть проминается под вашей тяжестью, повторяя контуры тела. Было у этого материала и еще одно замечательное свойство – он плотно обхватил вонзившееся в него орудие убийства, безошибочно воспроизводя направление удара.

– Один удар, – бросил через плечо Сент-Джеймс. – Правой рукой, нанесен с левой стороны кровати.

– Это могла сделать женщина? – коротко спросил инспектор Макаскин.

– Если кинжал был достаточно острым, – ответил Сент-Джеймс, – то да: чтобы проткнуть женскую шею, большой силы не потребовалось бы. – Вид у него был задумчивым. – Но почему-то невозможно представить, чтобы такое преступление совершила женщина... Интересно, почему?

Взгляд Макаскина остановился на огромном пятне на матрасе, которое еще не высохло.

– Острый, да. Чертовски острый, – мрачно проговорил он. – Убийца был забрызган кровью?

– Не обязательно. У него могла остаться кровь на правой руке, но если он действовал быстро и прикрывался простыней, то мог отделаться всего пятнышком-двумя. А их, если он действовал хладнокровно, можно было легко стереть одной из простыней, и следы крови на простыне все равно затем скрыла бы кровь, вытекшая из раны.

– А его одежда?

Сент-Джеймс осмотрел две подушки, положил их на стул и снял с матраса нижнюю простыню, сворачивая ее дюйм за дюймом.

– Не факт, что на убийце вообще была одежда, – заметил он. – Гораздо легче управиться со всем этим нагишом. Затем он, или она, мог вернуться в свою свою комнату – Макаскин кивнул, соглашаясь, – и смыть кровь водой с мылом. Если она вообще на нем была.

– Это же очень рискованно? – спросил Макаскин. – Не говоря уже о жутком холоде.

Сент-Джеймс молчал, сравнивая дыру в простыне с дырой в матрасе.

– Само преступление было очень рискованным. Джой Синклер могла в любой момент проснуться и закричать, как баньши¹³.

– Если она вообще спала, – заметил Линли. Он подошел к туалетному столику у окна. Его поверхность была завалена разными женскими штучками: тушь, помада, щетки для волос, фен, бумажные салфетки, пять серебряных браслетов и две низки цветных бус. Золотая серьга-кольцо лежала на полу. – Сент-Джеймс, – спросил Линли, не сводя глаз со стола, – когда вы с Деборой приезжаете в гостиницу, вы запираете дверь?

¹³ Баньши – привидение-плакальщица в шотландском и ирландском фольклоре; опекает какую-либо семью и предвещает душераздирающими воплями смерть кого-либо из ее членов.

– Сразу, – с улыбкой ответил он. – Но полагаю, это оттого, что мы живем в одном доме с тестем. Поэтому, оказавшись на несколько дней вдали от него, мы превращаемся в безнадежных распутников, каюсь, каюсь. А что?

– Где ты оставляешь ключ?

Сент-Джеймс перевел взгляд с Линли на дверь.

– Обычно в двери.

– Да. – Линли взял с туалетного столика ключ, держа его за металлическое кольцо, на котором имелась пластмассовая карточка с номером комнаты. – Как все или почти все люди. Тогда почему, по-твоему, Джой Синклер, заперев дверь, положила ключ на туалетный столик?

– Но ведь вчера вечером произошла ссора, верно? Не без ее участия. Возможно, она пребывала в рассеянности или в расстроенных чувствах, когда вошла сюда. Может, она заперла дверь и в порыве раздражения бросила ключ туда.

– Возможно. Но не исключено, что вовсе не она заперла дверь. Возможно, она пришла сюда не одна, а с кем-то, кто и закрыл дверь, пока она ждала в постели. – Линли заметил, что инспектор Макаскин непроизвольно потянул себя за губу. Он обратился к нему: – Вы не согласны?

Макаскин пожевал кончик большого пальца, но, опомнившись, с отвращением опустил руку, словно она подобралась ко рту помимо его воли.

– Насчет того, что с ней кто-то был, – сказал он, – нет, едва ли.

Линли бросил ключ назад на туалетный столик и, подойдя к шкафу, открыл дверцы. Там царил беспорядок; туфли были заброшены к стенке; на дне шкафа лежали скомканные синие джинсы; чемодан зиял полураскрытым нутром, демонстрируя чулки и бюстгалтеры.

Линли просмотрел все до мелочей и повернулся к Макаскину.

– Почему едва ли? – спросил он, между тем как Сент-Джеймс принялся за комод.

– Судя по тому, что было на ней надето, – объяснил Макаскин. – На фотографиях видно не так много, но куртка от мужской пижамы вышла четко.

– Вот именно, от мужской.

– Вы думаете, что на ней куртка от пижамы того, кто пришел вместе с ней? Я не согласен.

– Почему? – Линли закрыл дверцу шкафа и прислонился к ней, глядя на Макаскина.

– Будем реалистами, – начал Макаскин с уверенностью докладчика, который хорошенько обдумал свое выступление загодя, – разве мужчина, задумавший соблазнить женщину, явится к ней в своей самой старой пижаме? Куртка совсем ветхая, много раз стиранная, выношенная на локтях до дыр. Да ей по меньшей мере лет шесть. Если не больше. Ну кто такую напялит, и уж тем более оставит ее на память женщине, так сказать, после ночи любви.

– В вашем описании, – задумчиво произнес Линли, – она

больше смахивает на дорогой сердцу талисман, а?

– И в самом деле. – Согласие Линли подвигло Макаскина на дальнейшие рассуждения по поводу пижамы. Он заметался по комнате, для пущей убедительности размахивая руками. – Возможно, это ее собственная пижама, а не какого-то мужчины. Неужто она стала бы принимать любовника в таком виде? Наверяд ли.

– Согласен, – сказал Сент-Джеймс от комода. – И, учитывая, что у нас нет ни одного существенного доказательства сопротивления жертвы, приходится заключить, что, даже если она и не спала, когда вошел убийца – если это был кто-то, кого она сама впустила, чтобы поболтать, – она наверняка спала, когда он проткнул ей горло кинжалом.

– Не наверняка, – медленно проговорил Линли. – Ее могли застигнуть врасплох – кто-то, кому она целиком доверяла. Но в этом случае заперла бы она дверь сама?

– Необязательно, – сказал Макаскин. – Убийца мог запереть ее, убить и...

– Вернуться в комнату Хелен, – холодно закончил Линли, мотнув головой в сторону Сент-Джеймса. – Черт возьми...

– Пока не надо, – отозвался Сент-Джеймс.

Они уселись за маленький, заваленный журналами стол у окна и стали скрупулезно изучать каждый предмет. Линли просмотрел россыпь периодических изданий, Сент-Джеймс поднял крышку чайника на позабытом утреннем подносе и поразмыслил над прозрачной пленкой, образовавшейся

на поверхности жидкости, а Макаскин отбивал карандашом стаккато по своему ботинку.

– У нас два провала во времени, – сказал Сент-Джеймс. – Двадцать минут, или чуть больше, между обнаружением тела и звонком в полицию. Затем, насколько я понимаю, почти два часа между звонком в полицию и ее прибытием сюда. – Он обратился к Макаскину: – Значит, ваши криминалисты не успели как следует осмотреть комнату – до того, как позвонил ваш главный констебль, приказавший вам вернуться в управление?

– Совершенно верно.

– Так пусть действуют сейчас. Можете им позвонить, если хотите. Хотя я не жду от этого особых результатов. За то время сюда могли подложить сколько угодно фальшивых улик.

– Или удалить, – уныло заметил Макаскин. – у нас есть только слово лорда Стинхерста, что будто бы он запер все двери и ждал нас и ничего больше не предпринимал.

Это замечание задело Линли. Он встал и, не говоря ни слова, подошел сначала к комоду, затем к шкафу и туалетному столику. Макаскин и Сент-Джеймс смотрели, как он открывает дверцы, выдвигает ящики и заглядывает под кровать.

– Сценарий, – сказал он. – Ведь они приехали сюда, чтобы поработать над сценарием. Джой Синклер была автором. Так где же он? Почему нет никаких листков или блокнотов? Где все копии?

Макаскин вскочил.

– Я сейчас узнаю, – выпалил он и в то же мгновение исчез.

Не успела за ним закрыться одна дверь, как открылась другая.

– Мы готовы, – сказала сержант Хейверс из комнаты леди Хелен.

Линли посмотрел на Сент-Джеймса. Тот стянул перчатки.

– Честно говоря, в бой я не рвусь, – признался он.

Леди Хелен никогда по-настоящему не задумывалась над тем, насколько ее уверенность в себе связана с ежедневной ванной. Когда же ее лишили этой немудреной роскоши, ее до смешного одолела жажда искупаться, но и в этой малости ей было отказано сержантом Хейверс по очень простой причине:

– Простите. Я должна находиться с вами и полагаю, что вы вряд ли захотите, чтобы я терла вам спину.

В результате она чувствовала себя очень подавленной, словно ее заставили носить чужую кожу.

По крайней мере, они достигли компромисса по поводу макияжа, хотя, приводя в порядок лицо под неусыпным наблюдением детектива-сержанта, леди Хелен ощущала себя каким-то манекеном на витрине. Это чувство все возрастало, пока она одевалась, натягивая первые попавшиеся под руку вещи, даже не задумываясь, что это и как это будет на ней смотреться. Только ощущала прохладную скользкость шелка или шершавое прикосновение шерсти. Но что это были

за вещи, сочетались ли они между собой по стилю и по цвету или безнадежно губили ее внешний вид, она сказать не могла.

Все это время она слышала в соседней комнате голоса Сент-Джеймса, Линли и инспектора Макаскина. Они говорили, не повышая голоса, однако она явственно их слышала. И поэтому отчаянно пыталась придумать объяснение тому (а они обязательно ее спросят – это уж как пить дать), что ночью ей не удалось услышать ни одного звука из комнаты Джой Синклер. Она все еще изобретала достойный ответ, когда сержант Хейверс открыла вторую дверь, чтобы впустить в комнату Сент-Джеймса и Линли.

– На кого я похожа, Томми, – оборачиваясь, сказала она с бодрой улыбкой. – Поклянись всеми портновскими богами, что никогда никому не расскажешь, как однажды в четыре часа дня на мне были халат и шлепанцы.

Не отвечая, Линли остановился у кресла с высокой спинкой и узорчатой обивкой, сочетавшимся с обоями в комнате – розы на кремовом фоне. Кресло развернутое под углом, стояло в трех футах от двери. Линли почему-то довольно долго разглядывал его, затем нагнулся и достал из-за кресла черный мужской галстук, после чего со спокойной решимостью положил его на спинку. В последний раз оглядев комнату, он кивнул сержанту Хейверс, которая открыла свой блокнот. После этого все реплики, заготовленные леди Хелен, чтобы пробиться сквозь профессиональную сдержан-

ность Линли, с которой она столкнулась в библиотеке, вмиг стали бессмысленными. Он выиграл. Через мгновение леди Хелен увидела, как он собрался это использовать.

– Сядь, Хелен. – Когда она выбрала себе другое место, он сказал: – К столу, пожалуйста.

Как и в комнате Джой Синклер, стол располагался в эркере, шторы были раздвинуты. За окном быстро темнело, и в стекле отражались и призрачные тени, и золотые полосы света от лампы на ночном столике. Снаружи окно покрывала паутина морозного узора, если приложить ладонь к стеклу, то ощутишь жгучий холод, как от настоящей пластины льда.

Леди Хелен подошла к одному из стульев. Восемнадцатый век, обивка еще не выцвела, на гобеленовой ткани изображено что-то мифологическое.

Леди Хелен приготовилась тут же узнать молодого человека и похожую на нимфу женщину, которые тянулись друг к другу в пасторальной сцене, сам Линли наверняка уже узнал. Но она никак не могла сообразить, был ли это Парис, жаждущий награды после своего суда, или это был Нарцисс с тоскующей нимфой Эхо... Впрочем, в настоящий момент ее это не особенно занимало.

Линли тоже сел за стол. Его взгляд медленно изучал то, что на нем стояло и говорило само за себя: бутылку коньяку, переполненную пепельницу, дельфтское блюдо с апельсинами, один начали чистить, потом бросили, но его кожица все еще источала слабый запах. Линли впитывал все это, по-

ка сержант Хейверс придвигала стул от туалетного столика, чтобы сесть вместе с ними, а Сент-Джеймс медленно обходил комнату.

Сотню раз до этого леди Хелен видела Сент-Джеймса за работой. Она знала, насколько он въедлив и педантичен. И все равно, наблюдая знакомую процедуру, на этот раз затронувшую ее, она почувствовала, как напряглись все ее мышцы. Он осмотрел сверху комод и туалетный столик, потом шкаф и пол. Это пахло насилием, и, когда он откинул покрывало с ее незаправленной постели и задумчиво осмотрел простыни, выдержка оставила ее.

– Бог мой, Саймон, неужели это действительно необходимо?

Никто ей не ответил. Но и молчания было достаточно. Мало того, что ее почти девять часов держали взаперти, как обыкновенную преступницу, теперь они собираются допрашивать ее – словно их троицу не связывают годы боли и дружбы. Леди Хелен ощутила злобу, которая, как опухоль, росла внутри. Только бы не сорваться... Взгляд леди Хелен переместился снова на Линли, и она изо всех сил старалась не обращать внимания на грузные шаги Сент-Джеймса у нее за спиной.

– Расскажи нам о вчерашней ссоре.

Леди Хелен опешила, так как была уверена, что первый вопрос Линли будет связан с комнатой. Столь неожиданное начало застало ее врасплох, на что он, без сомнения, и рас-

считывал.

– Я бы рада. Но мне известно только одно: все началось из-за пьесы, которую писала Джой Синклер. Они с лордом Стинхерстом страшно разругались из-за нее. И Джоанна Эллакорт была в гневе.

– Почему?

– Насколько я могла уяснить, пьеса, которую Джой привезла для прогона в эти выходные, разительно отличалась от того варианта, на который все подписывали контракты в Лондоне. Джой действительно объявила за ужином, что внесла кое-какие изменения, но, очевидно, изменения были гораздо более существенными, чем кто-либо ожидал. Жанр остался прежним – детектив, но в остальном он мало напоминал предыдущий вариант. Из-за этого и разразился скандал.

– Когда все это случилось?

– Мы собрались в гостиной для читки сценария. Не прошло и пяти минут, как началась ссора. Это было так странно, Томми. Они едва начали, когда Франческа – сестра лорда Стинхерста – буквально вскочила на ноги, словно это был самый жуткий в ее жизни шок. Она принялась кричать на лорда Стинхерста, что-то вроде: «Нет! Стюарт, останови ее!» – а затем метнулась вон из комнаты. Но то ли ее покачнуло, то ли у нее потемнело в глазах, короче, она врезалась прямо в огромную антикварную горку и разнесла ее на куски. Не представляю, как ей удалось не раскроить на куски себя, но

как-то удалось.

– Что делали все остальные?

Леди Хелен обрисовала поведение каждого человека как могла точно: Роберт Гэбриэл пристально смотрел на Стюарта Ринтула, лорда Стинхерста, явно ожидая, что он либо займется Джой, либо придет на помощь сестре; Айрин Синклер становилась все бледнее, даже губы побелели, по мере того как ситуация обострялась; Джоанна Эллакорт швырнула свой экземпляр сценария и в ярости удалилась из комнаты, а мгновение спустя за ней последовал ее муж Дэвид Сайдем; Джой Синклер улыбнулась лорду Стинхерсту поверх орехового столика-пюпитра, и эта улыбка, по всей видимости, побудила его к действию, потому что он вскочил, схватил ее за руку и вытащил в соседнюю малую гостиную, захлопнув за собой дверь. Закончила леди Хелен так:

– И тогда Элизабет Ринтул ушла вслед за своей теткой Франческой. Она... трудно сказать, но, может быть, она плакала, что, кажется, не в ее характере.

– Почему?

– Не знаю. Похоже, Элизабет уже довольно давно отказалась от слез, – ответила леди Хелен. – Я думаю, что она отказалась от очень многого. В том числе и от Джой Синклер. Одно время они были близкими подругами, судя по тому, что говорил мне Рис.

– Ты не сказала, что он делал после читки, – заметил Линли. Но не дал ей времени ответить, тут же спросив: – Значит,

ссора была между Стинхерстом и Джой Синклер? Остальные в ней не участвовали?

– Только Стинхерст и Джой. Я слышала их голоса из малой гостиной.

– Крики?

– Изредка срывалась на крик Джой. Но Стинхерста я, по правде говоря, почти не слышала. Он не производит впечатление человека, который станет повышать голос, чтобы привлечь внимание, верно? Поэтому единственное, что я действительно ясно слышала, это истерическое упоминание какого-то Алека. Джой кричала, что Алек знал, и из-за этого лорд Стинхерст его убил.

Леди Хелен услышала, как сержант Хейверс втянула воздух, за чем последовал задумчивый взгляд в сторону Линли. Моментально все поняв, леди Хелен торопливо продолжила:

– Но наверняка это была просто фигура речи, Томми. Ну вроде: «Если ты это сделаешь, то убьешь свою мать». Ты понимаешь, что я имею в виду? В любом случае лорд Стинхерст даже не ответил на это. Он просто вышел, бросив что-то вроде – насколько он понимает, она закончила. Точно не помню.

– А что было после?

– Джой и Стинхерст поднялись наверх. Порознь. Но выглядели они оба ужасно. Как после бессмысленного выяснения отношений, и, видимо, оба жалели, что вообще затеяли этот разговор. Джереми Винни попытался как-то ее при-

ободрить, когда она вышла в коридор, но она не ответила. Может быть, даже плакала, не могу сказать.

– Куда ты отправилась оттуда, Хелен? – спросил Линли, пристально разглядывая пепельницу, полную окурков, и кучки пепла, придававшие траурный вид столешнице – серые вперемешку с черным.

– Я услышала, что в салоне кто-то есть, и пошла посмотреть кто.

– Зачем?

Леди Хелен хотела солгать, наскоро состряпав забавное описание того, как она, сгорая от любопытства, шныряет по дому, ну просто молоденькая мисс Марпл. Но почему-то ляпнула:

– Честно говоря, Томми, я искала Риса.

– А. Исчез, да?

Его насмешливый тон привел ее в ярость.

– Все исчезли.

Она увидела, что Сент-Джеймс завершил досмотр комнаты. Он удобно развалился в кресле рядом с дверью, молча их слушая. Леди Хелен знала, что он не станет ничего записывать. Он и так запомнит каждое слово...

– В салоне был Дэвис-Джонс?

– Нет. Там была леди Стинхерст – Маргерит Ринтул. И Джереми Винни. Возможно, почувал, что пахнет скандалом, и решил сварганить статейку для своей газеты. Как я поняла, он пытался выудить у нее, что такое случилось. Но без-

успешно. Я тоже заговорила с ней, потому что... мне показалось, что она впала в какой-то ступор. Она коротко ответила мне. И странная штука, сказала примерно то же самое, что ранее сказала в гостиной лорду Стинхерсту Франческа. «Остановите ее». Или что-то в этом роде.

– Ее? Джой?

– Не знаю, возможно, она имела в виду Элизабет, свою дочь. Я как раз упомянула Элизабет. Кажется, я сказала: «Привести к вам Элизабет?»

Немного освоившись с ролью подозреваемой (а именно так она себя чувствовала), леди Хелен снова обрела способность слышать что-то еще, кроме обличительного тона Линли: ровное поскрипывание карандаша сержанта Хейверс по бумаге блокнота; щелканье дверного замка в другом конце коридора; голос Макаскина, приказывавшего произвести обыск; а внизу, в библиотеке – когда открывались и закрывались двери, – злобные крики. Двое мужчин. Она не могла разобрать, кто это.

– Когда ты вчера вернулась в свою комнату, Хелен?

– Около половины первого. Точно не знаю.

– Что ты сделала, когда пришла сюда?

– Разделась, приготовилась ко сну, немного почитала.

– А потом?

Леди Хелен молчала, разглядывая Линли. Ничто не мешало ей за ним наблюдать, так как он избегал ее взгляда. В минуты спокойствия лицо его было просто воплощением

классической мужской красоты, но сейчас, когда он донимал ее вопросами, леди Хелен увидела, как эти на редкость гармоничные черты стали жесткими, обрели суровую непроницаемость, что оказалось для нее истинным откровением... она и не подозревала, что он может быть таким отчужденным. Столкнувшись с этим, она впервые за время их долгой и близкой дружбы почувствовала между собой и ним стену и даже инстинктивно протянула руку, не смея к нему прикоснуться, но надеясь хотя бы жестом восстановить близость в ситуации, в которой она, в сущности, была непозволительна. Но Линли проигнорировал этот умоляющий жест, и леди Хелен вынуждена была прибегнуть к помощи слов.

– Ты чем-то страшно разозлен, Томми. Прошу тебя... В чем дело?

Правый кулак Линли сжался и разжался движением столь быстрым, что оно показалось рефлекторным.

– Когда ты начала курить?

Тут леди Хелен услышала, как сержант Хейверс внезапно перестала водить ручкой по бумаге. Она увидела, как позади Линли неловко шевельнулся в своем кресле Сент-Джеймс. И поняла вдруг, что своим обращением к Линли позволила ему переступить границы официальности, коснуться той сферы, где действовали уже не служебные правила, кодексы и судебное производство, а нечто иное.

– Ты знаешь, что я не курю. – Она опустила руку.

– Что ты слышала прошлой ночью? – спросил Линли. –

Джой Синклер была убита между двумя и шестью часами.

– Боюсь, ничего. Было ужасно ветрено, даже стекла дрожали. Должно быть, это заглушило шум в ее комнате. Если он вообще был.

– И разумеется, дело не только в ветре... ты ведь была не одна? Тебя кто-то... отвлекал, я полагаю.

– Ты прав. Я была не одна. – Она увидела, как у Линли вздулись желваки. И только. Он не выдал себя ни единым жестом.

– Когда Дэвис-Джонс пришел в твою комнату?

– В час.

– А ушел?

– Вскоре после пяти.

– Ты смотрела на часы?

– Он разбудил меня. Он был одет. Я спросила, сколько времени. Он сказал мне.

– А между часом и пятью, Хелен?

Леди Хелен решила, что ослышалась...

– Что точно ты хочешь знать?

– Я хочу знать, что происходило в этой комнате между часом и пятью. И как ты сказала – точно. – Его тон был ледяным.

Несмотря на отвращение, которое вызвало у нее столь грубое вторжение в ее жизнь, подразумевающее, что она будет только рада ответить на такой бестактный вопрос, леди Хелен успела отметить, что сержант Хейверс даже открыла

рот. Правда, тут же его захлопнула, когда по ней скользнул ледяной взгляд Линли.

– Почему ты меня об этом спрашиваешь?

– Если хочешь, адвокат объяснит тебе, о чем я имею право спрашивать, расследуя убийство... Мы можем позвонить ему. Так что? Звонить?

Нет, это не ее друг, печально подумала леди Хелен. Не славный приятель, с которым они более десяти лет шутили и смеялись. Это был совсем незнакомый человек, которому она не могла дать рассудительного ответа. Он вызывал у нее бурю эмоций: злость, боль, безысходность. И она не знала, чего тут больше всего. Эти чувства навалились на нее все разом, с неодолимой силой, и ей стоило невероятных трудов делать вид, что она спокойна.

– Рис принес мне коньяк. – Она указала на бутылку на столе. – Мы разговаривали.

– Ты пила?

– Нет. Я выпила раньше. И больше не хотела.

– А он выпил?

– Нет. Он... не может пить.

Линли посмотрел на Хейверс.

– Попросите людей Макаскина проверить бутылку.

Леди Хелен поняла, что кроется за приказом.

– Она запечатана!

– Нет. Боюсь, что нет.

Линли взял у Хейверс карандаш и поддел им фольгу, по-

крывавшую горлышко бутылки. Она слетела легко, словно ее уже сняли, а затем закрепили снова, чтобы создать видимость.

Леди Хелен стало нехорошо.

– Что ты хочешь сказать? Что Рис привез с собой что-то на эти выходные, чтобы опохмелить меня? Чтобы убийство Джой Синклер – боже мой, его *двоюродной сестры* — благополучно сошло ему с рук, а я бы послужила ему алиби? Ты это думаешь?

– Ты сказала, что вы разговаривали, Хелен. Должен ли я понимать это так, что после твоего отказа на его предложение выпить – что бы там ни было в этой бутылке – вы провели остаток ночи в приятной беседе?

Его нежелание ответить на ее вопрос и подчеркнуто строгое следование правилам полицейского допроса (когда это нужно было ему!), его готовность повесить вину на человека, а затем подогнать под это факты, разъярили ее. Тщательно все обдумав и взвесив на весах каждое его слово, предающее их дружбу, она ответила:

– Нет. Разумеется, было и кое-что еще, Томми. Он занимался со мной любовью. Мы поспали. А затем, гораздо позже, я занималась с ним любовью.

На что бы она ни надеялась, Линли абсолютно никак не отреагировал на ее слова. Внезапно запах окурков из пепельницы стал нестерпимым. Ей захотелось скинуть ее со стола. А еще лучше – запустить ею в Томми.

– Это все? – спросил он. – Он никуда не уходил в течение ночи? Не вылезал из постели?

Он действовал слишком уж напористо. Она не успела изобразить оскорбленное недоумение, и он произнес:

– А. Да. Естественно, вылезал. Сколько было времени, Хелен?

Она посмотрела на свои руки.

– Не знаю.

– Ты спала?

– Да.

– Что тебя разбудило?

– Какой-то шум. Думаю, это было чирканье спички. Он курил, стоя у стола.

– Одетый?

– Нет.

– Просто курил?

Она на секунду заколебалась.

– Да. Курил. Да.

– Но ты заметила что-то еще, не так ли?

– Нет. Просто... – Он вытягивал из нее слова. Он вытягивал из нее то, что огласке не подлежит.

– Что «просто»? Ты что-то заметила в нем, что-то было не так?

– Нет. Нет. – И тут глаза Линли – карие, умные, настойчивые – встретились с ее глазами. – Я... я подошла к нему, и его кожа была влажной.

– Влажной? Он искупался?

– Нет. Соленой. Он был... его плечи... вспотели. А здесь было так холодно.

Линли автоматически глянул в сторону комнаты Джой Синклер.

– Неужели ты не понимаешь, Томми? – продолжала леди Хелен. – Это из-за коньяка. Он хотел его. Отчаянно. Это как болезнь. Это не имеет к Джой никакого отношения.

Она могла бы и не говорить, потому что у Линли на этот счет были свои собственные соображения.

– Сколько у него было сигарет, Хелен?

– Пять. Или шесть. Сколько вы здесь видите.

Он выстроил схему. Леди Хелен поняла какую... Рис Дэвис-Джонс выкурил не торопясь шесть сигарет, которые лежали затушенными в пепельнице. Если бы она не проснулась до того, как он выкурил самую последнюю, что еще он мог сделать? Ей то было прекрасно известно, как он провел время, пока она спала: сражаясь с легионом бесов и вампиров, которые влекли его – человека с неутолимой жадью – к бутылке коньяку. А Линли думает, что он использовал это время, чтобы отпереть дверь, убить свою кузину и вернуться, и его тело было покрыто потом из-за страха.

Леди Хелен прочла все это в тишине – как в вакууме, которая последовала за ее словами.

– Он хотел выпить, – просто сказала она. – Но пить ему нельзя. Поэтому он курил. Вот и все.

– Ясно. Могу я предположить, что он алкоголик?

Она судорожно сглотнула, лишившись на миг дара речи. «Это всего лишь слово, – сказал бы Рис со своей мягкой улыбкой. – Само по себе слово не имеет силы, Хелен».

– Да.

– Значит, он встал с кровати, а ты не проснулась. Он выкурил пять или шесть сигарет, а ты так и не проснулась.

– Ты еще хочешь добавить, что он отпер дверь, убил Джой Синклер, а я так и не проснулась, верно?

– На ключе есть его отпечатки, Хелен.

– Конечно, есть! Я в этом не сомневаюсь! Он запер дверь, прежде чем лечь со мной в постель. Или, по-твоему, это было частью его плана? Чтобы я наверняка увидела, как он запирает дверь, и, соответственно, потом объяснила, откуда они взялись?

– Но ты же сейчас именно это и делаешь, не так ли?

Она прерывисто вздохнула.

– Что за мерзости ты говоришь!

– Ты спала, пока он выбирался из кровати, ты спала, пока он курил одну сигарету за другой. А теперь ты собираешься доказывать, что ты спишь некрепко, что ты бы знала, если бы Дэвис-Джонс вышел из комнаты?

– Я бы знала!

Линли глянул через плечо.

– Сент-Джеймс? – спросил он ровно. И эта равнодушная реплика стала последней каплей... Леди Хелен резко вско-

чила – ее стул опрокинулся. Ладонь крепко хлестнула по лицу Линли. Удар был молниеносным, что свидетельствовало о силе ее гнева.

– Ты, грязный ублюдок! – крикнула она и направилась к двери.

– Стоять, – приказал Линли.

Она развернулась к нему:

– Арестуйте меня, инспектор.

И вышла из комнаты, хлопнув дверью. Сент-Джеймс тут же последовал за ней.

Барбара Хейверс закрыла блокнот. Это намеренное движение давало ей пару секунд на раздумья. Напротив нее Линли нащупывал нагрудный карман пиджака. Хотя красный след от пощечины леди Хелен все еще пылал на его лице, его руки ничуть не дрожали. Он неспешно вынул портсигар и зажигалку, зажег сигарету и передал их через стол. Барбара проделала то же самое, хотя, затянувшись один раз, скривилась и затушила сигарету.

Барбара была не из тех женщин, которые тратят много времени на копание в своих чувствах, но на этот раз она изменила себе, осознав с некоторым смущением, что ей хотелось вмешаться в то, что только что произошло. Все вопросы Линли, разумеется, были совершенно стандартной полицейской процедурой, но сама манера, в которой он их задавал, и эти гнусные намеки, угадывавшиеся в его тоне, вызвали у Барбары желание броситься на защиту леди Хелен. Почему, она и сама не могла понять. После ухода леди Хелен она задумалась над этим и нашла ответ: молодая женщина была так добра к ней в течение многих месяцев – с тех пор, как Барбара была назначена работать вместе с Линли. Леди Хелен умела найти тысячи способов, чтобы проявить эту доброту.

– Мне кажется, инспектор, – Барбара провела большим пальцем по складке на обложке своего блокнота, – что сейчас

вы вели себя довольно-таки грубо.

– Сейчас не время обсуждать издержки процедуры, – ответил Линли. Его голос прозвучал достаточно бесстрастно, но Барбара почувствовала, как тяжело дается ему это спокойствие.

– Ну понятно... Это ведь не имеет никакого отношения к процедуре допроса, не так ли? Это всего-навсего такая малость, как вежливость. Вы обращались с Хелен как со шлюхой, инспектор. Вы можете ответить, что она вела себя как шлюха, но вам бы стоило припомнить один-два эпизода из вашего собственного богатого прошлого и спросить себя, так ли уж безгрешны вы сами... чтобы предъявлять ей претензии.

Линли затянулся сигаретой, но, найдя ее вкус неприятным, затушил в пепельнице. Делая это, он резко дернул рукой, и пепел просыпался на манжету его рубашки. Они оба уставились на черную плюху, особенно яркую на белом.

– Хелен угораздило не вовремя тут оказаться – именно в этом месте, – ответил Линли. – Обойти это обстоятельство не было никакой возможности, Хейверс. Я не могу обращаться с ней по-особому только потому, что она мой друг.

– В самом деле? – спросила Барбара. – Что ж, я с удовольствием полюбуюсь вашей беспристрастностью, когда вы будете беседовать со старым приятелем.

– О чем это вы?

– Лорды Ашертон и Стинхерст, присевшие поразмыш-

лять и поболтать о том о сем. Мне не терпится увидеть, как вы управляете Стюартом Ринтулом с той же железной хваткой, что и Хелен Клайд. Пэр – пэром, приятель – приятелем, итонец – итонцем. Но это ведь не важно? Ведь лорда Стинхерста тоже, к несчастью, угораздило не вовремя тут оказаться. – Она знала его достаточно хорошо, чтобы почувствовать, как в нем закипает гнев.

– И что же вы от меня хотите, сержант? Чтобы я проигнорировал факты? – Линли начал методично их перечислять: – Дверь из комнаты Джой Синклер в коридор заперта. Запасные ключи фактически недоступны. Отпечатки пальцев Дэвис-Джонса на ключе от единственного помещения, дающего доступ в комнату. Плюс его отсутствие – неизвестно сколько времени, когда Хелен спала. Вот уже сколько всего... а мы еще не выясняли, где Дэвис-Джонс был до часу ночи, прежде чем прийти к Хелен, и почему именно Хелен поместили в эту комнату. Очень кстати, не правда ли? Принимая во внимание, что у нас есть человек, якобы случайно заявившийся посреди ночи соблазнять Хелен, и как раз в тот момент, когда в соседней комнате убивали его кузину...

– Вот в чем крамола, не так ли? – заметила Барбара. – Не столько в убийстве, сколько в соблазнении.

Линли убрал в карман портсигар и зажигалку и, ничего не сказав, поднялся. Барбара и не ждала от него ответа. Да он ей и не требовался, так как она очень хорошо знала, что все его изысканное воспитание, призывавшее никогда не падать

духом, летит к черту, когда затронута его личное... Все было ясно как день. Как только Барбара увидела сегодня лицо своего шефа – когда леди Хелен через всю библиотечную комнату шла к нему в этом нелепом пальто, так жалко свисавшем до пят, – ей сразу стало понятно, что для Линли эта ситуация чревата тяжкими переживаниями и даже душевным кризисом...

На пороге появился инспектор Макаскин. Его лицо пылало от гнева, глаза метали молнии.

– Ни единого экземпляра сценария во всем доме, инспектор, – объявил он. – Получается, что наш добрый лорд Стинхерст сжег их все до единого.

– Вот вам и высшее общество, – пробормотала в потолок Барбара.

В нижнем северном коридоре, который составлял одну из сторон прямоугольника, окружавшего внутренний двор (нетронутый снег там доходил почти до середины окон), была дверь, выходящая на уголья за домом. В уголочке рядом с этой дверью Франческа Джеррард складывала ненужные в данный момент вещи, вроде резиновых сапог, рыболовных снастей, ржавого садового инструмента, плащей, шляп, пальто и шарфов. Леди Хелен, стоя на коленях перед этой кучей, отшвыривала один сапог за другим, в лихорадочных поисках пары тому, который она уже натянула. Заслышав звук неуклюжих шагов Сент-Джеймса, спускавшегося по ступенькам, она еще яростней стала копаться в мешанине

сапог и рыболовных корзин: ей хотелось успеть улизнуть от него.

Но небывалая проницательность, которая всегда позволяла ему предугадать ее действия еще до того, она сама только-только успевала о них подумать, привела его теперь прямо к ней. Она услышала его тяжеловатое дыхание – из-за быстрого спуска по лестнице, и, даже не видя еще его лица, знала, что оно искажено досадой. Сент-Джеймса очень раздражала его немощность. Она отпрянула, почувствовав осторожное прикосновение к своему плечу.

– Хочу пройтись, – сказала она.

– Не стоит. Слишком уж холодно. И потом, мне было бы слишком тяжело угнаться за тобой, а я очень хочу поговорить с тобой, Хелен.

– Думаю, нам не о чем говорить. Сеанс подглядывания в замочную скважину ты уже получил. Или ты хочешь на закуску совсем пикантных подробностей?

Тут она подняла взгляд и увидела, что его серо-голубые глаза потемнели от боли. Но вместо того, чтобы порадоваться, что ее слова крепко его задели, она сразу же почувствовала себя побежденной и покорно встала, держа в руке ненужный сапог. Сент-Джеймс протянул к ней руку, и леди Хелен почувствовала, как его прохладные сухие пальцы сжали ее запястье.

– Я чувствовала себя настоящей проституткой, – прошептала она. Глаза ее были сухи и горели. Плакать она не могла.

ла. – Я никогда его не прощу.

– Я и не попрошу тебя об этом. Я пришел не извиняться за Томми, а только сказать, что сегодня он получил – прямо наотмашь – сразу несколько ударов. К сожалению, он был не готов справиться ни с одним из них. Правда иногда жестока. Но это он сам тебе объяснит. Когда сможет.

Леди Хелен с жалким видом теребила верх сапога, который держала в руках. Он был черный и испачкан вдоль верхнего края чем-то липким, отчего казался еще чернее.

– Ты бы ответил на его вопрос? – резко спросила она.

Сент-Джеймс улыбнулся, и его непривлекательное худое лицо преобразилось, потеплев.

– Знаешь, я всегда завидовал твоей способности проспать все что угодно, Хелен: будь то пожар, потоп или буря. Я часами лежал рядом с тобой, не сомкнув глаз, и проклинал твою настолько чистую совесть, что ничто не может нарушить твой сон. Я-то знаю, что, даже если прогнать через спальню Королевскую конную гвардию, ты и этого не заметила бы. Но я бы ему ни за что этого не сказал. Есть вещи, которые, несмотря на все, что случилось, касаются только нас с тобой. И честно говоря, эта – тоже.

И тут леди Хелен почувствовала, как подступают слезы, под веками стало горячо-горячо. Она, сморгнув, загнала их назад и отвела взгляд, не в силах ничего сказать. Сент-Джеймс и не ждал никаких слов. Он мягко увлек ее к узкой скамье на плетеных ножках, стоявшей у одной из стен. Над

ней на крючках висело несколько пальто, он снял два, одно накинул на плечи ей, а вторым укрылся от холода, проникавшего сюда, сам.

– Помимо изменений, которые Джой внесла в сценарий, что-нибудь еще могло, по-твоему, привести к вчерашней ссоре? – спросил он.

Леди Хелен задумалась, напрягая память.

– Трудно сказать. Но нервы у всех были напряжены.

– У кого в особенности?

– У Джоанны Эллакорт, например. Судя по тому, я услышала прошлым вечером за коктейлями, она уже была несколько возбуждена той мыслью, что Джой, возможно, пишет пьесу, которая позволит ее сестре обрести былую популярность.

– И это, конечно же, беспокоило ее, да?

Леди Хелен кивнула.

– Кроме открытия нового театра «Азенкур», этой постановкой должны были отметить юбилей Джоанны – двадцать лет на сцене. Поэтому предполагалось, что главным персонажем в ней станет она, а не Айрин Синклер. Но у меня сложилось впечатление, что она вдруг сильно в этом засомневалась.

Леди Хелен рассказала об одной любопытной сценке в салоне, где вся компания собралась перед ужином. Лорд Стинхерст вместе с Рисом Дэвис-Джонсом стоял у рояля, просматривая эскизы костюмов, когда к ним скользящей поход-

кой приблизилась Джоанна Эллакорт, продефилировав по комнате в блестящем платье с сильно открытым лифом – это теперь очень модно. Она взяла рисунки, и буквально через мгновение ее лицо сделалось неузнаваемым.

– Джоанне не понравились костюмы Айрин Синклер, – догадался Сент-Джеймс.

– Она заявила, что они все до единого изображают героиню Айрин... женщиной-вамп, кажется, так она сказала. Она скомкала рисунки и сказала лорду Стинхерсту, что его художникам по костюмам придется все переделать, если он рассчитывает на ее участие, после чего бросила все рисунки в камин. Она страшно разозлилась, а потом, когда стали читать пьесу в гостиной, по изменениям, внесенным Джой, поняла, что ее худшие опасения совсем не напрасны. Поэтому-то она и швырнула свой экземпляр пьесы на пол и – ушла. А Джой... что ж, у меня такое ощущение, что она наслаждалась произведенным эффектом и срывом читки.

– А какой она была, Хелен?

На этот вопрос нелегко было ответить. Потому что у Джой Синклер была поразительная внешность. Не красавица, объяснила леди Хелен, очень походила на цыганку, оливковая кожа, черные глаза, такие лица на римских монетах, четко очерченные, с печатью ума и силы. Она была женщиной, излучающей чувственность и жизнь. Даже нетерпеливый жест, которым она выдергивала из мочки уха надоевшую сережку, казался призывом к любви.

– Обращенным к кому? – спросил Сент-Джеймс.

– Трудно сказать. Но, по-видимому, самым интересным мужчиной здесь был Джереми Винни. Как только она вчера вошла в салон, он тут же вскочил – она пришла последней – и сразу к ней. А за ужином просто не отставал от нее.

– Они были любовниками?

– Судя по ее поведению – нет, исключительно дружеские отношения. Он посетовал, что пытался дозвониться до нее и на прошлой неделе оставил на ее автоответчике с дюжину сообщений. А она только засмеялась и сказала, что ужасно сожалеет, но она давно не прослушивает свой автоответчик, потому что уже на полгода задержала одну книгу, на которую у нее контракт с ее издателем, и ей не хочется чувствовать себя виноватой, выслушивая укоры и напоминания о сроках от своего издателя.

– Книгу? – переспросил Сент-Джеймс. – Кроме пьесы она написала еще и книгу?

Леди Хелен грустно рассмеялась.

– Невероятная женщина, правда? И подумать только, я чувствую себя просто героиней, если мне удастся месяцев через пять просто ответить на письмо.

– Похоже, эта женщина могла возбудить и сильную ревность.

– Вероятно. Но я думаю, что главной ее чертой было то, что она, сама того не замечая, отталкивала людей. – Леди Хелен рассказала ему об одном эпизоде, когда все пили кок-

тейли. Связан он был с картиной Рейнэгла¹⁴, висевшей над камином. На ней изображена женщина эпохи Регентства в окружении двоих детей и игривого терьера, обнюхивавшего мяч. – Джой сказала, что часто вспоминает эту картину, что, приезжая ребенком в Уэстербрэ, она любила воображать себя этой дамой, такой благополучной и защищенной, которой все восхищаются, у которой двое прекрасных, обожающих ее детишек. Она сказала что-то вроде того, что чего же еще желать, кроме этого, и что не странно ли, как повернулась жизнь. Ее сестра сидела как раз напротив картины в этот момент. И я помню, что Айрин страшно покраснела.

– Почему?

– Да потому, что когда-то у Айрин все это было. Благополучие и полная защищенность, муж и двое детей. А потом явилась Джой и разрушила все это.

Сент-Джеймс отнесся к этому скептически:

– Как ты можешь быть уверена, что Айрин Синклер болезненно отреагировала на слова своей сестры?

– Конечно, не могу. Но я это знаю. И еще... за ужином, когда Джой и Джереми Винни разговаривали и Джой отпускала всякие шуточки по поводу своей новой книги, развлекая весь стол историями о каком-то человеке, у которого она пыталась взять интервью на Болотах¹⁵, Айрин... – Леди Хе-

¹⁴ Рейнэгл Рамзи Ричард (1775 – 1862) – английский художник.

¹⁵ Болота – низкая болотистая местность в графствах Кембриджшир, Линкольншир и Норфолк.

лен запнулась. Ей трудно было передать то, что она почувствовала, глядя на Айрин Синклер. – Айрин сидела очень спокойно, пристально глядя на свечи на столе, и она... это было довольно-таки страшно, Саймон. Она воткнула вилку прямо себе в большой палец. Но, по-моему, ничего не почувствовала.

Сент-Джеймс опустил взгляд на свои башмаки. На них засохла грязь – он наклонился, чтобы протереть их.

– Получается, Джоанна Эллакорт ошибается относительно роли Айрин в измененном варианте пьесы. С чего бы Джой Синклер писать выигрышную роль для своей сестры, если она продолжала отталкивать ее при любой возможности?

– Но, повторяю, мне кажется, она делала это неосознанно. А что касается пьесы... вероятно, Джой чувствовала себя виноватой. Как-никак она разрушила ее личную жизнь. Мужа она ей вернуть не могла. Но могла попытаться вернуть ей успех.

– В пьесе с участием Роберта Гэбриэла? После грязного развода, причиной которого была сама Джой? Тебе не кажется, что это смахивает на садизм?

– Нет. Ведь больше никто в Лондоне не желал предоставить Айрин шанс, Саймон. Она же на много лет выпала из актерской среды. Эта роль – единственная для нее возможность снова оказаться на сцене.

– Расскажи мне о пьесе.

Насколько леди Хелен помнила, Джой Синклер намеренно подогревала страсти, описывая новый вариант пьесы. Еще до читки... Когда Франческа Джеррард спросила о сюжете, Джой с улыбкой смерила всех взглядом и сказала: «Действие происходит в доме, очень похожем на этот. В разгар зимы, когда дороги обледенели, вокруг на многие мили ни души, и некуда бежать. Она о семье. И о человеке, который умирает, и о людях, которым приходится его убить. И почему. Это самое главное – почему». Вслед за этим леди Хелен уже была готова услышать вой волков.

– Интересно... похоже, она хотела кого-то о чем-то предупредить.

– Вот и мне так показалось. И потом, когда мы все собрались в гостиной и она начала говорить об изменениях в сюжете, она сказала примерно то же самое.

Речь шла о семье, которая готовилась к встрече Нового года, но из этого ничего не вышло. По словам Джой, старший брат хранил какую-то ужасную тайну, тайну, которая вот-вот должна была разрушить жизнь всех действующих лиц.

– А потом они начали читать, – сказала леди Хелен. – К сожалению, я почти не слушала – в гостиной было душно, как в кухне, где кипят сто котлов, и я не очень-то следила за ходом событий в пьесе. Но я помню точно, что как раз перед тем, как Франческа Джеррард вышла из себя, старшему брату в этой истории – его текст читал лорд Стинхерст, так как на эту роль еще не подобрали актера – только что

позвонили. Он заявляет, что должен немедленно уехать, что после двадцати семи лет он не собирается становиться еще одним вассалом. Я совершенно уверена в этих словах. Тут-то Франческа и вскочила, и началась вся эта свара.

– Еще одним вассалом? – тупо повторил Сент-Джеймс.

Она кивнула:

– Странно, правда? И поскольку пьеса не имела никакого отношения к эпохе феодализма, я, конечно же, сразу решила, что это что-то безумно авангардное и я просто не уловила сути.

– Но они уловили?

– Лорд Стинхерст, его жена, Франческа Джеррард и Элизабет – безусловно уловили. Хотя все остальные, если отвлечься от всеобщего раздражения из-за изменений в сценарии, растерялись точно так же, как и я. – Леди Хелен рассеянно провела пальцами по сапогу, который все еще держала в руках. – Короче, насколько я поняла, пьеса должна была послужить некоей благородной цели, но из этого ничего не вышло. А целей было даже несколько: воздать должное усилиям Стинхерста в отношении обновленного «Азенкура», прославить двадцатилетние актерские заслуги Джоанны Эллакорт, вернуть в театр Айрин Синклер, снова дать Рису возможность осуществить большую постановку в Лондоне. Не исключено, что Джой собиралась задействовать даже Джереми Винни. Кто-то упомянул, что он начинал как актер до того, как стал театральным критиком, и, в сущности

на читку он явился лишь затем, чтобы написать о волшебных изменениях, которые ожидаются в захиревшем «Азенкуре». Теперь ты сам видишь, – заключила она с невольной настойчивостью, от которой не смогла удержаться, – что мысль о том, чтобы кто-то из *этих* людей убил Джой, просто нелепа.

Сент-Джеймс нежно улыбнулся ей.

– Особенно в отношении Риса, – очень мягко произнес он.

Леди Хелен увидела в его глазах столько доброты и сочувствия, что у нее защемило сердце, и она отвела взгляд. Тем не менее она знала, что он – единственный человек на свете, кто поймет ее. Поэтому решила на откровенность:

– Прошлой ночью с Рисом. Впервые... за многие годы я почувствовала такую любовь к себе, Саймон. К такой, какая я есть, со всеми моими недостатками и достоинствами, со всем моим прошлым и моим будущим. У меня не было такого после... – Она замолчала, затем с усилием все-таки произнесла: – После тебя. Я не надеялась, что когда-нибудь снова испытаю подобное. Потому что я буду наказана. За то, что случилось между нами столько лет назад. Я заслужила наказание.

Сент-Джеймс резко мотнул головой, не отвечая. Потом сказал:

– А если сосредоточиться, Хелен, ты уверена, что ничего не слышала прошлой ночью?

Она ответила на его вопрос вопросом:

– Когда ты в первый раз занимался любовью с Деборой,

ты что-нибудь замечал?

– Конечно, ты права. Я бы не заметил, даже если бы рядом дом сгорел дотла; а если бы и заметил, то не кинулся бы его спасать. – Он поднялся, снова повесил пальто на крючок и протянул руку за ее пальто. Взяв его, Сент-Джеймс нахмурил брови. – Боже мой, что ты с собой сделала? – спросил он.

– Я? Сделала?

– Что у тебя с рукой?

Она опустила глаза и увидела, что на пальцах у нее кровь, она чернела под ногтями. При виде этого зрелища Хелен вздрогнула.

– Где... я не...

Она увидела, что ее шерстяная юбка с одной стороны тоже в крови, которая кое-где успела высохнуть и стать коричневой. Она оглянулась, потом посмотрела на сапог, который держала, и присмотрелась к липкому веществу на голенище, ярко-черному на тускло-черном при этом скудном освещении. Она молча протянула его Сент-Джеймсу.

Перевернув сапог, он звучно стукнул им о край скамьи, и оттуда выпала большая перчатка, когда-то кожаная, на меху, а теперь превратившаяся в желеобразную массу из крови Джой Синклер. Еще не засохшей, еще не уничтоженной.

Расположенная слева от широкой роскошной лестницы, гостиная Уэстербрэ была вдвое меньше библиотеки и показалась Линли не очень-то удобной для большой группы. Тем не менее она все еще была обставлена для чтения пьесы

Джой Синклер: в центре комнаты стояли по кругу столы и стулья для актеров, вдоль стен – стулья для всех остальных. Даже запах в комнате свидетельствовал о злополучном вчерашнем собрании – запах табака, сгоревших спичек, кофейной гущи и бренди.

Когда под бдительным оком сержанта Хейверс вошел лорд Стинхерст, Линли направил его к камину на неудобный стул со спинкой из перекладин. В небольшом камине горел уголь, изгоняя из комнаты холод. Снаружи, за дверью, стоял громкий шум – это приехали криминалисты из Департамента уголовного розыска Стрэтклайда.

Стинхерст с готовностью занял указанное место, положив ногу на ногу и отказавшись от сигареты. Одет он был безукоризненно, идеальный вариант для выходных за городом. Однако, несмотря на раскованность, свойственную человеку, привыкшему находиться на сцене под взглядами сотен людей, он выглядел каким-то истощенным, но было ли это следствием преодоления собственного стресса или усилий, необходимых для успокоения дамской половины его семейства, Линли сказать не мог. Но он не преминул воспользоваться возможностью хорошенько его рассмотреть, пока сержант Хейверс листала свой блокнот.

Кэри Грант¹⁶, подумал Линли, и это сравнение ему понравилось. Хотя Стинхерсту было за семьдесят, его лицо несколько не утратило своей необычайной красоты и по-

¹⁶ Кэри Грант – американский актер, родился в Англии в 1904 г.

юношески волевого выражения, а его волосы, по-прежнему жесткие и густые, отливали разными оттенками серебра в лучах неярко мягкого света. Своим телом, не обремененным лишним весом, Стинхерст опровергал понятие «старость», являясь живым доказательством того, что неустанное трудолюбие и есть ключ к молодости.

И все же, несмотря на все совершенство Стинхерста, Линли чувал, что под этим благообразным обликом таятся мощные подводные течения, которые этому человеку приходится усмирять. Линли подумал, что ключевое свойство этой личности – сила воли. Он, по-видимому, умел держать себя под контролем: и тело, и чувства, и ум. А умом он обладал очень живым и, насколько мог судить Линли, вполне способным наилучшим образом перетасовать гору улик. В данный момент волнение из-за предстоящей беседы выдавал всего один произвольный жест: лорд Стинхерст с силой нажимал большим пальцем на подушечку указательного, отчего кожа под ногтями то белела, то краснела. Линли тотчас заметил этот нервный жест, и ему стало интересно, приведет ли нарастающее напряжение к тому, что лорд Стинхерст утратит железный контроль над своим телом.

– Вы очень похожи на своего отца, – сказал Стинхерст. – Полагаю, вам часто об этом говорят.

Линли увидел, как Хейверс резко вскинула голову.

– Вообще-то нет, учитывая специфику моей работы, – ответил он. – Я бы хотел, чтобы вы объяснили, почему вы со-

згли все копии сценария Джой Синклер.

Если Стинхерст и не ожидал, что Линли не пожелает признать общность их статуса, он этого не показал. Лишь коротко обронил:

– Без сержанта, пожалуйста.

Покрепче сжав карандаш, Хейверс посмотрела на лорда сузившимися от презрения глазами: ей претила его спесь. Она напряженно ждала ответа Линли и радостно вспыхнула, не сдержав улыбки, когда ее шеф твердо заявил:

– Это невозможно.

Услышав это, Барбара откинулась на стуле.

Стинхерст не пошевелился и даже не взглянул на сержанта Хейверс, как и секундой раньше, когда попросил об ее удалении.

– Я вынужден настаивать, Томас.

Это неофициальное обращение тут же напомнило Линли не только о сердитом вызове Хейверс, призывавшей не делать поблажек лорду Стинхерсту, но и о беспокойстве, которое он почувствовал, узнав, что ему поручают вести это дело. Да, недаром тогда сработали все сигналы тревоги.

– Боюсь, на это вы права не имеете.

– Не имею... права? – Стинхерст улыбнулся улыбкой игрока, у которого на руках выигрышные карты. – Я отнюдь не обязан говорить с тобой, Томас. Это все блажь. У нас не такая юридическая система. И мы оба это знаем. Или сержант уходит – или мы ждем моего адвоката. Из Лондона.

Стинхерст увещевал его как капризного ребенка. Но при этом он точно знал, какова реальность, и, пока этот красавец говорил, Линли решал, что выбрать: юридический менуэт с адвокатом допрашиваемого человека или сиюминутный компромисс, который можно будет использовать, чтобы выкупить правду. Придется на него пойти.

– Выйдите, сержант, – сказал он Хейверс, не отводя взгляда от своего собеседника.

– Инспектор... – Ее тон был невыносимо сдержанным.

– Поговорите с Гоуваном Килбрайдом и Мэри Агнес Кэмпбелл, – продолжал Линли. – Это сэкономит нам время.

Хейверс резко втянула ртом воздух.

– Могу я поговорить с вами с глазу на глаз?

Линли покорно последовал за ней в большой холл и плотно закрыл дверь. Хейверс быстро глянула налево и направо, остерегаясь чужих ушей, и яростно зашептала:

– Какого черта вы это делаете, инспектор? Вы не можете допрашивать его в одиночку. Давайте поговорим о нормах процедуры, которыми вы с таким удовольствием тыкали мне в нос год с лишним.

Линли ничуть не был задет этой страстной отповедью.

– Насколько мне известно, сержант, Уэбберли пренебрег этими нормами, поскольку привлек нас к этому делу без формального запроса из Департамента уголовного розыска Стрэтклайда. И теперь я не собираюсь терять время из-за каких-то формальностей.

– Но при вас должен быть свидетель! У вас должен быть протокол записи! Какой смысл допрашивать его, если у вас не будет никаких записей, чтобы использовать против... – Внезапное понимание отразилось на ее лице. – Разумеется, если вы заранее не собираетесь поверить каждому словечку, которое изречет его светлость! Милейший лорд!

Линли уже достаточно долго проработал с Хейверс, чтобы понять, когда легкая стычка грозила перерасти в настоящую словесную баталию. Он прервал ее:

– В какой-то момент, Барбара, приходится решать, может ли принадлежность к определенному сословию быть достаточным основанием для того, чтобы человеку не доверять. В конце концов, сословие мы выбираем не сами.

– Так что же? Я должна доверять Стинхерсту? Он уничтожил грудку улик, он по уши вляпался и отказывается сотрудничать. И я должна ему доверять?

– Я говорил не о Стинхерсте. Я говорил о себе.

Она молча смотрела на него, разинув рот. Он подошел к двери и, взявшись за ручку, остановился.

– Я хочу, чтобы вы поговорили с Гоуваном Килбрайдом и Мэри Агнес Кэмпбелл. Мне нужны записи. Точные записи. Воспользуйтесь помощью констебля Лонана. Задание ясно?

Хейверс одарила его взглядом, от которого увяли бы цветы.

– Абсолютно... сэръ.

Захлопнув блокнот, она зашагала прочь.

Когда Линли вернулся в салон, он увидел, что Стинхерст успел расслабиться, плечи и спина поникли, он больше не был натянут как струна. Он теперь казался менее непреклонным и гораздо более уязвимым. Его дымчато-серые глаза остановились на Линли. Их выражение было непонятным.

– Спасибо, Томас.

Это изменение образа – быстрый переход от высокомерия к благодарности – тут же напомнило Линли о том, что в жилах Стинхерста течет кровь не только аристократа, но и лицедея.

– Вернемся к сценариям, – сказал Линли.

– Это убийство не имеет никакого отношения к пьесе Джой Синклер.

Лорд Стинхерст смотрел не на Линли, а на разбитую антикварную горку рядом с дверью. Он встал со стула и, подойдя к ней, извлек из груды осколков, которые так и лежали на нижней полке, голову пастушки из дрезденского фарфора. С ней он вернулся на свое место.

– Думаю, что Франчи еще даже не осознала, что разнесла ее вчера вечером, – заметил он. – Она страшно расстроится. Ее ей подарил наш старший брат. Они были очень близки.

Линли не был склонен вдаваться в тонкости их семейных отношений.

– Мэри Агнес обнаружила тело в шесть пятьдесят этим утром, а в полиции ваш звонок зафиксировали только в семь десять... Почему вам потребовалось двадцать минут, чтобы

обратиться за помощью?

– До сего момента я даже не подозревал, что тогда прошло двадцать минут, – ответил Стинхерст.

Интересно, как долго он репетировал этот ответ, подумалось Линли. Умный ход – ответ без ответа, к которому не привяжешь ни дальнейших комментариев, ни обвинений.

– Тогда почему бы вам не рассказать мне, что именно случилось сегодня утром, – произнес он с продуманной вежливостью. – Возможно, таким образом мы сможем вместе отыскать эти двадцать минут.

– Мэри Агнес обнаружила... Джой. И сразу повежала к моей сестре, Франческе. Франческа пришла ко мне. – Лорд Стинхерст, похоже, заранее угадал, о чем подумал Линли, так как пояснил: – Моя сестра невероятно растерялась. Она была в ужасе. Не представляю, чтобы она сама стала звонить в полицию. Она привыкла что с любой неприятной ситуацией разбирается ее муж Филип. Но Филипа больше нет, и она переложила это на меня. Что вполне естественно, Томас.

– И это все?

Стинхерст смотрел на фарфоровую головку, которую осторожно держал в ладони.

– Я попросил Мэри Агнес отправить всех в салон.

– Они подчинились?

Он поднял глаза.

– Они были в шоке. Никто ведь не ожидает, что одного из вчерашних твоих сотрапезников и собутыльников ночью

заколют. Проткнут ему шею ножом. – Линли вопрошающе поднял бровь. Стинхерст объяснил: – Я посмотрел на тело, когда запираю сегодня утром ее комнату.

– Вы сохранили на редкость ясную голову для человека, который впервые в жизни видит труп.

– Мне кажется, следует сохранять ясную голову, когда рядом бродит убийца.

– Вы в этом уверены? – спросил Линли. – Вам не приходила мысль, что убийцей мог быть посторонний?

– Ближайшая деревня от нас в пяти милях. Сегодня утром полиции потребовалось почти два часа, что-бы добраться сюда. Вы можете предположить, что кто-то среди ночи потащился бы сюда в снегоступах или на лыжах, чтобы разделаться с Джой?

– Откуда вы позвонили в полицию?

– Из кабинета сестры.

– Как долго вы там находились?

– Пять минут. Возможно, меньше.

– Это был единственный ваш звонок?

Вопрос явно застал Стинхерста врасплох, что сразу отразилось на его лице.

– Нет. Я позвонил своей секретарше в Лондон. На квартиру.

– Зачем?

– Я хотел, чтобы она знала о... ситуации. И еще я велел ей отменить все встречи, назначенные на вечер воскресенья

и понедельник.

– Очень предусмотрительно с вашей стороны. Но при данных обстоятельствах, согласитесь, довольно странно думать о своих личных встречах. Сразу после того, как вы узнали, что произошло убийство?

– Может, и странно. Но что поделаешь... Я действовал именно так.

– И что это были за встречи, которые вам пришлось отменить?

– Понятия не имею. Книжку с моим расписанием секретарша держит у себя. Я знаю лишь о том, что мне предстоит делать в ближайший день, она мне напоминает. – И он нетерпеливо закончил, словно чувствуя необходимость защититься: – Меня часто не бывает в офисе. Так мне проще.

И однако, думал Линли, Стинхерст не похож на человека, которому требуются какие-то няньки, пусть даже в виде секретарши. Поэтому два последних заявления очень смахивали на уход от прямого ответа и вообще были весьма сомнительны. Линли гадал, заем Стинхерст вообще приплел сюда свой офис.

– Каким образом в ваши планы на выходные затесался Джереми Винни?

Это был второй вопрос, к которому Стинхерст, похоже, готов не был. Но на сей раз его колебания при ответе были вызваны скорее вдумчивым размышлением, а не желанием вывернуться.

– Джой хотела, чтобы он был здесь, – ответил он через минуту. – Она рассказала ему о читке, которую мы собирались провести. Он пишет об обновлении «Азенкура» – целая серия статей в «Тайме». Полагаю, эти выходные казались естественным продолжением его темы. Он позвонил мне и спросил, можно ли ему приехать. Эта просьба выглядела достаточно безобидной, и потом, совсем неплохо получить хорошие отзывы накануне открытия. В любом случае они с Джой, как оказалось, довольно хорошо знали друг друга. Она настаивала, чтобы он приехал.

– Но зачем он ей понадобился? Ведь он театральный критик, не так ли? Почему она решила допустить его к самой первой читке, когда еще нет никакого спектакля? Может, он был ее любовником?

– Не исключено. Мужчины всегда находили Джой невероятно привлекательной.

– Или его интересовал исключительно текст пьесы? Почему вы его сожгли?

Линли постарался, чтобы вопрос прозвучал как логически неизбежный. На лице Стинхерста отразилось смиренное признание этого факта.

– Уничтожение сценария, а я сжег все экземпляры, не имело никакого отношения к смерти Джой, Томас. Пьеса в новом варианте не увидела бы свет. Как только я лишил ее своей поддержки – а я сделал это вчера вечером, – она умерла сама собой.

– Умерла. Интересный выбор слов. Тогда зачем вы сожгли сценарий?

Стинхерст не ответил. Его взгляд был устремлен на огонь. Было очевидно, что он пытается принять какое-то решение. Эта борьба отражалась на его лице.

Но что это были за противостоящие друг другу силы и что стояло на карте? По-видимому, какие-то деликатные подробности конфликта, который еще так и не прояснился.

– Сценарии, – неумолимо напомнил Линли. Тело Стинхерста шевельнулось, это движение было похоже на содрогание.

– Я сжег их из-за сюжета, – сказал он. – Пьеса была о моей жене Маргерит. О ее романе с моим старшим братом. И о ребенке, который родился у них тридцать шесть лет назад. Об Элизабет.

Гоувана Килбрайда одолевали новые мучения. Они начались в тот момент, когда констебль Лонан открыл дверь в библиотеку и сказал, что лондонская полиция хочет поговорить с Мэри Агнес. Накал его страданий возрос, когда Мэри Агнес тут же вскочила, демонстрируя явную готовность к этой встрече. А своего апогея они достигли, когда он осознал, что вот уже пятнадцать минут она находится вне поля его зрения и лишена его решительной – пусть даже и неадекватной – защиты. Но что еще хуже, сейчас она находилась под защитой Нью-Скотленд-Ярда – надежной, абсолютно адекватной и сугубо мужской.

Что и было причиной его терзаний.

Как только полицейская группа из Лондона – а в особенности высокий светловолосый детектив, который, видимо, руководил ею, – покинула библиотеку после короткого разговора с леди Хелен Клайд, Мэри Агнес повернулась к Гоувану с горящим взглядом.

– Он ба-ажественный, – выдохнула она.

Это замечание служило дурным предзнаменованием, но, как потерявший от любви последний разум, Гоуван жаждал уточнений.

– Божественный? – раздраженно переспросил он.

– Ну, тот полицейский!

И затем Мэри Агнес принялась восторженно перечислять достоинства Линли. Гоуван чувствовал, как они отпечатываются у него в мозгу. Волосы как у Энтони Эндрюса¹⁷, нос как у Чарлза Дэнса¹⁸, глаза как у Бена Кросса¹⁹, а улыбка как у Стинга²⁰. И не важно, что этот «божественный» не удосужился хотя бы раз улыбнуться. Мэри Агнес обладала великолепной способностью домысливать детали, когда это требовалось.

Бесплодные состязания с Джереми Айронсом были достаточно тяжелы. Но теперь Гоуван увидел, что ему придется сражаться со всей передовой линией британских звезд, воплощенных в одном человеке. Он заскрежетал зубами и зарзал на неудобном сиденье.

А сидел он на обитом кретоном стуле, ткань которого после стольких часов казалась онемевшей второй кожей. Рядом с ним, на всякий случай аккуратно отодвинутый – уже минут через пятнадцать после их заточения, – помещался глобус на невероятно изысканно украшенной позолоченной подставке. Этот драгоценный глобус принадлежал миссис Джеррард. Гоувану очень хотелось поддать его ногой. А еще лучше – швырнуть в окно. А больше всего ему хотелось сбежать.

¹⁷ Энтони Эндрюс (р. 1948) – английский актер.

¹⁸ Чарлз Дэнс – английский актер.

¹⁹ Бен Кросс (р. 1947) – английский актер.

²⁰ Стинг (р. 1951) – английский певец, композитор и актер; наст. имя Гордон Мэтью Сомнер.

Он попытался обуздать это желание, заставив себя проникнуться прелестями библиотеки, но таковых не обнаружил. Белые лепные восьмиугольники на потолке нуждались в побелке, как и гирлянды, украшавшие их по центру. Годами копившаяся копоть от сгоравшего в камине угля и сигаретный дым взяли свое: темные тени в углублениях и трещинах барельефов на самом деле были сажей, той глубоко въевшейся сажей, которая сулила недели две, если не больше, отвратительной работы. Книжные полки тоже не обещали ничего хорошего. Они вмещали сотни переплетенных в кожу томов, да какие сотни – тысячи! И все они, притулившиеся за стеклом, одинаково пахли пылью и невостребованностью. А значит, снова чистить, сушить, чинить и... Где же Мэри Агнес? Он должен ее найти. Он должен отсюда выбраться.

Рядом с ним, со слезами в голосе, взмолилась женщина:

– Ради бога, пожалуйста! Я больше этого не вынесу!

За последние недели Гоуван выработал в себе умеренную неприязнь к актерам в целом. Но за эти девять часов он обнаружил, что к данной кучке актеров он уже успел почувствовать не только неприязнь, но и отвращение, очень стойкое.

– Дэвид, я дошла до предела. Неужели ты не можешь ничего сделать, чтобы вызволить нас отсюда?

Говоря с мужем, Джоанна Эллакорт заламывала руки, меряя шагами комнату и не выпуская изо рта сигарету. Целый день курит и курит, подумал Гоуван. В комнате пахло, как от тлеющей кучи мусора, главным образом из-за нее. Да, инте-

ресно. Она совсем распахивалась, когда вернулась леди Хелен Клайд и вроде бы сказала, что сейчас полицейские займутся кем-то другим, а не великой звездой.

Со своего кресла с подголовником Дэвид Сайдем следил из-под прикрытых век за стройной фигурой своей жены.

– Ну что, по-твоему, я должен сделать, Джо? Выбить дверь и перекинуть того констебля через голову? Мы в их руках, *ma belle*.

– Сядь, Джо, дорогая. – Роберт Гэбриэл протянул к ней холеную руку, приглашая присоединиться к нему на диванчике у камина, в котором слабо мерцали дотлевающие угольки. – Ты только перенапрягаешь свои нервы. А полиция именно этого от тебя и ждет и вообще от всех нас. Это облегчит им работу.

– А вы одержимы желанием им препятствовать, смею заметить, – едва слышно вставил Джереми Винни.

Гэбриэл взорвался:

– Что, черт побери, это должно означать?

Винни не обратил на него внимания, чиркнул спичкой и поднес ее к трубке.

– Я задал вам вопрос!

– А я предпочитаю на него не отвечать.

– Ты, грязный...

– Мы все знаем, что Гэбриэл вчера поссорился с Джой, – рассудительно сказал Рис Дэвис-Джонс.

Он сидел дальше всех от бара, у окна, шторы на котором

он недавно отдернул. За стеклом зияла черная ночь. – Не думаю, что нам необходимо в завуалированной форме ссылаться на эту ссору в надежде, что полиция все поймет.

– Что «все»? – Голос Роберта Гэбриэла дрожал от сдерживаемого гнева. – Как мило с твоей стороны подставлять меня, Рис, но боюсь, это не пройдет. Ни в малейшей степени.

– Почему? У тебя, кстати, есть алиби? – спросил Дэвид Сайдем. – Как я вижу, ты один из тех – их очень немного, – кто сильно рискует, Гэбриэл. Если, конечно, не признаешься, с кем ты провел ночь. – Он сардонически улыбнулся. – А как насчет той малышки? Может, Мэри Агнес именно сейчас распространяется о твоих приемчиках? Это уж точно должно заинтересовать полицейских. Интимное описание того, что чувствует женщина, когда между ее ножек оказываешься ты. Или вчера вечером пьеса Джой как раз и подводила нас к подобным откровениям?

Гэбриэл вскочил, ударившись о латунный торшер. По комнате резко метнулась дуга света.

– Мне, черт возьми, следовало бы...

– Прекрати! – Джоанна Эллакорт зажала ладонями уши. – Я этого не вынесу! Прекратите!

Но было уже слишком поздно. Их краткий диалог поразил Гоувана, словно удар кулака. Он вскочил со своего стула и в четыре шага одолел расстояние, отделявшее его от Гэбриэла, затем, обезумев от ярости, развернул актера лицом к себе.

– Чтоб тебя черти взяли! – закричал он. – Ты трогал Мэри

Агнес?

Но ответ его не интересовал. Ему достаточно было увидеть физиономию Гэбриэла... Они были равными по комплекции, но ярость придала юноше больше сил. Она нарастала внутри него, побуждая действовать...

Мощным ударом он отправил Гэбриэла на пол, упал на него и, одной рукой держа его за глотку, другой уверенно наносил жестокие и точно направленные удары по лицу.

– Что ты сделал с Мэри Агнес? – рычал Гоуван, в очередной раз опуская кулак.

– Господи Иисусе!

– Остановите его!

Относительное спокойствие – эта хрупкая скорлупка пристойности – рухнуло, сменившись шумом и гамом. Судорожно мелькали руки и ноги. Воздух оглашали хриплые крики. Стеклянные безделушки на каминной полке разлетелись вдребезги. Ноги дерущихся то и дело задевали мебель, отлетавшую в сторону. Гоуван, обхватив Гэбриэла рукой за шею, тащил его, тяжело дыша и плача, к камину.

– Скажи мне! – Гоуван держал красивое лицо Гэбриэла, искаженное сейчас болью, над каминной решеткой в нескольких дюймах от углей. – Скажи мне, ты, ублюдох!

– Рис! – Айрин Синклер с пепельно-серым лицом вжалась в спинку своего кресла. – Останови его! Останови его!

Дэвис-Джонс и Сайдем пробрались через перевернутую мебель и мимо застывших фигур леди Стинхерст и Франче-

ски Джеррард. Мужчины добрались до Гоувана и Гэбриэла, безуспешно попытались растащить. Но Гоуван держал актера мертвой хваткой, руку невозможно было разжать, такова была сила его страсти.

– Не верь ему, Гоуван, – настойчиво прошептал парню на ухо Дэвис-Джонс. Он крепко схватил его за плечо, приводя в чувство. – Остынь, приятель. Отпусти его, хватит.

Каким-то образом эти слова – и звучащее в них сочувствие – пробились сквозь огненную пелену гнева Гоувана.

Отпустив Роберта Гэбриэла, он вырвался от Дэвис-Джонса и упал на бок на пол, судорожно хватая воздух.

Он, разумеется, понимал, что натворил: из-за этой выходки он потерял работу – и Мэри Агнес. Но за чудовищностью его поведения скрывались жгучие страдания безответной любви, это любовь довела его до крайности, он совершенно не думал о том, что может насмерть перепугать всех присутствующих в комнате. Он хотел отомстить за свою боль.

– Я все знаю! И скажу полиции! Вы заплатите!

– Гоуван! – в ужасе воскликнула Франческа Джеррард.

– Лучше говори сейчас, приятель, – сказал Дэвис-Джонс. – Не будь дураком, не болтай зря, когда в этой комнате находится убийца.

С начала ссоры Элизабет Ринтул не двинулась ни разу. Сейчас она шевельнулась, словно пробудившись ото сна.

– Нет. Не здесь. Отец ведь ушел в салон.

– Полагаю, вы видите Маргерит только такой, какая она сейчас – в ее шестьдесят девять лет, когда силы уже совсем не те. Но в тридцать четыре, когда все это случилось, она была очаровательной. Полной жизни. И горевшей... горевшей желанием жить.

Лорд Стинхерст беспокойно пересел на другой стул, на тот, что стоял у стены, где было совсем темно. Он оперся руками на колени и вперился в цветочный узор на ковре, словно этот неброский изящный орнамент таил в себе нужные ответы. Его голос звучал монотонно: так обычно излагают факты, требующие предельной точности, без примеси эмоций.

– Она и мой брат Джеффри полюбили друг друга вскоре после войны.

Линли ничего не сказал, но про себя изумился, как можно, пусть даже спустя тридцать шесть лет, так спокойно говорить об этом, в сущности, предательстве. Такая нечувствительность свидетельствовала о том, что сидевший перед ним человек – внутри мертв. Целеустремленно следуя к вершинам своей карьеры, он словно хотел забыться, отвлечься от страданий, которыми изобиловала его личная жизнь.

– Джефф привез с войны уйму наград. Вернулся с фронта героем. Естественно, Маргерит им увлеклась. Он всем нравился. Было в нем что-то такое. – Стинхерст умолк, задумавшись. Его ладони нашли друг друга и плотно сжались.

– Вы тоже воевали? – спросил Линли.

– Да. Но не так самозабвенно, как Джеффри. Не с его особым отношением и безоглядной отдачей. Мой брат был сам огонь. От него исходило какое-то сияние. И к его теплу тянулись более слабые существа.

Маргерит оказалась одной из них. Элизабет была зачата в доме моих родителей в Сомерсете, куда Маргерит пришлось поехать одной. Это случилось летом, я не появлялся дома уже два месяца, кочевал с места на место, ставил спектакли в провинциальном театре. Маргерит хотела поехать со мной, но, честно говоря, это бы меня стеснило, нужно было бы как-то ее... развлекать. Я думал, – в его голосе звучало презрение к собственной персоне, – что она будет мне мешать. Моя жена не какая-то там глупышка, Томас. Кстати, она и сейчас очень неглупа. Наверняка почувствовала мое состояние и не захотела больше напрашиваться. Мне следовало бы сообразить, что это неспроста, но я был слишком увлечен театром, ничего вокруг не замечал. Мне и присниться не могло, что у нее с Джеффри роман. А в конце лета она сообщила, что беременна. Но не сказала мне, кто отец.

То, что леди Стинхерст скрыла от мужа имя отца, было понятно. Но почему, узнав об измене, Стинхерст от нее не ушел, было для Линли великой загадкой.

– Почему вы с ней не развелись? Каким бы постыдным ни был развод, вы обрели бы относительный душевный покой.

– Из-за Алека, – ответил Стинхерст. – Из-за нашего сына.

Вы сами произнесли это слово – постыдным. И мало того. По тем временам это было неслыханным скандалом, который, видит бог, на многие месяцы занял бы первые страницы всех газет. Я не мог подвергнуть Алека такой пытке. Он слишком много для меня значил. Полагаю, больше, чем сам мой брак.

– Вчера вечером Джой обвинила вас в убийстве Алека.

Слабая улыбка тронула губы Стинхерста, в ней отразились печаль и смирение.

– Алек, мой сын служил в ВВС. Его самолет упал во время испытательного полета над Оркнейскими островами в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году. В... – Стинхерст быстро моргнул и поменял позу. – В Северное море.

– Джой об этом знала?

– Конечно. Но она любила Алека. Они хотели пожениться. Его смерть стала для нее огромным ударом.

– Вы были против этого брака?

– Я был не в восторге. Но не отговаривал. Просто предложил им подождать, пока Алек отбудет свой срок в армии.

– Отбудет срок?

– В нашем роду все мужчины служили в армии. Этой традиции уже триста лет. Вряд ли кому захотелось бы, чтобы его сын стал первым, кто нарушит традицию. – В первый раз в голосе Стинхерста появилось что-то похожее на чувство. – Но Алек мечтал совсем о другом, Томас. Он хотел изучать историю, жениться на Джой, писать или преподавать в университете. А я – горе-патриот, любивший свое фамиль-

ное древо больше, чем собственного сына, – я не отставал от него, пока не убедил выполнить свой долг. Он выбрал Военно-воздушные силы. Думаю, он считал, что там он будет подальше от этого пекла. – Стинхерст посмотрел на Линли и пояснил, словно защищая сына: – Он не был трусом. Он просто не выносил войны. Довольно естественная реакция для прирожденного историка.

– Алек знал о романе матери с дядей?

Стинхерст снова опустил голову. Разговор, казалось, отнимает у него не один год жизни, лишая последних сил. Это поражало, ведь он был невероятно моложав.

– Я думал, что нет. Надеялся, что нет. Но теперь, судя по тому, что вчера вечером сказала Джой, выходит, что знал.

Значит, все эти впустую потраченные годы, вся эта шарادا – разыгранная, чтобы защитить Алека, – оказались напрасными. Словно прочитав мысли Линли, Стинхерст добавил:

– Я всегда был чертовски цивилизованным. И не собирался превращаться в Чиллингзуорта, когда Маргерит стала Эстер Принн²¹. Поэтому мы и разыгрывали эту шараду – Элизабет была моей дочерью до кануна нового, шестьдесят второго года.

– Что случилось?

– Я узнал правду. Это было случайное замечание, обмолв-

²¹ Роберт Чиллингзуорт и Эстер Принн – персонажи романа Н.Готорна «Алая буква» (1850).

ка, из которой я понял, что мой брат Джефффри как раз тем летом находился в Сомерсете, а не в Лондоне, где вроде бы должен был быть. И тогда меня осенило. Но думаю, в глубине души я всегда это подозревал.

Стинхерст вдруг резко поднялся и, подойдя к камину, бросил туда несколько кусков угля, а потом стал смотреть, как их охватывает пламя. Линли ждал, пытаясь понять причину его внезапной активности. Что это? Попытка обуздать эмоции или что-то скрыть?

– Произошла... боюсь, мы страшно поссорились. Точнее – подрались. Это было здесь, в Уэстербрэ. Нас разнял Филип Джеррард, муж моей сестры. Если честно, Джефффри досталось больше... Он уехал сразу же после полуночи.

– Он был в состоянии ехать?

– Видимо, он считал, что да. И видит бог, я не пытался его остановить. Маргерит пыталась, но он не подпустил ее к себе. Он бросился отсюда в бешенстве и через пять минут погиб на двойном повороте сразу за Хиллвью-фарм. Его занесло на льду и выкинуло на обочину. Машина перевернулась. Он сломал шею. Он... сгорел.

Они молчали. Кусочек угля выпал из камина и подпалил ковер. В воздухе едко запахло паленой шерстью. Стинхерст бросил уголек обратно в камин и продолжил свою историю:

– В ту ночь Джой Синклер была здесь, в Уэстербрэ. Приехала на праздник. Она была одной из школьных подруг Элизабет. И, вероятно, услышала какие-то обрывки фраз во вре-

мя нашей с Джеффри ссоры и сделала умозаклучения. Надо сказать, у нее всегда была страсть резать правду-матку. Самый лучший способ отомстить мне за то, что я невольно стал причиной смерти Алека.

– Но это случилось десять лет назад. Почему она ждала так долго, чтобы отомстить?

– Кем была Джой Синклер десять лет назад? Как она могла отомстить тогда – двадцатипятилетняя женщина в самом начале своей карьеры? Кто бы стал ее слушать? Она была никем. Это теперь она – писательница, удостоенная наград и имеющая репутацию человека, придерживающегося фактов, – теперь она может повелевать аудиторией, которая наверняка станет ее слушать. И как умно она поступила, написав пьесу в Лондоне, а в Уэстербрэ привезя совсем другой вариант. И никто ни о чем не знал, пока вчера вечером мы не начали читку. Причем в присутствии журналиста, готового подхватить самые сальные факты. Правда, все зашло не так далеко, как надеялась Джой. Спасибо Франческе – подняла крик задолго до того, как самые худшие подробности нашей отвратительной семейной саги вышли наружу. А теперь конец положен и самой пьесе.

Линли восхитился его смелостью, откровенным, прямым признанием в том, что у него имеется мотив. Стинхерст наверняка понимал, до какой степени опасны его откровения.

– Вы, конечно, понимаете, насколько осложнили ситуацию тем, что сожгли эти сценарии?

Стинхерст скользнул взглядом по камину. По лбу пробежала тень, сгустившись на щеке до черноты.

– Ничего не поделаешь, Томас. Мне пришлось защитить Маргерит и Элизабет. Видит бог, я был просто обязан. Особенно Элизабет. Они – моя семья. – Он встретился с Линли глазами, потемневшими от искренней боли. – Я подумал, что вы, больше чем кто бы то ни было, понимаете, что значит для человека его семья.

И, черт возьми, Линли действительно понимал. В полной мере.

Он вдруг обратил внимание на узор на обоях в салоне. Узор из роз. Точно такие же обои, вспомнил он, были в гостиной его матери в Хоуэнстоу, точно такими же обоями, без сомнения, были оклеены стены множества гостиных в бесчисленных особняках по всей стране. Характерный для викторианской эпохи неброский узор из тусклых желтых роз, окруженных листьями, которые от времени и дыма стали скорее серыми, чем зелеными.

Линли мог бы, закрыв глаза, без предварительного осмотра описать всю комнату, наверняка схожую с гостиной его матери в Корнуолле: камин – железо, мрамор и дуб; на обоих концах каминной полки – по фарфоровой безделушке; напольные часы в ореховом футляре в углу; небольшой шкаф с любимыми книгами. И всегда – фотографии, на столе атласного дерева в амбразуре окна.

Он даже знал примерно, какие фотографии... Настолько

схожи были истории их семей.

Так что он понимал своего собеседника. Боже милосердный, еще как понимал! Заботы семьи, долг и преданность своему роду, оттого что у тебя в жилах течет особая кровь, сей факт преследовал Линли большую часть из прожитых им тридцати четырех лет. Узы крови стесняли его, мешали его желаниям; они обрекали его на следование традициям и требовали, чтобы он вел жизнь, которая напоминала жизнь в клетке. Но выхода не было.

Можно отказаться от титулов и земель, но нельзя отказаться от собственных корней. Избавиться от кровных уз.

Освещение в столовой Уэстербрэ делало любого моложе на десять лет. Этому способствовали латунные бра на обшитых панелями стенах и люстры, низко висевшие над длинным столом красного дерева. У его торца стояла Барбара Хейверс, перед ней на поблескивающей столешнице был расстелен поэтажный план дома, сделанный инспектором Макаскином. Она сравнивала его со своими записями, прищурив глаза от дыма сигареты, столбик пепла которой был уже невероятно длинен, словно она задалась целью установить мировой рекорд по его длине. Рядом, страстно насвистывая «Воспоминания» – не хуже самой Бетти Бакли²², – один из криминалистов Макаскина снимал отпечатки пальцев с шотландских кинжалов, которые декоративным полукругом висели на стене над буфетом. Помимо них в комнате имелось

²² Бетти Бакли (р. 1947) – американская актриса и певица.

множество алебард, мушкетов и топоров, которые все в равной степени могли оказаться смертоносным оружием.

Вглядываясь в чертеж, Барбара пыталась соотнести то, что сказал ей Гоуван Килбрайд, с предполагаемыми ею фактами. Это было нелегко. Приходилось много домысливать. Услышав шаги в холле, она почувствовала облегчение: наконец-то можно будет с чистой совестью отвлечься. Она подняла глаза и уронила столбик пепла на свой свитер с вырезом лодочкой. Раздраженно смахнула его, оставив на шерсти серое пятно, похожее на отпечаток большого пальца. Вошел Линли. Стараясь не попасться на глаза криминалисту, он кивнул в сторону дальней двери. Барбара взяла свой блокнот и пошла следом за ним через котельную, через буфетную на кухню. Кухня благоухала мясом, приправленным розмарином и помидорами, томившимися на плите в каком-то соусе. У стоявшего в центре стола склонилась над разделочной доской раздраженная женщина, крошившая картофель зловещего вида ножом. Она была вся в белом, что делало ее больше похожей на ученую даму, чем на повариху.

– Есть-то людям все равно нужно, – кратко объяснила она, увидев Барбару и Линли, хотя производимые ею манипуляции с ножом больше напоминали разминку перед боем, чем приготовление пищи.

Барбара услышала, как Линли что-то буркнул в ответ, прежде чем через другую дверь в дальнем углу кухни спуститься по трем ступенькам в судомойню. Она была крохот-

ной и плохо освещенной, но зато там никто не мог их подслушать, и еще там было очень тепло, даже жарко из-за огромного старого бойлера, который шумно сопел и из которого на потрескавшийся пол сочилась ржавая вода. Воздух здесь был очень влажным, едва заметно отдававшим плесенью и сырým деревом. Черная лестница – в углу за бойлером – вела на верхний этаж дома.

– Что рассказали Гоуван и Мэри Агнес? – спросил Линли, хлопывая дверью.

Барбара подошла к раковине и, потушив под краном сигарету, бросила ее в мусорное ведро. Потом заправила короткие каштановые волосы за уши и осторожно сняла с языка табачную крошку, прежде чем открыть свой блокнот. Она была недовольна Линли, и это очень ее тревожило, потому что она сама не могла точно определить почему. То ли из-за того, что он пошел на поводу у Стинхерста и удалил ее из сада то ли из-за того, что догадывалась, как он отреагирует на ее записи. Но какова бы ни была причина раздражения, оно мешало ей, как какая-то заноза. И пока оно не выйдет наружу, в душе будет незримый нарыв.

– Гоуван, – коротко произнесла она, прислоняясь к покоробившейся деревянной стойке, еще влажной после недавнего мытья посуды. Девушка почувствовала, как сквозь одежду просачивается влага. Она отодвинулась. – Похоже, у него произошла жестокая схватка с Робертом Гэбриэлом в библиотеке. Как раз перед тем, как мы с ним встретились. Мо-

жет быть, это в значительной мере и развязало Гоувану язык.

– Что за схватка?

– Короткая стычка, причем наш эlegantный мистер Гэбриэл, по-видимому, позволил себя поколотить. Гоуван расписал все в подробностях, и ссору между Гэбриэлом и Джой Синклер, которую он услышал вчера днем, – тоже. Гэбриэл очень хотел, чтобы Джой сказала его бывшей жене – Айрин Синклер, сестре Джой, между прочим, – что он спал с Джой всего раз.

– Почему?

– У меня такое впечатление, что Роберт Гэбриэл очень хочет вернуть Айрин Синклер и подумал, что Джой могла бы ему в этом помочь, если бы сказала Айрин, что их связь длилась всего лишь одну ночь. Но Джой заявила, что не собирается лгать.

– Лгать?

– Да. По-видимому, их роман был гораздо более длительным, потому что, по словам Гоувана, когда Джой отказалась помочь, Гэбриэл сказал ей что-то вроде... – Барбара сверилась со своими записями. – «Ах ты, маленькая лицемерка. Ты целый год таскала меня по всяким грязным лондонским крысиным норам, а теперь изображаешь из себя чистенькую, видите ли, не собираешься лгать!» И они до того доругались, что Гэбриэл на нее набросился. Он уже даже сбил ее с ног, спасибо Рис Дэвис-Джонс вмешался и сумел их разнять. Гоуван нес наверх чей-то багаж, когда все это происходило, ну

и увидел это, потому что Дэвис-Джонс оставил дверь открытой, когда ворвался в комнату Джой.

– А из-за чего Гоуван сцепился в библиотеке с Гэбриэлом?

– Да кто-то сказанул что-то – кажется, Сайдем – насчет Мэри Агнес Кэмпбелл, что вроде бы она послужит ему алиби на прошлую ночь.

– Насколько это вероятно?

Барбара задумалась.

– Трудно сказать. Мэри Агнес, похоже, обожает театр. У нее милое личико и хорошая фигура... – Барбара тряхнула головой. – Инспектор, Гэбриэл старше ее лет на двадцать пять... Я, конечно, могу понять, почему ему понадобилось вокруг нее виться, но я и на минуту не могу представить, с чего бы ей согласиться... Если только, конечно... – Она еще немного подумала и вдруг с удивлением обнаружила, что одна веская причина все-таки имелась.

– Хейверс?

– М-м... Ну если только она видела в нем шанс начать новую жизнь. Ну, вы знаете, о чем речь. Помешанная на звездах девушка вдруг встречает известного актера и отдается ему в надежде, что он возьмет ее с собой в свою замечательную, интересную жизнь.

– Вы спрашивали ее об этом?

– Не было повода. О ссоре между Гоуваном и Гэбриэлом я узнала уже после разговора с Мэри Агнес. И пока больше с ней не виделась.

И не хотела видаться – из-за того, что рассказал Гоуван, из-за того, что Линли все равно наверняка извлечет из его рассказа все, что ему требуется...

Он, казалось, прочел ее мысли.

– Что Гоуван поведал вам о прошлой ночи?

– Он видел очень многое – после того, как читка была прекращена. Ведь ему пришлось убирать разлитые ликеры и осколки от бокалов в большом холле. Он же уронил поднос, когда Франческа Джеррард налетела на него, выскочив из гостиной. Целый час провозился, несмотря на помощь Хелен, между прочим.

Линли пропустил последнюю реплику мимо ушей, сказав только:

– И?..

Барбара знала, чего добивается Линли, но медлила, описывая менее важных для него людей, чьи действия Гоуван запомнил с поразительными подробностями. Леди Стинхерст, вся в черном, с потерянными видом бродила между салоном, столовой, гостиной и большим холлом – уже за полночь сверху спустился ее муж и увел ее; Джереми Винни под каким-то предлогом ходил за леди Стинхерст, изводил ее вопросами, на которые она категорически не желала отвечать; Джоанна Эллакорт помчалась наверх в припадке гнева – после громкой перебранки с мужем; Айрин Синклер и Роберт Гэбриэл закрылись в библиотеке. Относительная тишина наступила только в половине первого ночи.

Но Линли, с обычной своей проницательностью, понял, что это не все:

– Но, полагаю, Гоуван видел что-то еще.

Она прикусила изнутри нижнюю губу.

– Да, видел. Позднее, когда он уже лег, он услышал шаги в коридоре, у своей двери. Она как раз на углу, где нижний северо-западный коридор пересекается с большим холлом. Сколько было времени, он точно не знает, но, вероятно, уже ближе к часу. Из-за всех этих вечерних волнений это его насторожило. Поэтому он вылез из постели, открыл дверь и прислушался.

– И?..

– Снова услышал шаги. А потом как открылась и закрылась дверь.

Барбаре страшно не хотелось пересказывать остаток истории Гоувана, и она знала, что это видно по ее лицу. Тем не менее продолжила... Гоуван потом вышел из комнаты, добрался до конца коридора и выглянул в большой холл. Было темно – он сам несколько минут назад погасил свет, – но немного света попадало внутрь от уличных фонарей.

По быстро изменившемуся выражению лица Линли Барбара поняла, что он уже обо всем догадался...

– Он увидел Дэвис-Джонса, – сказал он.

– Да. Но он вышел из библиотеки, а не из столовой, где висят кинжалы, инспектор. Он держал бутылку. Должно быть, тот самый коньяк, который он принес к Хелен.

Она ждала, что Линли повторит вывод, к которому она уже пришла сама. В конце концов, столовая находится всего в тридцати футах от библиотеки. И неизменным оставался факт, что дверь Джой Синклер в коридор была заперта.

Однако Линли только сказал:

– Что еще?

– Ничего. Дэвис-Джонс поднялся наверх.

Линли повел Барбару к черной лестнице. Узкая, не покрытая ковром, освещаемая всего двумя голыми лампочками, она привела их в западное крыло дома.

– Что у Мэри Агнес? – спросил Линли, пока они поднимались.

– Согласно ее заявлению, которое она сделала до того, как я узнала о том, что у нее вроде бы какие-то отношения с Гэбриэлом, она не слышала ночью ни звука. Только вой ветра, сказала она. Но, разумеется, она могла слышать это из комнаты Гэбриэла, а не из своей. Однако есть одна любопытная подробность, и мне кажется, вам надо о ней узнать. – Она подождала, пока Линли остановится и обернется. Рядом с его левой рукой стену портило довольно большое пятно, очертаньями напоминавшее Австралию. Оно было каким-то влажным. – Найдя сегодня утром тело, она сразу же пошла к Франческе Джеррард. Вместе они привели лорда Стинхерста. Он вошел в комнату Джой Синклер, довольно скоро вышел и приказал Мэри Агнес вернуться в свою комнату и ждать, пока за ней придет миссис Джеррард.

– К чему это вы клоните, сержант?

– Я клоню к тому, что Франческа Джеррард пришла к Мэри Агнес только через двадцать минут. И только тогда лорд Стинхерст велел Мэри Агнес поднять всех и сказать, чтобы они пришли в гостиную. А за это время он успел сделать несколько телефонных звонков из кабинета Франчески – он рядом с комнатой Мэри Агнес, поэтому ей был слышен его голос. И дважды звонили ему, инспектор.

Когда Линли не отреагировал и на это сообщение, Барбара почувствовала, как ее начало жечь прежнее раздражение.

– Сэр, вы ведь не забыли лорда Стинхерста? Вы знаете, что в настоящий момент ему следовало бы направляться в полицейский участок как подозреваемому в уничтожении улик, противодействии полиции и убийстве.

– Это несколько преждевременно, – заметил Линли.

Его спокойствие только растравило Барбару.

– Неужели? – спросила она. – И в какой же момент вы пришли к такому славному решению?

– Я пока не получил ни одного доказательства того, что лорд Стинхерст убил Джой Синклер. – Тон Линли свидетельствовал о его ангельском терпении. – Но даже если бы я его подозревал, то не стал бы арестовывать человека на основании того, что он сжег пачку экземпляров пьесы.

– *Что?* — процедила сквозь зубы Барбара. – Вы уже все решили насчет Стинхерста, да? Доверившись тому, кто первые десять лет своей карьеры провел на чертовой сцене и, без

сомнения, выдал сегодня вечером свой лучший спектакль, объясняясь с вами! Великолепно, инспектор. Я горжусь нашей полицией!

– Хейверс, – спокойно сказал Линли, – не забывайтесь.

Он напомнил ей, что он старший по званию. Барбара поняла это и обязана была отступить, но она не собиралась этого делать, чувствуя абсолютную свою правоту.

– Чем же он убедил вас в своей невинности, инспектор? Сказал, что они с вашим папочкой когда-то вместе учились в Итоне? Что он хотел бы почаще видеться с вами в лондонском клубе? Или нет, еще лучше – что он уничтожил улики, которые совершенно никакого отношения не имеют к убийству, и что вы можете ему всецело доверять, поскольку он настоящий джентльмен, прямо как вы!

– Здесь не только это, – сказал Линли, – и я не собираюсь обсуждать подобные вещи...

– С подобными мне! Какая чушь! – закончила она.

– Перестаньте, черт возьми, все время искать повод к ссоре – и, возможно, люди вам тоже захотят довериться, – выпалил Линли. И тут же, спешно отвернувшись от Барбары, замер.

Она видела, что он тут же пожалел о том, что потерял самообладание. Она сама его до этого довела, хотела, чтобы и он почувствовал горечь и злость, как она в тот момент, когда он выдворил ее из салона. Но она понимала, что лишь вредит себе в его глазах, прибегая к подобным уловкам. Боже,

ну почему она так глупа! Немного помолчав, она заговорила первой.

– Извините, – с несчастным видом пробормотала она. – Я сорвалась, инспектор. Забылась. Снова.

Линли ответил не сразу. Они стояли на ступеньках, скованные напряжением, мучительно непреодолимым, каждый страдал по-своему. Линли с усилием заставил себя встряхнуться.

– Мы произведем арест на основании улики, Барбара.

Она покорно кивнула.

– Я это знаю, сэр, – уже спокойно сказала она. – Но мне кажется... – Она очертя голову продолжила, полагая, что он не захочет этого слышать и попросту ее возненавидит... – Мне кажется, что вы игнорируете очевидное, чтобы иметь возможность направиться прямо к Дэвис-Джонсу, и вовсе не на основании улики, на основании чего-то другого, что вы... возможно, боитесь признать.

– Нет, это не так, – ответил Линли. И стал подниматься по лестнице.

Наверху Барбара назвала ему обитателей всех комнат: ближайшая к черной лестнице принадлежит Гэбриэлу, затем – комнаты Винни, Элизабет Ринтул и Айрин Синклер. Напротив этой последней располагалась комната Риса Дэвис-Джонса. Там западный коридор поворачивал направо, расширялся и вел к остальным помещениям дома. Все двери здесь были заперты. Когда они шли по коридору, где висели

портреты угрюмых с виду пращуров Джеррарда, освещенные слабыми полукружьями света от изящных бра, их встретил Сент-Джеймс и вручил Линли пластиковый пакет.

– Мы с Хелен нашли это в одном из сапог внизу. – Сказал он. – По словам Дэвида Сайдема, это принадлежит ему.

6

Дэвид Сайдем не был похож на человека, почти двадцать лет женатого на такой знаменитой актрисе, как Джоанна Эллакорт. Линли знал сказочную версию их отношений, нечто вроде романтической глупой болтовни, которую бульварные газеты скармливают своим подписчикам, чтобы те могли скоротать ежедневные поездки в метро в час пик. Это была в высшей степени стандартная история о том, как двадцатидевятилетний антрепренер из Центральной Англии – сын сельского священника, – в сущности, не обладающий ничем, кроме красивой внешности и непоколебимой уверенности в себе, что было скорее его достоинством, открыл девятнадцатилетнюю девушку, уроженку Ноттингема, игравшую взъерошенную Селию в сомнительном театрике; как он убедил ее соединить их усилия, вызволил ее из мрачного пролетарского окружения, в котором она родилась; как обеспечил ее учителями актерского мастерства и сценической речи; как направлял каждый ее шаг, пока она не стала самой востребованной актрисой в стране. И он всегда знал, что она этого добьется.

Двадцать лет спустя Сайдем еще не утратил чувственной красоты, но это явно были остатки прежней роскоши, без меры расточаемой. Его кожа уже носила отпечаток нездорового образа жизни, у него явно наметился второй подбороро-

док, а лицо и руки были припухшими. Как и у всех остальных мужчин в Уэстербрэ, у Сайдема не было возможности побриться этим утром, и из-за этого он выглядел совсем уж потрепанным. Заметная щетина затенила его лицо, подчеркнув темные круги под глазами с тяжелыми веками. Тем не менее оделся он с замечательным вкусом, стремясь показать себя с как можно лучшей стороны. Свое крупное тело он заключил в пиджак, рубашку и брюки, которые, по всей видимости, были сшиты на заказ. Вид у них был дорогой, как и у наручных часов и золотого перстня-печатки, посверкивавшего при свете камина, пока Сайдем усаживался на облюбованное место. Не на стул с жесткой спинкой, отметил Линли, а в удобное кресло в полумраке в глубине комнаты.

– Я не очень уверен, что понимаю, в чем состояла ваша задача в эти выходные, – сказал Линли, пока сержант Хейверс закрывала дверь и усаживалась за стол.

– И каковы мои функции вообще? – вежливо уточнил Сайдем.

Интересная поправка.

– Ну, если угодно, да.

– Я занимаюсь делами своей жены. Слежу за ее контрактами, размещаю ее ангажементы, вмешиваюсь, когда на нее чересчур давят. Я читаю ее сценарии, подаю ей реплики, распоряжаюсь деньгами. – Сайдем, видимо, уловил что-то в глазах Линли. – Да, – повторил он, – я распоряжаюсь деньгами. Всеми. А их немало. Она их делает, я вкладываю. Так что я

на содержании, инспектор. – Тут он улыбнулся, причем без тени веселости. Видимо, зависимость от жены была ему не слишком приятна.

– Вы хорошо знали Джой Синклер? – спросил Линли.

– Хотите сказать, что это я ее убил? Позвольте, с этой женщиной я познакомился только в половине восьмого. Джоанне не пришлось по душе изменения в пьесе, но все изменения обговариваю с драматургами в основном я. И не убиваю их, если мне не нравится то, что они написали.

– Почему вашей жене не понравился сценарий?

– Джоанна все время подозревала, что Джой попытается за ее, Джоанны, счет снова протолкнуть свою сестру на сцену. Имя Джоанны привлечет зрителей и критиков, но впечатление на них произведет Айрин Синклер. По крайней мере, этого боялась Джо. И когда она увидела переделанный вариант, она заранее решила, что ее опасения подтвердятся. – Сайдем медленно поднял обе руки и плечи. Это был не совсем обычный жест, так пожимают плечами французы. – Я... мы и правда здорово повздорили из-за этого после читки.

– Ну и в чем состояла ваша размолвка?

– Типичная семейная ссора. На уровне «посмотри-во-что-ты-меня-вотравил». Джоанна категорически не желала участвовать в обновленной пьесе.

– А тут вдруг такая удача, верно? – заметил Линли.

У Сайдема раздулись ноздри.

– Моя жена не убивала Джой Синклер, инспектор. И я то-

же, учтите. Убийство Джой вряд ли бы избавило нас от проблемы более существенной.

Он резко отвернулся от Линли и Хейверс и принялся разглядывать фотографии в серебряных рамках стоявшие на столике у окна.

Линли подумал, что его берут на удочку, и решил заглотить наживку.

– Более существенной?

Голова Сайдема как на шарнирах повернулась вспять.

– Роберт Гэбриэл, – мрачно проговорил он. – Чертов Роберт Гэбриэл.

Линли давно понял, что молчание при допросе порою ценнее вопроса. Напряжение, которое оно почти всегда вызывало, было одним из немногих преимуществ обладателей полицейского удостоверения.

Поэтому Линли держал паузу, провоцируя Сайдема на дальнейшие признания. Что почти сразу же сработало.

– Гэбриэл уже много лет не дает прохода Джоанне. Мнит себя не то Казановой, не то Лотарио²³, только с Джоанной у него ничего не вышло, как он ни старался. Она не выносит болванов.

Линли был крайне изумлен этим откровением, ведь пылкая страсть на сцене сотворила Эллакорт и Гэбриэлу совсем иную репутацию... Видимо, Сайдем понял его тайную

²³ Лотарио – бездушный соблазнитель женщин в пьесе Н. Роу «Кающаяся красавица» (1703).

мысль, поскольку как-то подтверждающе улыбнулся.

– Моя жена – актриса до мозга костей, инспектор. Такова уж ее суть. Но действительно, в прошлом сезоне Гэбриэл повадился во время спектакля «Отелло» запускать руки ей под юбку, и она решила дать ему отставку. К сожалению, она слишком поздно мне сказала, что категорически не желает больше с ним играть. Я уже договорился со Стинхерстом насчет него. Да еще лично проследил, чтобы Гэбриэл получил роль в новой постановке.

– Но почему?

– Да тут никаких секретов. Гэбриэл и Эллакорт умеют сотворить чудо. Люди платят, чтобы увидеть это чудо. И я подумал, что Джоанна вполне сможет за себя постоять, если что... Она сделала это в «Отелло»: она ткнула его не хуже акулы, когда, изображая поцелуй, он пустил в ход язык. А после хохотала до упаду. Поэтому я не ожидал, что она так расшаркает. А когда понял, что ее не уговорить, то по своей дурусти наврал ей, будто это Стинхерст настоял на участии Гэбриэла в новой постановке. Но, к несчастью, вчера вечером Гэбриэл ляпнул, что это я захотел, чтобы он участвовал в пьесе. Джоанна еще и поэтому завелась.

– А теперь пьесы уже наверняка не будет?

Сайдем заговорил с плохо скрытым раздражением:

– Смерть Джой не отменяет контракта со Стинхерстом. Джоанна по-прежнему обязана сыграть свою роль. И Гэбриэл. И Айрин Синклер, между прочим. Я думаю, что Стин-

херст вернется с ними в Лондон и при первой возможности начнет ставить другую пьесу. Поэтому, если бы я хотел помочь Джоанне – или хотя бы покончить с недоразумениями между нами, – я бы постарался быстренько избавиться либо от Стинхерста, либо от Гэбриэла. Смерть Джой прикрыла пьесу Джой. Поверьте мне, это совсем не в интересах Джоанны.

– Может, в ваших?

Сайдем окинул Линли долгим, оценивающим взглядом.

– Не вижу, каким образом что-то, что вредит Джо, может быть выгодным мне?

В этом он был прав, признался себе Линли.

– Когда вы в последний раз надевали перчатки?

Сайдему, видимо, хотелось продолжить спор. Тем не менее он с готовностью ответил:

– Думаю, вчера днем, когда мы приехали. Франческа попросила меня подписать регистрационную карточку, и я снял для этого перчатки. Честно говоря, я решительно не помню, что я после этого с ними сделал. Вроде бы больше их не надевал, но, может, сунул в карман пальто.

– Когда вы видели их в последний раз? И вообще, вы не хватились их?

– Они мне были не нужны. На улицу мы с Джоанной больше не выходили, а в доме надевать их ни к чему. Я даже не знал, что они пропали, пока несколько минут назад ваш человек не принес одну из них в библиотеку. Вторая, наверное,

в кармане моего пальто или даже на стойке портье, если я оставил их там. Я просто не помню.

– Сержант? – Линли кивнул Хейверс, которая молча вышла из комнаты и через минуту вернулась со второй перчаткой.

– Она лежала на полу между стойкой портье и стеной, – сказала она, кладя ее на стол.

Все трое некоторое время исследовали перчатку. Кожа была толстая, уютно потертая, на внутренней стороне на уровне запястья стояли инициалы «ДС» выполненные затейливыми завитками. Слабый запах специального порошка свидетельствовал о недавней чистке, но никаких его частичек ни в швах, ни на подкладке не было.

– Кто был за стойкой, когда вы приехали? – спросил Линли.

Лицо Сайдема приняло задумчивое выражение, какое бывает, когда человек вспоминает свои действия, которые в тот момент казались ему неважными, а теперь, задним числом, вдруг понадобилось расставить людей и события на свои места.

– Франческа Джеррард, – медленно проговорил он. – В дверях салона ненадолго показался Джереми Винни и поздоровался. – Он замолчал. Припоминая, он указывал рукой туда, где перед его мысленным взором возникала очередная фигура. – Юноша. Гоуван был там. Возможно, не сразу, но должен был быть, поскольку пришел за нашим багажом и

провел нас в нашу комнату. И... я не совсем уверен, но мне кажется, я видел Элизабет Ринтул, дочь Стинхерста, стремительно входившую в одну из комнат в коридоре сразу за холлом. В любом случае там кто-то был.

Линли и Хейверс обменялись настороженными взглядами.

Линли привлек внимание Сайдема к плану дома, который Хейверс прихватила с собой из гостиной. Его разостлали на центральном столе, рядом с перчаткой Сайдема.

– В какую комнату?

Сайдем встал с кресла, подошел к столу и окинул план взглядом. Он внимательно рассмотрел его, прежде чем ответить.

– Трудно сказать. Я всего лишь уловил движение, словно она хотела избежать нас. Я предположил, что это Элизабет, потому что за ней водятся такие странности. Но мне кажется, вот эта последняя комната. – Он указал на кабинет.

Линли обдумал полученные сведения. Запасные ключи хранятся в кабинете. Они были заперты в столе, сказал Маскин. Но затем он сказал, что Гоуван Килбрайд мог иметь к ним доступ. Если так, то запираение стола могло носить в лучшем случае случайный характер, иногда это делали, а иногда и забывали. А в день приезда такой большой группы стол наверняка был не заперт, и ключи мог взять любой из участвовавших в подготовке комнат. Или вообще всякий, кто знал о существовании кабинета. А это Элизабет Ринтул,

ее мать, ее отец, наконец, сама Джой Синклер.

– Когда вы в последний раз видели Джой? – спросил Линли.

Сайдем неловко переступил с ноги на ногу, явно желая вернуться в кресло, с глаз долой... Линли решил, что пусть постоит.

– Вскоре после читки. Возможно, в половине двенадцатого. Может быть, позже. Я не слишком обращал внимание на время.

– Где?

– В коридоре наверху. Она шла в свою комнату. – Сайдему на мгновение стало как будто неудобно, но он продолжил: – Как я уже сказал, мы с Джоанной поссорились из-за пьесы. Она выскочила из гостиной, и я нашел ее в галерее. Мы обменялись не самыми ласковыми словами. Я не люблю ссориться с женой. С горя пошел в библиотеку, чтобы взять бутылку виски. Вот тогда я и видел Джой.

– Вы не говорили с ней?

– Я понял по ее лицу, что ей ни с кем не хотелось говорить. А виски я принес в свою комнату, выпил несколько порций... может, четыре или пять. А потом просто-напросто уснул.

– А где все это время была ваша жена?

Взгляд Сайдема переместился на камин. Его руки автоматически обшарили карманы серого твидового пиджака, возможно, в поисках сигарет, чтобы успокоить нервы. Очевид-

но, ответа на этот вопрос он надеялся избежать.

– Не знаю. Она ушла из галереи. Я не знаю, куда она пошла.

– Не знаете, – осторожно повторил Линли.

– Верно. Послушайте, я уже много лет назад понял, что, когда Джоанна не в настроении, лучше ее не трогать, а она была весьма не в настроении прошлым вечером. Поэтому я и ушел на второй план. Выпил. Уснул, отключился, назовите это, как хотите. Я не знаю, где она была. Одно могу сказать: когда я утром проснулся – ну, когда эта девушка постучала в дверь и промямлила, чтобы мы одевались и шли в салон, – Джоанна лежала в постели рядом со мной. – Сайдем заметил, что Хейверс старательно пишет. – Джоанна была сердита – заявил он. – На меня. Ни на кого другого. В последнее время отношения между нами... несколько испортились. Она не хотела оставаться со мной. Она злилась.

– Но прошлой ночью она вернулась в вашу комнату?

– Конечно, вернулась.

– Когда? Через час? Через два? Через три?

– Не знаю.

– Но ведь ее шаги наверняка разбудили бы вас.

В голосе Сайдема мелькнула нотка нетерпения.

– Вы когда-нибудь засыпали после загула, инспектор? Прошу прощения за выражение, но это все равно что будить мертвого.

– Вы ничего не слышали? – не отставал Линли. – Ни вет-

ра? Ни голосов? Совсем ничего?

– Я уже сказал.

– Ничего из комнаты Джой Синклер? Она примыкает к вашей. Трудно поверить, что смертельно раненная женщина не издала ни единого крика. Или вот ваша жена: входила, выходила... а вы ничего не слышали. Интересно, чего еще вы не слышали?

Сайдем стремительно перевел взгляд с Линли на Хейверс.

– Если вы шьете это Джо, почему тогда не мне? Я ведь часть ночи был один. Но в этом-то и состоит ваша проблема, верно? Потому что, за исключением Стинхерста, все остальные тоже были одни.

Линли не обратил внимания на злость, скрывавшуюся за словами Сайдема.

– Расскажите мне о библиотеке, – все с тем же невозмутимым видом вдруг попросил он.

– А что именно вас интересует?

– Был ли там кто-нибудь, когда вы пришли за виски?

– Только Гэбриэл.

– Что он делал?

– То же, что собирался сделать и я. Пил. Судя по запаху, джин. И, без сомнения, надеялся, что туда кто-нибудь забредет. Кто-нибудь в юбке.

Линли ухватился за злобный тон Сайдема.

– Вы не слишком жалуете Роберта Гэбриэла. Это только из-за его поползновений в отношении вашей жены или есть

другие причины?

– Гэбриэла в труппе не очень-то любят, инспектор. Его нигде не любят. Его терпят, потому что он чертовски хороший актер. Честно говоря, для меня загадка, почему убили не его, а Джой Синклер. Он явно на это напрашивался – часто напрашивался.

Любопытное наблюдение, подумал Линли. Но гораздо любопытнее был тот факт, что на вопрос Сайдем не ответил...

По-видимому, инспектор Макаскин и кухарка из Уэстербрэ решили, что выяснять отношения лучше всего в салоне, и прибыли к двери одновременно, каждый со своей проблемой. Макаскин настоял на том, чтобы его выслушали первым, а кухарка в белом облачении топталась сзади, ломая руки, словно каждое лишнее мгновение приближало суфле у нее в печи к гибели.

Инспектор Макаскин окинул Дэвида Сайдема стальным взглядом, когда тот прошел мимо него в холл.

– Мы сделали все, что полагается, – сказал он Линли. – Везде сняли отпечатки пальцев. Комнаты Клайд и Синклер опечатаны, криминалисты закончили. Кстати, канализационные трубы чистые. Крови нигде нет.

– За исключением перчатки, все чистенько.

– Мой человек ее проверит. – Макаскин мотнул головой в сторону библиотеки и сжато продолжал: – Выпустить их? Кухарка говорит, что обед готов, а они просят, чтобы им да-

ли умыться.

Линли сразу почувствовал, что Макаскин не привык к кому-то обращаться с просьбой. А чтобы передать бразды правления в расследовании другому полицейскому – это для шотландца вообще дикость. Пока он говорил, даже мочки его ушей покраснели, что было очень заметно на фоне его красивых седых волос.

И, словно почуяв, о чем пытается сказать Макаскин, курка воинственно подхватила:

– Нельзя морить людей голодом. Нехорошо это. – Она была, по-видимому, совершенно уверена, что полиция вознамерилась посадить всех, кого согнала в библиотеку, на хлеб и воду, пока убийца не будет найден. – Я там кой-чего стоговила. У них за целый день и сэндвича-то во рту не было, инспектор. Не то что полицейские, – многозначительно кивнула она, – небось с самого утра только и делали, что подкреплялись, как я вижу по припасам на кухне.

Линли открыл карманные часы и с удивлением увидел, что уже половина девятого. Он и сам здорово проголодался, и поскольку криминалисты закончили, не стоило морить всю трупку голодом и держать их под замком. Можно даже позволить им передвигаться по дому – под наблюдением.

Он кивком выразил свое согласие.

– Тогда мы поедем, – сказал Макаскин. – Я оставлю с вами констебля Лонана, а сам вернусь утром. У меня есть кому доставить Стинхерста на станцию.

– Пусть остается.

Макаскин открыл рот, закрыл его, снова открыл и, решившись дерзко нарушить субординацию, сказал:

– Но как же сожженные сценарии, инспектор?

– Я за ним присмотрю, – твердо ответил Линли. – Сожжение улики – не убийство. Им можно будет заняться в надлежащее время.

Он увидел, как отпрянула сержант Хейверс, словно хотела отмежеваться от того, что считала неверным решением.

Макаскин, похоже, обдумывал, стоит ли возражать, и решил оставить все как есть. Его официальное пожелание спокойной ночи заключилось в четко отчеканенном сообщении:

– Ваши вещи мы поместили в северо-западном крыле. Вместе с Сент-Джеймсом. Рядом с комнатой Хелен Клайд.

Ни политическое маневрирование, ни размещение полицейских на ночь не интересовало кухарку, которая осталась стоять в дверях, горя желанием возобновить обсуждение кулинарных проблем, которые, собственно, и привели ее в салон.

– Двадцать минут, инспектор. – Она развернулась на каблуках. – Поспешите.

Отличное завершение дискуссии. И Макаскин не преминул им воспользоваться.

Наконец-то выпущенная на волю, большая часть группы все еще находилась в переднем холле, когда Линли попросил Джоанну Эллакорт зайти в салон. Его просьба, последовав-

шая сразу после беседы с ее мужем заставила всех затаить дыхание в ожидании ее ответа. Просьба просьбой, но все понимали, что на приглашение полицейских не отвечают даже самым вежливым отказом. Даже если это сама Джоанна.

Однако похоже было, что она обдумывает и этот вариант, быстро прикинув все возможности от категорического «нет» до пусть нежеланного, но сотрудничества. Последнее, видимо, возобладало. Но, войдя в салон, Джоанна дала выход обиде, оплатив за целый день заточения тем, что ни словом не удостоила ни Линли, ни Хейверс. Она молча прошла к камину и села на стул с жесткой спинкой, на тот самый стул, который Сайдем обошел, а Стинхерст занял весьма неохотно. То, что она предпочла креслу неудобный стул, свидетельствовало о решимости встретить допрос с гордо выпрямленной спиной, или ей хотелось, чтобы отсветы живого пламени играли на ее коже и волосах, дабы отвлечь этим в критический момент праздного наблюдателя. Джоанна Эллакорт знала, как играть на публику.

Трудно поверить, что ей уже почти сорок, она выглядела на десять лет моложе, а то и на больше; великодушный свет огня окрасил ее кожу в цвет матового золота, и Линли вдруг вспомнилось, как он впервые увидел «Купание Дианы» Буше²⁴ – великолепное сияние кожи Джоанны было таким же, как и этот нежный румянец и изысканный изгиб уха, когда

²⁴ Франсуа Буше (1703 – 1770) – французский живописец, представитель рококо; «Купание Дианы», 1742, Лувр.

она отбросила назад волосы. Ее красота была совершенна, и, будь ее глаза карими, а не васильковыми, она сама могла бы позировать для картины Франсуа Буше.

Неудивительно, что Гэбриэл за ней увивается, подумал Линли, предлагая ей сигарету. Ее пальцы, очень длинные и очень холодные, сверкнув бриллиантовыми кольцами, сомкнулись вокруг его руки, чтобы не дрожало пламя зажигалки. Театральный жест, откровенно призывный.

– Почему вы вчера вечером поссорились со своим мужем? – спросил он.

Джоанна подняла красиво очерченные брови и несколько мгновений изучала сержанта Хейверс, оценивающе скользнув взглядом по ее грязной юбке и запачканному пеплом свитеру.

– Потому, что за последние полгода я устала отбиваться от домогательств Роберта Гэбриэла, – напрямик ответила она и замолчала, словно ожидая ответа, хотя бы в виде сочувственного кивка или цоканья языком. Поняв, что ничего такого не последует, она была вынуждена продолжить свой рассказ. Тон ее стал слегка напряженным. – Каждый вечер в моей последней сцене в «Отелло» у него наблюдалась отличная эрекция, инспектор. Как раз в тот момент, когда он должен был меня душить, он начинал елозить по кровати, словно подросток, который вдруг обнаружил, как много удовольствия можно получить от этой славненькой колбаски у него между ног. Мне это осточертело. Я думала, Дэвид это понимает.

Оказывается нет. Спроворил без моего ведома новый контракт, где мне придется снова играть с Гэбриэлом.

– Вы ссорились из-за новой пьесы?

– Мы ссорились из-за всего. Новая пьеса – лишь один из поводов.

– Вы возражали и против роли Айрин Синклер?

Джоанна стряхнула пепел в камин.

– Мой муж и тут проявил потрясающий идиотизм. По его милости я должна была весь ближайший год сражаться с Робертом Гэбриэлом и одновременно – с бывшей его женой, которая собралась добиться сумасшедшего успеха, въехав на сцену на моем хребте. Не стану вам лгать, инспектор, мне ни капли не жаль, что теперь с этой пьесой Джой покончено. Вы можете сказать, что это открытое признание виновности, но я не собираюсь разыгрывать скорбь по поводу смерти женщины, которую едва знала. Полагаю, моя откровенность означает, что у меня был мотив убить ее. Но что же тут поделаешь!

– Ваш муж утверждает, что прошлой ночью вы какое-то время отсутствовали.

– То есть у меня была возможность прикончить Джой? Да, полагаю, это выглядит именно так.

– Куда вы пошли после ссоры в галерею?

– Сначала в нашу комнату.

– Когда это было?

– Кажется, сразу после одиннадцати. Но я там не задер-

жалась. Я знала, что вернется Дэвид, как всегда раскаивающийся и жаждущий примирения – как он его понимает... А я ничего этого не хотела. Или его не хотела. Вот и сбежала в музыкальную комнату рядом с галереей. Там есть допотопный патефон и несколько еще более допотопных пластинок. Я послушала некоторые из них. Кстати, Франческа Джеррард, оказывается, настоящая поклонница Этель Мерман²⁵.

– Кто-нибудь вас слышал?

– Вы имеете в виду, может ли кто-то подтвердить мои слова? – Она покачала головой, похоже, несколько не обеспокоенная тем, что ее алиби абсолютно ненадежно. – Музыкальная комната находится на отшибе в северо-восточном крыле. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь слышал. Если только там поблизости не оказалась вездесущая Элизабет – она обожает подглядывать и подслушивать под дверями. И похоже, весьма в этом преуспела.

Линли пропустил эту колкость мимо ушей.

– Кто еще был у стойки портье, когда вы вчера приехали?

Джоанна перебрала несколько освещенных огнем шелковистых прядок.

– Кроме Франчески, я никого не запомнила. – Она сдвинула брови, задумавшись. – Еще Джереми Винни. Он подошел к двери салона и сказал несколько слов. Это я помню.

– Любопытно, что именно Винни засел у вас в памяти.

²⁵ Этель Мерман (1909 – 1984) – американская певица и актриса.

– Это как раз понятно. Несколько лет назад ему дали одну маленькую роль в постановке, которую я играла в Норвиче. И я помню, что, увидев его вчера, подумала, что его сценические данные остались прежними. То есть – никакими. У него всегда был такой вид, будто он только что пропустил пятнадцать строк знает как выпутаться из этой ситуации. Он не мог изобразить даже неразборчивый разговор, ну, для фона. Бедняга. Боюсь, сцена – не его призвание. И потом, уж больно коренаст, чтобы сыграть мало-мальски приличную роль.

– Когда вы вернулись в свою комнату?

– Точно не знаю, на часы я не смотрела. Обычно на это не обращаешь внимания. Я слушала записи, пока совсем не закоченела. – Она посмотрела на огонь. Ее невозмутимое спокойствие изменило ей, она нервно провела ладонью по складочке на брюках. – Нет, дело не только в записях... Я ждала, чтобы у Дэвида было время заснуть. Спасти свою честь, хотя теперь я и сама не понимаю, зачем я так деликатничала.

– Спасти честь? – переспросил Линли.

Джоанна вдруг быстро улыбнулась. Наверное, это был проверенный способ отвлечь, сосредоточить внимание зрителей на ее красоте, чтобы они не заметили промаха в игре.

– Во всей этой ситуации с контрактом и Робертом Гэбриэлом виноват Дэвид, инспектор. И если бы я пришла в комнату раньше, он захотел бы загладить свою вину. Но... – Она снова отвела взгляд, облизывая кончиком языка губы, словно хотела выиграть время. – Простите. Этого я не могу вам

сказать. Глупо, правда? Ведь вы можете меня арестовать. Но есть вещи... я знаю, сам Дэвид вам не сказал бы. В общем я не могла вернуться в нашу комнату, пока он не заснет Просто не могла. Пожалуйста, поймите.

Линли понимал, что это – просьба прекратить разговор, но ничего не сказал, выжидая. И она заговорила, старательно отворачиваясь и несколько раз затянувшись сигаретой, прежде чем затушить ее окончательно:

– Дэвид захотел бы помириться. Но он не может... уже почти два месяца. О, он все равно попытался бы. Он считал бы, что должен мне это. И если бы у него ничего не вышло, наши отношения стали бы еще хуже. Поэтому я и ждала, пока он заснет. Он действительно уснул. Чему я была очень рада.

Потрясающее признание, что и говорить. Тем непонятней было, почему они столько лет не разводятся. И, словно угадав ход его мыслей, Джоанна Эллакорт заговорила снова. Ее голос сделался резким, без малейших намеков на сентиментальность или сожаление:

– Дэвид – это моя судьба, инспектор. И скажу честно: это он сделал меня тем, что я есть. На протяжении двадцати лет он был моей самой главной поддержкой, моим основным критиком, моим лучшим другом. Такими вещами не пренебрегают только из-за всяких мелких недоразумений.

Линли никогда еще не слышал столь красноречивого и убедительного доказательства супружеской преданности. Тем не менее ему тут же вспомнились недавние слова Дэви-

да Сайдема в адрес его жены. Она и в самом деле была актрисой до мозга костей.

Спальня Франчески Джеррард была запрятана в самый угол где коридор сужался, и стоявшая там старая, никому не нужная арфа, кое-как прикрытая, отбрасывала на стену похожую на Квазимодо тень.

Здесь не висели портреты. И гобелены не служили преградой холоду. Здесь не было ничего, что создает ощущение комфорта и безопасности. Глаз натыкался лишь на однотонную штукатурку, покрытую легкой паутиной трещин – мета-ми возраста, и тонкий, как бумага, ковер, лежащий на полу.

Воровато оглянувшись, Элизабет Ринтул скользнула по коридору и замерла перед дверью тетки, внимательно прислушиваясь. Из верхнего западного коридора до нее доносился гул голосов. Но в комнате не раздавалось ни звука. Она постучала ногтями по дереву, нервным движением, похожим на поклевывание маленькой птички. Никто не ответил. Она постучала снова.

– Тетя Франчи? – Она отважилась лишь на шепот. И снова никто не ответил.

Она знала, что ее тетка там, потому что видела, как пять минут назад, когда полиция наконец смилостивилась, она прошла по этому коридору. Поэтому Элизабет взялась за дверную ручку, та показалась ей скользкой под вспотевшей рукой.

Воздух в комнате был насыщен запахами мускусных аро-

матических шариков, удушающе сладкой пудры, едкого болеутоляющего и дорогого одеколona.

Обстановка же комнаты была под стать унылой скудости коридора: узкая кровать, единственный шкаф и комод, большое зеркало в подвижной раме, отдававшее странным зеленым отливом, искажавшее так, что лбы казались выпуклыми, а подбородки слишком маленькими.

Ее тетка не всегда пользовалась этой комнатой как спальней. Она перебралась сюда только после смерти мужа, словно неудобства и отсутствие элегантности были составной частью скорби по нему. Как видно, она была погружена в это состояние и сейчас, потому что сидела на краешке кровати, выпрямившись сосредоточенно глядя на фотографию мужа, которая висела на стене и была единственным украшением комнаты. Это была официальная фотография, сделанная в ателье: совсем не тот дядя Филип, которого Элизабет помнила с детства, но несомненно тот меланхолик, которым он стал позже. После того дня накануне Нового года. После дяди Джеффри.

Элизабет тихонько прикрыла дверь, но дерево царапнуло по пластинке замка, и ее тетка издала сдавленный, мяукающий звук. Она быстро поднялась с кровати и повернулась, подняв обе руки перед собой, как лапы, словно защищаясь.

Элизабет замерла. Как может такой простой жест оживить воспоминание, которое, верилось, давно умерло.

Шестилетняя девочка, весело идущая на конюшню в Со-

мерсете; она видит кухонных служанок, присевших, чтобы подглядывать в трещину в каменной стене, там, где выкрошился известковый раствор; и вкрадчивый их шепот: «Иди-ка глянь на педиков, малышка»; девочка не знает, что это значит, но ей так хочется – до отчаянья – хоть с кем-то подружиться; она наклоняется к щели и видит двух здоровенных конюхов... их одежда небрежно разбросана по всему стойлу, один из них стоит на четвереньках, второй пристроился к нему сзади, качает бедрами взад и вперед и тяжело дышит, и тела обоих блестят от пота, который сверкает, как масло; девочка испуганно шарахается прочь и слышит сдавленные смешки девушек. Они смеются над ней. Над ее невинностью и детской наивностью. О, как ей захотелось ударить их, сделать им больно, выцарапать глаза!.. И она делает тот же жест руками, как сейчас – тетя Франчи.

– Элизабет! – Франческа опустила руки. Ее тело расслабилось. – Ты напугала меня, моя дорогая.

Элизабет осторожно наблюдала за теткой, боясь еще каких-нибудь неприятных воспоминаний, которые могли всплыть от любого другого невольного жеста.

Франческа, поняла она, начала одеваться к ужину, но вдруг фотография мужа повергла ее в раздумье, которое нарушила Элизабет. Теперь тетка пристально всматривалась в свое отражение в зеркале, проводя щеткой по редющим седым волосам. Она улыбнулась Элизабет, но ее губы горестно дернулись.

– Знаешь, девушкой я привыкла смотреть в зеркало, не видя своего лица. Говорят, что это невозможно, но я научилась. Я могу уложить волосы, наложить макияж, вдеть серьги, все что угодно. И мне никогда не приходится видеть, насколько я некрасива.

Элизабет не стала притворно ее успокаивать, говоря, что это не так. Это было бы оскорбительно, ибо ее тетка говорила правду. Она была некрасива, и всегда была такой, награжденная от природы длинным, лошадиным лицом, выступающими зубами и очень маленьким подбородком. У нее и тело было нескладным, худая и долговязая, она представляла собой средоточие всех генетических проклятий семьи Ринтул. Элизабет часто думала, что именно из-за своей неказистости ее тетка носила так много бижутерии, словно хотела всеми этими бусами отвлечь внимание от своего несуразного лица и тела.

– Ты не должна обращать внимание, Элизабет, – мягко говорила Франческа. – Она не имела в виду ничего плохого. Действительно не имела. Ты не должна так на это реагировать.

Элизабет почувствовала, как у нее сдавило горло. Как хорошо тетка знала ее! И всегда понимала, как никто другой.

– «Принеси мистеру Винни выпить, дорогая... Его стакан почти пуст». – Она с горечью передразнила застенчивый голос матери. – Мне хотелось умереть. Несмотря на полицию. Несмотря на Джой. Она не может остановиться. Она не оста-

новится. Это никогда не кончится.

– Она желает тебе счастья, моя дорогая. И видит его в браке.

– Таким же, как ее собственный, ты хочешь сказать? – едко спросила она.

Тетка нахмурилась и, положив щетку на комод, аккуратно воткнула в нее расческу.

– Я показывала тебе фотографии, которые мне дал Говуан? – оживленно спросила она, потянув верхний ящик. Он скрипнул и застрял. – Глупый, милый мальчик. Он увидел журнал с фотографиями «до и после» и решил, что мы сделаем такие же с нашего дома. С каждой комнаты, по мере того как будем их обновлять. А затем, возможно, выставим все фотографии в гостиной, когда все будет сделано. Или ими заинтересуется какой-нибудь историк. Или мы сможем использовать их для... – Она сражалась с ящиком, но дерево разбухло от зимней сырости.

Элизабет молча наблюдала за ней. В кругу их семьи всегда было так: вопросы без ответов, тайны и скрытность. Все они были союзниками, чей тайный сговор был направлен на игнорирование прошлого, на то, чтобы оно ушло. Ее отец, ее мать, дядя Джеффри и дедушка. А теперь тетя Франчи. Ее верность узам крови.

Дольше оставаться в ее комнате не имело смысла. Им нужно было сказать друг другу только одну вещь. Элизабет собралась с силами, чтобы выговорить:

– Тетя Франчи. Пожалуйста.

Франческа посмотрела на нее. Она все еще держалась за ящик, все еще безуспешно тянула его, не сознавая, что только приводит его в совершенную негодность.

– Я хотела, чтобы ты знала, – сказала Элизабет. – Тебе надо знать. Я... я боюсь, что вчера вечером не справилась с делом.

Франческа наконец отпустила ящик.

– Каким образом, дорогая моя?

– Просто... она была не одна. Ее даже не было в ее комнате. Поэтому мне вообще не представилось случая поговорить с ней, передать ей твои слова.

– Не важно, дорогая. Ты сделала, что могла, верно? В любом случае я...

– Нет! Пожалуйста!

Голос ее тетки – как всегда – был полон теплого участия, понимания того, что ты чувствуешь, когда лишен ловкости, таланта или надежды. Это безоговорочное признание вызвало у Элизабет спазмы в горле и – бесполезные слезы. Она терпеть не могла плакать – ни от горя, ни от боли, ни от жалости к себе – и поэтому повернулась и выскочила из комнаты.

– Ниче себе!

Гоуван Килбрайд только что дошел почти до крайности: еще одна неприятность – и он не выдержит. Уж на что тогда в библиотеке было муторно, но когда он узнал, что Мэ-

ри Агнес – ничего не подтверждавшая, но и не отрицавшая – оказала Роберту Гэбриэлу те самые милости, от наслаждения которыми Гоуван был отлучен, ему стало совсем тошно. А тут еще миссис Джеррард отправила его в судомойню – сделать что-нибудь с этим проклятым бойлером, который за пятьдесят лет никогда и не работал должным образом... Нет, это было уже выше человеческих сил...

Он, выругавшись, бросил гаечный ключ на пол, где эта штукавина немедленно расколола старую кафельную плитку, разок подпрыгнула и скользнула под раскаленные спирали адского нагревателя воды.

– Черт! Черт! Черт! – Гоуван закипел от злости. Присев на корточки, он пошарил там рукой и тут же обжегся о металлическое дно бойлера.

– Господи боже ты мой! – взвыл он, отпрянув в сторону и сердито глядя на старый агрегат, словно бойлер был каким-то злобным живым существом. Он в ярости пнул его, потом еще раз. Подумал о Роберте Гэбриэле с Мэри Агнес и пнул его в третий раз, выбив одну из проржавевших труб. Шипящей дугой начала разбрызгиваться кипящая вода. – О, черт! – воскликнул Гоуван. – Чтоб ты сгорел, чтоб ты сгнил, чтоб тебя черви съели!

Он схватил с края раковины обрывок полотенца и обмогал трубу, чтобы не обжечься еще раз. С трудом пристроив полотенце как надо, отплеываясь от мелких горячих брызг, он лег на живот. Одной рукой он заправил трубу на место, а

другой стал искать брошенный гаечный ключ и наконец нашупал его у дальней стены. Он еще на дюйм продвинулся к инструменту. Его пальцы были в нескольких сантиметрах от него, когда судомойня внезапно погрузилась во тьму, и Гован понял, что вдобавок ко всему перегорела единственная освещавшая ее лампочка. Источником света остался только сам бойлер, слабое бесполезное красное свечение, светившее ему прямо в глаза. Это стало последним ударом.

– Вот ведь чертова бегемотина! – закричал он. – Проклятая груда железа! Дурацкая бандура! Ты...

И тут он каким-то образом почувствовал, что рядом кто-то есть.

– Кто здесь? Подойдите, помогите мне!

Ответа не последовало.

– Сюда! Здесь, на полу! Опять никто не ответил.

Он повернул голову и безуспешно всмотрелся в темноту. Он уже готов был позвать снова – и на этот раз громче, потому что волосы у него на затылке зашевелились от ужаса, – когда в его сторону кто-то стремительно бросился. Казалось, их было человек шесть, не меньше...

– Эй...

Удар заставил его замолчать. Чья-то рука обхватила его за шею и ударила головой об пол. Дикая боль отозвалась в висках. Его пальцы ослабили хватку, и горячая вода брызнула ему прямо в лицо, ослепив его обжигая, ошпаривая кожу. Он стал неистово вырываться, чтобы освободиться, но

его грубо прижали прямо к раскаленной трубе, так что поток воды хлынул сквозь одежду, ошпаривая грудь, живот и ноги. Одежда на нем была шерстяная и прилипла к нему намертво, удерживая жидкость, едкую, как кислота, на его коже.

– Бо-о-о...

Он попытался крикнуть, пронизанный болью, ужасом и смятением. Но в поясницу ему уперлось колено, и рука, державшая его за волосы, развернула его голову и впечатала его лоб, нос и подбородок в лужицу кипящей воды, образовавшуюся на кафельном полу.

Он почувствовал, как у него хрустнул нос, как лезет с лица кожа. И едва он начал понимать, что его невидимый враг хочет утопить его в луже меньше чем в дюйм глубиной, как услышал щелчок металла о кафель, который ни с чем нельзя было спутать.

Секунду спустя нож вонзился ему в спину.

Свет снова загорелся.

Кто-то быстрыми скачками ринулся вверх по лестнице.

Полагаю, гораздо важнее определить, веришь ли ты Стингерсту, – заметил Сент-Джеймс, обращаясь к Линли.

Они находились в своей угловой комнате, где северо-западное крыло дома соединялось с основным зданием. Это была маленькая комната, неплохо обставленная буковой и сосновой мебелью. В воздухе витал слабый медицинский запах от чистящего средства и дезинфекции, не очень приятный, но терпимый. Из окна Линли было видно западное крыло, где беспокойно ходила по своей комнате Айрин Синклер; на руке у нее висело платье, словно она не могла решить, надевать ли его, или вообще о нем забыла. Ее лицо казалось бледным, удлинненным овалом в обрамлении черных волос – этюд художника, отрабатывающего силу контраста. Линли опустил занавеску и, повернувшись, увидел, что его друг начал переодеваться к ужину.

Это был трудный ритуал, осложнявшийся еще больше тем, что рядом не было тестя Сент-Джеймса обычно ему помогавшего; осложнявшийся потому, что сама эта его нужда в помощнике даже при таком простом действии, как переодевание, возникла из-за беспечности Линли, позволившего себе один-единственный раз не вовремя выпить лишку. Он смотрел на Сент-Джеймса, раздираемый желанием предложить ему помощь, но заранее знал, что услышит вежли-

вый отказ. Сейчас левая нога Сент-Джеймса бездействовала, он передвигался на костылях, шнурки были развязаны, а его лицо все время оставалось абсолютно бесстрастным, словно он не был гибким и ловким каких-то десять лет назад.

– Рассказ Стинхерста звучит правдиво, Сент-Джеймс. Это совсем не такой рассказ, какой придумывают, чтобы избежать обвинения в убийстве, не так ли? Чего он надеялся добиться, унижая собственную жену? Как бы там ни было, его положение очень серьезно. Он сам признался, что имел внушительный мотив для убийства.

– Который нельзя проверить, – спокойно возразил Сент-Джеймс, – разве что поговорить с самой леди Стинхерст. Но чует мое сердце, что Стинхерст уверен: ты слишком джентльмен, чтобы так поступить.

– Разумеется, я это сделаю. Если это будет необходимо.

Сент-Джеймс уронил один ботинок на пол и принялся прилаживать крепление к другому.

– Но давай отвлечемся от твоей, какой он ее видит, реакции, Томми. Давай представим на минутку, что его рассказ – не ложь. С его стороны умно, не ли так открыто преподнести тебе свой мотив убийства. Так тебе нет нужды до чего-то докапываться, нет нужды все время быть начеку. Если довести до абсурда, то тебе даже не нужно подозревать его в убийстве, поскольку он с самого начала был во всем абсолютно честен с тобой. Умно, не так ли? Даже через чур. И каким образом обосновать потом острейшую необходимость уни-

чтожить улику? Согласиться-таки, вроде бы очень неохотно, на присутствие здесь Джереми Винни, борзописца, который после убийства Джой естественно будет повсюду совать нос и вынюхивать пикантные подробности.

– Ты хочешь сказать, что Стинхерст заранее знал, что изменения, внесенные Джой в пьесу, превратят ее в разоблачение романа между его женой и его братом? Но это не вяжется с тем, что смежную с Джой комнату дали Хелен, верно? Или с тем, что дверь в коридор была заперта. Или с отпечатками Дэвис-Джонса, которыми покрыт весь ключ.

Сент-Джеймс не стал возражать. Он только заметил:

– Если уж на то пошло, Томми, полагаю, можно сказать, что это не вяжется и с тем, что Сайдем часть ночи был один. Как и его жена, как выясняется. Поэтому у каждого из них была возможность ее убить.

– Возможность, вероятно. Возможность, похоже, была у всех. Но мотив? Не говоря уже о том, что комната Джой была заперта, поэтому, кто бы это ни сделал, он имел доступ к запасным ключам или попал туда через комнату Хелен. Видишь, мы все время возвращаемся к этому.

– Стинхерст мог иметь доступ к ключам, разве нет? Он сам тебе сказал, что бывал здесь раньше.

– И его жена, и его дочь, и Джой. Все они могли иметь доступ к ключам, Сент-Джеймс. Даже Дэвид Сайдем мог иметь к ним доступ, если ближе к вечеру прошелся по коридору, чтобы посмотреть, в какой комнате скрылась Элизабет Рин-

тул после того, как он прибыл с Джоанной Эллакорт. Но это уже притягивание фактов, не так ли? С чего бы ему интересоваться куда исчезла Элизабет Ринтул? Более того, зачем Сайдему убивать Джой Синклер? Чтобы освободить свою жену от участия в одном спектакле с Робертом Гэбриэлом? Не проходит. По контракту она в любом случае должна играть с Гэбриэлом. Убийство Джой ничего не давало.

– Мы снова возвращаемся к этому пункту, да? Смерть Джой кажется выгодной только одному человеку: Стюарту Ринтулу, лорду Стинхерсту. Теперь, когда она мертва, пьеса, которая сулила ему столько унижений, никогда не будет поставлена. Никем. Это настораживает, Томми. Не понимаю, как ты игнорируешь такой мотив.

– Что до этого...

Раздался стук в дверь. Открыв, Линли увидел констебля Лонана, с дамской сумочкой, положенной в пластиковый пакет. Он крепко держал его обеими руками, словно дворецкий, несущий поднос с сомнительными закусками.

– Это сумочка Синклер, – объяснил констебль. – Инспектор подумал, что вы можете захотеть взглянуть на ее содержимое, прежде чем лаборатория займется поиском отпечатков.

Линли взял у него пакет, положил на кровать и натанул резиновые перчатки, которые Сент-Джеймс достал открытого саквояжа, стоявшего у его ног.

– Где ее нашли?

– В гостиной, – ответил Лонан. – На банкетке под окном, за шторами.

Удивленный Линли резко поднял на него взгляд.

– Спрятана?

– Похоже, она просто сунула ее туда, так же как рассовала все у себя в комнате.

Линли раскрыл «молнию» пластикового пакета, вытряхнул сумочку на кровать. Лонан и Сент-Джеймс с любопытством смотрели, как он открывает ее и вываливает содержимое, которое действительно заслуживало внимания. Линли тщательно раскладывал предметы на две кучки. В одну он поместил вещицы, обычные для сотен тысяч сумочек, висящих на плече сотен тысяч женщин: связку ключей на большом латунном кольце, две недорогие шариковые ручки, неначатую пачку жевательной резинки «Ригли», картонку со спичками, темные очки в новом кожаном футляре.

Вещицы из второй кучки свидетельствовали о том, что, подобно многим женщинам, Джой Синклер надела даже такой обыденный предмет, как черная сумочка через плечо, собственной исключительностью. Сначала Линли пролистал ее чековую книжку на предмет каких-нибудь необычных расходов, но ничего не нашел. Как видно, эта женщина была не слишком обеспокоена своими финансовыми делами, потому что не интересовалась состоянием своего банковского счета по меньшей мере полтора месяца. Это безразличие объяснялось ее бумажником, в котором была по-

чти сотня фунтов в купюрах различного достоинства. Но чекочная книжка и бумажник были тут же отложены в сторону, как только взгляд Линли упал на ежедневник и маленький, размером в ладонь, магнитофон.

Ежедневник оказался новый, только-только начатый. Выходные в Уэстербрэ были отмечены, как и обед с Джереми Винни две недели назад. Тут были записи о театральном вечере, о визите к дантисту, какие-то годовщины и три встречи с отметкой «Аппер-Гровенор-стрит» – все три вычеркнуты, словно встречи не состоялись. Линли перевернул страницу следующего месяца, ничего не нашел, перелистнул еще. Здесь единственное слово «П. Грин» было написано поперек всей недели, «главы 1 – 3» – поперек следующей. Здесь больше ничего не было, за исключением ссылки «День рождения С», вписанной в двадцать пятое число.

– Констебль, – задумчиво проговорил Линли, – я бы хотел поддержать это у себя. Содержимое, а не сумку. Уладите это с Макаскином, пока он не уехал?

Констебль кивнул и вышел из комнаты. Линли подождал, пока за ним закроется дверь, прежде чем вернулся к кровати, взял магнитофон и, глянув на Сент-Джеймса, включил его.

У нее был на редкость приятный голос, гортанный и мелодичный одновременно. Это был манящий, с хрипотцой голос, отмеченный произвольной чувственностью того рода, которую одни женщины считают благословением, а другие проклятием. Звук включался и выключался, она говорила с

разной скоростью на разном фоне – шум машин, подземки, короткие всплески музыки, – словно выхватывала магнитофон из сумки, чтобы сохранить внезапную мысль, где бы она к ней ни пришла.

«Постараться отделаться от Эдны по крайней еще на два дня. Сообщать не о чем. Возможно, поверит, что у меня грипп... Тот пингвин! Она любит пингвинов. Это будет великолепно... Ради бога, не дать маме снова забыть о Салли в этом году... Джон Дэрроу был о Ханне лучшего мнения, пока обстоятельства не вынудили его поверить в худшее... Похлопотать о билетах и о достойном пристанище. На этот раз взять пальто потеплее... Джереми. Джереми. О, боже, почему надо так спешить из-за него? Вряд ли это предложение так невероятно ценно... Было темно, почти метель... чудесно, Джой. Почему просто не отделаться темной грозовой ночью и не покончить раз и навсегда с творчеством?.. Запомнить этот особый запах: гниющих овощей и мусора, плывущего по реке во время последней грозы... Кваканье лягушек, и звук насосов, и совершенно плоская земля... Почему не спросить Риса, как лучше всего к нему подобраться? Он хорошо ладит с людьми. Он сможет помочь... Рис хочет...»

На этих словах Линли выключил магнитофон. Он поднял глаза и увидел, что Сент-Джеймс наблюдает за ним. Пытаясь выиграть время, прежде чем неизбежное встанет между ними, Линли собрал все предметы и положил в пластиковый пакет, который Сент-Джеймс достал из саквояжа. Он завер-

нул его край и убрал в комод.

– Почему ты не допросил Дэвис-Джонса? – спросил Сент-Джеймс.

Линли вернулся к изножью кровати, к своему чемодану, который лежал там на подставке для багажа. Открыв его, он достал оттуда смокинг, давая себе время обдумать вопрос друга.

Проще всего было сказать, что допросить валлийца ему не позволили обстоятельства, что в том, как до сих пор развивалось это дело, есть своя логика, и он интуитивно следовал этой логике, чтобы посмотреть куда она приведет. Но за этой правдой Линли видел другую, неприятную реальность. Он боролся с необходимостью избежать конфронтации, с необходимостью, с которой еще не примирился, настолько она была ему чужда.

В соседней комнате он слышал Хелен, ее движения – легкие, быстрые и очень точные. Он слышал ее тысячу и один раз за эти годы, слышал, не замечая. Теперь же эти звуки словно стали громче, словно собрались навсегда отпечататься в его сознании.

– Я не хочу причинить ей боль, – сказал он наконец.

Сент-Джеймс возился с креплением и черным ботинком и остановился, передыхая, ботинок в одной руке, крепление в другой. Обычное выражение уклончивости сменилось на его лице удивлением.

– У тебя странный способ демонстрировать это, Томми.

– Ты говоришь прямо как Хейверс. Но что ты от меня хочешь? Хелен полна решимости совершенно не замечать очевидного. Должен ли я указать ей на факты сейчас или попридержать язык и позволить ей увлечься этим человеком еще больше, чтобы потом она впала в отчаяние, увидев, как он ее использовал?

– Если он ее использовал, – сказал Сент-Джеймс.

Линли надел чистую сорочку, застегнул ее с плохо скрытым волнением и повязал галстук.

– Если? А чем, Сент-Джеймс, ты можешь объяснить его визит к ней в комнату прошлой ночью?

Его вопрос остался без ответа. Линли чувствовал, что его друг пристально за ним наблюдает. Пальцы Линли возились с неудачно повязанным галстуком.

– О, черт, пр-р-роклятье! – выругался он.

Леди Хелен открыла дверь на стук, ожидая увидеть в коридоре сержанта Хейверс, или Линли, или Сент-Джеймса, готовых сопроводить ее на ужин, словно она была их главной подозреваемой или главным свидетелем, нуждающимся в защите полиции. Но это был Рис. Он ничего не сказал, лицо его выражало нерешительность, как будто он не знал, как его примут. Но когда леди Хелен улыбнулась, он вошел в комнату и толчком закрыл за собой дверь.

Они посмотрели друг на друга, как преступные любовники, жаждущие тайного свидания. Необходимость действовать тихо, украдкой, как настоящие сообщники, распяляла

чувственность, усиливала желание, делая крепче их недавно возникшую связь. Когда он протянул руки, леди Хелен тут же бросилась к нему, ища в них убежища.

Без всяких слов он жадно поцеловал ее лоб, веки, щеки и, наконец, – губы. Ее губы раскрылись в ответ, а руки крепче обняли его, прижимая теснее, словно его близость могла уничтожить худшие события этого дня. Она почувствовала его тело; прижимаясь к ней, оно вызывало сладкую боль, и она затрепетала, пронзенная дурманящим, неожиданным приливом желания. Оно пришло к ней из ниоткуда, растекаясь по жилам жидким огнем. Она спрятала лицо у него на плече, а его ладони уверенно заскользили по ее спине, глядя и лаская.

– Любимая, любимая, – прошептал Рис. Он ничего больше не сказал, потому что при звуке его слов она повернула голову и снова нашла его губы. Через какое-то время он прошептал по-шотландски: – Они взялись за тебя, девочка, – и затем добавил с кривой усмешкой: – Но я полагаю, ты это заметила?

Леди Хелен подняла руку, чтобы убрать его волосы с висков, где их уже тронула седина. Она улыбнулась, чувствуя себя почти успокоенной и не до конца понимающей, почему это так.

– Где это злой валлиец научился говорить по-шотландски?

При этих словах его губы искривились, руки на мгновение

замерли, и леди Хелен поняла, еще до его ответа, что нечаянно сморозила глупость.

– В клинике, – сказал он.

– Ох, господи. Прости меня. Я не думала...

Рис покачал головой, притянул девушку к себе ближе, прижавшись щекой к ее волосам.

– Я ведь ни о чем этом тебе не рассказывал, верно, Хелен? Не хотел, чтобы ты знала.

– Тогда не...

– Нет. Клиника стояла сразу за Портри. На Скае. Самая середина зимы. Серое море, серое небо, серая земля. Катера уходят на материк, а я хочу оказаться на борту – любого из них. Я думал; что Скай доведет меня до постоянного пьянства. Такого рода место испытывает характер человека, как ничто другое. Что-бы выжить, оставалось всего два пути: прикладываться тайком к бутылке виски или совершенствоваться в шотландском. Я выбрал шотландский. Это, по крайней мере было гарантировано моим соседом по комнате, который отказывался говорить на каком-либо другом языке. – Он с робкой лаской коснулся ее волоос. Она казалась застенчивой, неуверенной. – Хелен. Ради бога. Прошу тебя. Я не хочу твоей жалости.

Это в его в его духе, подумала она. Это всегда было в его духе. Именно так он будет пробиваться вперед, избегая любого бессмысленного выражения сострадания, которое, как стена, стояло между ним и остальным миром. Ибо жалость

делала его заложником болезни, которую нельзя излечить. Она приняла его боль, как свою.

– Как ты вообще мог подумать, что я испытываю жалость? Ты что же, считаешь, что прошлой ночью я тебя просто пожалела?

Она услышала его прерывистый вздох.

– Мне сорок два года. Ты знаешь это, Хелен? Я на пятнадцать лет тебя старше? Бог ты мой, или на все двадцать?

– На двенадцать.

– Я был когда-то женат, когда мне было двадцать два. Торри было девятнадцать. Оба только что из провинции, думавшие, что станем следующим чудом Уэст-энда.

– Я этого не знала.

– Она меня бросила. Я отработывал зимний сезон в Норфолке и Суффолке – два месяца здесь, месяц там. Жил в грязных комнатухах и вонючих гостиницах. Думал, что все это не так уж и плохо, раз на столе есть еда, а дети одеты. Но когда я вернулся в Лондон, она уже уехала, домой в Австралию. Мама, и папа и защищенность. Это больше, чем просто хлеб на столе. Или новые туфли. – Его глаза были печальны.

– Сколько вы были женаты?

– Всего пять лет. Но, боюсь, и этого оказалось достаточно, чтобы Торрия смирилась с худшим во мне.

– Не надо...

– Надо! За прошедшие пятнадцать лет я видел своих детей только один раз. Они уже подростки, сын и дочь, которые

даже меня не знают. И что самое мерзкое, я сам виноват. Тория уехала не потому, что я был неудачником в театре, хотя, видит бог, мои шансы на успех были весьма призрачны. Она уехала, потому что я был пьяницей. Был и есть. Я пьяница, Хелен. Ты никогда не должна об этом забывать. Я не должен позволить тебе забыть.

Она повторила то, что он сам сказал как-то вечером, когда они шли вместе по окраине Гайд-парка: «Но ведь это же только слово, не так ли? Оно сильно ровно настолько, насколько мы сами этого хотим».

Он покачал головой. Она чувствовала тяжелые удары его сердца.

– Тебя уже допрашивали? – спросила она.

– Нет. – Его прохладные пальцы легли ей на затылок, и он осторожно заговорил поверх ее головы, словно тщательно отбирал каждое слово: – Они думают, что это я убил ее, да, Хелен?

Ее руки крепче обняли его, ответив за нее. Он продолжал:

– Я размышлял над тем, как, по их мнению, я мог это сделать. Я пришел в твою комнату, принес с собой коньяк, чтобы напоить тебя, занялся с тобой любовью для отвода глаз, затем заколол кузину. Конечно требуется найти мотив. Но они, без сомнения, довольно скоро что-нибудь придумают.

– Коньяк был открыт, – прошептала леди Хелен.

– Они думают, что я что-то туда подсыпал? Господи боже. А что ты? Ты тоже так думаешь? Ты думаешь, что я пришел

к тебе, собираясь напоить тебя, а затем убить свою двоюродную сестру?

– Конечно, нет.

Подняв глаза, леди Хелен увидела, что его усталое печальное лицо стало мягче – от облегчения.

– Когда я встал с кровати, я ее распечатал, – сказал он. – Как же я хотел выпить! До умопомрачения. Но потом проснулась ты. Ты подошла ко мне. И честно говоря, я понял, что тебя хочу больше.

– Тебе необязательно все это мне рассказывать.

– Я был очень близок к тому, чтобы выпить. На волоске. Уже несколько месяцев я такого не испытывал. Если бы тебя там не было...

– Не важно. Я там была. Я здесь сейчас.

До них донеслись голоса из соседней комнаты: на мгновение повисившийся – Линли, за которым последовало примирительное бормотание Сент-Джеймса.

– Твое великодушие будет подвергнуто жестокому испытанию, Хелен. Ты ведь об этом знаешь? И даже если тебе представят неопровержимую правду, тебе придется самой решать, почему я пришел в твою комнату прошлой ночью, почему я хотел быть с тобой, почему я занимался с тобой любовью. И, самое главное, что я делал все то время, пока ты спала.

– Мне не нужно решать, – заявила леди Хелен. – Насколько мне известно, у этой истории только одна сторона.

Глаза Риса потемнели до черноты.

– Нет, две. Его и моя. И ты это знаешь.

Когда Сент-Джеймс и Линли вошли в салон, то увидели, что ужин им предстоит пренеприятнейший. Собравшаяся публика не могла бы выбрать более удачную мизансцену, чтобы выразить свое неудовольствие тем, что они будут ужинать вместе с Нью-Скотленд-Ярдом.

Джоанна Эллакорт выбрала для себя место в центре. Полулежа на шезлонге красного дерева у камина, она окинула их ледяным взглядом, отпила что-то вроде розового сиропа, увенчанного чем-то белым, и демонстративно вперилась в каминную полку в стиле Георга II, словно ее бледно-зеленые пилястры необходимо было запечатлеть в памяти навсегда. Остальные сидели вокруг нее на диванах и стульях; их бессвязный разговор полностью прекратился при появлении двух полицейских.

Линли осмотрелся, отметив про себя, что некоторые отсутствуют, и в частности – леди Хелен и Рис Дэвис-Джонс. Как ангел-хранитель, у столика с напитками в дальнем конце комнаты сидел констебль Лонан, не сводя бдительного взгляда с компании, будто ожидая, что, того и гляди, кто-то из них совершит новое преступление. Линли и Сент-Джеймс подошли к нему.

– Где остальные?

Еще не спустились, – ответил Лонан. – А эта леди только что пришла сюда сама.

Линли увидел, что упомянутая леди была дочь Стинхерста, Элизабет Ринтул, и она шла к столику с напитками с таким видом, будто ее ведут на казнь. В отличии от Джоанны Эллакорт, которая оделась к ужину плотно облегающее атласное платье, как будто был великосветский раут, Элизабет нацепила коричневую твидовую юбку и мешковатый зеленый свитер, вещи явно старые и отвратительно сидевшие, свитер был украшен тремя дырочками, проеденными молью.

Линли знал, что ей тридцать пять лет, но выглядела она значительно старше, как женщина, которая приближалась к среднему возрасту самым худшим из возможных способов – девственницей. Ее волосы, возможно вследствие неудачной попытки стать блондинкой, были выкрашены в неестественный коричневый цвет, который, впрочем, получился скорее медным. Они были так сильно завиты, что походили на ширму, из-за которой она могла обозревать мир. Цвет и прическа выдавали, что выбор их был сделан по журнальной фотографии, причем без учета цвета и формы лица. Она была очень сухопарой, лицо худое, изможденное. Над верхней губой уже обозначились морщины.

На этом бескровном лице отражалась неловкость, пока она пересекала комнату, судорожно ухватившись одной рукой за юбку. Она не потрудилась представиться, не удосужилась соблюсти хотя бы минимальные формальности знакомства. Было ясно, что она больше двенадцати часов ждала возможности задать свой вопрос и не намерена отклады-

вать это и на минуту дольше. Тем не менее, заговорив, она не смотрела на Линли. Ее глаза – неумело подкрашенные тенями странного оттенка – цвета морской волны – лишь скользнули по его лицу и с этого момента были устремлены исключительно на стену, словно она обращалась к висевшей там картине.

– Ожерелье у вас? – спросила она натянуто.

– Прошу прощения?

Руки Элизабет неестественно развернулись – ладонями вверх.

– Жемчужное ожерелье моей тети. Вчера вечером я отдала его Джой. Оно у нее в комнате?

В группке у камина раздалось какое-то бормотание, после чего Франческа Джеррард поднялась и, подойдя к Элизабет, взяла ее за локоть, намереваясь увести назад, к остальным. На полицейских она не смотрела.

– Все в порядке, Элизабет, – бормотала она. – В самом деле. Все в порядке.

Элизабет вырвалась.

– Ничего не в порядке, тетя Франчи. Я же не хотела отдавать его Джой. Я знала, что это не поможет. И теперь, когда она умерла, я хочу получить его обратно. – Она по-прежнему ни на кого не смотрела. Глаза у нее были покрасневшие, что еще больше подчеркивалось зеленоватыми тенями.

Линли посмотрел на Сент-Джеймса:

– В комнате был жемчуг?

Тот покачал головой.

– Но я отнесла ей ожерелье. Ее еще не было в комнате. Она пошла... Тогда я попросила его... – Элизабет умолкла, ее лицо подергивалось. Она поискала взглядом и остановилась на Джереми Винни. – Вы не отдали ей его, да? Вы пообещали отдать, но не сделали этого. Куда вы подевали ожерелье?

Винни не донес до рта джин с тоником. Его пальцы, очень пухлые и очень волосатые, сжали стакан. Было ясно, что обвинение явилось для него полной неожиданностью.

– Я? Разумеется, я его ей отдал. Не глупите.

– Вы лжете! – резко выкрикнула Элизабет. – Вы сказали, что она ни с кем не хочет говорить! И положили его себе в карман! Между прочим, я слышала в вашей комнате ваш голос и ее! Я знаю, чего вы хотели! Но когда она не позволила вам это сделать, вы пошли за ней в ее комнату, верно? И от злости вы убили ее! И забрали жемчуг!

При этих словах Винни очень резко вскочил, несмотря на свой вес. Он попытался оттолкнуть Дэвида Сайдема, который схватил его за руку.

– Ты сушенная маленькая мегера! – взорвался он. – Ты здорово ее ревновала, вероятно, сама и убила! Шныряла тут, подслушивала под дверями. А теперь пытаешься свалить на кого-нибудь вину?

– Господи Иисусе, Винни...

– И что вы с ней делали? – От злости на щеках Элизабет проступили красные пятна. Губы глумливо изогну-

лись. – Надеялись подпитать свои творческие силы, пустив ей кровь? Или обхаживали ее, как все остальные здешние мужчины?

– Элизабет! – слабо взмолилась Франческа Джеррард.

– Потому что я знаю, зачем вы приехали! Я знаю, что вам надо!

– Она ненормальная! – презрительно пробормотала Джоанна Эллакорт.

Тут вмешалась леди Стинхерст, выпалив ей в ответ. – Да как у вас язык повернулся! Не смейте! Вы сидите здесь, как стареющая Клеопатра, которой нужны мужчины, чтобы...

– Маргерит! – прогремел голос ее мужа, заставив всех испуганно умолкнуть.

Напряжение сняли шаги на лестнице и в холле, и через миг в комнату вошли те, кого недосчитался Линли: сержант Хейверс, леди Хелен, Рис Дэвис-Джонс. А спустя полминуты появился и Роберт Гэбриэл.

Его взгляд метнулся от застывшей группы у камина к столу с напитками, где изготовились к бою Элизабет и Винни. Это был момент для эффектной реплики, и он не преминул им воспользоваться.

– Ах! – Он весело улыбнулся. – Мы и в самом деле все в дерьме. Но интересно, кто из нас смотрит на звезды?

– Уж точно не Элизабет, – коротко ответила Джоанна Эллакорт и снова стала потягивать свой напиток.

Краем глаза Линли увидел, как Дэвис-Джонс подвел леди

Хелен к столику с выпивкой и налил ей сухого шерри. Он даже знает ее вкусы, уныло подумал Линли и решил, что всей этой компании с него уже хватит...

– Расскажите мне о жемчуге, – попросил он. Франческа Джеррард ухватилась за низку своих дешевых бус. Они были красновато-коричневыми и резко выделялись на зелени блузки. Наклонив голову и поднеся ко рту ладонь, словно пытаясь скрыть выступающие зубы, она заговорила с нерешительностью воспитанного человека, которому неловко вмешаться в чей-то спор.

– Я... Это моя вина, инспектор. Видите ли, вчера вечером я действительно попросила Элизабет предложить Джой жемчуг. Он, конечно, очень недурен, но я подумала, что если ей нужны деньги...

– А Понятно. Взятка.

Взгляд Франчески устремился на лорда Стинхерста.

– Стюарт, ты не?.. – Она запнулась от смущения.

Ее брат не ответил.

– Да. Я подумала, что она, может быть, захочет взять свою пьесу назад.

– Скажи им, сколько стоит этот жемчуг, – горячо настаивала Элизабет. – Скажи им!

Франческа, явно не привыкшая обсуждать подобные вещи публично, неодобрительно, но очень деликатно помычала:

– М-м... Это был свадебный подарок Филипа. Моего

мужа. Жемчужины были... великолепно подобраны, поэтому...

– Колье стоило больше восьми тысяч фунтов, – выпалила Элизабет.

– Я, конечно, всегда собиралась передать его своей дочери. Но поскольку детей у меня нет...

– Оно переходит к нашей маленькой Элизабет, – победно закончил Винни. – Поэтому кто скорей всего мог стащить его из комнаты Джой? Ах ты, мерзкая сучка! И додумалась свалить на меня!

Элизабет стремительно бросилась к нему. Ее отец, вскочив, перехватил ее. Назревала очередная потасовка. Но в самый разгар страстей в дверях появилась Мэри Агнес Кэмпбелл и замерла в нерешительности на пороге, теребя кончики волос и глядя на всех округлившимися глазами.

Чтобы хоть как-то разрядить атмосферу, Франческа Джеррард спросила:

– Ужин, Мэри Агнес?

Мэри Агнес, не ответив ей, обвела взглядом комнату.

– Гоуван... – ответила она. – Его тут нету? И с полицейскими тоже? Он срочно нужен... – Ее голос прервался. – Вы не видали...

Линли переглянулся с Сент-Джеймсом и Хейверс. Они все втроем разом подумали о самом страшном. И разом вскочили.

– Проследите, чтобы никто отсюда не выходил, – бросил

Линли констеблю Лонану.

Они отправились в разные стороны, Хейверс вверх по лестнице, Сент-Джеймс вниз, в нижний северо-восточный коридор, а Линли в столовую, через буфетную и котельную. Ворвался в кухню. Кухарка вздрогнула от неожиданности, держа в руке кипящий чайник. Овощной суп с мясом лился через край кастрюли ароматной струйкой. Линли слышал, как наверху грохочет в западном коридоре Хейверс. Распахивает двери. Зовет парня по имени.

Семь шагов, и Линли очутился у судомойни. Ручка повернулась в его руке, но дверь не открылась. Что-то мешало изнутри.

– Хейверс! – закричал он и в нарастающей тревоге снова заорал: – Хейверс! Что за чертовщина!

Затем он услышал, как она несется вниз по лестнице, услышал, как она остановилась, услышал ее недоверчивый вскрик, услышал странный хлюпающий звук – как будто ребенок шлепает по лужам. Шли драгоценные секунды. И затем ее голос, как горькое лекарство, которое знаешь, что придется проглотить, но надеешься, что до этого не дойдет:

– Гоуван! Господи!

– Хейверс, ради бога...

Последовало какое-то движение, что-то оттащили. Дверь открылась на драгоценные двенадцать дюймов, и Линли ворвался в жару, в пар и в самую сердцевину несчастья.

Гоуван, с испачканной и облепленной чем-то алым спи-

ной, лежал на животе поперек верхней ступеньки, видимо пытаясь выбраться из помещения, а кипящая вода, вытекавшая из бойлера, смешивалась с остывающей водой на полу. Она поднялась уже на несколько дюймов, и Хейверс прошла по ней назад, ища клапан, который мог бы ее перекрыть.

Когда она нашла его, комната погрузилась в странную немоту, нарушенную голосом кухарки с той стороны двери:

– Это Гоуван? Наш паренек? – И мелодично запричитала, стоны ее гулко отскакивали от стен кухни.

Но едва она замолчала, другой звук разорвал горячий воздух. Гоуван дышал. Он был жив.

Линли повернул юношу к себе. Его лицо и шея представляли собой вздувшееся, красное месиво из обваренного мяса. Рубашка и брюки прикипели к телу.

– Гоуван! – воскликнул Линли. И потом: – Хейверс, звоните в «скорую»! Позовите Сент-Джеймса. – Она не шевельнулась. – Черт побери, Хейверс! Делай те, что вам сказано!

Но она не могла оторвать взгляд от лица паренька. Линли резко обернулся и увидел, что глаза Гоувана начали стекленеть. Он понял, что это означает...

– Гоуван! Нет!

На мгновение показалось, что Гоуван отчаянно пытается ответить на этот крик, вырваться назад, из темноты. Он с трудом вздохнул, ему мешала кровавая мокрота.

– Не... *видел...*

— Что? – нетерпеливо переспросил Линли. – Не видел

что?

Хейверс наклонилась вперед:

– Кого? Гоуван, *кого!*

С огромным усилием глаза паренька нашли ее. Но он ничего больше не сказал. Его тело еще раз содрогнулось и замерло.

Линли увидел, что, сам того не замечая, крепко сжал рубашку Гоувана в отчаянной попытке вдохнуть жизнь в его изуродованное тело. Теперь он отпустил ее, позволив – теперь уже труп – снова лечь на ступеньку, и почувствовал, как его охватило ощущение яростного бессилия. Оно зародилось, как вопль, возникший глубоко внутри мышц, тканей и органов, вопль, рвущийся наружу. Он подумал о непрожитой жизни – и последующих поколениях, бессердечно уничтоженных в одном пареньке, который сделал... Но что? За какое преступление он заплатил? За какое случайное замечание? За какой случайно узнанный факт?

У него защипало в глазах, сердце болезненно колотилось, и он решил позволить себе на минуту расслабиться, не прислушиваться к словам сержанта Хейверс. Ее голос прерывался от боли и жалости:

– Он вытащил эту проклятую штуку! Боже мой, инспектор, должно быть, он ее вытащил!

Линли увидел, что она снова идет к стоявшему в углу бойлеру. Опускается на колени, не обращая внимания на то, что пол залит водой. В руке у нее обрывок полотенца; обернув

им ладонь, она что-то поднимает из лужи... Это был кухонный нож, тот самый нож, который Линли видел в руках кухарки всего несколько часов назад.

В судомойне было чересчур тесно, поэтому инспектор Макаскин лихорадочно мерил шагами кухню. Его левая рука на ходу скользила вдоль стоявшего в центре стола; пальцы правой руки он грыз с ожесточенной сосредоточенностью. Его взгляд метался с окон, которые безучастно являли ему его собственное отражение, на закрытую дверь, ведущую в столовую. Оттуда доносился громкий плач женщины и полный ненависти голос мужчины: родители Гоувана Килбрайда из Хиллвью-фарм, встретившись с Линли, не слишком с ним церемонились, охваченные первым гневом своего горя.

Этажом выше, над ними, за закрытыми и охраняемыми дверями подозреваемые ждали вызова полиции. Снова, подумал Макаскин. Он громко выругался, терзаясь угрызениями совести: не предложи он выпустить всех из библиотеки ради ужина, Гоуван Килбрайд вполне мог остаться в живых.

Макаскин как раз развернулся, когда дверь в судомойню открылась и оттуда вышли медицинский эксперт из Стрэтклайда и Сент-Джеймс. Он торопливо к ним подошел. За их плечами он увидел двух других криминалистов, все еще отчаянно пытавшихся собрать улики, не уничтоженные водой и паром.

– Задета правая ветвь легочной артерии – мое предварительное заключение. Посмотрим, что покажет вскрытие, –

пробормотал эксперт Макаскину, снимая перчатки и засовывая их в карман пиджака.

Макаскин вопрошающе посмотрел на Сент-джеймса.

– Возможно, тот же убийца. – Сент-Джеймс кивнул. –
Правша. Нанесен всего один удар, как в тот раз...

– Мужчина или женщина?

Сент-Джеймс, задумавшись, вздохнул:

– Полагаю, что мужчина. Но я не стал бы исключать и женщину.

– Но для подобного удара требуется значительная сила!

– Или выброс значительной дозы адреналина в кровь. Такое могла сделать и женщина, если ее довести.

– Довести?

– Слепая ярость, паника, страх.

Макаскин слишком сильно прикусил кожу на пальце и почувствовал вкус крови.

– Но кто? *Кто?* — риторически вопрошал он.

Отперев дверь в комнату Роберта Гэбриэла, Линли увидел, что тот сидит словно узник в одиночной камере. Он выбрал самый неудобный стул и сидел на нем, весь сторбившись, оперевшись локтями о колени, а его наманикюренные пальцы вяло болтались.

Линли приходилось видеть Гэбриэла на сцене, особенно памятным был «Гамлет» четыре сезона назад. Но теперь, увидев его крупным планом, он просто не узнавал того актера, который увлекал публику в глубины истерзанной души

принца Датского. Несмотря на то что ему было лишь немного за сорок, Гэбриэл успел сильно сдать. Под глазами образовались мешки, а жировые отложения уже плотно угнездились вокруг его талии. Волосы были хорошо подстрижены и идеально уложены, но, невзирая на гель который должен был удерживать их в модной причёске, они казались жидковатыми и какими-то неестественными, словно он их подкрасил. На макушке волос едва хватало на то, чтобы прикрыть лысинку, маленькую, но неуклонно растущую. Предпочитавший молодежный стиль, Гэбриэл носил брюки и рубашки такой расцветки и из таких тканей, которые были уместны летом в Майами-Бич, но никак не зимой в Шотландии. Они были нелепы, они выдавали раздерганность в человеке, от которого ожидаешь уверенности в себе и непринужденности.

Линли кивком направил Хейверс ко второму стулу, а сам остался стоять. Он выбрал место рядом с роскошным, из твердой древесины комодом: оттуда он мог беспрепятственно разглядывать лицо Гэбриэла.

– Расскажите мне о Гоуване, – сказал он. Сержант зашуршала страницами своего блокнота.

– Всегда думал, что моя мать разговаривает как полицейский, – устало отозвался Гэбриэл. – Вижу, что не ошибся. – Он потер шею, словно хотел размять затекшие мышцы, затем выпрямился и взял с ночного столика дорожный будильник – Его дал мне мой сын. Нелепая вещица. Он уже не в состоянии правильно показывать время, но я не могу выбросить

его на помойку. Я бы назвал это родительской преданностью. А моя мама назвала бы это чувством вины.

— Сегодня днем у вас вышла ссора в библиотеке.

Гэбриэл насмешливо фыркнул:

— Да. Кажется, Гоуван решил, что я наслаждался кое-какими прелестями Мэри Агнес. Ему это не очень понравилось.

— А вы насладились?

— Господи. Теперь вы говорите как моя бывшая жена.

— Возможно. Но вы уходите от ответа на мой вопрос.

— Я поболтал с ней немного, — бросил Гэбриэл. — Только и всего.

— Когда это было?

— Не помню. Вчера. Вскоре после моего приезда. Я распаковывал вещи, а она постучала в дверь, якобы принесла мне полотенца, в которых я не нуждался. Ну и осталась поболтать, достаточно долго, чтобы выяснить, есть ли у меня знакомые среди актеров, которые стоят первыми в ее списке, в смысле матримониальных перспектив. — Гэбриэл воинственно подождал, а когда дополнительных вопросов не последовало, сказал: — Хорошо, хорошо. Может, я немного погладил ей плечико или что-нибудь еще. Или поцеловал. Не помню.

— *Может быть*, погладили? И не помните, целовали или нет?

— Я не обратил внимания, инспектор, я же не знал, что мне придется отчитываться за каждую секунду, проведенную здесь, перед лондонской полицией.

– Вы говорите так, словно прикосновения и поцелуи – это нечто вроде молотка невропатолога, которым он бьет по коленной чашечке, – заметил с бесстрастной учтивостью Линли. – Что же должно было произойти, чтобы вы соизволили это запомнить? Совращение по полной программе? Попытка изнасилования?

– Ладно! Она сама была весьма не против! И я не убивал этого парнишку. Было бы из-за чего...

– А что все-таки было?

У Гэбриэла достало совести, чтобы изобразить смущение.

– Боже мой, ну, чуть прижал ее. Может, залез под юбку. Я не укладывал эту девушку в постель.

– По крайней мере не тогда.

– Вообще не укладывал! Спросите у нее! Она скажет вам то же самое. – Он прижал пальцы к вискам, будто хотел унять боль. Его лицо, все в синяках от схватки с Гоуваном, казалось изнуренным. – Послушайте, я не знал, что Гоуван положил глаз на эту девчонку. Я тогда даже его не видел. Не подозревал о его существовании. Я-то подумал, что у нее никого нет. И, клянусь Богом, она даже не противилась. Да с чего бы ей, если она так увлеклась, так старалась сполна насладиться...

В голосе актера прозвучала гордость, свойственная тем мужчинам, которые просто не могут не обсуждать свои сексуальные победы. Не важно, что их подвиги выглядят порой ребячески наивными, главное – удовлетворить некую смут-

ную потребность покрасоваться. Линли стало интересно, что же вдохновило на откровения Гэбриэла. Тоже исключительно желание покрасоваться?

– Расскажите мне о вчерашнем вечере, – попросил он.

– Тут нечего рассказывать. Я выпил в библиотеке. Поговорил с Айрин. После этого отправился в постель.

– Один?

– Да, представьте себе, один. Не с Мэри Агнес. Ни с кем другим.

– Однако, заявив это, вы лишаетесь алиби...

– Бога ради, инспектор, да на что мне это ваше алиби? Зачем мне убивать Джой? Ну да, у нас с ней был роман. Из-за которого распался мой брак, все верно. Но если бы я хотел ее убить, я бы сделал это в прошлом году, когда Айрин обо всем узнала и развелась со мной. Зачем мне было столько ждать?

– Джой не стала бы участвовать в вашем плане, не так ли, не стала бы помогать вам вернуть жену? Вероятно, вы были уверены, что Айрин вернется к вам, если Джой скажет ей, что вы согрешили только один раз. Не регулярные встречи в течение года, а только раз. Но Джой не собиралась ради вас лгать.

– Значит, я убил ее из-за этого? Когда? Как? Все в этом доме знают, что дверь в ее комнату была заперта. Так что я сделал? Спрятался в шкафу и ждал, пока она заснет? Или еще лучше – прокрался туда и обратно через комнату Хелен

Клайд, надеясь, что она не заметит?

Линли не позволил себе пытаться перекричать его.

– Когда вы сегодня вечером покинули библиотеку, то куда пошли?

– Пришел сюда.

– Сразу же?

– Конечно. Очень хотелось принять душ. Я поганно себя чувствовал.

– По какой лестнице вы шли?

Гэбриэл моргнул.

– Что вы хотите этим сказать? Какие еще лестницы здесь есть? Я воспользовался лестницей в холле.

– Не той, что расположена совсем рядом с этой комнатой? Черной лестницей, которая ведет в судомойню?

– Я понятия не имел, что она там есть. Не в моих привычках шнырять по дому, ища другие пути в свою комнату, инспектор.

Ответ был достаточно обтекаемым, невозможно было проверить, видел ли его кто-нибудь в судомойне или на кухне за последние сутки. Разумеется, этой лестницей пользовалась Мэри Агнес, когда работала на этом этаже. А стены здесь не такие толстые, чтобы он не мог слышать шаги.

Линли стало ясно, что Роберт Гэбриэл только что сделал свою первую ошибку. Он задумался, прикидывая, что еще скрывает этот человек.

В дверь просунул голову инспектор Макаскин. Лицо его

было спокойно, но в трех произнесенных им словах прозвучала торжествующая нотка:

– Мы нашли жемчуг.

Ожерелье все время было у этой Джеррард, – сказал Маскин – Она без особого сопротивления отдала его как только мой человек пришел обыскать ее комнату. Я отвел ее в гостиную.

Франческа Джеррард почему-то решила украсить себя жутким количеством дешевой бижутерии. Семь разноцветных ниток бус – от цвета слоновой кости до черного – добавились к красновато-коричневым, и еще она нацепила множество металлических браслетов, из-за которых при каждом ее движении казалось, будто она в кандалах. В ушах красовались дискообразные пластмассовые клипсы воинственной раскраски: в пурпурную и черную полоску. Тем не менее этот безвкусный набор украшений не выглядел как дань эксцентричности или отрешенности от мира. Скорее, хоть и сомнительно, они были модификацией пепла, которым женщины Востока посыпают головы, если дом постигла смерть.

Очевидно было только то, что Франческа Джеррард скорбела. Она сидела у стола, локоть плотно прижат к талии, кулак – к переносице. Медленно раскачиваясь из стороны в сторону, она плакала. Слезы были искренними. Линли повидал немало скорбящих и умел различить неподдельное чувство.

– Принесите ей что-нибудь, – попросил он Хейверс. – Вис-

ки или бренди. Шерри. Что-нибудь. Из библиотеки.

Хейверс вернулась минуту спустя с бутылкой и несколькими стаканами. Налила немного виски в один из стаканов. Его дымный аромат пронзил воздух, как резкий звук.

С необычной для нее мягкостью Хейверс вложила стакан Франческе в руку.

– Выпейте немного, – сказала она. – Пожалуйста. Чтобы успокоиться.

– Не могу! Не могу! – Тем не менее Франческа позволила сержанту Хейверс поднести стакан к ее губам. Скривившись, сделала глоток, закашлялась, глотнула еще. Затем судорожно заговорила: – Он был... Мне нравилось думать, что он мой сын. Детей у меня нет. Гоуван... Это я *виновата*, что он мертв. Я попросила его работать на меня. Сам он не очень хотел. Он хотел уехать в Лондон. Хотел быть похожим на Джеймса Бонда. Мальчишеские мечты. И он мертв. А виновата в этом – я.

Стараясь не шуметь, остальные потихоньку расселись – Хейверс за стол вместе с Линли, Сент-Джеймс и Макаскин – так, чтобы Франческа их не видела.

– Смерть – всегда чья-то вина, – тихо произнес Линли. – Я тоже виноват в том, что случилось с Гоуваном. И теперь всегда буду это помнить.

Франческа удивленно подняла на него глаза. Очевидно, она не ожидала такого признания от полицейского.

– Я чувствую, что потеряла какую-то часть себя. Как буд-

то... Нет, я не могу объяснить. – Голос ее дрогнул, затем она замолчала.

«Смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством»²⁶.

Годами сталкиваясь со смертью в самых разных ее проявлениях, Линли понимал это как никто, гораздо лучше чем не познавшая этот печальный опыт Франческа Джеррард. Но он только сказал:

– Вы скоро убедитесь, что в подобных случаях скорбь непременно облегчается справедливым возмездием. Не сразу, конечно. Но дайте нам время. И потому вам нужна я. – Да. Я понимаю.

Она дрожащей рукой выудила из кармана скомканный платок и высморкалась, потом, преодолев отвращение, сделала еще один глоток виски. Глаза ее снова наполнились слезами. Несколько слезинок скатились, прочертив по щекам влажные дорожки.

– Как получилось, что ожерелье было в вашей комнате? – спросил Линли. Сержант Хейверс вынула карандаш.

Франческа колебалась. Ее губы раскрылись дважды, прежде чем она заставила себя заговорить.

– Я забрала его этой ночью. Я бы сказала вам еще в салоне. Я хотела. Но когда Элизабет и мистер Винни начали... Я не знала, что делать. Все произошло так быстро. А потом Гоуван... – Она споткнулась на этом имени, как не заметив-

²⁶ Джон Донн, перев. Н. Волжиной и Е. Калашниковой.

ший камешка бегун, который потом долго не может восстановить равновесие.

– Да. Понимаю. Вы ходили в комнату Джой за ожерельем или она сама принесла его вам?

– Я пошла к ней в комнату. Оно лежало на комод у двери. Полагаю, что-то меня смутило, и я передумала отдавать его ей.

– Вам так легко его вернули? Без всяких споров?

Франческа покачала головой:

– Их просто не было. Она спала.

– Вы видели ее? Вы вошли в комнату? Дверь была не заперта?

– Нет. Я пошла без своих ключей, потому что сначала подумала, что она будет открыта. В конце концов, все друг друга знали. Причин запираяться не было. Но ее комната была заперта, поэтому я сходила в свой кабинет за запасным ключом.

– Изнутри ключа в замке не было?

Франческа нахмурилась.

– Нет... конечно, нет, иначе я бы не смогла открыть своим.

– Опишите, предельно точно, все свои действия миссис Джеррард.

Франческа с готовностью восстановила маршрут из своей комнаты к комнате Джой. Вот она повернула ручку двери и обнаружила, что та заперта; вот она идет от комнаты Джой в свою, чтобы взять из комода ключ от стола в кабинете; из

комнаты – в кабинет, где она достает из нижнего ящика стола ключ; из кабинета – снова к комнате Джой, где она, стараясь не шуметь, отперла дверь. Благодаря свету, просочившемуся из коридора, она увидела ожерелье, взяла его и снова заперла дверь; затем от комнаты Джой – в кабинет, чтобы положить ключ на место; а из кабинета назад в свою комнату, где спрятала ожерелье в шкатулку с драгоценностями.

– Сколько было времени? – спросил Линли.

– Три пятнадцать.

– Точно?

Она кивнула и стала объяснять:

– Доводилось ли вам совершать импульсивные поступки, о которых вы потом сожалели, инспектор? Едва Элизабет отнесла ожерелье к Джой, я тут же пожалела о своем жемчуге. Лежа в постели, я пыталась что-то придумать. Мне не хотелось ссориться с Джой и обременять своего брата Стюарта просьбами. Поэтому... получается, что я его украла, да? А почему я знаю, что было три пятнадцать... я лежала без сна, глядя на часы, и именно в это время наконец решила попытаться вернуть ожерелье.

– Вы сказали, что Джой спала? Вы ее видели? Слышали ее дыхание?

– В комнате было очень темно. Скорее всего, я решила, что она спит. Она не шевелилась, не разговаривала. Она... – Ее глаза расширились. – Вы хотите сказать, что она могла быть мертва?

– Вы вообще видели ее?

– То есть в кровати? Нет, кровать мне не было видно. Дверь мешала, я ведь только приоткрыла ее, всего на несколько дюймов. И конечно, просто подумала...

– А ваш стол в кабинете? Он был заперт?

– О да, – ответила она. – Он всегда заперт.

– У кого есть от него ключ?

– У меня один ключ. У Мэри Агнес второй.

– Мог ли кто-нибудь видеть, как вы идете из своей комнаты к комнате Джой? Или в кабинет? Или туда и туда?

– Я никого не заметила. Но думаю... – Она покачала головой. – Нет, не знаю.

– Но вам ведь понадобилось пройти мимо нескольких комнат, верно?

– Разумеется, в главном коридоре меня мог увидеть кто угодно, если этот кто-то не спал. Но тогда бы я его заметила. Или хотя бы услышала открывающуюся дверь.

Линли подошел к Макаскину, который уже изучал поэтажный план, который так и лежал на столе после предыдущей беседы – с Дэвидом Сайдемом. Помимо комнат леди Хелен и Джой Синклер прямо в главный коридор выходили четыре комнаты: Джоанны Эллакорт и Дэвида Сайдема, лорда Стинхерста с женой и комната Риса Дэвис-Джонса, в которой он не ночевал, и комната Айрин Синклер – на углу главного коридора и западного крыла дома.

– Эта женщина права, – пробормотал Макаскин обраша-

ьясь к Линли, пока они рассматривали план. – Она наверняка что-нибудь да услышала бы или увидела, наконец, просто насторожилась бы, почувствовав, что за ней наблюдают.

– Миссис Джеррард, – спросил Линли через плечо, – вы абсолютно уверены, что комната Джой была заперта?

– Конечно, – ответила она. – Я даже хотела послать ей записку с утренним чаем, предупредить, что забрала ожерелье назад. Вероятно, это действительно следовало сделать. Но потом...

– И вы положили ключи назад в стол?

– Да. Почему вы все время спрашиваете меня о двери?

– И вы снова заперли дверь?

– Да. В этом я уверена. Это я делаю всегда.

Линли отвернулся от стола, но остался стоять рядом с ним, устремив взгляд на Франческу.

– Можете ли вы сказать мне, – спросил он, – как получилось, что Хелен Клайд дали комнату, смежную с комнатой Джой Синклер? Это вышло случайно?

Франческа поднесла руку к бусам – машинальный жест, сопутствующий размышлению.

– Хелен Клайд? – повторила она. – Не Стюарт ли предложил, чтобы... Нет. Не так. Мэри Агнес приняла звонок из Лондона. Я помню, потому что Мэри пишет, как ей слышится, и имя, которое она записала, было незнакомо. Я велела ей произнести его.

– Имя?

– Да. Она написала «Джойс Инкар», что было явной бессмыслицей, пока она не произнесла его: «Джой Синклер».

– Джой вам позвонила?

– Да. Поэтому я перезвонила ей. Это было... должно быть, это было вечером в прошлый понедельник. Она спросила, нельзя ли будет поселить Хелен Клайд в соседнюю с ней комнату.

– Джой просила за Хелен? – резко перебил ее Линли. – Даже назвала ее имя?

Франческа молчала, опустив взгляд на план дома, потом снова встретилась глазами с Линли.

– Нет. Не совсем так Она просто сказала, что ее двоюродный брат везет с собой гостью и нельзя ли дать этой гостье комнату рядом с ней. Видимо, я решила, что она знает... – Она замолчала, потому что Линли оттолкнулся от стола.

Он перевел взгляд с Макаскина на Хейверс и Сент-Джеймса.

Тянуть было бессмысленно.

– Я сейчас же должен встретиться с Дэвис-Джонсом, – сказал он.

Рис Дэвис-Джонс сохранял присутствие духа, несмотря на эскорт в лице констебля Лонана, который с прилипчивостью дурной репутации следовал за ним по пятам. Валлиец окинул смелым взглядом всех четверых полицейских, взглядом нарочито прямым, что бы показать, что скрывать ему нечего. *Темная лошадка, на которую никогда не подумаешь...* Лин-

ли кивком предложил ему занять место за столом.

– Расскажите мне о прошлой ночи, – заговорил он.

Дэвис-Джонс никак не отреагировал на вопрос, только убрал с глаз долой бутылку с виски. Кончиками пальцев он провел по ребрам пачки сигарет «Плейерз», которую достал из кармана пиджака, но не закурил.

– А что именно вас интересует?

– Ваши отпечатки пальцев на ключе в двери, которая соединяет комнаты Хелен и Джой, коньяк, который вы принесли Хелен, и еще – где вы были до часу ночи, именно в это время вы пришли к ней в номер.

И снова Дэвис-Джонс не отреагировал ни на сами слова, ни на скрытую в них угрозу. И не счел нужным отпираться:

– Коньяк принес я, потому что хотел ее увидеть, инспектор. Согласен, не очень-то солидный предлог, чтобы попасть на несколько минут в комнату женщины.

– Похоже, он отлично сработал.

Дэвис-Джонс не ответил. Линли видел, что он намерен говорить как можно меньше. И тут же почувствовал точно такую же решимость вырвать у этого человека все факты до единого.

– А ваши отпечатки на ключе?

– Я запер дверь, даже обе двери. Нам хотелось уединения.

– Вы вошли к ней в комнату с бутылкой коньяку и обе двери? Довольно прозрачный намек на ваши намерения, вы не находите?

Дэвис-Джонс едва заметно напрягся.

– Все было не так.

– Тогда расскажите мне, как все это было.

– Мы немного поговорили о читке. Предполагалось, то благодаря пьесе Джой я вернусь в лондонский театр, после неприятностей из-за моей... проблемы, поэтому я был порядком расстроен тем, как все обернулось. Я уже понял, что кузина затеяла это сборище вовсе не за тем, чтобы обсудить изменения в сценарии, постановка пьесы имела к этому достаточно отдаленное отношение. Я был зол, что меня использовали как пешку – в некоей игре в месть, затеянной Джой против Стинхерста. Поэтому мы с Хелен поговорили. О читке. О том, что же мне теперь делать. Потом я собрался уйти, но Хелен попросила меня остаться. Поэтому я запер двери. – Дэвис-Джонс посмотрел Линли прямо в глаза. Слабая улыбка тронула его губы. – Вы не ожидали такого поворота, а, инспектор?

Линли не ответил. Вместо этого придвинул бутылку виски, отвернул колпачок и плеснул немного в стакан. Алкоголь приятно разлился по телу.

Он нарочно поставил недопитый стакан на стол между ними, над доньшком оставался еще целый дюйм виски. Дэвис-Джонс отвел взгляд, но Линли заметил скованный поворот головы, разом напрягшуюся шею, выдававшие его мучительное желание... Дрожащей рукой Дэвис-Джонс закурил.

– Как я понимаю, вы исчезли сразу после читки и появи-

лись только в час ночи. Как вы провели это время? Сколько это было – полтора часа, почти два часа?

– Я пошел прогуляться, – ответил Дэвис-Джонс.

Заяви он, что пошел купаться в озере, Линли не был бы так изумлен.

– В метель? В метель, при таком ветре и в лютый мороз?

Дэвис-Джонс просто ответил:

– Прогулки – хороший заменитель бутылки, инспектор. Честно говоря, вчера вечером я предпочел бы бутылку. Но прогулка казалась более разумной альтернативой.

– Куда вы пошли?

– По дороге на Хиллвью-фарм.

– Вы кого-нибудь видели? Говорили с кем-нибудь?

– Нет, – ответил он. – Так что никто не может подтвердить то, что я вам говорю. Я прекрасно это понимаю. Тем не менее я именно так и поступил.

– Значит, вы так же понимаете, что я вправе предположить совсем иное.

Дэвис-Джонс проглотил наживку.

– Например?

– Например, что эти полтора-два часа вы могли готовиться к убийству вашей двоюродной сестры.

Валлиец ответил презрительной улыбкой.

– Да. Полагаю, мог. Вниз по черной лестнице, через судомойню и кухню, в столовую, и вот уже кинжал у меня, и никто меня не видел. Загвоздка в перчатке Сайдема, но вы, без

сомнения, сейчас же расскажете мне, как я сумел раздобыть ее – без его ведома.

Похоже, вы очень хорошо знаете расположение помещений в доме, – заметил Линли. Да. Днем я не поленился тут побродить. Я интересуюсь архитектурой. Однако вряд ли это криминал.

Взяв стакан с виски, Линли задумчиво его рассматривал.

— Сколько вы пробыли в клинике? – спросил он.

– Вам не кажется, что вы несколько превышаете свои полномочия, инспектор Линли?

– Никоим образом, коль скоро речь идет об убийствах. Как долго вы пробыли в клинике из-за вашей проблемы с алкоголем?

С каменным лицом Дэвис-Джонс ответил:

– Четыре месяца.

– Клиника частная?

– Да.

– Дорогое заведение?

– Это что же? По-вашему, я зарезал свою кухню ради денег, чтобы оплатить счета?

– А у Джой были деньги?

– Конечно, были. У нее было много денег. И можете быть вполне уверены, что мне она ничего не оставила.

– Значит, вы знаете условия завещания?

Дэвис-Джонс не выдержал: этот натиск, это проклятое виски перед носом, эти искусные подводы к ловушке... Он

яростно ткнул сигаретой в пепельницу.

– Да, черт вас возьми! Все до единого фунта она оставила Айрин и ее детям. Но вас ведь не это интересует, инспектор, не так ли?

Линли решил воспользоваться минутной слабостью собеседника:

– В прошлый понедельник Джой попроси Франческу Джеррард поселить Хелен Клайд рядом ней. Вы что-нибудь об этом знаете?

– Именно *Хелен*... – Дэвис-Джонс потянулся к своим сигаретам, потом оттолкнул пачку. – Нет. Этого я объяснить не могу.

– Вы можете объяснить, откуда она знала, что в эти выходные Хелен будет с вами?

– Должно быть, я ей сказал. Вероятно, я сказал.

– И предположили, что она может захотеть познакомиться с Хелен поближе? А что может быть лучше, чем попросить поселить их в смежные комнаты.

– Как школьник? – усмехнулся Дэвис-Джонс. – Довольно прямолинейно для трюка, ведущего к убийству, вы не находите?

– Я готов выслушать ваше объяснение.

– У меня его нет, черт возьми, инспектор. Но думаю, Джой надеялась, что Хелен будет своего рода буфером, как человек, далекий от театральной кухни. Она уж точно не станет рваться к ней, чтобы обсудить роль и предложить кое-какие

изменения. Актеры, они такие, знаете ли. Обычно они не дают драматургу покоя.

– Значит, вы упомянули ей о Хелен. Эту идею внедрили вы.

– Да ничего я не внедрял. Вы попросили объяснений. Это лучшее, какое я могу дать.

– Да. Разумеется. Но позвольте напомнить, что комната Джоанны Эллакорт расположена с другой стороны от комнаты Джой, не так ли? Стало быть, никакого буфера. Как вы это объясните?

– Никак. Понятия не имею, о чем думала Джой. Возможно, она ни о чем таком не думала. Возможно, это вообще ничего не значит, просто вы готовы притянуть за уши любую ерунду.

Линли кивнул, ничуть не задетый его ехидством.

– Куда вы пошли, когда сегодня вечером всех выметили из библиотеки?

– В свою комнату.

– Что вы там делали?

– Принял душ и переоделся.

– А потом?

Взгляд Дэвис-Джонса переместился на виски. Не раздавалось никаких звуков, кроме шороха, доносившегося из одной из комнат. Макаскин извлек из кармана трубочку мятных леденцов.

– Я пошел к Хелен.

– Снова? – вкрадчиво спросил Линли.

он вскинул голову:

– На что, черт подери, вы намекаете?

– Полагаю, это достаточно очевидно. Она обеспечила вам парочку довольно надежных алиби, не так ли? Сначала прошлой ночью, а теперь и сегодня вечером.

Дэвис-Джонс посмотрел на него, не веря своим ушам, потом рассмеялся:

– Боже мой, это просто невероятно. Вы считаете Хелен душой? Вы думаете, что она настолько наивна, чтобы позволить мужчине проделать с ней подобное? И не один раз, а дважды? В течение одних суток? Что же она, по-вашему, за женщина?

– Я прекрасно знаю, что Хелен за женщина, – ответил Линли. – Абсолютно незащитная перед мужчиной, который заявляет, что находится во власти некоей слабости, которую может излечить только *она*. Ведь вы это разыграли, да? Прямо в ее постели. Если я приведу ее сюда, то, без сомнения, обнаружу, что этим вечером в ее комнате имела место еще одна вариация этой деликатной темы.

– Клянусь Богом, вам это невыносимо, да? Вас настолько ослепила ревность, что вы перестали что-либо различать... как только узнали, что я с ней спал. Придерживайтесь фактов, инспектор. Не искажайте их, чтобы что-нибудь на меня навесить только потому, что вы чертовски боитесь честно помериться со мной силами, не злоупотребляя служебным

положением.

Линли резко повернулся, но Макаскин и Хейверс сразу же вскочили.

Это привело его в чувство.

– Уберите его отсюда, – сказал он.

Барбара Хейверс ждала, пока Макаскин лично выведет Дэвис-Джонса из комнаты. И лишь убедившись, что они остались только втроем, бросила долгий умоляющий взгляд в сторону Сент-Джеймса. Он подсел к ней за стол, где Линли, нацепив очки, просматривал записи Барбары. Со всеми этими стаканами и тарелками с остатками еды, с переполненными пепельницами и разбросанными повсюду блокнотами, комната приобрела очень обжитой вид. В воздухе так и веяло чем-то очень вредным...

– Сэр.

Линли поднял голову, и Барбара с болью увидела, что выглядит он ужасно – измотанным, пропущенным сквозь пресс собственной выдумки.

– Давайте посмотрим, что у нас есть, – предложила она.

Глаза Линли, поверх очков, переместились с Барбары на Сент-Джеймса.

– У нас есть запертая дверь, – рассудительно ответил он. – У нас есть Франческа Джеррард, запершая ее единственным имеющимся в запасе ключом, помимо еще одного, в самой комнате, на туалетном столике. У нас есть мужчина в сосед-

ней комнате, у которого была возможность войти. Теперь мы ищем мотив.

«Нет!» – мысленно откликнулась Барбара. Но голос ее был очень ровным и сдержанным.

– Согласитесь, это чистое совпадение, что комнаты Хелен и Джой смежные. Об этом он *не мог* знать заранее.

– Разве? Человек, который сам во всеуслышание заявил, что интересуется архитектурой? Мало ли старых домов со смежными комнатами. Не надо обладать университетским образованием, чтобы предположить, что две такие будут и здесь. Или что Джой, после того как она специально попросила комнату рядом с Хелен, дадут одну из них. Полагаю, что больше никто не звонил Франческе Джеррард с просьбами такого рода.

Барбара отказывалась сдаваться.

– Между прочим, Франческа сама могла убить Джой, сэр. Она была в ее комнате. Она это признает. Или могла дать ключ своему брату, чтобы избавить себя от грязной работы.

– А вы упорно хотите приплести лорда Стихерста, ведь так?

– Нет, не так.

– Ладно, извольте, продолжим обсуждать Стихерста... Что вы скажете насчет Гоувана? Зачем Стихерсту было его убивать?

– Я не настаиваю, что это был Стихерст, сэр, – сказала Барбара, пытаясь преодолеть свой вспыльчивый нрав и жут-

кое желание немедленно назвать мотив Стинхерста, раньше того момента, когда Линли будет просто вынужден принять его. – Раз уж на то пошло, это могла сделать Айрин Синклер. Или Сайдем, или Эллакорт, поскольку они полночи провели порознь. Или Джереми Винни. До этого Джой была в его комнате. Об этом нам сказала Элизабет. Суда по тому, что нам известно, он имел виды на Джой и получил решительный отказ. Он мог пойти в ее комнату и убить ее – в приступе гнева.

– И как же он закрыл дверь, когда уходил?

– Не знаю. Возможно, он вылез через окно.

– В метель, Хейверс? Вы притягиваете факты даже больше, чем я. – Линли положил ее записи на стол, снял очки и потер глаза.

– Я вижу, что у Дэвис-Джонса доступ был, инспектор. И что у него была возможность. Но пьеса Джой Синклер давала ему шанс заново начать карьеру, верно? И он не мог точно знать, что постановка не состоится – только потому, что Стинхерст отказал ей в своей поддержке. Ее мог с таким же успехом профинансировать кто-то другой. Поэтому мне кажется, что он – единственный человек из присутствующих здесь, у кого был весомый мотив оставить эту женщину в живых.

– Нет, – вдруг подал голос Сент-Джеймс. – Есть еще один, не так ли, если говорить о шансах в карьере? Ее сестра Айрин.

– А я уже заждалась, думаю, когда же вы наконец доберетесь до меня.

Айрин Синклер отступила от двери и, подойдя к кровати, села, устало ссутулившись. Час был поздний, и она успела переодеться в ночную одежду, очень уж, как и она сама, строгую. Шлепанцы без каблука, темно-синий фланелевый халат, в вырезе которого вздымался и опадал от ее размеренного дыхания высокий ворот белой ночной рубашки. Однако было в ее одежде нечто до странности безликое. Да, она была добротной, но до крайности уныло-приличной. Словно бы для того, чтобы саму жизнь держать в загоне. Линли попытался представить, как она разгуливает по дому в старых джинсах и драной трикотажной футболке.

Нет, такое почти невероятно.

Ее сходство с сестрой было поразительным. Несмотря на то что Линли видел Джой только на посмертных фотографиях, он сразу узнал в Айрин те же черты, черты, на которые не влияла разница в пять или шесть лет: чуть выступающие скулы, широкий лоб, слегка упрямый подбородок. Он предположил, что ей немного за сорок, великолепная фигура, предел мечтаний любой женщины и объект вожделения большинства мужчин. Лицо Медеи²⁷, черные волосы, в которых начала пробиваться седина, красиво струились, откиннутые назад на левую сторону. Любая другая женщина, хоть

²⁷ Медея – в греческой мифологии дочь царя Колхиды; помогла Ясону добыть Золотое руно. Впоследствии из ревности погубила рожденных ею от Ясона детей.

немного не уверенная в себе, давным-давно покрасила бы их. Интересно, она никогда об этом не подумывала? Линли молча ее рассматривал, решительно не понимая, зачем Роберту Гэбриэлу понадобилось ходить на сторону...

– Вероятно, вам уже доложили, инспектор, что у моей сестры и моего мужа в прошлом году был роман, – начала она очень спокойным, ровным тоном. – В этом нет особого секрета. Поэтому я не оплакиваю ее смерть, как следовало бы и как, в конце концов, видимо, будет. Видите ли... когда вашу жизнь разбили два родных и любимых человека, трудно простить и забыть. Понимаете, Роберт был не нужен Джой. А мне нужен. Но она все равно забрала его. Мне до сих пор больно об этом думать, даже сейчас.

– Их роман закончился? – спросил Линли.

Айрин отвела глаза от карандаша Хейверс и вперилась в пол.

– Да. – Единственное ее слово отдавало фальшью, и она, почувствовав это, сразу же продолжила, словно пытаясь загладить произведенное ею впечатление: – Я даже знаю, когда он начался. На одном из этих званых обедов, где люди слишком много пьют и говорят вещи, которые при других обстоятельствах не сказали бы. В тот вечер Джой объявила мне, что у нее никогда не было мужчины, способного удовлетворить ее за один раз. Разумеется, Роберт воспринимал подобные вещи как личный вызов, на который следует ответить без промедления. Иногда меня больше всего ранит то,

что Джой не любила Роберта. Она вообще никого никогда не любила после смерти Алека Ринтула.

– Ринтула упоминали этим вечером. Они были помолвлены?

– Неофициально. Смерть Алека изменила Джой.

– Каким образом?

– Как я могу это объяснить? – ответила она. – Это похоже на пожар, на неистовство. Словно она решила мстить всему миру, когда Алек погиб. Но не для собственного удовольствия. Скорее, чтобы уничтожить себя. И забрать с собой столько из нас, сколько сможет. Она была больна. Она меняла мужчин, одного за другим, инспектор. Она мучила их. Ненасытно. С ненавистью. Словно никто из них не заставит ее забыть Алека, и она бросала всем и каждому этот вызов.

Линли подошел к кровати и выложил на покрывало содержимое сумочки Джой.

– Это ее? – спросила Айрин, равнодушно разглядывая разложенные предметы.

Сначала он подал ей ежедневник Джой. Айрин, казалось, не хотела брать его – словно боялась, что наткнется в нем на факты, которых ей лучше не знать. Однако она, как смогла, идентифицировала записи: договоренности о встречах с издателем на Аппер-Гровенор-стрит, день рождения дочери Айрин Салли, предельный срок написания трех глав книги, установленный для себя самой Джой.

Линли обратил ее внимание на имя, нацарапанное попе-

рек целой недели. «П. Грин».

– Новый знакомый?

– Питер, Пол? Не знаю, инспектор. Может быть, она собиралась с кем-нибудь на выходные, не могу сказать. Мы не очень часто общались. А когда разговаривали, то в основном о делах. Вероятно, она рассказала бы мне о своем новом мужчине. Но меня нисколько не удивило бы, что она снова кого-то нашла. Это было в ее характере. Правда. – Айрин с несчастным видом перебирала вещицы, потрогала бумажные спички, жевательную резинку, ключи. Больше он ничего не говорила.

Наблюдая за ней, Линли нажал кнопку на маленьком магнитофоне.

Айрин едва заметно съежилась, услышав голос сестры. Он оставил аппарат включенным. Бодрые комментарии, пульсирующее жизнелюбие, планы на будущее. Нет, судя по голосу, она отнюдь не была похожа на женщину, которая настроена кого-нибудь уничтожить. На середине прослушивания Айрин поднесла ладонь к глазам. Наклонила голову.

– Что-нибудь из этого вам о чем-нибудь говорит? – спросил Линли.

Айрин покачала головой, но чересчур уж энергичным движением: вторая явная ложь.

Линли ждал. Казалось, она пытается отгородиться от него, уйти в себя, невероятным усилием воли зажать все эмоции.

– Таким образом вам все равно не удастся похоронить па-

мать о ней, Айрин, – тихо произнес он. – Я знаю, что вы хотите этого. И понимаю почему. Но вы знаете, что, если вы попытаетесь, она будет вечно вас преследовать. – Он увидел, как напряглись прижатые к голове пальцы. Ногти вонзились в кожу. – Вы не обязаны прощать ее за то, что она вам сделала. Но вы рискуете сделать что-то такое, чего не сможете простить самой себе.

– Я *не могу* вам помочь. – В голосе Айрин слышалось смятение. – Мне не жаль, что моя сестра умерла, как же я могу вам помочь? Я себе-то не в состоянии помочь.

– Вы можете помочь, рассказав мне что-нибудь об этой записи.

И Линли безжалостно прокрутил ее снова, ненавидя себя за то, что было частью его работы... Снова не последовало никакого отклика. Он перемотал пленку, включил ее еще раз. И еще.

Джой словно была здесь, рядом. Она уговаривала. Она смеялась. Она дразнила. И во время пятого прослушивания сестра ее не выдержала на словах: «Ради бога не позволить маме снова забыть о Салли в этом году...»

Айрин схватила магнитофон и, нажимая на все кнопки, заставила его замолчать, потом бросила назад на кровать, словно прикасаться к нему было опасно.

– Моя мать *вообще* не вспоминала бы о дне рождения моей дочери, если бы Джой не напоминала ей! – воскликнула она. На ее лице отразилась мука, но глаза были сухие. – И

все равно я ее ненавидела! Я ненавидела свою сестру каждую минуту и хотела, чтобы она умерла! Но не так! О *боже*, не так! Вы можете себе представить, каково это, хотеть смерти какого-то человека больше всего на свете, а потом получить это? Словно какой-то божок, выслушав твои желания, решил поглумиться и исполнил самые отвратительные...

Великий боже, как велика власть слов! Он мог представить. Еще как мог. Благодаря такой своевременной смерти в Корнуолле любовника собственной матери, благодаря множеству случайностей, какие Айрин Синклер никогда и не снились...

– Часть из того, что она говорила, похоже, имеет отношение к ее новой работе. Вы знаете место, которое она описывает? Гниющие овощи, кваканье лягушек и звук насосов, плоская местность?

– Нет.

– А о какой метели идет речь?

– Не знаю!

– Мужчину, которого она упоминает. Джона Дэрроу?

Волосы Айрин взметнулись, описав дугу, – это она резко отвернулась. При этом внезапном движении Линли сказал:

– Джон Дэрроу. Вы узнали это имя.

– Вчера вечером за ужином Джой о нем говорила. О том, что пленила какого-то жуткого типа по имени Джон Дэрроу, и об ужине с ним.

– Это тот новый избранник, которым она увлеклась?

– Нет. Нет, не думаю. Кто-то... по-моему, это была леди Стинхерст... спросил ее о ее новой книге. И всплыл Джон Дэрроу. Джой смеялась – она всегда смеется, подтрунивая над проблемами, с которыми ей приходится сталкиваться, когда пишет, ей вроде бы требовались какие-то сведения, и она пыталась их раздобыть. И это имело отношение к Джону Дэрроу. Поэтому мне кажется, что он как-то связан с книгой.

– С книгой? Вы хотите сказать, с еще одной пьесой?

Лицо Айрин затуманилось.

– Пьесой? Нет, вы не так поняли, инспектор. Кроме одной ранней пьесы шестилетней давности и этой, новой, для лорда Стинхерста, моя сестра не писала для театра, она писала книги. Сначала она была журналисткой, но потом занялась документальной прозой. Ее книги о преступлениях. О настоящих преступлениях, а не вымышленных. Главным образом об убийствах. Вы этого не знали?

«Главным образом об убийствах. Настоящих преступлениях». Ну конечно. Линли пристально посмотрел на магнитофончик, боясь поверить, что он с такой легкостью получил недостающую часть в головоломке-треугольнике «мотив-средство-возможность». Но вот оно, то, что он искал, он чуял, что непременно это найдет. Мотив убийства. По-прежнему туманный, но просто ожидающий подробностей, необходимых для связного объяснения. И ниточка тоже была здесь, в этой записи, в самых последних словах Джой: «...спросить Риса, как лучше всего к нему подобраться? Он хо-

рошо ладит с людьми».

Линли начал складывать вещи Джой в сумочку. Настроение было приподнятым, но в то же время он изнемогал от ярости, как только думал о том, что здесь произошло минувшей ночью, и о том, какую цену ему лично придется заплатить, чтобы свершилось правосудие.

У двери, когда Хейверс уже вышла в коридор, его остановили последние слова Айрин Синклер. Она стояла у кровати на фоне строгих неброских обоев в окружении солидной чинной мебели. Удобная комната, которая не предполагает риска, или чьего-то вызова, или экстравагантных требований. Она казалась ловушкой для этой женщины.

– Эти спички, инспектор, – проговорила она. – Джой не курила.

Маргерит Ринтул, графиня Стинхерст, выключила ночник. Не потому, что хотела уснуть. Она очень хорошо знала, что заснуть ей не удастся. Скорее из-за не совсем еще утраченного женского тщеславия. Темнота скрывала узор из морщин, начавших опутывать и мять ее кожу. В ней она чувствовала себя защищенной, она больше не была пухлой матроной, чьи когда то красивые груди свисали почти до талии; над чьими блестящими каштановыми волосами долго хлопотали искуснейшие парикмахеры Найтсбриджа²⁸, крася их и завивая; чьи наманикюренные руки со слегка пожелтевши-

²⁸ Найтсбридж – фешенебельный район лондонского Уэст-энда.

ми ногтями несли на себе отпечаток возраста, и им некого было больше ласкать.

На ночной столик она положила роман так, чтобы его огненно-красная обложка легла четко по линии изящной латунной инкрустации по красному дереву. Даже в темноте название глумливо пялилось на нее. «Безумная летняя страсть». Какая прямолинейность, сказала она себе. И какая обреченность.

Она посмотрела в другой конец комнаты, где в кресле у окна сидел ее муж, самозабвенно созерцавший слабый свет звезд, который просачивался сквозь облака, смутные очертания сугробов и тени на снегу. Лорд Стинхерст был полностью одет, как и она, только сидела она на кровати, опираясь спиной на изголовье, прикрыв ноги шерстяным одеялом. Ее отделяло от мужа не более десяти футов, и, однако, они были разделены бездной тайн и скрытности шириной в двадцать пять лет. Пора, пора положить этому конец.

Сама мысль об этом заставляла леди Стинхерст холодеть от ужаса. Каждый раз, когда она, набрав побольше воздуха, собиралась наконец заговорить, все ее воспитание, все ее прошлое, принятые в их кругу правила дружно восставали, и сразу снова перехватывало горло. Жизнь не приучила ее даже к попыткам иметь свое мнение.

Она понимала, что заговорить сейчас с мужем значило поставить на карту все, ступить в неизвестное, возможно, наткнуться на непреступную стену его длившегося десяти-

летиями молчания. Прежде она изредка пробовала размыть стену водой общения и знала, сколь малого она может достичь своими усилиями и каким тяжким бременем ляжет ей на плечи ее неудача. Тем не менее время настало.

Она свесила ноги с кровати. Мгновенная дурнота застала ее врасплох, когда она встала, но довольно быстро отступила. Она прошла к окну, остро ощущая холод комнаты и противное тянущее напряжение в желудке. Во рту стало кисло.

– Стюарт. – Лорд Стинхерст не шевельнулся. Его жена осторожно подбирала слова: – Ты должен поговорить с Элизабет. Ты должен все ей рассказать. Ты *должен*.

— По словам Джой, она уже знает. Как знал и Алек.

Как всегда, эти последние четыре слова тяжело повисли между ними, как удары, нанесенные леди Стинхерст в самое сердце. Она по-прежнему видела его так ясно – живого, чуткого и до боли юного, встретившего ужасающий конец, уготованный Икару. Но сгоревшего, а не растаявшего в небе. *Мы не должны переживать своих детей, подумала она. Тольконе об Алекс, не сейчас.* Она любила сына, любила его безоглядной материнской преданностью, но вызвать его в памяти – как свежую рану в них обоих, которую время только растравляло, – это был один из способов положить конец неприятному разговору. И ее мужу всегда это удавалось. Но сегодня все будет иначе.

– Да, о Джеффри она знает. Но она не знает всего. Понимаешь, той ночью она слышала ссору. Стюарт, Элизабет

слышала, как вы дрались. – Леди Стинхерст замолчала, дожидаясь отклика, хоть какого-то знака, который сказал бы ей, что она может беспрепятственно продолжать. Но ничего не дождалась. И снова устремилаь вперед: – Сегодня утром ты ведь разговаривал с Франческой, да? Она сказала тебе о ее разговоре с Элизабет прошлым вечером? После читки?

– Нет.

– Тогда я скажу. Элизабет видела, как ты уходил той ночью, Стюарт. Алек и Джой тоже тебя видели. Они все смотрели из окна наверху. – Леди Стинхерст почувствовала, что голос ей изменяет, но заставила себя продолжить: – Ты знаешь, каковы дети. Они что-то видят, что-то слышат, а об остальном догадываются. Дорогой, Франческа сказала, что Элизабет считает, будто ты убил Джеффри. По-видимому, она думала, что... с той ночи, когда это случилось.

Стинхерст не отзывался. В его облике ничего не изменилось, даже дыхание не сбилось, не дрогнули прямые плечи, по-прежнему был неподвижен взгляд, устремленный на замерзшие земли Уэстербрэ. Его жена робко положила пальцы ему на плечо. Он дернулся. Она уронила руку.

– Прошу тебя, Стюарт. – Леди Стинхерст ненавидела себя за дрожь в голосе, но удержать свои слова уже не могла. – Ты должен сказать ей правду. Двадцать пять лет она считает, что ты убийца! Ты не можешь допустить, чтобы это продолжалось. Боже мой, ты не можешь так поступить!

Стинхерст не взглянул на нее. Голос его прозвучал тихо:

– Нет.

Она не верила своим ушам.

– Ты же не убивал своего брата! Ты тут вообще ни при чем! Ты сделал все, что было в твоих силах...

– Как я могу уничтожить единственные теплые воспоминания, которые есть у Элизабет? В конце концов, у нее так мало в жизни радости. Бога ради, пусть, по крайней мере, сохранит это.

– Ценой ее любви к тебе? Нет! Я этого не позволю.

– Позволишь. – Его голос прозвучал неумолимо, с той безоговорочной властью, которой леди Стинхерст никогда не смела ослушаться. Ибо ослушание не соответствовало роли, которую она играла всю свою жизнь: дочь, жена, мать. И больше ничего. Насколько она знала, за узкими границами, установленными теми, кто направлял ее жизнь, существовала только пустота. Ее муж заговорил снова: – Ложись спать. Ты устала. Тебе нужно выспаться.

И, как всегда, леди Стинхерст поступила, как ей было приказано.

Шел уже третий час ночи, когда инспектор Макаскин наконец уехал, пообещав при первой же возможности доложить по телефону о результатах вскрытия и заключении экспертов. Барбара Хейверс проводил его и вернулась к Линли и Сент-Джеймсу в гостиную. Они сидели за столом, разложив перед собой вещи из сумочки Джой Синклер. В очередной

раз звучала магнитофонная запись, и голос Джой то взлетал, то умолкал при каждой обрывочной записи, которые Барбара уже запомнила наизусть. Услышав ее сейчас она поняла, что все оборачивается каким-то нескончаемым кошмаром, а Линли превращается в одержимого. Ладно бы это были внезапные скачки интуиции, озарения, в которых туманный образ «преступление-мотив-преступник» приобретал бы узнаваемые очертания. Но все это было больше похоже на ухищрения, на попытки найти вину там, где она может существовать только при самом безумном полете фантазии. В первый раз за весь этот бесконечный, ужасный день Барбара начала ощущать себя не в своей тарелке. В течение долгих месяцев их партнерства она осознала, что, несмотря на весь его внешний лоск и светскость, несмотря на все присущие ему атрибуты великолепия высшего света, которые она так сильно презирала, Линли оставался самым лучшим из детективов, с которыми ей когда-либо доводилось работать. Однако интуитивно Барбара понимала, что версия, которую он сейчас выстраивает, ошибочна, стоит на песке.

Она села и, в беспокойстве взяв картонку со спичками из сумочки Джой Синклер, задумалась над ней.

На ней была любопытная надпись, всего три слова: «Вино – это Плуг», где роль тире выполняла наклоненная пинтовая кружка, из которой текло светлое пиво. Здорово, подумала Барбара, забавные сувенирчики, из тех, что берешь, суешь в сумочку и забываешь. Но она знала, что рано или поздно

Линли вцепится в спички как в еще одну улику, подкрепляющую вину Дэвис-Джонса. Потому что Айрин Синклер сказали что ее сестра не курила.

А все видели, что Дэвис-Джонс курил.

– Нам нужны реальные улики, Томми, – говорил Сент-Джеймс. – Ты и сам прекрасно знаешь, что все это чистой воды догадки. Даже отпечатки Дэвис-Джонса на ключе легко объясняются показаниями Хелен.

– Я согласен, – ответил Линли. – Но у нас будут данные экспертизы из Департамента уголовного розыска Стрэтклайда.

– Самое маленькое, через несколько дней.

Линли продолжал, словно не слышал этой реплики:

– Я не сомневаюсь, что выплывет какая-нибудь улика. Волос, волокно. Ты и сам прекрасно знаешь, что невозможно совершить преступление без единой улики.

– Но даже в этом случае, если Дэвис-Джонс был в комнате Джой ранее в тот день – а из показаний Гоувана следует, что был, – чего ты добьешься, представив его волосок или волокно от его пиджака? Кроме того, ты и сам прекрасно знаешь, что картина преступления была искажена, поскольку тело унесли, и это будет известно каждому адвокату. Насколько я понимаю, мы постоянно возвращаемся к мотиву. Улики у нас неважные. Только мотив даст им силу.

– Поэтому я и еду завтра в Хэмпстед, в кварти Джой Синклер. У меня такое чувство, что недостающие детали все там,

ждут, когда их сложат вместе.

Услышав это заявление, Барбара остолбенела. Пока никак нельзя было уезжать...

– А как же Гоуван, сэр? Вы забыли, что он пытало нам сказать? Что кого-то не видел. А единственный человек, которого, по его показаниям, он прошлой ночью видел, – это Рис Дэвис-Джонс. Вы не думаете что он хотел изменить свои показания?

– Он не закончил предложения, Хейверс, – ответил Линли. – Он сказал два слова – «не видел». Не видел кого? Не видел что? Дэвис-Джонса? Коньяк, который тот, предположительно, нес? Он ожидал увидеть в его руках какой-нибудь предмет, потому что он вышел из библиотеки. Он ожидал увидеть бутылку. Или книгу. А если он обознался? Что, если позднее он сообразил, что то, что он видел, было не книгой, а орудием убийства?

– А что, если он вообще не видел Дэвис-Джонса и именно это пытался нам сказать? Или видел кого-то другого, специально пытавшегося подделаться под Дэвис-Джонса, возможно, в его пальто? Это мог быть кто угодно.

Линли резко встал.

– Почему вы так упорно стараетесь доказать невиновность этого человека?

По его резкому тону Барбара поняла, что угадала направление его мыслей. Но она тоже умела при случае бросить вызов.

– А почему вы так упорно стараетесь доказать его виновность?

Линли собрал вещи Джой.

– Я ищу улики, Хейверс. Это моя работа. И я верю, что улики обнаружатся в Хэмпстеде. Будьте готовы к половине девятого.

Он направился к двери. Барбара устремила на Сент-Джеймса умоляющий взгляд, молча призывая вмешаться, ибо знала, что сама она бессильна, что дружба куда более влиятельна, чем логика и свод правил, для процедуры полицейского расследования.

– Ты уверен, что следует завтра ехать в Лондон? – медленно спросил Сент-Джеймс. – Ведь предстоит дознание...

Линли обернулся в дверях, его лицо оказалось в провале теней в холле.

– Здесь, в Шотландии, мы с Хейверс не можем добыть качественных улик. Дознанием займется Макаскин. Что касается неопрошенных, мы возьмем их адреса. Они вряд ли покинут страну, когда их заработок связан с лондонской сценой.

И с этими словами он ушел.

– Мне кажется, что за это Уэбберли снимет с него голову, – сказала Барбара, когда наконец снова обрела дар речи. – Вы можете его остановить?

– Я могу только уговорить его, Барбара. Но Томми не дурак. Чутье никогда его не подводило. Если он чувствует, что

напал на что-то, нам остается только ждать, что он там на-копает.

Несмотря на заверения Сент-Джеймса, у Барбары от волнения пересохло горло.

– Уэбберли может его за это уволить?

– Ну, это смотря как все обернется.

Его сдержанный тон сказал ей все...

– Вы считаете, что он ошибается, да? Вы тоже т, маете, что это лорд Стинхерст. Боже всевышний что с ним такое? Что с ним случилось, Саймон?

Сент-Джеймс взял бутылку виски.

– Хелен, – просто ответил он.

Линли медлил у двери леди Хелен с ключом в руке.

Половина третьего. Она, без сомнения, уже заснула, и его вторжение будет непозволительно грубым и нежеланным. Но ему нужно было увидеть ее. И он прекрасно понимал, что врывается к ней отнюдь не по долгу службы. Он разок стукнул в дверь, отпер ее и вошел.

Леди Хелен в этот момент брела по комнате, но остановилась, увидев его. Он закрыл дверь и молча огляделся, подмечая каждую мелочь и мучительно силясь понять, что все эти мелочи могут означать.

Ее постель была не разобрана, желто-белое покрывало натянуто на подушки. Туфли, узкие черные лодочки на каблучках, валялись на полу рядом с кроватью. Она сняла только

их и украшения: золотые серьги, тонкая цепочка, изящный браслет лежали на ночном столике. Этот браслет привлек его внимание, и он вдруг с болезненной нежностью подумал, как тонки ее запястья, если на них можно надеть такой браслет. В комнате особо не на что было смотреть – платяной шкаф, два стула да туалетный столик, в зеркале которого они оба сейчас отражались, настороженные, как смертельные враги, неожиданно наткнувшиеся друг на друга, но не имеющие ни силы, ни желания биться снова.

Линли прошел мимо нее к окну. Западное крыло дома протянулось во тьме, посверкивая яркими щелями света там, где шторы в окнах были задернуты неплотно, где постельцы, как и Хелен, дожидались утра. Он задернул шторы.

– Что ты делаешь? – Ее голос прозвучал осторожно.

– Здесь слишком холодно, Хелен. – Он дотронулся до почти холодного радиатора и, вернувшись к двери, негромко крикнул молоденькому констеблю, дежурившему на верхней лестничной площадке: – Не поищите где-нибудь тут электрический обогреватель?

Молодой человек кивнул, и он снова закрыл дверь и обернулся к ней. Расстояние между ними казалось огромным. Воздух стал плотным от враждебности.

– Почему ты запер меня здесь, Томми? Боишься, что я кого-нибудь убью?

– Конечно, нет. Все заперты. До утра.

На полу рядом со стулом лежала книга. Линли поднял ее.

Это был детектив, со знакомыми пометками. Была у Хелен такая манера – ставить на полях стрелки и восклицательные знаки, подчеркивать фразы, писать свои комментарии. Она всегда считала, что ни один автор не в состоянии заморочить ей голову, что она сможет разрешить любую головоломку гораздо быстрее, чем он. Из-за этого он добрых десять лет был получателем ее проштудированных, с загнутыми уголками книг. *Прочти это, Томми, дорогой. Ты ни за что это не разгадаешь.*

Воспоминания нахлынули с внезапной силой, он ощутил острую печаль, почувствовав себя брошенным и совершенно одиноким. И то, что он собирался сказать, только ухудшит их отношения... Но он знал, что поговорить с ней придется, чего бы это ни стоило.

– Хелен, мне невыносимо видеть, как ты это с собой делаешь. Ты пытаешься заново сыграть историю с Сент-Джеймсом, но с другой концовкой, я не хочу, чтобы ты это делала.

– Не понимаю, о чем ты говоришь. К Саймону это не имеет никакого отношения.

Леди Хелен так и стояла в другом конце комнаты, словно шагнуть в его сторону означало каким-то образом сдаться. А она ни при каких условиях этого не сделает.

Линли показалось, что он заметил маленький синяк у основания ее шеи, там, где воротник ее блузки спадал к выпуклостям груди.

Но когда она повернула голову, синяк исчез: это был све-

товой обман, игра его воспаленного воображения.

– Имеет, – сказал он. – Разве ты еще не заметила, как сильно он похож на Сент-Джеймса? Даже его алкоголизм – снова все то же самое, за исключением увечья. И того, что на этот раз ты не бросишь его, верно? Ты не уйдешь, втайне радуясь, когда он попытается отослать тебя прочь.

Леди Хелен отвернулась от него. Ее губы раскрылись, потом сомкнулись. Он видел, что она скорее стерпит это суровое осуждение, чем станет защищаться. Эта его отповедь никогда не позволит ему узнать, понять до конца, что же привлекло ее в валлийца, он будет вынужден довольствоваться домыслами, которые она никогда не подтвердит. Он принял это к сведению, и боль его стала сильнее. И все равно ему хотелось хотя бы прикоснуться к ней, отчаянно хотелось единения, ее тепла – хоть на миг.

– Я знаю тебя, Хелен. И понимаю, каково это – что ты виноват. Кто может понять это лучше чем я? Я сделал Сент-Джеймса калекой. Но ты всегда считала, что твой грех был сильнее, ведь так? Потому в глубине души ты тогда испытала облегчение, много лет назад, когда он разорвал вашу помолвку. Потому что тебе не пришлось жить с человеком, который больше не мог делать все те вещи, которые в то время казались до абсурда важными. Такие, как катание на лыжах, плавание, танцы, все эти пешие походы и прочие чудесные развлечения.

– Иди ты к черту.

Она больше не шептала. Когда их взгляды встретились, ее лицо было белым. Это было предостережение. Он пренебрег им, обреченный продолжать.

– Десять лет ты терзаешь себя за то, что бросила Сент-Джеймса. И теперь ты видишь возможность расплатиться за все: за то, что позволила ему одному уехать в Швейцарию долечиваться; за то, что позволила себе отдалиться, когда он в тебе нуждался; за уклонение от брака, который, как оказалось, сулил гораздо больше забот, чем удовольствий. Дэвис-Джонс станет твоим искуплением, да? Ты лелеешь планы возродить его, как ты могла сделать это – и не сделала – с Сент-Джеймсом. И тогда ты наконец-то сможешь себя простить. Это так, да? Таков твой сценарий?

– По-моему, тебе пора остановиться, – натянуто произнесла она.

– Нет. – Линли искал слова, чтобы пробиться к ней; ему было очень важно, чтобы она поняла. – Потому что внутри он совсем не такой, как Сент-Джеймс. Пожалуйста. Прислушайся ко мне, Хелен. Дэвис-Джонс не тот человек, которого ты близко знала, знала как облупленного с восемнадцати лет. Он, в сущности, чужой для тебя человек, о котором тебе почти ничего не известно по существу.

– Другими словами, убийца?

– Да. Если тебе угодно.

Она вздрогнула, услышав, с какой готовностью он это произнес, но все ее стройное тело напряглось чтобы дать отпор.

Лицо, и шея, и даже мышцы рук под мягкими рукавами блузки стали каменными.

– Мне, ослепленной любовью, или раскаяниями, или чувством вины, или чем-то там еще, мешающим мне видеть то, что так ясно для тебя? – Резким взмахом руки она как бы указала на дверь, на дом за ней, на комнату, которую она занимала до этого, и на то, что случилось рядом. – И когда же он, по-твоему, сумел все это повернуть? Он ушел из дома после читки. И не возвращался до часу ночи.

– По его словам, да.

– Ты говоришь, что он мне солгал, Томми. Но я знаю, что это не так. Я знаю, что ему нужно пройти, когда его тянет выпить. Он говорил мне об этом еще в Лондоне. Я даже ходила вместе с ним к озеру вчера днем, после того как он разнял ссорившихся Джой Синклер и Гэбриэла.

– Ну видишь, каков хитрец? Как все это было задумано, чтобы ты поверила ему, когда он скажет, что снова гулял прошлым вечером? Ему нужно было твое сочувствие, Хелен, чтобы ты позволила ему остаться в твоей комнате. Отличная находка – отправиться гулять, потому что ему хотелось выпить. Вряд ли он с успехом добился бы твоего сочувствия, если бы болтался рядом после читки, не так ли?

– Неужели ты и в самом деле хочешь, чтобы я поверила будто Рис убил свою кузину, пока я спала, затем он вернулся в мою комнату и после этого ни в чем не бывало снова занялся со мной любовью? Это полная чепуха.

– Почему?

— Потому что я его знаю.

– Ты была с ним в постели, Хелен. Но согласишься: для того, чтобы узнать, что собой представляет мужчина, недостаточно провести с ним в постели несколько жарких часов, пусть даже и очень приятных.

Только по ее темным глазам можно было понять, как сильно он ее ранил своими словами. Когда она заговорила, в ее тоне прозвучала глубокая ирония:

– Ты умеешь выбирать слова. Поздравляю. Мне действительно больно.

Линли почувствовал, как у него больно сжалось сердце.

– Я не хочу, чтобы тебе было больно! Силы небесные, разве ты не видишь? Разве ты не видишь, что я пытаюсь отвести тебя от опасности? Мне жаль, что все так вышло. Прости меня, я вел себя отвратительно. Но факты есть факты, и мои извинения не могут их изменить. Дэвис-Джонс использовал тебя, чтобы добраться до нее, Хелен. Он снова использовал тебя, после того, как разобрался этим вечером с Гоуваном. Он собирается и дальше использовать тебя, если только я его не остановлю. А я намерен его остановить, независимо от того, поможешь ты мне или нет.

Она обхватила ладонью горло, вцепившись в воротник блузки.

– Помочь тебе? О боже, да я скорей умру!

Ее слова и горечь тона просто ошеломили Линли. Он мог

бы ответить, но был спасен от этой необходимости констеблем, которому удалось найти маленький обогреватель, чтобы она не мерзла хоть остаток ночи.

Прежде чем вернуться в дом, Барбара Хейверс остановилась на широкой парковочной площадке. Всю ночь опять шел снег, но снегопад был не очень обильный, его не хватило, чтобы завалить дороги, но вполне хватило, чтобы сделать прогулку по поместью весьма неприятной из-за сырости и холода. Несмотря на ужасную, бессонную ночь, она поднялась вскоре после рассвета и все-таки отправилась побродить по снегу, надеясь избавиться от разъедавшего ее смятения, в которое ее повергли, столкнувшись, две взаимоисключающих верности.

Барбара понимала, что прежде всего – она сотрудник Нью-Скотленд-Ярда. Если сейчас она не отступит от предписанных правил, как судебных, так и уставных, то очень может быть, что при первой же вакансии она получит должность инспектора. В конце концов, она всего лишь в прошлом месяце сдавала экзамен – она могла поклясться чем угодно, что на этот раз сдала его, – а за последние четыре курса в учебном центре она получила наивысшие баллы. Поэтому самое время надеяться на продвижение, ну если сложатся соответствующие обстоятельства... и надо очень грамотно разыграть теперешнюю партию.

Но существовал Томас Линли, и это все усложняло. Последние пятнадцать месяцев она почти все время работала с

Линли, поэтому в полной мере успела оценить те качества, которые помогли ему стать великолепным профессионалом, этому человеку всего за пять лет удалось преодолеть путь от констебля до инспектора-детектива. Он обладал острым умом и интуицией, чутким сердцем и чувством юмора, его любили коллеги и очень ценил сам суперинтендант Уэбберли. Барбара понимала, насколько ей повезло – быть напарницей Линли, и он, безусловно, заслуживал ее абсолютной верности. Он мирился с ее настроениями, стоически выслушивал ее несвязные речи, даже когда она позволяла себе злобно атаковать его самого. И все равно с ним можно мыслить свободно, открыто высказывать свое мнение, не соглашаться. Он не был похож ни на одного из знакомых ей полицейских, и она многим была ему обязана, и не только тем, что пятнадцать месяцев назад она снова попала из патрульной службы в Департамент уголовного розыска.

Поэтому сейчас ей надо было решить, что важнее преданность Линли или продвижение по служебной лестнице. Закавыка была в том, что этим утром, во время своей малоприятной прогулки по лесу, она случайно наткнулась на одну вещь, которая напрямую была связана со всей этой головоломной историей. И ей надо было прийти к какому-то выводу. Вывод, впрочем, делодесятое... Главное – понять, что все это значит.

Чистый морозный воздух обжигал. Барбара чувствовала, как пощипывает в носу и горле, как слезятся глаза. Тем не

менее она смело сделала шесть глубоких вдохов и, прищурившись от бриллиантового блеска залитого солнцем снега, побрела по замороженной площадке, потоптавшись на каменных стулени вошла в большой холл Уэстербрэ.

Было почти восемь утра. В доме слышалось движение, шаги в верхнем коридоре и позвякивание ключей в замках наверху. Запах бекона и густой аромат кофе придавали этому утру уютную обыденность – словно события прошедших тридцати двух часов были всего лишь частью затянувшегося ночного кошмара, – а из гостиной доносилось бормотание чьих-то приятных голосов. Войдя туда, Барбара обнаружила Хелен и Сент-Джеймса, которые сидели в мягком круге солнечного света и пили кофе.

Они были одни. Вот Сент-Джеймс покачал головой и, протянув руку, на мгновение положил ладонь на плечо леди Хелен. Это был жест бесконечной нежности, понимания, молчаливых уз дружбы, которая делала каждого из них настолько сильнее и выносливее.

Увидев их, Барбара с изумлением почувствовала, что сомнения ее мигом улетучились. Действительно, какой может быть выбор между Линли и ее карьерой! Без него у нее и не будет настоящей карьеры. Она пересекла комнату и подошла к ним.

Судя по их виду, оба они тоже провели беспокойную ночь. Морщины на лице Сент-Джеймса обозначились сильнее обычного, а тонкая кожа леди Хелен выглядела нежной,

как лепестки гардении, которые вянет при малейшем прикосновении. Когда Сен Джеймс автоматически начал подниматься, чтоб поздороваться, Барбара взмахом руки отмела светские условности.

– Не могли бы выйти со мной на улицу? – спросила она их. – Я кое-что нашла в лесу, вам, по-моему стоит на это взглянуть. – На лице Сент-Джеймса отразилась тревога – он боялся идти по сугробам и Барбара поспешно добавила: – Часть пути надо идти по кирпичной дорожке. И в самом лесу я, кажется протоптала хорошую тропинку. Это всего лишь шестьдесят ярдов в глубь леса.

– Что это? – спросила леди Хелен.

– Могила, – ответила Барбара.

Лес доходил до южной части дорожки, опоясывающей большой дом. Он был совсем не типичным для болотистых почв Шотландии. Здесь попеременно с соснами росли дубы, буки, ореховые деревья и платаны. Узкая тропка вела между ними, отмеченная маленькими кружочками желтой краски на стволах деревьев.

В лесу стояла та неземная тишина, которая нисходит на мир вместе с плотной пеленой снега, укутавшей каждую веточку и каждый клочок земли. Не было ни дуновения ветерка, и лишь на мгновение этот покой был нарушен грубым ревом автомобильного мотора, да тихонько плескалась вода в озере, ярдах в двадцати ниже по склону слева. Поход ока-

зался нелегким, хотя сержант Хейверс и в самом деле протоптала нечто вроде тропки. Но снег был глубоким, а земля неровной: не лучшее место для человека, которому трудно было передвигаться даже по ровной и сухой поверхности.

На эту прогулку вместо четырех минут им понадобилось пятнадцать, и, несмотря на заботливо поддерживающую руку леди Хелен, лоб Сент-Джеймса покрылся потом. Он совершенно уже изнемогал, когда Хейверс наконец свернула с главной дорожки на маленькое ответвление, которое мягко поднималось через рощицу к небольшому холмику. Летом из-за густой листвы с основной дорожки, вероятно, не были бы видны ни холмик, ни тропка. Но зимой гортензии, которые в другое время были бы усыпаны гроздьями розовых и голубых цветов, и раскидистый зеленый орешник стояли голые, являя всем взглядам печальный приют на вершине холмика. Это была площадка в двадцать пять квадратных футов, обнесенная железной оградой. Под белым снегом не было видно, что ограда уже давно заржавела.

Первой заговорила леди Хелен:

– Почему эта могила здесь? Тут поблизости есть церковь?

Хейверс указала в направлении главной дорожки, уходящей на юг.

– Там стоит запертая часовня, а немного дальше – фамильный склеп. И старый причал на берегу озера, как раз под ним. Похоже, что они отправляют своих покойников в лодках.

– Как викинги? – рассеянно спросил Сент-Джеймс. – Что у нас здесь, Барбара?

Он открыл калитку, взвизгнувшую несмазанными петлями. На снегу уже была одна цепочка следов.

– Это я смотрела, – объяснила Барбара. – Я уже сходила к семейной часовне. А на обратном пути вдруг увидела это и поднялась посмотреть. Интересно, что скажете вы.

Хейверс осталась ждать у калитки, а Сент-Джеймс и леди Хелен пробрались по снегу к единственному надгробию, которое поднималось из него, как одинокое серое предзнаменование, поцарапанное тяжело придавившей его голой веткой вяза. Камень был не таким уж старым, не из тех, которые давным-давно в беспорядке свалены практически на всех кладбищах. И, однако, он был явно заброшенным, потому что черные остатки лишайника разъели скудную резьбу, и Сент-Джеймс предположил, что летом вся могила густо зарастает сорняками. Тем не менее надпись на камне еще можно было разобрать, она лишь частично пострадала от смены времен года и небрежения.

ДЖЕФФРИ РИНТУЛ, ВИКОНТ КОРЛИ

1914-1963

Они в молчании рассматривали одинокую могилу, в ка-

кой-то момент ком снега сорвался с ветки и рассыпался, ударившись о камень.

– Это старший брат лорда Стинхерста? – спросила леди Хелен.

– Похоже на то, – ответила Хейверс. – Любопытно, вы не находите?

– Почему? – Взгляд Сент-Джеймса скользнул по площадке в поисках других могил. Их не было.

– Потому что фамильный дом находится в Сомерсете, так ли? – отозвалась Хейверс.

– Верно. – Сент-Джеймс знал, что Хейверс наблюдает за ним, пытаясь понять, как много поведал ему Линли из приватной беседы с лордом Стинхерстом. Он постарался, чтобы его голос звучал совершенно бесстрастно.

– Тогда почему Джеффри похоронен здесь? Почему не в Сомерсете?

– По-моему, он здесь умер.

– Вам прекрасно известно, Саймон, что в благородных семействах принято хоронить своих родичей на фамильных кладбищах. Так почему же этого не отвезли домой? – поинтересовалась она и, прежде чем он успел ответить, добавила: – Если вы хотите сказать, что тело было невозможно переправить домой, тогда почему его не похоронили на семейном кладбище Джеррардов, всего в нескольких сотнях ярдов дальше по дорожке?

Сент-Джеймс тщательно подобрал слова:

– Возможно, это было его любимое место, Барбара. Здесь спокойно, а летом, без сомнения, очень даже красиво, а прямо под ним – озеро. Не думаю, что это имеет такое уж значение.

– Даже если учесть, что этот человек, Джеффри Ринтул, был старшим братом лорда Стинхерста и, прежде всего, законным лордом Стинхерстом?

Сент-Джеймс насмешливо поднял брови.

– Уж не хотите ли вы сказать, что лорд Стинхерст убил своего брата, чтобы получить титул? Но в таком случае гораздо разумнее было бы – если он хотел скрыть убийство – отвезти брата домой и похоронить его с подобающей помпой и приличиями Сомерсете... Не так ли?

Леди Хелен молча слушала их разговор, но при упоминании похорон заговорила:

– Здесь что-то не так, Саймон. Муж Франчес Джеррард – Филип Джеррард – тоже похоронен не на семейном кладбище. Он лежит на островке на озере, недалеко от берега. Я увидела этот остров из окна сразу после приезда, и когда спросила о нем Мэри Агнес – на нем высится занятная усыпальница, похожая на руину, – та все мне о ней рассказала. По ее словам, муж Франчески, Филип, настоял, чтобы его там похоронили. Настоял, Саймон. Это было в условиях его завещания. Полагаю, это, так сказать, местный колорит, потому что то же самое рассказал мне Гоуван, когда принес мой багаж.

– В самую точку, – вставила Хейверс. – С этими двумя семьями происходит что-то ужасно странное. И вы, разумеется, не можете утверждать, что это – семейное кладбище Ринтулов. Больше ни одной могилы. И потом, Ринтулы даже не шотландцы! Зачем бы им хоронить своего родственника здесь, если только...

– Что-то их вынудило, – пробормотала леди Хелен.

– Или они сделали это специально, – торжествующе завершила Хейверс. Она подошла к Сент-Джеймсу. – Инспектор Линли рассказал вам о допросе лорда Стинхерста, верно? Выложил вам все, что узнал от лорда Стинхерста. Что происходит?

Сент-Джеймс на мгновение задумался, не солгать ли Хейверс. Или просто поставить на место – дескать, их разговоры ее не касаются. Но у него было чувство, что она потащила их в этот поход не ради того, чтобы свалить вину за гибель писательницы и парнишки на Стюарта Ринтула. Ей куда проще быто привести сюда Линли и показать эту странную заброшенную могилу ему самому. То, что Хейверс этого не сделала, могло означать две вещи. Или она собирала свои собственные улики, чтобы добиться очередного чина, очернив при этом Линли перед его начальством в Скотленд-Ярде, или она искала помощи у него, Сент-Джеймса, чтобы не дать Линли совершить огромную ошибку.

Хейверс отвернулась и отошла в сторону.

– Да ладно. Мне не следовало вас об этом спрашивать. Вы

его друг, Саймон. Конечно, он с вами говорил. – Она рывком натянула шерстяную шапку, закрыв лоб и уши, и уныло посмотрела на озеро.

Понаблюдав за ней, Сент-Джеймс решил, что она все-таки заслуживает доверия, и надо дать ей возможность доказать, что она его стоит. Он поведал ей историю лорда Стинхерста в пересказе Линли.

Машинально потягивая то за один, то за другой засохший сорняк у ограды, Хейверс внимательно слушала эту запутанную историю любви и предательства, которая окончилась смертью Джеффри Ринтула. Ее глаза, прищуренные из-за слепяще-яркого на солнце снега, остановились на могильном камне. Когда Сент-Джеймс закончил, она задала только один вопрос:

– Вы этому верите?

– Не вижу причин, зачем человеку в положении лорда Стинхерста клеветать перед кем-либо на себя. Даже, – добавил он, увидев, что Хейверс откп рот, – чтобы спасти свою шкуру.

– Слишком благороден для этого? – Ее тон был резким.

– Вовсе нет. Слишком горд.

– Тогда, если, как вы говорите, это вопрос гордости, желание соблности приличия, разве он не постарался бы сохранить эту видимость более надежно?

– Что вы имеете в виду?

Леди Хелен, не удержавшись, вмешалась:

– Если бы лорд Стинхерст хотел притвориться что все в порядке, Саймон, разве не отвез бы он Джеффри домой, чтобы похоронить в Сомерсете раз уж он сохранил свой брак? Если честно, мне кажется, что переправить останки брата домой было бы – в конечном итоге – гораздо менее мучительно, чем тридцать шесть лет оставаться мужем женщины, которая одурачила его вместе с его собственным братом.

Хелен умела мыслить широко. Сент-Джеймс вынужден был признать это, хотя он и не сказал этого вслух. Но этого и не требовалось. Потому что сержант Хейверс прочла все по его лицу.

– Прошу вас. Помогите мне прощупать семью Ринтул, – отчаянно взмолилась она. – Саймон, я клянусь, что Стинхерсту есть что скрывать. И мне кажется, что инспектору Линли дали лопату, чтобы он докопался сам. Возможно, Ярд дал. Не знаю.

Сент-Джеймс колебался, думая о тех трудностях, которые он создаст для себя, балансируя между доверием Линли и непоколебимой уверенностью Хейверс в виновности Стинхерста, – если согласится помочь ей.

– Это будет нелегко. Если Томми узнает, что вы ведете собственное расследование, Барбара, расплата будет страшной. Нарушение субординации.

– Для Департамента вы станете конченным человеком, – тихо добавила леди Хелен. – И снова окажитесь на улице.

– Думаете, я этого не знаю? – Бледное лицо Хейверс вы-

ражало решимость и мужество. – А кто стает конченным человеком, если тут есть какое-то преступление? И если оно выплывет на свет из-за настырности какого-нибудь журналиста – типа Джереми Винни, боже ты мой, – который держит нос по ветру? По крайней мере, если я стану копать под Стинхерста, инспектор будет таким образом защищен. Потому что все будут думать, что я действую по его приказу.

– Томми вам небезразличен, да?

Этот внезапно заданный леди Хелен вопрос заставил Хейверс сразу же отвести глаза.

– Большую часть времени я ненавижу этого несчастного пижона, – ответила она. – Но если ему суждено быть уволенным, пусть это случится не из-за какого-то болвана – вроде Стинхерста.

Сент-Джеймс улыбнулся свирепости ее ответа.

– Я вам помогу, – сказал он. – Чего бы это ни стоило.

Хотя широкий ореховый буфет был весь уставлен блюдами с подогревом, источающими разнообразные запахи – от копченой рыбы до яиц, в столовой, когда туда вошел Линли, находился всего один человек. Элизабет Ринтул сидела спиной к двери и, явно безразличная к звуку его шагов, даже не повернула головы, чтобы посмотреть, кто составит ей компанию за завтраком. Вилкой она гоняла по тарелке одинокую сосиску, пристально глядя на блестящий след жира, похожий на след улитки. Линли подсел к ней с чашкой чер-

ного кофе и ломтиком холодного тоста.

Она, судя по одежде, намеревалась вместе со своими родителями отбыть в Лондон. Но, как и вчерашний ее наряд, черная юбка и серый джемпер были ей чересчур велики, и хотя черные колготки были подобраны абсолютно им в тон, их элегантность сводила на нет маленькая стрелка на щиколотке, которая конечно же «поедет» дальше. На спинке стула висел чудной, длинный, до полу плащ, густо-синего цвета, такой могла носить Сара Вудраф²⁹, чтобы принимать впечатляющие театральные позы на молу Кобб³⁰. Он, вне всякого сомнения, не вязался со всем обликом Элизабет.

То, что она вовсе не жаждет насладиться его обществом, Линли сообразил сразу, как только уселся напротив нее. С окаменевшим вмиг лицом она отодвинула стул и начала подниматься.

– Я так понял, что Джой Синклер была помолвлена с вашим братом Алеком, – заметил Линли, словно она не пошевелилась.

Она, не отрывая глаз от тарелки, снова села и принялась тонюсенькими ломтиками нарезать сосиску, ни единого не отправив в рот. Руки у нее были необыкновенно большие, даже для женщины ее роста, а костяшки пальцев – узловатые.

²⁹ Сара Вудраф – героиня романа Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта» (1969).

³⁰ Мол Кобб – мол в городке Лай-Риджис, где начинается действие романа «Женщина французского лейтенанта».

тые и некрасивые. Их покрывали глубокие царапины, заметил Линли. Несколько дней давности.

– Кошки. – Ее голос прозвучал почти грубо. Линли не стал отвечать на эту краткую реплику, поэтому она продолжила: – Вы смотрите на мои руки. Это царапины от кошек. Они не очень-то любят, когда прерывают их совокупление. Но есть некоторые занятия, которые мне совсем не хотелось бы терпеть на своей кровати.

Двусмысленное замечание, красноречивое в своем невольном признании. Интересно, что извлек бы из этого аналитик, подумалось Линли.

– Вы хотели, чтобы Джой вышла за вашего брата?

– Теперь это вряд ли имеет значение, не правда ли? Алек мертв уже много лет.

– Как она с ним познакомилась?

– Мы с Джой учились в одной школе. Иногда она приезжала к нам на короткие каникулы в середине четверти. Алек был там.

– И они поладили?

При этих словах Элизабет подняла голову. Линли поразился, что женское лицо может быть настолько лишено выражения. Оно казалось неумело раскрашенной маской.

– Джой ладил со всеми мужчинами, инспектор. Это был ее особый дар. Мой брат был всего лишь одним из длинной череды ее воздыхателей.

– Однако у меня создалось впечатление, что воспринима-

ла его гораздо серьезнее, чем других.

– Разумеется. Почему бы и нет? Алек достаточно часто во всеуслышание заявлял о своей любви, чтоб выглядеть идеальным простаком, ублажая в то же время ее самолюбие. И сколько из этих других могли предложить ей перспективу стать графиней Стинхерст, когда папочка сыграет в ящик? – Элизабет принялась выкладывать из кусочков сосиски узор на тарелке.

– Ее отношения с вашим братом осложнили вашу дружбу? Из ее ноздрей вырвался короткий смешок, как дуновение резкого ветра.

– Наша дружба существовала только благодаря Алеку, инспектор. Как только он умер, я стала неинтересна Джой Синклер. В сущности, после заупокойной службы по Алеку я и видела-то ее лишь раз. Затем она, не раздумывая, исчезла.

– До этих выходных.

– Да. До этих выходных. Вот такими мы были подругами.

– Вы обычно ездите со своими родителями в такие вот, связанные с театром поездки?

– Да ни за что. Но я обожаю свою тетку. Это была возможность повидаться с ней. Поэтому я и поехала. – Неприятная улыбка изогнула рот Элизабет, чуть тронула ее ноздри и исчезла. – Разумеется, тут не обошлось без маминых расчетов относительно моего романа с Джереми Винни. И я не могла разочаровать ее, она лелеяла такие смелые надежды на эти выходные, она боится, что моя роза окончательно увянет, ес-

ли вы позволите мне употребить столь смелую метафору.

Линли проигнорировал этот дерзкий намек.

– Винни давно знает вашу семью, – сделал он вывод.

– Давно? Он знает папу целую вечность, и по театру, и так просто. Много лет назад, еще в провинции, он мнил себя вторым Оливье, но папа вывел его из этого заблуждения. Тогда Винни подался в театральные критики, где он с тех пор и обретается, с удовольствием смешивая с грязью столько постановок, сколько удастся посмотреть. Но эта новая пьеса... ну, отец принимал ее очень близко к сердцу. Новое открытие «Азенкура» и все прочее. Поэтому, полагаю, мои родители хотели моим присутствием обеспечить хорошие отзывы. Вы понимаете, о чем я... В случае, если Винни решит принять... скажем так, менее чем соблазнительную взятку. – Она с грубой откровенностью провела ладонью по телу. – Я в обмен на благоприятную статью в «Тайме». Это ответило бы чаяниям обоих моих родителей, не так ли? Желанию моей матери, чтобы меня наконец-то должным образом обслужили. Желанию отца – с триумфом покорить Лондон.

Она намеренно вернулась к первой теме, несмотря на то, что Линли заговорил о другом. Он послушно подхватил ее мысль:

– И именно поэтому вы пошли в комнату Винни в ночь, когда умерла Джой?

В ответ Элизабет вскинула голову.

– Конечно нет! Льстивый человечек с пальцами, похожи-

ми на волосатые сосиски. – Она ткнула вилкой в тарелку. – Насколько я знаю, эту маленькую бестию могла получить Джой. Мне он жалок: отирает среди людей театра в надежде, что поднаберет у них таланта, которого ему не хватило, чтобы покорить публику много лет назад. *Жалок!* — Внезапный взрыв эмоций, похоже, выбил ее из колеи. И, словно для того чтобы обуздать его, она отвела взгляд и сказала: – Что ж, возможно, именно поэтому мама считала его такой подходящей для меня кандидатурой. Два ничтожества, вместе плывущих к закату. Боже, какая романтическая мысль!

– Но вы пошли в его комнату...

– Я искала Джой. Из-за тети Франчи и ее чертовых жемчугов. Хотя, когда я теперь об этом думаю, мне кажется, что мама и тетя Франчи, вероятно, спланировали всю эту сцену заранее. Джой бросится к себе в комнату, истекая слюной над своим новым приобретением и оставив меня наедине с Винни. Мама, без сомнения, уже побывала в его комнате с лепестками цветов и святой водой, оставалось только завершить это соответствующим финалом. Какая жалость! Сколько усилий она приложила, и только для того, чтобы он положил глаз на Джой.

– Вы, что же, совершенно уверены в том, что происходило в комнате Винни? Мне это действительно важно. Вы видели Джой? Вы уверены, что она была с ним? И что там больше никого не было?

– Я... – Элизабет замолчала. Резким движением перело-

жила нож и вилку. – Конечно, это была Джой. Я же слышала их.

– Но не видели ее?

– Я слышала ее голос!

– Шепот? Бормотание? Было поздно. Ей пришлось бы говорить негромко, верно?

– *Это* была Джой! Кто еще мог быть? И что другое могло быть между ними после полуночи, инспектор? Читали стихи? Поверьте мне, если Джой явилась в комнату к мужчине, то у нее на уме было только одно.

Я это знаю.

– Она проделывала это и с Алеком, когда гостила у вас?

Элизабет плотно сжала губы и снова занялась своей тарелкой.

– Расскажите мне, что вы делали после того, как ушли с читки, – попросил Линли.

Она сложила ломтики сосиски аккуратным треугольничком. Затем ножом принялась резать кружочки пополам.

Каждому ломтику было уделено внимание и полная сосредоточенность. Через минуту она заговорила:

– Я пошла к своей тете. Она расстроилась. Я хотела помочь.

– Вы ее любите.

– А вас это, похоже, удивляет, инспектор. Просто небывалое чудо, что я могу кого-то любить. Верно? – Поняв, что ей не вывести его из себя, она сложила нож и вилку, отодвину-

лась подальше от стола и посмотрела ему прямо в глаза. – Я отвела тетю Франчи в ее комнату. Положила ей на голову компресс. Мы поговорили.

– О чем?

Элизабет снова улыбнулась, и в этой улыбке необъяснимым образом соединились насмека и тайное торжество.

– О «Ветре в ивах»³¹, если уж вам так надо знать, сказала она. – Вам знакома эта история, не так ли. Жаба, Барсук. Крыса. И крот. – Она поднялась и набросила на плечи плащ. – А теперь, если у вас все инспектор, у меня еще есть дела.

С этими словами она оставила его. Линли услышал, как она хохотнула в холле.

Айрин Синклер только что сама услышала эту новость, когда Роберт Гэбриэл нашел ее в комнате, которой Франческа Джеррард с оптимизмом дала название игротеки. Находившаяся в самом конце нижнего коридора, с северо-восточной стороны – причем дверь ее была почти скрыта за грудой одежды для прогулок, в сущности, никому не нужной, – комната эта оказалась полностью изолированной, и, войдя туда, Айрин с радостью вдохнула запах плесени, гниющего дерева и всюду проникающего запаха пыли и грязи. Как видно, великие планы обновления дома пока еще не коснулись этого дальнего уголка. Айрин поймала себя на том, что рада этому.

³¹ «Ветер в ивах» – роман-сказка шотландского писателя К. Грэма (1908).

В центре комнаты стоял старый бильярдный стол, его зеленое сукно сильно сморщилось, сетки под большинством луз или порвались, или вообще отсутствовали. В стойке на стене стояли кии, и Айрин рассеянно провела по ним пальцами, идя к окну. Штор на нем не было, поэтому тут было как-то особенно зябко. Поскольку она была без пальто, то обхватила себя руками и крепко потерла предплечья, ощущая ответное трение шерстяного платья о кожу как своего рода боль.

Из окна мало что было видно, только оголенная зимой ольховая роща, за которой шиферная крыша эллинга казалась выроставшей из холмика, как треугольный нарост. Это была оптическая иллюзия, созданная ракурсом и высотой холма. Айрин невольно подумала, что иллюзии занимают прочное место в ее жизни.

— Боже мой, Рини. А я тебя везде ищу. Что ты здесь делаешь? — Роберт Гэбриэл подошел к ней. Она не услышала, как он вошел, ему удалось так же беззвучно закрыть покоробившуюся дверь. Через руку его было перекинута пальто, он пояснил: — Я уже собирался идти искать тебя на улицу. — Он набросил пальто ей на плечи.

Это был в общем-то ничего не значащий жест, однако Айрин по-прежнему испытала явное отвращение к его прикосновениям.

Он стоял так близко, что она чувствовала запах его одеколона и легкий запах кофе, смешанный с запахом зубной

пасты в его дыхании. Ее замутило.

Если Гэбриэл и заметил это, то виду не подал.

– Нас отпускают. Они кого-нибудь арестовали? Ты не знаешь?

Она не могла заставить себя посмотреть на него.

– Нет. Никого не арестовали. Пока нет.

– Конечно, нас потащат на дознание. Боже, как чертовски неудобно мотаться туда-обратно из Лондона! Но все лучше, чем торчать в этом леднике. Горячая вода, сама знаешь, теперь тоже закончилась. Этот старый бойлер починят не раньше чем через три дня. Это уж совсем погано, верно?

– Я тебя слышала, – сказала она. Она говорила безнадежным шепотом. Почувствовала, что он смотрит на нее.

– Слышала?

– Я *слышала* тебя, Роберт. Я слышала тебя и позапрошлой ночью.

– Айрин, о чем ты...

– О, тебе нет нужды волноваться, что я скажу полиции. Я этого не сделаю, не так ли? Поэтому ты меня и разыскиваешь, позволь тебе сказать. Чтобы убедиться, что гордость не позволит мне такое рассказать.

– Ну что ты! Я даже не знаю, о чем ты говоришь. Я здесь потому, что хочу отвезти тебя в Лондон. Я не хочу, чтобы ты добиралась туда одна. И речи нет...

– А самое смешное, – едко перебила Айрин, – что на самом деле я искала тебя. О боже мой... Роберт, я... я была

готова принять тебя назад. Я даже... – К ее стыду, голос ее дрогнул, и она отвернулась, словно надеялась таким образом взять себя в руки. – Я даже привезла тебе фотографию нашего Джеймса. Ты знаешь, что в этом году в школе он сыграл Меркуцио?³² У меня есть две фотографии – Джеймса и твоя – в двойной рамке. Помнишь то фото – ты в роли Меркуцио, много лет назад? Конечно, вы не очень похожи, потому что у Джеймса мой цвет волос и глаз, но все равно, я подумала, что ты бы захотел взять эти фотографии. Хотя бы из-за Джеймса. Нет, я лгу сама себе. И я поклялась прошлой ночью, что покончу с этим. Я хотела привезти тебе фотографии, потому что при своей ненависти любила тебя, и тогда вечером, когда мы с тобой были вдвоем в библиотеке, я всего на мгновение *подумала*, что есть шанс...

– Рини, ради всего святого...

– Нет! Я тебя слышала! Все снова было как в Хэмстеде! В точности! А еще говорят, что ничто в жизни не повторяется. Какая жестокая насмешка! Все, что мне было нужно, это открыть дверь и снова увидеть, как ты имеешь мою сестру. Как я сделала это в прошлом году, с одной только разницей, что на этот раз я была одна. По крайней мере, наши дети на сей раз были избавлены от этого зрелища, не увидели, как их отец пыхтит и стонет над их милой тетей Джой.

– Это не...

³² Меркуцио – в трагедии У. Шекспира «Ромео и Джульетта (1595) друг Ромео, жизнерадостный и остроумный юноша.

– ... то, что я думаю? – Айрин почувствовала, что ее лицо кривится от подступающих слез. Это разозлило ее – что он по-прежнему способен довести ее до них. – Я не хочу этого слышать, Роберт. Хватит лгать. Хватит твердить: «Это случилось только раз». Все. Надоело.

Он схватил ее за руку.

– Ты думаешь, что я убил твою сестру? – Его лицо казалось больным, возможно, от недосыпа или от чувства вины.

Она хрипло рассмеялась, стряхнув его руку:

– Убил ее? Нет, это не в твоём духе. На что тебе мертвая Джой? В конце концов, ты не стал бы трахать труп.

– Этого не было!

– Тогда что я слышала?

– Не знаю, что ты слышала! Не знаю, кого ты слышала! С ней мог быть кто угодно.

– В *твоей* комнате? – последовал вопрос.

Его глаза в ужасе расширились.

– В *моей*... Рини, боже милосердный, это не то, что ты думаешь!

Она скинула с плеч его пальто. Когда оно упало, с пола взметнулось облако пыли.

– Это даже хуже, чем знать, что ты всегда был гнусным лжецом, Роберт. Потому что теперь... теперь и я стала такой. Боже, помоги мне. Я думала, что, если Джой умрет, я освобожусь от боли. Теперь я знаю, что мне не стать свободной, пока не умрешь ты.

– Как ты можешь так говорить? Ты действительно этого хочешь?

Она горько улыбнулась:

– Всем сердцем. О боже, *боже!* Всем сердцем!

Он отступил от нее, от лежавшего между ними на полу пальто.

Его лицо было пепельно-серым.

– Пусть так и будет, любимая, – хрипло прошептал он.

Линли нашел Джереми Винни на улице, на парковочной площадке, он укладывал в багажник взятого напрокат «морриса» свой чемодан. Винни был в пальто, перчатках и обмотан шарфом; от его дыхания в воздухе равномерно повисало облачко пара. Высокий лоб его розово блестел в лучах солнца, и почему-то казалось, что Винни изрядно вспотел, невзирая на холод. Линли отметил, что он отъезжает первым, необычная манера поведения для газетчика. Линли двинулся к нему по дорожке, под его ногами заскрежетал гравий и лед. Винни поднял голову.

– *Рано* едете, – заметил Линли.

Журналист кивнул в сторону дома, каменные стены которого были, как чернилами, разрисованы темными тенями раннего утра:

– Не очень-то хочется тут задерживаться.

Он захлопнул крышку багажника и проверил, надежно ли тот заперт. Он выронил ключи и, хрипло откашлявшись, нагнулся, чтобы водворить на место, в потертый кожаный фу-

гляр. И наконец, с умеренно скорбным видом посмотрел на Линли – такой бывает, когда первый шок прошел и огромность потери начинает нивелироваться бесконечностью времени.

– Мне почему-то думалось, – сказал Линли, – что журналист должен уезжать последним.

Винни издал резкий, короткий смешок, который относился, похоже, к его собственной персоне, смешок обличающий и недобрый.

– Соорудив репортаж с места преступления? Чтобы не меньше десяти дюймов на первой полосе? Не говоря уже о подписи крупными буквами и рыцарском звании за раскрытие преступления в одиночку? Вы так себе это представляете, инспектор?

Линли вместо ответа спросил:

– Все же почему вы оказались здесь в эти выходные, мистер Винни? Присутствие всех остальных можно так или иначе объяснить. Но ваше... Не могли бы вы вкратце объяснить мне, что и как?

– Разве вчера вечером вы не получили исчерпывающее объяснение от нашей очаровательной Элизабет? Я умирал от желания затащить Джой в постель. Или еще лучше: насиловал ее мозги для материала, который подтолкнет мою карьеру. Выбирайте любой вариант.

– Честно говоря, я бы предпочел правду.

Винни сглотнул, он явно был обескуражен: от полиции он

ожидал чего угодно, только не спокойствия. Воинственного требования правды или провоцирующих тычков пальцем в грудь.

– Она была моим другом, инспектор. Вероятно лучшим другом. Иногда мне кажется, моим единственным другом. И вот ее нет. – Его глаза были полны муки, когда он отвернулся к спокойной глади лежавшего в отдалении озера. – Но люди ведь не понимают дружбу такого рода между женщиной и женщиной. Они норовят что-то сюда приплести. Сделать из нее какую-то дешевку.

Линли был тронут горем журналиста, но, однако, заметил, что тот обошел его вопрос.

– Именно Джой устроила, чтобы вы сюда приехали? Я знаю, что вы звонили Стинхерсту, но это она подготовила почву? Это была ее идея? – Когда Винни кивнул, он спросил: – Но зачем?

– Она сказала, что тревожится из-за изменений в тексте пьесы, как их воспримут Стинхерст и актеры. Сказала, что ей требуется моральная поддержка на случай всяких недоразумений. Я несколько месяцев писал о том, как идет обновление «Азенкура». Ну и подумал, что вполне могу попросить, чтобы мне позволили присутствовать при читке. Поэтому я и приехал. Поддержать ее, как она и просила. Но, как оказывается, толку от меня ни малейшего... Она с таким же успехом могла приехать сюда одна.

– Я видел ваше имя в ее ежедневнике.

– Ничего удивительного. Мы регулярно обедали вместе. На протяжении многих лет.

– Во время этих встреч не говорила ли она вам что-нибудь про эти выходные? Какие-нибудь подробности? Чего от них ждать?

– Сказала только, что состоится читка и что все это может показаться мне интересным.

– Имелась в виду сама пьеса?

Винни вдруг задумался, устремив взгляд в никуда. Когда он все же ответил, его голос прозвучал так, словно его поразила какая-то мысль, которая раньше не приходила ему в голову:

– Джой сказала, что хочет, чтобы я обдумал предварительную статью о пьесе. Какие звезды будут приглашены, пару слов о сюжете, возможно, о материалах, которые она использует. Приезд сюда дал бы мне первые впечатления о характере постановки. Но я... эту информацию я мог бы с легкостью получить и в Лондоне, верно? Мы видимся... виделись достаточно часто. Может, она... опасалась, что с ней может что-то произойти, инспектор? Боже мой, может, она рассчитывала, что я-то уж позабочусь о том, чтобы люди узнали правду?

Линли никак не прокомментировал ни его откровенное неверие в силы полиции, ни самонадеянность: похоже, он искренне полагал, что какой-то журналист способен в одиночку раскопать правду, заменив полицию. Тем не менее он от-

метил, что, судя по реплике Винни, лорд Стинхерст верно определил цель приезда ушлого газетчика.

– Вы говорите, что она была чем-то обеспокоена?

– Она этого не говорила, – честно признал Вин ни. – И вид у нее был ничуть не испуганный.

– Почему она находилась в вашей комнате позапрошлой ночью?

– Она сказала, что слишком взвинчена и не может уснуть. После объяснения с лордом Стинхерстом она ушла в свою комнату. Но ей было как-то не по себе и поэтому пришла ко мне. Поговорить.

– Когда именно?

– Примерно в четверть первого.

– О чем она говорила?

– Сначала о пьесе. Что непременно хочет добиться ее постановки, независимо от намерений Стинхерста. А потом об Алека Ринтуле. И Роберте Гэбриэле. И Айрин. Она гадко себя чувствовала – из-за Айрин, понимаете. Она... она отчаянно хотела, чтобы ее сестра снова сошлась с Гэбриэлом. Потому и хотела, чтобы Айрин участвовала в этой пьесе. Она думала, если их с Гэбриэлом свести вместе, то потом все наладится само собой. Она сказала, что хочет, чтоб Айрин ее простила, и понимает, что это невозможно. Но более того, мне кажется, она хотела простить себя сама. И не могла этого сделать, пока Гэбриэл и ее сестра были врозь.

Все это звучало вполне правдоподобно и как будто бы от-

кровенно. Однако интуиция подсказывала Линли, что Винни о чем-то умолчал.

– Судя по вашим словам, она прямо-таки святая.

Винни покачал головой:

– Она была далеко не святой. Но она была настоящим другом.

– В какое время Элизабет Ринтул пришла в вашу комнату с ожерельем?

Прежде, чем ответить, Винни стряхнул снег с крыши «морриса».

– Вскоре после прихода Джой. Я... Джой не хотела с ней разговаривать. Опасалась, что начнется очередная ссора из-за пьесы. Поэтому я не впустил Элизабет внутрь, только приоткрыл дверь; комнату она видеть не могла. Но поскольку я не пригласил ее войти она, естественно, решила, что Джой лежит в моей постели. Это в ее духе. Элизабет не в состоянии постичь, что мужчина и женщина могут быть просто друзьями. Для нее беседа с мужчиной – это прелюдия к более близким контактам. По-моему, это довольно печально.

– Когда Джой покинула вашу комнату?

– Незадолго до часа.

– Кто-нибудь видел, как она уходила?

– Поблизости никого не было. Не думаю, чтобы ее кто-то видел, если только Элизабет не подглядывала из-за своей двери. Или, может, Гэбриэл. Моя комната как раз между их.

– Вы проводили Джой до ее комнаты?

– Нет. А что?

– Тогда она могла не сразу пойти к себе. Вы же сказали, что ей не спалось.

– А куда еще она могла пойти? А, на встречу с кем-то. Нет. Никто из приехавших ее не интересовал.

– Если, как вы говорите, Джой Синклер была просто вашим другом, как вы можете быть уверены что с кем-то другим ее не связывало нечто более тесного, чем дружба? С одним из присутствовавших здесь в эти выходные мужчин? Или, возможно, с одной из женщин?

При втором предположении лицо Винни затуманилось. Он моргнул и отвел взгляд.

– Мы друг другу не лгали, инспектор. Она знала все про меня. Я все – про нее. Она наверняка сказала бы мне, если... – Умолкнув, он вздохнул и устало потер лоб тыльной стороной руки, обтянутой перчаткой. – Я могу ехать? О чем еще говорить? Джой была моим другом. А теперь она умерла. – Винни говорил так, будто между этими двумя мыслями была связь.

Линли невольно заподозрил, что, возможно, так оно и есть. Подумав, что неплохо бы разобраться в отношениях этого человека и Джой Синклер, он сменил тему:

– Что вы можете сказать о некоем Джоне Дэрроу?

Винни опустил руку.

– Дэрроу? – тупо переспросил он. – Ничего. А я должен его знать?

– Джой знала. Это очевидно. Айрин сказала, что она даже упомянула о нем за ужином, возможно, в связи со своей новой книгой. Что вы можете об этом сказать?

Линли наблюдал за лицом Винни, ожидая, что он вот-вот вспомнит, ведь он уверял, что Джой якобы ничего от него не скрывала.

– Ничего. – Он и сам растерялся при таком явном противоречии с тем, что он говорил до этого. – Она не говорила о своей работе. Ничего такого.

– Ясно. – Линли задумчиво кивнул. Газетчик слегка потоптался. Перекинул ключи из одной руки в другую. – Джой носила в сумочке магнитофон. Вы знали об этом?

– Да, знал. Она пользовалась им, когда ей в голову приходила какая-нибудь мысль.

– Там есть кое-что и о вас, она спрашивает себя, почему ей так надо спешить из-за вас. Что бы это значило?

– Спешить из-за *меня*? — Он недоверчиво повысил голос.

– «Джереми. Джереми. О, боже, почему надо так спешить из-за него? Не такое уж это заманчивое предложение... « Вот ее слова. Можете их расшифровать?

Лицо Винни было достаточно невозмутимым, но его выдавал беспокойный взгляд.

– Нет. Не могу. Понятия не имею, что она имела в виду. У нас были не такие отношения. По крайней мере, не с моей стороны. Совсем не такие.

Шесть отрицаний. Линли уже достаточно хорошо распо-

знал этого человека, и ему было ясно, что последними фразами он намеренно уводит разговор в сторону. Лжецом Винни был не слишком искусным. Но умел поймать момент и с толком его использовать. Что он сейчас и сделал. Но почему?

– Не смею вас больше задерживать, мистер Вин. – закончил Линли. – Как я понял, вы очень торопитесь в Лондон.

Похоже, Винни хотел сказать что-то еще, но передумал – сел в «моррис» и включил зажигание, сначала автомобиль затарахтел – мотор никак не желал заводиться. Но затем он чихнул и ожил, выпустив выхлопные газы, как человек, страдающий несварением желудка. Пока «дворники» очищали ветровое стекло от снега, Винни опустил стекло и высунулся.

– Она была моим другом, инспектор. Только другом. Ничего больше.

Он дал задний ход. Колеса бешено прокрутились на льду, прежде чем ему удалось покатить по подъездной аллее в сторону дороги.

Линли смотрел ему вслед, заинтригованный этой столь упорно подчеркиваемой фразой, словно в ней таился какой-то особый смысл, который вот-вот прояснится... Каким-то непостижимым образом – возможно, из-за отдаленного присутствия Инвернесса – фраза эта вернула Линли в Итон, к страстной дискуссии пятиклассников на тему одержимости и навязчивых идей Макбета, когда ему мерещится призрак убитого. *Какая потребность остается у человека неудовлетворенного, несмотря на успешный исход за-*

думанного деяния, которое, как он полагал, принесет ему радость! Расхаживавший по классу учитель литературы настойчиво задавал им этот вопрос, требуя от того или другого мальчика оценки, размышлений, защиты. *Потребности движут навязчивыми идеями. Какая потребность? Какая потребность? Это был очень хороший вопрос, решил Линли.*

Он нащупал свой портсигар и направлялся через парковочную площадку к дому, и тут из-за угла вышли Хейверс и Сент-Джеймс. На их брюки налип снег, словно они разгуливали по сугробам. Сразу следом за ними появилась леди Хелен. Несколько секунд все четверо в неловком молчании пристально смотрели друг на друга. Затем Линли сказал:

– Хейверс, пожалуйста, позвоните в Ярд. Сообщите Уэбберли, что сегодня утром мы возвращаемся в Лондон.

Кивнув, Хейверс исчезла в парадной двери. Быстро взглянув на леди Хелен, потом на Линли, Сент-джеймс последовал ее примеру.

– Ты вернешься вместе с нами, Хелен? – спросил Линли, когда они остались одни. Он положил портсигар обратно в карман, так и не открыв его. – Так для тебя будет быстрее. В Обане нас ждет вертолет.

– Я не могу, Томми. И ты это знаешь.

Ее слова не таили в себе злости. Но они были безжалостно окончательными. Казалось, им больше нечего было сказать друг другу. Однако Линли поймал себя на том, что пытается найти какую-то лазейку, чтобы пробиться сквозь ее

сдержанность, не важно, каким образом, пусть самым нелепым. Непостижимо, что он должен расстаться с ней вот так. И именно это он и сказал ей, прежде чем здравый смысл, гордость и попросту правила приличия взяли верх...

– Я не вынесу, если ты вот так уйдешь от меня, Хелен.

Она стояла перед ним в полосе солнечного света. Он пробился сквозь ее волосы, придав им изумительный оттенок, цвета старого бренди. На мгновенья милые темные глаза стали непроницаемыми. Затем это выражение исчезло.

– Я должна идти, – ровным голосом произнесла она и, пройдя мимо него, вошла в дом.

«Это как смерть, – подумал Линли. – Но далее ни достойных похорон, ни разумных сроков траура, скорбь моя будет вечной».

В своем захламленном лондонском кабинете супер-интендант Малькольм Уэбберли положил телефонную трубку на рычаг.

– Это была Хейверс, – сказал он. Характерным жестом он запустил правую руку в свои редеющие рыжеватые волосы и резко потянул, словно хотел ускорить неотвратимое облысение.

Сэр Дэвид Хильер, старший суперинтендант, остался у окна, где провел уже минут пятнадцать, с безмятежным видом разглядывая тесные ряды зданий, образывавших силуэт города. Как всегда, одет он был безукоризненно, а его

осанка выдавала человека очень успешного, умеющего ловко лавировать среди рифов политической власти.

– И?.. – спросил он.

– Они возвращаются.

– Это все?

– Нет. По словам Хейверс, они прорабатывают ниточку, ведущую в Хэмпстед. Очевидно, Синклер работала там над книгой. У себя дома.

Хильер медленно повернул голову, но так как солнце было позади него, лицо его осталось в тени.

– Над книгой? Помимо пьесы?

– Хейверс выразилась как-то неопределенно. Но по-моему Линли что-то учуял, и, видимо, он должен в этом разобраться.

Хильер холодно улыбнулся этим словам:

– Возблагодарим Господа за невероятно творческую интуицию инспектора Линли.

– Он мой лучший человек, Дэвид, – с горечью сказал Уэбберли.

– И конечно, подчинится приказу. Как и ты.

Хильер вернулся к созерцанию города.

Было половина третьего, когда Линли и Хейверс наконец добрались до маленького углового дома Джой Синклер. Расположенное в фешенебельном Хэмпстеде, это белое кирпичное здание было очевидным свидетельством ее писательского успеха. Окно на фасаде, занавешенное прозрачными шторами цвета слоновой кости, выходило на лоскуток сада, где росли подрезанные розовые кусты, дремлющие кустики жасмина и камелии с тугими почками. Из двух наружных ящиков для растений выплескивался вниз и вверх по стенам плющ, особенно разросшийся над входом, узкий, крытый кровельной дранкой фронтон которого был почти не виден под густыми, с бронзовыми прожилками листьями. Хотя фасад дома смотрел на Флэск-уок, вход в садик был с Бэклейн, узкой, мощенной булыжником улочки, поднимавшейся к Хит-стрит в квартале отсюда; машины по ней ехали тихо, почти беззвучно.

Линли откинул крючок на кованых железных воротах и прошел по уложенной плиткой дорожке. День был безветренный, но воздух – сырой, и по-зимнему затуманенное солнце играло на медной табличке, привинченной слева, и на полированном почтовом ящике посреди двери.

– Неплохое гнездышко, – прокомментировала с грубоватым восхищением Хейверс. – Тут тебе и пресловутый садик

за кирпичной стенкой, и соответствующий фонарный столб девятнадцатого века, и укрытая тенью деревьев улица, вдоль которой стоят ваши неперемные «БМВ». – Она ткнула большим пальцем в сторону дома. – Должно быть, стоило немалых денег.

– Судя по тому, что Дэвис-Джонс сказал об условиях ее завещания, она могла себе это позволить, – ответил Линли. Он отпер дверь и знаком предложил Хейверс зайти.

Они оказались в маленькой прихожей, выложенной мраморной плиткой и лишенной какой бы то ни было мебели. На полу валялась целая коллекция писем за несколько дней, брошенных в щель почтового ящика почтальоном. Вполне ожидаемая для преуспевающего писателя подборка: пять рекламных проспектов, счет за электричество, одиннадцать писем, адресованных Джой через ее издателя и переправленных ей, счет за телефон, несколько маленьких конвертов, похожих на приглашения, несколько конвертов, судя по размерам, с деловыми бумагами и с разнообразными обратными адресами. Линли отдал их Хейверс:

– Просмотрите это, сержант.

Она взяла письма, и они прошли дальше в через дверь из матового стекла, которая вела в длинный коридор. Здесь, по левой стене, были открыты две двери, а справа поднималась лестница. В дальнем конце коридора резковатые дневные тени наполняли то, что, видимо, было кухней.

Сначала Линли и Хейверс вошли в гостиную. Комната си-

яла в золотом свете, который падал тремя косыми лучами через большое окно-эркер на светло-серый ковер, который, видимо, был совсем новым и постелен недавно. Здесь мало что выдавало пристрастия хозяйки дома, разве что кресла-шезлонги вокруг очень низеньких столиков, свидетельствовавшие о ее склонности к современному дизайну. Это подтверждалось и выбранными Джой Синклер предметами искусства. Три картины маслом в стиле Джексона Поллока³³ были прислонены к стене – ждали, пока их повесят, а на одном из столиков стояла угловатая мраморная скульптура, изображавшая непонятно что.

Двойные двери в восточной стене вели в столовую. Она тоже была обставлена скудно, с тем же самым элегантным минимализмом современного дизайна. Линли подошел к блоку из четырех французских окон позади обеденного стола, нахмурившись при виде их замков, которые с легкостью вскрыл бы даже начинающий грабитель. Хотя, отметил он про себя, у Джой Синклер пожить было нечем, разве что из магазинов исчезнет скандинавская мебель, или те картины в гостиной на самом деле очень ценные.

Сержант Хейверс отодвинула один из стульев и села за стол, разложив перед собой почту и сосредоточенно поджав губы. Она начала вскрывать письма.

– Популярная дамочка. Здесь с дюжину разных приглаше-

³³ Джексон Поллок (1912 – 1956) – американский художник, основатель школы абстрактного экспрессионизма.

ний.

– Хм.

Линли посмотрел на квадрат огороженного кирпичной стеной садика на заднем дворе, где смог зместиться лишь то-
ненький молодой ясень, кружок земли под ним, чтобы поса-
дить цветы, и лоскуток газона, укрытый тонким слоем снега.
Он прошел в кухню.

Здесь тоже царила равнодушная анонимность, отсутствие
колорита личности. В длинный ряд белых шкафчиков вкли-
нивались кухонные бытовые приборы с черными дверцами,
выскобленный сосновый стол с двумя стульями стоял у од-
ной из стен, а яркие пятна основных цветов были разброса-
ны по всей кухне как стратегические дизайнерские точки:
красная подушка здесь, синий чайник там, желтый фартук
на крючке за дверью.

Линли прислонился к стойке, рассматривая все это. До-
ма всегда раскрывали ему тайны своих владельцев, но здесь
ото всего веяло нарочитой искусственностью, произволом
дизайнера по интерьерам, которому была дана полная воля,
а заказицу абсолютно не интересовало, что сделают с ее до-
мом. В конечном итоге получился со вкусом выполненный
выставочный образец, более или менее удачный. Но он ни о
чем ему не говорил.

– Потрясающий телефонный счет, – прокомментировала
из столовой Хейверс. – Похоже, большую часть своего вре-
мени она проводила, болтая с полудюжиной приятелей по

всему миру. Видимо она заказала распечатку своих разговоров.

– Например?

– Семь звонков в Нью-Йорк, четыре в Сомерсет, шесть в Уэльс... дайте сосчитать... десять в Суффолк. Все очень короткие, за исключением двух подлиннее.

– Все сделаны в одно и то же время дня? Один за другим?

– Нет, за пять дней. Последнего месяца. Перемежаются звонками в Уэльс.

– Проверьте все номера. – Линли двинулся по коридору к лестнице, когда Хейверс вскрыла еще один конверт.

– А это кое-что, сэр. – Она прочла для него вслух: – «Джой, ты не ответила ни на один мой звонок и ни на одно мое письмо. Жду от тебя известий к пятнице, или дело повернется так, что придется обратиться в наш юридический отдел. Эдна».

Линли, поставивший ногу на первую ступеньку, остановился.

– Ее издательша?

– Ее редактор. И оно написано на бланке издательства. Пахнет неприятностями, вам не кажется?

Линли сопоставил с этим уже имевшуюся информацию: запись на магнитофонной пленке; реплика о намерении отделаться от Эдны; вычеркнутые встречи на Аппер-Гровенор-сквер в ежедневнике Джой.

– Позвоните в издательство, сержант. Узнайте, что смо-

жете. Ну и то же самое относительно всех остальных междугородных звонков в распечатке. Я поднимусь наверх.

Если на первом этаже дома личность Джой Синклер практически не проявлялась, то здесь, на втором, она безудержно прорывалась во всем. Здесь был жизненный центр здания, разностильная и разномастная смесь из тех вещей, которыми дорожат и которые собраны по собственному вкусу. Здесь Джой Синклер была повсюду – на фотографиях, развешанных по стенам узкого коридора; в переполненной кладовке, забитой всем – от постельного белья до засохших малярных кистей, в завесе из дамского белья в ванной комнате, даже в воздухе, который хранил слабый запах талька и духов.

Линли прошел в спальню. Здесь его встретило буйство разноцветных подушек, потрепанной мебели из ротанга и одежды. На столике рядом с незаправленной кроватью стояла фотография, которую он бегло изучил. У фонтана на Грейт-корт Тринити-колледжа, в Кембридже, стоял худой, как тростинка, чувствительный на вид юноша. Линли обратил внимание на пышность откинутых назад со лба волос, узнал что-то знакомое в развороте плеч и посадке головы. Алек Ринтул, догадался он, и поставил фотографию на место. Пошел в переднюю часть дома. В смысле порядка кабинет Джой ничем не отличался от спальни, и в первый момент Линли с недоумением подумал: как можно написать книгу в этом хаосе?.. Он переступил через кипу рукописей рядом с дверью и прошел к компьютеру, над которым висе-

ли две карты. Первая была большая, обычная карта района, какие покупают туристы, желающие подробно изучить конкретный район страны. Это была карта Суффолка, захватывавшая часть Кембриджшира и Норфолка. Вероятно, Джой использовала ее для каких-то поисков, сообразил Линли, потому что название одной из деревень было жирно обведено красными чернилами, а дюймах в двух от нее, недалеко от Милденхолл-Фен, был поставлен большой крест. Хот бы лучше видеть, Линли надел очки. «Портхилл-Грин» прочел он под красным кружком.

Мгновение спустя он понял, что это такое. «П. Грин» значилось в ежедневнике Джой. Выходит, это не человек, а место.

На карте повсюду были разбросаны другие кружки: Кембридж, Норвич, Ипсуич, Бери-Сент-Эдмундс. От всех от них были прочерчены линии к кружочку вокруг Портхилл-Грин, а от него – к кресту рядом с Милденхолл-Фен. Линли пытался понять, что означает эта разрисованная карта, слыша, как внизу под ним сержант Хейверс проверяет один номер за другим, ворча себе под нос, когда ответ не удовлетворял ее, или когда ее заставляли ждать, или была занята линия. Линли перевел взгляд на вторую карту. Она была грубо нарисована от руки карандашом: план деревни, со всеми типичными для любого такого местечка в Англии объектами. Они были обозначены только самыми общими словами: церковь, зеленщик, паб, коттедж, автозаправка. Карта ничего

ему не сказала. Если только, конечно, это не было примитивным изображением Портхилл-Грин. Но даже и тогда она лишь указывала на интерес Джой к этому месту. А не на то, почему оно ее интересовало. Или, скажем, что она сделала бы, добравшись туда.

Линли обратил внимание на ее письменный стол. Как и во всей комнате, на нем царил хаос, впрочем такой, в котором безошибочно ориентируется его создатель, но человек посторонний в жизни не разберется. Книги, карты, тетради и бумаги мирно соседствовали с грязной чайной чашкой, несколькими ручками, степлером и тюбиком болеутоляющей мази, вызывающей прилив крови к усталым мышцам. Он несколько минут обдумывал, как ко всему этому подобраться, а внизу вела переговоры Хейверс.

Здесь все должно подчиняться какой-то системе, думал Линли, оглядываясь вокруг. И довольно скоро он понял, в чем тут дело. Горды материалы, взятые по отдельности, а не скопом, были разложены с идеальной рациональностью. Одна стопка книг была, похоже, справочниками. Три книги по психологии на тему о депрессиях и самоубийствах, два руководства по работе британской полиции. Еще одна стопка представляла собой подборку газетных статей, которые все имели отношение к тому или иному виду смерти. В третьей стопке были собраны буклеты и брошюры о различных районах страны. Последняя очень солидная стопа состояла из писем, вероятно оставшихся без ответа.

Он просмотрел ее, сразу исключая письма поклонников, полагаясь на свое чутье и надеясь, что оно выведет его на что-то стоящее. И стоящее обнаружилось – четырнадцатое в стопке.

Короткая записка от редактора Джой Синклер, предложенный десять, не больше. Когда, спрашивал редактор, мы можем ожидать первый вариант книги «Петля на шее – это счастье»? Вы просрочили ее на полгода, а как говорится в вашем контракте...

Внезапно хаос на столе Джой обрел очевидный смысл и связь. Книги о самоубийствах, брошюрки о британской полиции, статьи о смерти, название новой книги.

Линли ощутил бодрящее возбуждение, всегда означавшее, что он на верном пути.

Он вернулся к компьютеру.

– Хейверс, – крикнул он, – вы хорошо знаете компьютер?

– Минутку, – отозвалась она. – У меня тут... – Ее голос стал тише, так как она заговорила по телефону.

Линли в нетерпении нажал на кнопку. Через несколько секунд на экране высветились указания. Все оказалось не таким уж сложным. Не прошло и минуты, как он смотрел на рабочую копию книги Джой «Петля на шее – это счастье».

К сожалению, вся ее рукопись – задержанная на шесть месяцев, что, без сомнения, и послужило причиной конфликта с издателем, – состояла лишь из одной фразы: «Ханна решила покончить с собой ночью 26 марта 1973 года».

Напрасно Линли искал что-нибудь еще, пользуясь всеми подсказками, которые мог предложить ему компьютер. Ничего не было. Или работа была уничтожена, или Джой Синклер действительно не продвинулась дальше этого единственного предложения. Неудивительно, что редактор кипит и угрожает юридическими санкциями, подумал Линли.

Он выключил машину и снова стал исследовать письменный стол. Минут десять он потратил, пытаясь отрыть что-нибудь еще в лежавших там материалах. Ничего.

Тогда он пошел к картотеке, размещавшейся в четырех ящиках. Он просматривал второй, когда в комнату вошла Хейверс.

– Что-нибудь нашли? – спросила она его.

– Книгу под названием «Петля на шее – это счастье» про некую Ханну из местечка Портхилл-Грин, которая решила покончить с собой. «П. Грин», как я полагаю. А у вас?

– Такое впечатление, что в Нью-Йорке до полудня никто не работает, ей-богу, но мне все-таки уда-ось установить, что нью-йоркский номер – это номер ее литературного агента.

– А остальные?

– В Сомерсет она звонила в дом Стинхерста.

– А что насчет письма Эдны? Вы позвонили в издательство?

Хейверс кивнула.

– В начале прошлого года Джой продала им заявку. Она

хотела сделать что-то совершенно новое, не изучение преступника и жертвы, как она это обычно делала, а расследование самоубийства, что привело к нему, его последствия. Итак, ей заплатили часть гонорара... до этого она никогда их не подводила со сроками. Но на этом все и кончилось. Она так ничего им и не представила. Они разыскивали ее несколько месяцев. Честно говоря, реакция на ее смерть была такой, словно кто-то из них ежевечерне молился о таком исходе.

– А что с другими номерами?

– Интересный номер в Суффолке, – сказала Хейверс. – Ответил мальчик... по голосу, подросток. Но он знать не знает, кто такая Джой Синклер или зачем ей было звонить по его номеру.

– Так что в этом интересного?

– Его имя, инспектор. Тедди Дэрроу. А его отца зовут Джон. И говорил он со мной из паба под названием «Вино – это Плуг». А паб этот стоит как раз в центре Портхилл-Грин.

Линли ухмыльнулся, чувствуя мгновенный прилив сил, который приходит, когда информация подтверждается.

– О господи! Хейверс, иногда мне кажется, что мы с вами отличная команда. Вот, например, сейчас. Чувствуете?

Хейверс не ответила. Она разглядывала материалы на столе.

– Значит, мы нашли Джона Дэрроу, о котором Джой говорила за ужином и на пленке, – размышлял вслух Линли. –

У нас есть объяснение ссылки на «П. Грин» в ее ежедневнике. Нам понятно, почему у нее в сумочке лежали эти спички – должно быть, она была в пабе. А теперь остается найти связь между Джоном Дэрроу и Уэстербрэ. – Он внимательно посмотрел на Хейверс. – Но была еще серия звонков, да? В Уэльс.

Линли смотрел, как она перебирает газетные вырезки на столе, как-то чересчур уж сосредоточенно, хотя, похоже, вообще не собирается их читать.

– Звонки были в Лланбистер. Женщине по имени Ангаред Майнах.

– Зачем Джой ей звонила?

И снова она медлила.

– Она искала одного человека, сэр.

Линли прищурился и закрыл картотечный ящик, который просматривал.

– Кого?

Хейверс нахмурилась.

– Риса Дэвис-Джонса. Ангаред Майнах – его сестра. Он жил у нее.

Барбара видела по лицу Линли, как стремительно работает его мысль. Она прекрасно знала, какие именно факты он сопоставляет: имя Джона Дэрроу, которое *было* упомянуто за ужином накануне убийства Джой Синклер; ссылка на Риса Дэвис-Джонса на магнитофонной записи Джой; десять теле-

фонных звонков в Портхилл-Грин, перемежавшихся шестью звонками в Уэльс. Шесть звонков Рису Дэвис-Джонсу.

Чтобы избежать обсуждения всего этого, Барбара подошла к кипе рукописей, лежавшей у двери кабинета.

Она начала с любопытством в ней копать, отмечая глубину интереса Джой Синклер к убийству и смерти: план исследования о Йоркширском Потрошителе, незаконченная статья о Криппине³⁴, по меньшей мере шестьдесят страниц материалов, касающихся смерти лорда Маунтбеттена³⁵, переплетенные гранки книги под названием «Нож вонзается один раз», три версии другой книги – «Смерть во тьме», испещренные правкой. Но чего-то не хватало.

Когда Линли снова занялся картотекой, Барбара подошла к столу. Открыла верхний ящик В нем Джой держала компьютерные дискеты – два длинных ряда гибких черных квадратов, на каждом из которых в правом верхнем углу была наклейка с обозначены содержания. Барбара перебрала их, читая названия. И пока она это делала, в ней начала созревать догадка, как некий зародыш, который давит изнутри но не болезненно, а, напротив, приятно пульсируя. Во втором и третьем ящиках хранилось примерно одно то же – канцелярские принадлежности, картриджи для принтера, скобы для

³⁴ Холи Харви Криппин (1862 – 1910) – американский врач в Англии, убивший свою жену.

³⁵ Луис Маунтбеттен (1900 – 1979) – английский адмирал и государственный деятель.

степлера, древняя копирка, скотч, ножницы. И ничего из того, что она искала. Ни намека.

Когда Линли перешел к книжным полкам, Барбара подошла к картотеке.

– Я все там просмотрел, сержант, – сказал Линли.

Она поискала предлог.

– Мне просто любопытно, сэр. Это займет одну минутку.

На самом деле она копалась в ящиках почти час, но Линли примерно столько же времени исследовал полки; напоследок сняв суперобложку с экземпляра самой последней книги Джой Синклер и положив ее в карман, он прошел в спальню, а оттуда – в кладовку на верхней площадке лестницы, где, как было слышно Барбаре, начал методично рыться в вещах. Шел уже пятый час, когда она просмотрела последнюю карточку и в изнеможении присела на корточки, удовлетворенная подтверждением своей гипотезы. Теперь нужно было решить – сказать Линли сейчас или попридержать язык, пока она не соберет побольше фактов, – фактов, от которых он не сможет отмахнуться.

Почему, раздумывала она, он не заметил этого сам? Ну как же он мог это пропустить? Несмотря на вопиющее отсутствие материала, он видел только то, что хотел видеть, что ему нужно было увидеть – следы, ведущие прямо к Рису Дэвис-Джонсу.

Соблазн уличить Дэвис-Джонса был настолько велик, что эта его предполагаемая вина, словно дымовая завеса, скрыла

одну решающую деталь, которую он исхитрился не заметить. Джой Синклер напряженно работала над пьесой для Стюарта Ринтула, лорда Стинхерста. И нигде в кабинете не было ни малейшего упоминания о ней. Ни проекта, ни плана, ни списка действующих лиц, ни клочка бумаги с набросками.

Кто-то уже побывал до них в этом доме.

– Я подкину вас в Эктон, сержант, – сказал Линли, когда они вышли, и направился к своему серебристому «бентли», вокруг которого собралась стайка восхищенных школьников, заглядывавших в окна и уважительно поглаживавших его сверкающие крылья. – Давайте съездим завтра в Портхилл-Грин с утра пораньше. Выедем в половине восьмого?

– Отлично, сэр. А подкидывать меня не надо. Сяду в подземку и спокойно доеду. Метро тут рядом, на углу Хит-стрит и Хай-стрит.

Линли остановился, повернулся к ней.

– Не глупите, Барбара. Это займет целую вечность. Пересадка и бог знает сколько остановок. Садитесь в машину.

Это звучало как приказ, нужно было срочно придумать какую-то отговорку, не вызвав при этом его гнева. Она просто не могла тратить драгоценное время на ненужную поездку до дома. Ее рабочий день еще не закончился, хотя он об этом и не подозревал.

Не задумываясь о том, насколько неправдоподобно это прозвучит, она выпалила первое, что пришло ей в голову.

– Вообще-то у меня свидание, сэр, – сказала она. И потом, сообразив, чтохватила через край, добавила: – Ну, не то чтобы настоящее свидание. Так, случайный знакомый. Вот, решили вместе поужинать, потом посмотрим тот новый фильм в «Одеоне». – Она невольно сморщилась, выдав столь банальный вариант вранья, и мысленно взмолилась, чтобы в «Одеоне» был новый фильм. Или если не будет, пусть он об этом не узнает.

– О. Понятно. Ну что ж. Я его знаю?

«*Черт!*» – воскликнула она про себя.

– Нет, с этим парнем я познакомилась на прошлой неделе. В супермаркете, между прочим. Мы столкнулись тележками где-то между консервированными фруктами и чаем.

Линли улыбнулся:

– Между прочим, именно так и завязываются настоящие романы. Подбросить вас до подземки?

– Нет. Я пройду. Увидимся завтра, сэр.

Он кивнул и пошел к машине, провожаемый ее взглядом. В одно мгновение его окружили взбудораженные дети.

– Это ваша машина, мистер?

– А сколько она стоит?

– Это кожаные сиденья?

– А можно мне порулить?

Барбара услышала смех Линли, увидела, как он прислонился к машине, сложил руки и уже через секунду по-своему беседовал с этой шумной компанией. Как это него похо-

же, думала она. За двое суток он спал всего три часа, земля, того и гляди, развернется у него под ногами, а он все равно находит в себе силы, чтобы выслушать детскую болтовню.

Наблюдая за ним со стороны, хорошенько представив морщинки от смеха в уголках глаз, характерную, чуть раскосоую улыбку, она поймала себя на мысли: на что же, в сущности, она может пойти, чтобы защитить этого человека, уберечь от краха его карьеру и жизнь.

На все, решила она, и двинулась к подземке.

Когда в восемь часов тем же вечером Барбара добралась до дома Сент-Джеймса на Чейн-роу в Челси, шел снег. В темно-желтом свете уличных фонарей снежные хлопья напоминали осколки янтаря, падавшие вниз, чтобы укрыть тротуар, машины и замысловатые узоры кованых железных балконов и оград. На метель снегопад не тянул, но все равно был достаточным, чтобы устроить пробку на набережной Виктории в квартале отсюда. Гул проезжавших автомобилей был значительно глуше, чем всегда, зато то и дело звучали раздраженные гудки, что вполне можно было понять.

Барбаре открыл Джозеф Коттер, который играл в жизни Сент-Джеймса необычную двойную роль: слуги и тестя. Барбара предполагала, что ему не больше пятидесяти, он был лысоват, невысок и коренаст. Этот мужчина был настолько не похож на свою стройную и гибкую дочь, что первое время после знакомства с Деборой Сент-Джеймс Барбара и не

подозревала, что этот человек имеет к ней какое-то отношение. Он держал серебряный поднос, накрытый для кофе, и всячески старался не споткнуться о длинношерстную таксу и пухлого серого кота, которые вились у него под ногами, требуя внимания. Вся троица отбрасывала причудливые тени на темную обшивку стены.

– Ну-ка, тихо, Персик! Аляска! – прикрикнул он, прежде чем повернуться своим румяным лицом к Барбаре. Пес и кот отступили на подходящие шесть дюймов. – Входите, мисс... сержант. Мистер Сент-Джеймс в кабинете. – Он критически ее оглядел. – Вы еще не ели, барышня? Те двое только что закончили, я сию минуту принесу вам перекусить, хорошо?

– Спасибо, мистер Коттер. Я бы что-нибудь съела. Если честно, у меня с самого утра не было во рту ни крошки.

Коттер покачал головой.

– Полиция, – только и сказал он, очень неодобрительно. – Вы подождите там, мисс. Я принесу вам чего-нибудь вкусенького.

Он стукнул в дверь рядом с лестницей и, не дожидаясь ответа, открыл ее. Барбара вошла за ним в кабинет Сент-Джеймса. В этой комнате, одной из самых приятных в доме на Чейн-роу, висели битком набитые книжные шкафы, висело множество фотографий и царил интеллектуальный беспорядок.

В камине горел огонь, пахло кожей и бренди – тот уютный аромат, что бывает в мужском клубе. Сент-Джеймс занимал

кресло у камина, его покалеченная нога покоилась на потертом пуфике, а напротив него свернулась клубочком в углу дивана леди Хелен Клайд. Они сидели молча, как давно женатая пара или друзья, настолько близкие, что им не нужны слова.

– Пришла сержант, мистер Сент-Джеймс, – сказал Коттер, торопливо поставив на низкий столик у огня поднос с кофе. Отблески пламени играли на фарфоре, мерцали золотыми бликами на подносе. – Совсем голодная, так что я сейчас все устрою, если вы сами разольете кофе.

– Полагаю, мы с этим справимся, опозорив вас не более двух-трех раз, Коттер. И если остался шоколадный торт, не принесете ли еще один кусок для леди Хелен? Она просто умирает – хочет еще, но вы ведь знаете. Слишком уж воспитанная, чтобы попросить добавки.

– Он, как всегда, сочиняет, – перебила леди Хелен. – Это он для себя просит, но знает, что вы это не одобрите.

Коттер посмотрел на одного, на другую, ничуть не обманутый их пикировкой.

– Два куса шоколадного торта, – с нажимом произнес он. – А также ужин для сержанта.

Смахнув пушинку с рукава своей черной куртки, он вышел из комнаты.

– У вас вымотанный вид, – сказал Сент-Джеймс Барбаре, когда Коттер ушел.

– У нас у *всех* вымотанный вид, – добавила леди Хелен. –

Кофе, Барбара?

– Не меньше десяти чашек, – ответила она. Стащила с себя пальто и вязаную шапку, бросила их на диван и подошла к огню отогреть онемевшие пальцы. – Снег идет.

Леди Хелен поежилась.

– После выходных я слышать не могу эту фразу. – Она передала Сент-Джеймсу чашку кофе и налила еще две. – Я очень надеюсь, что ваш день оказался более продуктивным, чем мой, Барбара. Проведя пять часов за изучением прошлого Джеффри Ринтула, я начала чувствовать себя работником одного из этих ватиканских комитетов, которые рекомендуют кандидатов для канонизации. – Она улыбнулась Сент-Джеймсу. – Ты выдержишь этот рассказ еще раз?

– Просто жажду его услышать, – отозвался он. – Я сразу вспоминаю свое собственное постыдное прошлое и испытываю подобающее случаю чувство вины.

– Так тебе и надо...

Леди Хелен вернулась на диван, потряхнув головой чтобы отбросить несколько легких прядей, упавших ей на щеку. Она скинула туфли, подобрала под себя ноги и отхлебнула кофе.

Даже измученная, она так грациозна, подметила Барбара. Совершенно уверена в себе. Абсолютно непринужденна. Находиться в ее обществе – всегда испытание, потому что чувствуешь себя такой неуклюжей, такой непривлекательной. Глядя на сдержанную элегантность этой женщины, Барбара

спросила себя, как может жена Сент-Джеймса спокойно воспринимать тот факт, что ее муж и леди Хелен трижды в неделю работают бок о бок в лаборатории на верхнем этаже этого дома.

Леди Хелен взяла свою сумочку и вытащила оттуда маленький блокнот в черной обложке.

– Проведя несколько часов в обществе «Дебретта и Берка»³⁶ и «Мелкопоместного дворянства» – не говоря уже о сорокаминутном телефонном разговоре с моим отцом, который знает все о каждой титулованной особе, – я смогла составить довольно примечательный портрет нашего Джеффри Ринтула. Дай-взглянуть. – Она открыла блокнот, и ее глаза скользнули по первой странице. – Родился двадцать третьего ноября тысяча девятьсот четырнадцатого года. Его отцом был Фрэнсис Ринтул, четырнадцатый граф Стинхерст, а его матью – Астрид Селверс, американка-дебютантка в духе Вандербилтов, которая, по-видимому, имела дерзость умереть в двадцать пятом году, предоставив Фрэнсису растить троих маленьких детей. Что они сделал, и очень успешно, учитывая достижения Джеффри.

– Он больше не женился?

– Никогда. И даже, похоже, не позволял себе неосмотрительных связей. Но равнодушное отношение к сексу, по всей видимости, их фамильная черта, как вы тотчас же заметите.

– Разве? – спросила Барбара. – А как же роман Джеффри

³⁶ «Дебретт и Берк» – ежегодный справочник дворянства; издается с 1802 г.

с его невесткой?

– Случаются исключения, – признал Сент-Джеймс.

Леди Хелен продолжила:

– Джеффри учился в Хэрроу и Кембридже. Окончил Кембридж в тридцать шестом году с отличием по экономике, плюс разнообразные награды за речи и дебаты, которые продолжались бесконечно. Но на него никто не обращал особого внимания до октября сорок второго года, а он и в самом деле оказался удивительным человеком. Он сражался с Монтгомери в двенадцатидневной битве при Эль-Аламейн в Северной Африке³⁷.

– Его звание?

– Капитан. Танкист. Видимо, в один из самых тяжелых дней сражения его танк был выведен из строя немецким снарядом. Джеффри удалось вытащить из горящего танка двух раненых товарищей и оттащить их в безопасное место – более чем на милю. И это при том, что он и сам был ранен. Его наградили крестом Виктории.

– И такой человек похоронен где-то в глуши, в заброшенной могиле, – прокомментировала Барбара.

– Мало того, – сказала леди Хелен, – несмотря на серьезное ранение, которое давало ему полное право не участвовать в боевых действиях, он продолжил воевать в соста-

³⁷ 23 октября – 4 ноября, в ходе Второй мировой войны, в районе Эль-Аламейн (населенный пункт в Египте западнее Александрии) 8-я английская армия генерала Монтгомери нанесла поражение итало-немецким войскам; переломный момент в ходе Северо-Африканской кампании.

ве союзных сил на Балканах. Черчилль пытался сохранить там британское влияние – при потенциальном превосходстве русских, и, видимо, Джеффри сделался его доверенным лицом. Когда Джеффри вернулся с фронта, то стал работать в Уайтхолле, на министерство обороны.

– Удивительно, что такой человек не баллотировался в парламент.

– Его просили. Неоднократно. Но он – ни в какую.

– И никогда не был женат?

– Нет.

Сент-Джеймс шевельнулся в кресле, и леди Хелен подняла руку, чтобы остановить его. Потом, не говоря ни слова, встала и налила ему вторую чашку кофе. Когда он слишком много сахара, лишь нахмурилась и молча же забрала у него сахарницу, куда он пятый раз запустил ложку.

– Он был гомосексуалистом? – спросила Барбара.

– Если и был, то очень осмотрительным. Независимо от предмета романов, которые могли у него быть. Ни дуновения скандала вокруг него. Нигде.

– Даже о том, что связывает его с женой лорда Сгинхерста Маргерит Ринтул?

– Абсолютно ничего.

– Слишком хорошо, чтобы быть правдой, – заметил Сент-Джеймс. – А что у вас, Барбара?

Но не успела она достать из кармана пальто свой блокнот, как вошел Коттер с обещанной едой: торт для Сент-Джеймса

и леди Хелен, холодное мясо, сыр и хлеб для Барбары. И еще она увидела третий куск торта – для завершения ее импровизированной трапезы. Она улыбкой поблагодарила Коттера, и он дружески подмигнул ей, проверил, не остыл ли кофейник, и исчез за дверью. На лестнице в коридоре слышались его шаги.

– Сначала поешьте, – посоветовала леди Хелен. – Глядя на этот шоколадный торт, боюсь, я не услышу ничего из вашего рассказа. Мы сможем продолжить, когда вы поужинаете.

С благодарным кивком за столь мило завуалированное понимание, столь типичное для леди Хелен, Роара с жадностью военнопленного набросилась на еду, умяв три ломтя мяса и два толстых куска сыра. Наконец, поставив перед собой свой торт и еще одну чашку кофе, она достала блокнот.

– Я несколько часов листала в публичной библиотеке подшивки, но все, что смогла найти, свидетельствует об одном: смерть Джеффри не таит в себе ни малейших загадок. Большую часть я взяла из газетных отчетов о дознании. В ночь, когда он умер, а точнее, ранним утром первого января шестьдесят третье, года, в Уэстербрэ была страшная метель.

– Вполне вероятно, учитывая, какая погодка выдалась в эти выходные, – заметила леди Хелен.

– По словам полицейского, отвечавшего за расследование – инспектора Гленкалви, – участок дороги, где произошел несчастный случай, обледенел. Ринтул потерял управление на крутом двойном повороте, машина опрокинулась набок и

несколько раз перевернулась.

– Его выбросило из нее?

– По-видимому, нет. Но у него была сломана шея, а тело обгорело.

При этих словах леди Хелен повернулась к Сент-Джеймсу.

– Но не может ли это означать...

– В наше время тела не подменивают, Хелен, – перебил он. – Не сомневаюсь, что они установили его личность, взяв карту дантиста и сделав рентгеновские снимки. Кто-нибудь был свидетелем аварии, Барбара?

– Более всего подходящим в свидетели человеком был хозяин Хиллвью-фарм. Он услышал грохот аварии и первым прибыл на место происшествия.

– И его имя?

– Хью Килбрайд. Отец Гоувана. – Они с минуту переваривали эту информацию. Огонь затрещал, добравшись до отвердевшего пузыря смолы. – Вот я и думаю, – медленно продолжала Барбара, – что же на самом деле имел в виду Гоуван, когда сказал нам те два последних слова – «не видел»? Конечно, сначала я думала, что они имеют какое-то отношение к смерти Джой. Но возможно, и совсем никакого. Может быть, они относятся к чему-то, что рассказал ему его отец, к тайне, которую он хранил.

– Это вполне возможно.

– И еще кое-что. – Она рассказала им о своих поисках в

кабинете Джой Синклер, об отсутствии каких бы то ни было материалов по пьесе, заказанной лордом Стинхерстом.

Сент-Джеймс сразу оживился:

– Были какие-нибудь признаки взлома?

– Ничего такого я не заметила.

– Мог быть ключ у кого-то еще? – спросила леди Хелен, а затем продолжила: – Но тут что-то не так, верно? Все интересующиеся пьесой находились в Уэстербрэ, поэтому как мог ее дом... Если только кто-то не поспешил назад в Лондон и не удалил все из кабинета до вашего приезда. И все же это маловероятно. И вряд ли возможно. Кроме того, у кого мог быть ключ?

– Думаю, у Айрин. У Роберта Гэбриэла. Может быть, даже... – Барбара колебалась.

– У Риса? – спросила леди Хелен.

Барбара ощутила неловкость. В том, как леди Хелен произнесла имя этого человека, Барбаре открылись целые миры.

– Возможно. В счете за телефон был ряд телефонных звонков ему. Они перемежались со звонками в местечко под названием Портхилл-Грин.

Преданность Линли удержала ее от пересказа других сведений. Лед, по которому она ступала в ход этого частного расследования, и так слишком тонок, а леди Хелен могла нечаянно – или намеренно – сообщить кому-то еще любую информацию.

Но леди Хелен не потребовала дальнейших объяснений.

– И Томми считает, что Портхилл-Грин каким-то образом дает Рису мотив убийства. Разумеется, он ищет мотив. Он так мне и сказал.

– Однако ничто из этого не приближает нас к пониманию пьесы Джой, не так ли? – Сент-Джеймс посмотрел на Барбару. – Вассал, – произнес он. – Это что-нибудь вам говорит?

Она наморщила лоб:

– Феодализм и феодалы. А это должно значить что-то еще?

– Это как-то связано со всем этим, – ответила леди Хелен. – Это единственный фрагмент пьесы, который врезался мне в память.

– Почему?

– Потому что для всех, кроме членов семьи Джеффри Ринтула, он был бессмыслен. А им он был абсолютно понятен. Они все всполошились, когда услышали слова персонажа о том, что он не станет еще одним вассалом. Это было похоже на семейный код, который был понятен только им.

Барбара вздохнула:

– И куда мы отсюда пойдём?

Ни Сент-Джеймс, ни леди Хелен ей не ответили. Их раздумья были прерваны звуком открывшейся входной двери и приятным женским голосом, позвавшим:

– Папа? Я дома. Промерзла насквозь и умираю от голода. Съем все, что угодно. Даже бифштекс и пирог с почками, так что сам можешь судить, насколько я близка к голодной смерти. – И она весело рассмеялась. Откуда-то с верхних этажей

донесся строгий голос Коттера:

– Твой муж подъял в доме все до последней крошки милая. И это научит тебя, каково предоставлять бедного человека самому себе на все это время. И куда только катится мир?

– Саймон? Он уже дома? Так скоро? – В коридоре раздались торопливые шаги, дверь кабинета распахнулась, и Дебора Сент-Джеймс воскликнула: – Любовь моя, ты не... – Она резко замолчала, увидев женщин. Посмотрела на мужа и стащила с головы берет кремового цвета, выпустив на волю непослушные медно-рыжие волосы. Одетая она была как деловая женщина – прекрасное пальто из шерсти цвета слоновой кости поверх серого костюма – и несла металлический кофр для камеры, который поставила у двери. – Я снимала на свадьбе, – объяснила она. – А потом еще и на приеме, уж думала, что никогда оттуда не выберусь. А вы все уже вернулись из Шотландии? Что-то случилось?

На лице Сент-Джеймса появилась улыбка. Он протянул руку, и его жена подошла к нему.

– Я *точно* знаю, почему я женился на тебе, Дебора, – сказал он, тепло целуя ее и запустив руку ей в волосы. – Из-за фотографий!

– А я всегда думала, из-за того, что ты совсем спятил от моих духов, – сердито отозвалась она.

– Нисколько.

Сент-Джеймс выбрался из кресла и подошел к своему

письменному столу. Покопавшись в большом ящике, он извлек оттуда телефонную книгу, которую тут же открыл.

– Что это ты делаешь? – спросила его леди Хелен.

– Дебора только что дала нам ответ на вопрос Барбары, – ответил Сент-Джеймс. – Куда мы отсюда пойдём? К фотографиям. – Он взялся за телефон. – И если они существуют, Джереми Винни – вот кто может их достать.

Деревня Портхилл-Грин выглядела как какой-то неестественный нарост на торфяных землях восточноанглийских Болот. Расположенная почти в центре неправильного треугольника, образованного Брэндоном, Милденхоллом и Или – городами Суффолка и Кембриджшира, – она состояла всего лишь из трех пересекающихся узких улочек, которые вились сквозь поля сахарной свеклы, переходя иногда в узкие мостики, рассчитанные на один автомобиль, над коричневыми меловыми канавками.

В окружающем пейзаже господствовали серый, коричневый и зеленый цвета – унылого зимнего неба, глинистых полей, испещренных неровными лоскутками снега, и растительности, которая густо окаймляла улочки.

Деревня мало чем могла похвастаться. Девять зданий из голого песчаника и четыре оштукатуренных, небрежно выложенных неровным узором из дерева и камня, выстроились вдоль главной улицы. Коммерческие заведения заявляли о себе вывесками с облупившейся и потемневшей от грязи краской. Одинокая автозаправочная станция, насосы которой, похоже, основательно проржавели, стояла, как на страже, на окраине деревни. А в конце главной улицы, отмеченном полустертым от времени кельтским крестом, лежал круг грязного снега, под которым, без сомнения, подрастала тра-

ва, от которой деревня и получила свое название³⁸.

Здесь Линли и припарковался, потому что лужайка располагалась как раз напротив паба «Вино – это Плуг», ничем не отличавшегося от любого другого из осевших домов на этой улице. Он рассмотрел его, пока сержант Хейверс застегивала верхнюю пуговицу пальто и выуживала из сумки свой блокнот.

Линли увидел, что изначально паб назывался просто «Плуг» и что по обе стороны от этого названия были прикреплены слова «Вино» и «Крепкие напитки». Однако последние два слова когда-то отвалились, оставив после себя лишь темную полосу на стене – очертания букв все еще были четкими. Вместо того чтобы восстановить надпись «Крепкие напитки» или хотя бы перекрасить дом, между «Вино» и «Плуг» добавили тире в виде жестяной кружки, прикрепленной к стене, и слово «это». Таким образом заведение было переименовано, без сомнения, чтобы кого-то повеселить.

– Это та самая деревня, сержант, – сказал Линли после беглого изучения сквозь ветровое стекло.

Если не считать темно-каштановой дворняги, что-то вынюхивавшей вдоль плохо подстриженной живой изгороди, вокруг не было ни души, словно все обитатели куда-то подевались.

– Та самая в каком смысле, сэр?

³⁸ «Green» по-английски не только «зеленый», но и «лужайка».

– Та что на рисунке, висевшем в кабинете Джой Синклер. Автозаправка, зеленщик. И коттедж за церковью. Она пробыла здесь довольно долго, чтобы хорошенько познакомиться с этим местом. Я не сомневаюсь, что кто-нибудь ее вспомнит. Займитесь Хай-стрит, пока я переброшусь словечком-другим с Джоном Дэрроу.

Хейверс с возмущенным вздохом взялась за ручку двери.

– Опять работа больше ногами, чем головой, – проворчала она.

– Хорошая разминка, чтобы прочистить голову после вчерашнего вечера.

Она тупо уставилась на него:

– Вчерашнего вечера?

– Ужин, фильм? Этот парень из супермаркета?

– Ах это, – сказала Хейверс, поерзав на сиденье. – Поверьте мне, все это так быстро забывается, сэр.

Выбравшись из машины, она вдохнула порыв ветра, в котором смешались слабые запахи моря, тухлой рыбы и гниющего дерева, и, подойдя к первому зданию, исчезла за его почерневшей от сырости и ветров дверью.

Для пивных время было еще раннее, а дорога из Лондона заняла у них менее двух часов, так что Линли не удивился, что дверь в паб «Вино – это Плуг» была заперта. Он отступил от дома и посмотрел вверх, туда, где, похоже, была квартира, но увидел в окне лишь мягкие шторы, которые служили

преградой любопытным взглядам. Поблизости никого не было; и ни автомобиля, ни мопеда, словно хозяина вообще не существовало в природе. Тем не менее, когда Линли заглянул в давно не мытые окна самого паба сквозь щель в одном из ставней он увидел слабый свет в дальнем дверном проеме, который, очевидно, вел на лестницу в подвал.

Он снова подошел к двери и громко постучался.

Скоро он услышал приближающиеся тяжелые шаги.

– Закрыто, – раздался из-за двери чей-то скрипучий голос.

– Мистер Дэрроу?

– Ну да.

– Не откроете ли дверь?

– А что у вас за дело?

– Скотленд-Ярд, Департамент уголовного розыска.

Эти слова возымели действие. Задвижку отодвинули, но дверь открыли всего на каких-то шесть-семь дюймов.

– У меня тут все в порядке.

Карие глаза, подпорченные желтизной, а формой и цветом напоминавшие лесные орехи, вперились в удостоверение Линли.

– Можно войти?

Дэрроу, не поднимая глаз, обдумывал возможные варианты ответов.

– Это не насчет Тедди, нет?

– Вашего сына? К нему это не имеет ни малейшего отно-

шения.

Видимо успокоившись, мужчина открыл дверь пошире и выпустил Линли. Это было скромное заведение, вполне соответствовавшее данной деревне. Единственным украшением являлись разнообразные, не горевшие сейчас надписи за и над стойкой, покрытой жаростойким пластиком, на них значились алкогольные напитки, которые продавались здесь в розлив. Обстановка была скудная: полдюжины столиков в окружении табуретов и скамья под выходящими на улицу окнами. Она была обита, но обивка выгорела на солнце, из красной превратившись в ржаво-розовую, и была усеяна темными пятнами. Воздух пропитался едкой гарью – смесь сигаретного дыма, пепла в почернелом камине, а окна, видимо, очень давно не открывали из-за мороза.

Дэрроу разместился за стойкой, возможно намереваясь обслужить Линли, несмотря на ранний час и полицейское удостоверение. Линли тоже встал перед стойкой, хотя с большим удовольствием побеседовал бы за столиком.

Дэрроу было на вид чуть больше сорока, грубоват, полон подавленной агрессии. Сложение боксерское: коренастый, с длинными, мощными конечностями, грудная клетка бочонок и несоразмерно маленькие уши красивой формы, плотно прилежавшие к черепу. И одет он был соответственно. Чувствовалось, что владелец бара в мгновение ока может превратиться в драчуна. На нем была шерстяная рубашка с закатанными рукавами, обнажавшими волосатые руки, и до-

вольно широкие брюки, не сковывающие движений. Линли подумал, что в пабе «Вино – это Плуг» едва ли кто решился бы затеять драку, разве с подачи самого Дэрроу.

В кармане у него лежала суперобложка с книгой «Смерть во тьме», которую он унес из кабинета Джой. Вынув, он сложил ее так, чтобы была видна только фотография улыбающегося автора.

– Вы знаете эту женщину? – спросил он. Дэрроу явно ее узнал.

– Ну знаю. И что с того?

– Три дня назад ее убили.

– Три дня назад я был здесь, – тут же угрюмо буркнул Дэрроу. – В субботу у меня самая работа. Любой в деревне вам это скажет.

Линли ожидал совсем не такой реакции. Возможно, удивления, смущения или оторопелого молчания. Но никак не отрицания виновности, на которую никто и не намекал. Это было необычно и слегка настораживало.

– Она приезжала сюда, чтобы встретиться с вами. В прошлом месяце она звонила в этот паб десять раз.

– И что с того?

– Вот жду, что вы мне скажете по этому поводу.

Владельца паба, похоже, смутило, что его явное нежелание сотрудничать и воинственный тон не произвели никакого впечатления на лондонского детектива.

– Мне от нее ничего не было нужно, – сказал он. – Она

хотела написать эту чертову книгу.

– О Ханне? – спросил Линли.

Дэрроу стиснул зубы, на скулах заходили желваки.

– Ну да, о Ханне. – Он подошел к перевернутой бутылке виски «Бушмиллс Блэк Лейбл» и подтолкнул под ее горлышко стакан. Выпил, но не единым махом, а двумя или тремя медленными глотками, стоя спиной к Линли. – *Хотите?* – спросил он, наливая себе еще.

– Нет.

Бармен, кивнув, снова выпил.

– Она явилась сюда неизвестно откуда, – сказал он. – Привезла пачку газетных вырезок об этой истории и свою книжонку и долго распространялась о премиях, которые ей дали, и... не помню еще о чем. Она ведь что думала: что я отдам ей Ханну и буду еще благодарен за внимание. Ну а я – наоборот... Мне совсем этого не нужно, чтобы моего Тедди вывозили в такой грязи. С меня хватит и того, что сотворила с собой его мать, обеспечив местных дамочек сплетнями, пока ему не исполнилось десять лет. Я не собирался снова все это ворошить, трепать нервы парню.

– Ханна была вашей женой?

– Ну да. Моей женой.

– Откуда Джой Синклер могла узнать о ней?

– Заявила, что почти год ищет какой-нибудь интересный случай самоубийства, ну и наткнулась на историю Ханны. Она бросилась ей в глаза, сказала она. – В голосе его зазвуч-

чала злость. – Вы представляете, приятель? *Бросилась ей в глаза.* Ханна была для нее не человеком. А так, куском мяса. Поэтому я послал ее кое-куда. Открытым текстом.

– Десять телефонных звонков – я смотрю, она была довольно настойчива.

Дэрроу фыркнул.

– Все равно она ничего не добилась. Тедди был слишком мал, когда это произошло. Поэтому с ним поговорить было не о чем. А от меня она ничего узнала.

– Значит, без вашего участия книги быть не могло, не так ли?

– Ну да. Никакой книги. Ничего. Так-то.

– Когда она приехала к вам, она была одна?

– Ну да.

– С ней никого не было? Может, кто-то ждал ее в машине?

Дэрроу подозрительно сощурился. Глянул на окна, потом назад.

– Что вы имеете в виду?

Заданный ему вопрос был предельно ясным. Линли подумал, не тянет ли Дэрроу время.

– Она приехала с кем-то?

– Она все время была одна.

– Ваша жена покончила с собой в семьдесят третьем году, да? Джой Синклер хотя бы объяснила вам, почему ее заинтересовало такое давнее самоубийство?

Лицо Дэрроу потемнело, а губы сложились в гримасу от-

вращения.

– Ей понравился стул, инспектор. Она соизволила немного пооткровенничать. Ей понравился этот чертов стул.

– Стул?

– Ну да. Хан уронила туфлю, когда оттолкнула стул. Эта дамочка назвала это... *пикантным*. – Он снова повернулся к «Бушмилсу». – Прошу прощения, но мне не особо жаль, что кто-то убил эту сучку.

Сент-Джеймс и его жена оба работали на верхнем этаже, Сент-Джеймс – у себя в лаборатории, а Дебора – в своей, смежной с ней проявочной. Дверь между ними была открыта, и, оторвавшись от отчета, который он заполнял для группы защиты на предстоящем суде, Сент-Джеймс не отказал себе в невинном удовольствии понаблюдать тайком за женой.

Она хмуро разглядывала фотографии, сунув за ухо карандаш и убрав со лба и ушей копну кудрявых волос, закрепив их множеством гребней. Свет над ней сиял вокруг ее головы, как нимб. Сама она почти вся была в тени.

– Безнадежно. Жалкое зрелище, – бормотала она, царапая что-то на обороте одной из фотографий и бросая другую в мусорную корзину у себя под ногами. – Чертов свет... Силы небесные, Дебора, где ты училась основам композиции!.. О боже, а эта еще *хуже!*

Сент-Джеймс рассмеялся. Дебора подняла глаза.

– Извини, – сказала она. – Я тебя отвлекаю?

– Ты меня всегда отвлекаешь, любовь моя. И боюсь, даже слишком. Особенно когда я нахожусь вдали от тебя более суток.

Слабый румянец окрасил ее щеки.

– Что ж, спустя год я рада слышать, что мы еще не утратили... романтики. Я... хотя это глупо, правда? Ты действительно улетал в Шотландию только на одну ночь? Я скучала по тебе, Саймон. И обнаружила, что мне не хочется ложиться в постель одной, без тебя. – Ее румянец стал гуще, когда Сент-Джеймс слез со своего высокого табурета и направился к ней, в полумрак проявочной комнаты. – Нет, мой милый... я совсем не это имела в виду... Саймон, мы так ничего не успеем, – сказала она, очень неубедительно протестуя, когда он обнял ее.

Сент-Джеймс тихо засмеялся и сказал:

– Ну, тогда займемся другими делами, а? – И нашел ее губы. Спустя довольно долгое время он прервав поцелуй, убеждающе пробормотал-. – Боже. Делами куда более важными...

Они виновато отпрянули друг от друга – снизу донесся голос Коттера. Он с грохотом поднимал вверх по лестнице, очень громко кому-то поясняя:

– Они оба тут, наверху, – гудел он. – Работают в лаборатории, я полагаю. Деб со снимками, а мистер Сент-Джеймс пишет какой-то отчет. Вот сюда, еще всего несколько ступе-

нек. Сейчас будем на месте.

Последнюю фразу он почти прокричал. Дебора засмеялась.

– Никогда не знаю, то ли прийти в ужас, то ли умилиться на своего отца, – прошептала она. – Как он вообще может догадываться, что у нас все время на уме?

– Он видит, как я на тебя смотрю, а этого достаточно. Поверь мне, твой отец прекрасно знает, что у меня на уме.

Сент-Джеймс послушно вернулся в лабораторию и склонился над своим отчетом, когда в сопровождении Джереми Винни в дверях появился Коттер.

– Вот мы и пришли, – весело сказал Коттер. – Не слишком высоко и подниматься, не так ли? – Он опасливо осмотрелся по сторонам, словно хотел убедиться, что не застал свою дочь и ее мужа врасплох.

Винни ничем не выказал своего удивления столь громогласным возвещением о его прибытии. Он молча подошел к Сент-Джеймсу, держа в руке конверт из плотной коричневой бумаги. Его оплывшее лицо было очень усталым, а на подбородке темнела узенькая полоска щетины, которую он пропустил во время бритья. Он даже не удосужился снять пальто.

– Думаю, у меня есть то, что вам нужно, – сказал он, а Каттер за его спиной, в ответ на проказливую улыбку дочери, успел послать ей, прежде чем уйти, полный любви укоризненный взгляд. – Возможно, немного больше. Малый, в шестьдесят третьем освещавший следствие по делу Джеффа-

ри Ринтула, сейчас один из наших старших редакторов; сегодня утром покопались в его досье и нашли три фотографии и подборку старых записей. Их сложновато будет разобрать, поскольку сделаны они карандашом, но попробуем что-нибудь из них выжать. – Он бросил на Сент-Джеймса пронизывающий взгляд. – Джой убил Стинхерст? Вы к этому ведете?

Вопрос был вполне логичным, учитывая все, что случилось раньше, и вполне резонным для журналиста. Но Сент-Джеймс понимал подтекст вопроса. В драме, разыгравшейся в Уэстербрэ, Винни играл тройную роль – газетчика, друга покойной и – подозреваемого. Ему было важно направить подозрения полиции на кого-то другого. И если он, Винни, сумеет убедительно изобразить готового к сотрудничеству журналиста, кто сможет лучше, чем сам Сент-Джеймс, который к тому же и друг Лини и, проследить, чтобы это было сделано?

– Просто в смерти Джеффри Ринтула есть небольшие странности, которые нас заинтриговали, – осторожно ответил он.

Если журналист и был разочарован неопределенностью ответа, то постарался этого не показать.

– Да. Понятно. – Он скинул пальто, после чего и был представлен жене Сент-Джеймса. Положив конверт на стол, он извлек из него пачку бумаг и три по трепанные фотографии. Когда он снова заговорил, его тон был уже сугубо деловитым. – Записи дознания довольно полные. Наш человек рас-

считывал сделать эффектный материал, учитывая героическое прошлое Джеффри Ринтула, поэтому был внимателен к подробностям. Думаю, вы можете положиться на его точность.

Записи были сделаны на желтой бумаге, что несколько не облегчало чтение выцветших карандашных строк.

– Здесь говорится что-то о ссоре, – заметил Сент-Джеймс, просмотрев их.

Винни пододвинул лабораторный табурет к столу.

– Показания членов семьи на дознании абсолютно понятны. Старый лорд Стинхерст – Фрэнсис Ринтул, отец нынешнего графа, – сказал, что до отъезда Джеффри, прямо перед Новым годом, произошла серьезная ссора.

– Ссора? Из-за чего? – Сент-Джеймс вычитывал подробности, пока Винни выкладывал их.

– Очевидно, полупьяная размолвка, слово за слово, начали копаться в семейной истории.

Это было очень близко к тому, что сообщил Линли нынешний граф. Но Сент-Джеймсу как-то не верилось, что старый лорд Стинхерст стал бы обсуждать любовный треугольник с участием двух своих сыновей перед присяжными и коронером. Этого не позволила бы забота о репутации.

– Он сообщил какие-нибудь подробности?

– да. – Винни указал на фрагмент в середине страницы. – По-видимому, Джеффри не терпелось вернуться в Лондон, и он решил отправиться в путь, несмотря на метель. Его отец показал, что не хотел, чтобы он ехал. Из-за погоды. Тем бо-

лее что за последние полгода он почти не видел Джеффри и хотел подольше его удержать подле себя. Видимо, в последнее время их отношения нельзя было назвать гладкими, и старый граф надеялся, что совместная встреча Нового года положит конец давней ссоре.

– А из-за чего именно?

– Я понял так, что граф напал на Джеффри за то, что тот никак не женится. Полагаю, он хотел, чтобы Джеффри осознал свой долг, подумал о продолжении их рода. Во всяком случае, именно его нежелание расстаться с холостяцкой жизнью было главной причиной раздоров. – Винни просмотрел записи, прежде чем тактично продолжил, словно вдруг понял, как важно, обсуждая семью Ринтулов, проявить беспристрастность. – У меня создалось впечатление, что старик привык, чтобы все ему потакали. Поэтому когда Джеффри решил вернуться в Лондон, его отец вспылил, и началась очередная ссора.

– Есть ли ссылки на то, почему Джеффри вдруг решил вернуться в Лондон? Подруга, которую не одобрял его отец? Или, возможно, отношения с женщиной, которые он хотел сохранить в секрете?

Последовала странная, необъяснимая заминка, словно Винни пытался прочесть в словах Сент-Джеймса какое-то особое значение. Он прочистил горло.

– На этот счет никаких сведений. Никто не ступил с заявлением о тайных отношениях с ним. А ведь бульварные га-

зеты держат ухо востро. Если бы у Джефффри Ринтула был какой-то тайный романчик, его дружок или подружка, вероятно, продали бы эту историю за хорошие деньги, поскольку он умер. Видит бог, в начале шестидесятых такие вещи так и происходили, когда девушки по вызову обслуживали половину главных министров правительства. Вспомните откровения Кристин Килер о Джоне Профьюмо. Из-за этого зашатались тори. Поэтому, мне думается, если кто-то, состоявший в связи с Джефффри Ринтулом, нуждался в деньгах, он или она спокойненько пошли бы по стопам Килер.

– В том, что вы говорите, действительно *что-то* есть, – задумчиво заметил Сент-Джеймс. – Может быть, даже больше, чем вы представляете. Джон Профьюмо был военным министром из числа министров, не входящих в состав кабинета. Джефффри Ринтул работал в министерстве обороны. Смерть Ринтула и разбирательство были в январе, именно тогда в газетах на все лады смаковали интрижку Джона Профьюмо с Килер. Есть ли какая-то связь между этими людьми и Джефффри Ринтулом, которой мы не видим?

Винни, похоже, немного оттаял, услышав местоимение «мы».

– Я хотел так думать. Но если с Ринтулом была связана девушка по вызову, почему она держала язык, когда бульварные газетки были готовы заплатить целое состояние за скабрзную историю о ком-то из правительства?

– Возможно, это была совсем не девушка по вызову. Воз-

можно, у Ринтула была связь с кем-то, кто в деньгах не нуждался и кому не было никакой выгоды от разоблачения.

– Замужняя женщина?

Таким образом, они снова вернулись к изначальной истории лорда Стинхерста о его брате и жене. Сент-Джеймс не стал развивать эту тему.

– А показания остальных?

– Все они подтвердили рассказ старого графа о ссоре, о том, что Джеффри впал в ярость, и о катастрофе на повороте. Однако было там нечто весьма странное. Тело сильно обгорело, поэтому для официального опознания пришлось запрашивать из Лондона рентгеновские снимки и карточку дантиста. Их лично привез врач Джеффри, сэр Эндрю Хиггинс. Он проводил осмотр наряду с патологоанатомом из Стрэтклайда.

– Необычно, но в принципе вполне вероятно.

– В том-то и дело. – Винни покачал головой. – Сэр Эндрю был давним школьным другом отца Джеффри. Они вместе учились в Хэрроу и Кембридже. Состояли в одном лондонском клубе. Он умер в семидесятом.

Сент-Джеймс мысленно взял это на заметку: сэр Эндрю мог скрыть то, что необходимо было скрыть.

И обнародовать только то, что нельзя было утаить. Тем не менее, учитывая все разрозненные факты, Сент-Джеймса поразило время – январь 1963 года, – очень неподходящее. Он и сам не знал почему. И взял фотографии.

На первой – группа людей в черном, собиравшихся у вереницы черных лимузинов. Сент-Джей узнал почти всех. Франческа Джеррард, вцепившаяся в руку мужчины средних лет, видимо, это ее муж Филип. Стюарт и Маргерит Ринтул наклонились, разговаривая с двумя смущенными детьми, по всей видимости, это Элизабет и ее старший брат Алек, на заднем плане несколько человек стоят полукругом на ступеньках здания, лица их чуть размыты. Вторая фотография была сделана на месте аварии, виднелся рубец обгоревшей земли. Рядом с ним – впопыхах одевшийся фермер, у ног его сидел бордер-колли. Хью Килбрайд, отец Гоувана, догадался Сент-Джеймс, первым прибывший на место происшествия. На последнем снимке группка людей выходит из какого-то здания, скорей всего из здания суда. И снова знакомые по Уэстербрэ лица. Но кое-кого он видел впервые.

– А кто эти люди? Вы знаете?

Винни стал показывать:

– Сразу за графом Стинхерстом сэр Эндрю Хиггинс. Рядом с ним семейный адвокат. Остальных, я полагаю, вы знаете.

– За исключением этого человека, – сказал Сент-Джеймс. – Кто он? – Означенный мужчина шел с правой стороны от графа Стинхерста, немного отстав, он повернул голову, беседуя со Стюартом Ринтулом, который был хмур и теребил пальцами подбородок.

– Понятия не имею, – сказал Винни. – Тот парень, у ко-

того я все это взял, наверное, знает, но я не подумал его спросить. Может, мне взять эти фотографии и порасспрашивать его?

Джеймс подумал над этим.

– Может, и взять, – медленно произнес он, а затем повернулся к темной комнате. – Дебора, взгляни сюда пожалуйста. – Та подошла к столу и через плечо мужа посмотрела на фотографии. – Ну что, ты можешь сделать несколько увеличенных снимков вот с этой, последней? Отдельные фото каждого человека, точнее – каждого лица?

Она кивнула:

– Они, конечно, будут довольно зернистыми и не лучшего качества, но узнаваемыми. Сделать прямо сейчас?

– Да, пожалуйста. – Сент-Джеймс посмотрел на Винни. – Поглядим, что об этом скажет нынешний лорд Стинхерст.

Расследование по делу о самоубийстве Ханна Дэрроу проводила полиция Милденхолла. Реймонд Плейтер, полицейский, ведший следствие, теперь был главным констеблем города. Это был человек, который, однажды примерив на себя власть, чувствовал себя в этом одеянии все более и более комфортно. Поэтому Плейтера ничуть не обескуражило, когда на пороге его кабинета возникли служащие Скотленд-Ярда, чтобы поговорить о деле, закрытом пятнадцать лет назад.

– Я прекрасно его помню, – сказал Плейтер, с гордым ви-

дом проводив Линли и Хейверс в свой отлично оборудованный кабинет. Хозяйским жестом он прикрыл бежевые жалюзи, затем снял телефонную трубку и набрал три цифры. – Говорит Плейтер. Пожалуйста, принесите мне дело Дэрроу, Ханна Д-э-р-р-о-у. Это было в семьдесят третьем... Дело закрыто... Правильно. – Он развернул свое вертящееся кресло к столику позади письменного стола и бросил через плечо: – Кофе?

Получив утвердительный ответ, Плейтер включил внушительную кофеварку и вскоре с радушным видом передал гостям дымящиеся кружки, а также молоко и сахар. Сам онпил с аппетитом, сохраняя при этом небрежное изящество, довольно неожиданное для человека столь энергичного и с виду грозного. Волевой подбородок и прозрачные нордические глаза делали его очень похожим на викингов, от воинственного племени которых он, без сомнения, вел свою родословную.

– Вы не первые, кого вдруг заинтересовала эта Дэрроу, – сказал он, откидываясь в кресле.

– Значит, Джой Синклер побывала и здесь, – заметил Линли и на быстрый кивок Плейтера добавил: – В прошедшие выходные она была убита в Шотландии.

Главный констебль чуть заметно напрягся.

– Есть какая-то связь?

– На данный момент ничего, кроме, так сказать, предчувствия. Синклер приезжала к вам одна?

– Да. Настырная особа. Явилась без договоренности, а так как она лицо частное и гражданское, ей пришлось подождать. – Плейтер улыбнулся. – Больше двух часов, насколько я помню. Но она высидела это время, поэтому я все-таки ее принял. Это было... где-то в начале прошлого месяца.

– Что ей было нужно?

– В основном поговорить. Посмотреть материалы по делу Дэрроу. Обычно я никому не даю такие материалы, но у нее были два рекомендательных письма от главного констебля Уэльса, с которым она работала над книгой, а другое от детектива-суперинтенданта откуда-то с юга. Может, из Девона. Кроме того, она сунула мне под нос внушительный список наград – я помню по крайней мере два «Серебряных кинжала» – и не постеснялась заявить мне, что болталась в вестибюле не ради минутного дела.

Раздался почтительный стук в дверь – молодой констебль передал своему шефу толстую папку и мгновенно испарился. Плейтер извлек из папки пачку фотографий, сделанных полицией.

Это были стандартные снимки места происшествия. Контрастные, черно-белые, они фиксировали смерть с мрачно-назойливым вниманием к деталям, была отснята даже удлинненная тень, падавшая от обмякшего тела Ханны Дэрроу. Смотреть было почти не на что. Мебели в комнате практически никакой, балки потолка, пол из широких, но сильно выщербленных досок и грубо отесанные деревянные стены.

Покосившиеся окошки в четыре стеклышка – единственная более или менее симпатичная деталь. Простой стул с плетеным сиденьем валялся опрокинутый под телом, с ноги покойной свалилась одна туфля и висела на перекладине стула. Женщина воспользовалась не веревкой, а чем-то вроде темного шарфа, привязанного к крюку в потолочной балке, голова ее наклонилась вперед, и длинные светлые волосы скрыли ужасные изменения ее лица.

Рассматривая фотографии, Линли ощутил смутные сомнения. Он передал их Хейверс и ждал ее реакции, но она вернула их Плейтеру, ничего не сказав.

– Где были сделаны эти снимки? – спросил он главного констебля.

– Ее нашли на мельнице за Милденхолл-Фен, примерно в миле от деревни.

– Мельница все еще стоит там?

Плейтер покачал головой:

– Боюсь, снесена три или четыре года назад. Но едва ли ее осмотр существенно вам помог бы. Хотя на мгновение его тон стал задумчивым, – эта Синклер тоже хотела на нее взглянуть.

– Да? – отрешенно переспросил Линли, заинтригованный просьбой Джой. Ему вспомнились слова Джона Дэрроу: Джой почти год потратила на то, чтобы найти смерть, достойную ее пера. – Вы абсолютно уверены, что это самоубийство? – спросил он.

В ответ Плейтер снова порылся в папке и вынул откуда тетрадный листок Надорванный в нескольких местах, он был когда-то смят, а затем разгладился под прессом других бумаг. Линли быстро прочел несколько слов, написанных крупным детским почерком с округлыми буквами и крошечными кружочками, использованными вместо точек и многоточий.

Надо идти, уже пора... Вот дерево засохло, но все же оно вместе с другими качается от ветра. Так, мне кажется, если я и умру, то все же буду участвовать в жизни так или иначе. Прощай...

– Все предельно ясно, – прокомментировал Плейтер.

– Где это нашли?

– Накухонном столе у нее дома. Рядом лежала ручка, инспектор.

– Кто это нашел?

Ее муж. Очевидно, в тот вечер она должна была помогать ему в пабе, но не пришла. Он поднялся наверх, в их квартиру. Увидев записку, в панике побежал ее искать. Но не нашел. Потом вернулся в паб, закрыл его и собрал деревенских мужчин, чтобы устроить тщательные поиски. Ее нашли на мельнице, – Плейтер сверился с папкой, – вскоре после полуночи.

– Кто ее нашел?

– Ее муж. Вместе, – заторопился он, увидев, что Линли собирается заговорить, – с двумя парнями из деревни, которые

вовсе не были его друзьями. – Плейтер приветливо улыбнулся. – Полагаю, вы подумали о том же, о чем тогда подумали и мы, инспектор. Что Дэрроу заманил жену на мельницу, удавил ее и сам написал записку. Но записка – ее. Наши эксперты-графологи это подтвердили. А то, что на бумаге имеются и его отпечатки, вполне объяснимо. Он же взял листок с кухонного стола, собственно, для него она и оставила эту записку. Почему ж ему было ее не взять. И потом, Ханна Дэрроу для большего веса надела на себя два шерстяных пальто и два толстых свитера. Чтобы она отправилась на прогулку в таком виде – это полная ерунда. Даже если муж и уговаривал одеться потеплее.

Театр «Азенкур» был втиснут между двумя гораздо более внушительными зданиями на узенькой улице недалеко от Шефтсбери-авеню. Слева от него располагался отель «Ройял стандарт», укомплектованный швейцаром в ливрее, который провожал свирепым взглядом всех пешеходов и все машины. Справа находился Музей театральной истории, фасад которого был украшен витринами, где разместилась потрясающая выставка костюмов елизаветинских времен, оружия и реквизита. Стиснутый этими двумя домами, «Азенкур» имел вид заброшенный и несчастный, но об этом вы сразу забывали, стоило только войти внутрь.

Хелен Клайд, прибывшая сюда вскоре после двенаддати, в изумлении замерла на пороге. Последний раз, когда она была

здесь на спектакле, здание принадлежало другому владельцу, и хотя прежний, по-викториански мрачный интерьер обладал неким диккенсовским очарованием, от преобразований, затеянных лордом Стинхерстом, захватывало дух. Она, конечно, читала об этом в газетах, но и представить не могла ничего подобного.

Стинхерст предоставил архитекторам и дизайнерам абсолютную свободу. Следуя новейшим веяниям дизайна, не признающим никаких перегородок, они полностью опустошили здание изнутри и, устроив особый вход, воспаривший на высоту всех трех этажей открытых балконов, развеяли все эти сумерки и словно раздвинули стены, использовав еще и цвета, которые резко контрастировали с закопченным фасадом. Восхищаясь буйством творческой фантазии, которая так преобразила театр, леди Хелен позволила себе отрешиться от предстоящего нелегкого разговора.

Вместе с сержантом Хейверс и Сент-Джеймсом они почти до полуночи прорабатывали его детали. Продумали все подходы к этому визиту в «Азенкур».

Поскольку Хейверс не могла пойти в театр, не поставив в известность Линли, и выполнить столь деликатную работу под эгидой полиции было едва ли возможно, решили, что либо леди Хелен, либо Сент-Джеймс возьмут на себя секретаршу лорда Стинхерста и попробуют вытянуть из нее сведения о телефонных звонках, которые, как заявлял ее шеф, она сделала ему в то утро, когда нашли тело Джой Синклер.

В результате затянувшейся допоздна дискуссии они пришли к выводу, что леди Хелен справится с этой дачей лучше Сент-Джеймса, ей секретарша доверится скорее. В полночь все это звучало вполне по-деловому – даже немного льстиво, – но сейчас, когда секретарша Стинхерста находилась в каких-то десяти шагах отсюда, в одном из кабинетов администрации, все это казалось отнюдь не столь обнадеживающим.

– Хелен? Пришла поучаствовать в новой драчке?

В дверях зрительного зала стоял с кружкой в руках Рис Дэвис-Джонс. Леди Хелен улыбнулась и прошла за ним в бар, где шумно варился кофе, источая пренеприятный запах, главным образом цикория.

– Мерзопакостный кофе, – признал Дэвис-Джонс. – Но со временем к нему привыкаешь. Налить тебе?

Когда она отказалась, он налил себе кружку. Жидкость была черной, напоминавшей пережженное моторное масло.

– Что за новая драчка? – спросила она его.

– Возможно, «драчка» не самое верное слово, – сказал он. – Скорее дипломатическое маневрирование среди чувствительных актеров, претендующих лучшие роли в новой постановке Стинхерста. Единственная трудность в том, что до сих пор не решили, на какой пьесе остановиться. Поэтому можешь себе представить рубку за место, которая идет здесь последние два часа.

– *Новая* постановка? – спросила леди Хелен. – Ты хо-

чешь сказать, что лорд Стинхерст собираете что-то ставить, несмотря на то, что случилось с Джой и Гоуваном?

– У него нет выбора, Хелен. Мы все связаны с ним контрактом. До открытия театра осталось меньше двух месяцев. Или новая постановка, или его полный крах. Правда, не могу сказать, что он очень рад тому, что происходит. И радости еще поубавится, когда из-за того, что случилось с Джой, на него накинута газета. Не могу понять, как это они до сих пор не вцепились в этот лакомый кусок. – Он легко коснулся руки леди Хелен, лежавшей на стойке бара. – Ты из-за этого здесь, правда?

Она не думала, что наткнется на него здесь, и была не готова к этой встрече. Ответила первое, что пришло в голову, даже на секунду не задумавшись, почему лжет.

– Вообще-то нет. Просто оказалась поблизости. Дай, думаю, зайду, может, ты здесь.

Он все так же не отрываясь смотрел на нее, но ему удалось удержаться от скептической улыбки, услышав это смехотворное объяснение. Он был не из тех, кому надо, чтобы красивая женщина непременно сама добивалась его внимания... А она была не из тех женщин, которые так поступают. Он прекрасно это знал.

– Конечно. Да, я понимаю. – Он принялся рассматривать свой кофе, взял кружку в другую руку. Когда он снова заговорил, его тон изменился, став нарочито легким и беззаботным: – Тогда пойдем в зал. Смотреть там особенно не на что,

поскольку мы еще буквально ничего не сделали. Но искры там летают в большом количестве. Джоанна все утро терзает Дэвида Сайдема длинным списком жалоб, которыми по ее мнению, должен заняться, а Гэбриэл пытается их уговорить. Он ухитрился настроить против себя почти всех, особенно Айрин. Это актерское сборище вполне может обернуться сварой, и тем не менее там довольно забавно. Присоединяйся.

После надуманного ею объяснения леди Хелен понимала, что ее отказ будет выглядеть нелепо. Поэтому она прошла за ним в темный зрительный зал и села в самом последнем ряду. Он вежливо улыбнулся ей и пошел к ярко освещенной сцене, где актеры, лорд Стинхерст и еще несколько человек собрались вокруг стола: разговор шел на повышенных тонах.

– Рис, – позвала она. Когда он обернулся, она спросила: – Могу я увидеть тебя сегодня вечером?

Ею двигало частью искреннее раскаяние, частью – желание. Но что из этого было главным и более необходимым, она и сама не могла понять. Знала только, что не может оставить это вот так, оскорбив его ложью.

– Извини, Хелен. У меня встреча со Стюартом... лордом Стинхерстом по поводу новой постановки.

– Да-да, конечно. Я не подумала. Тогда, может быть, в какой-то...

– Завтра вечером? Поужинаем, если ты свободна. Если это то, чего ты хочешь.

– Я... да. Да, это то, чего я хочу. *Правда.*

Он стоял в тени, поэтому она не видела его лица. Слышала только его слова и хрупкую нежность стоявшую за ними. Только по тембру его голоса она могла понять, чего ему вообще стоило заговорить.

– Хелен. Сегодня утром я проснулся и окончательно понял, что люблю тебя. Очень сильно. Да поможет мне Бог... Только почему-то именно теперь, в этот момент моей жизни мне очень страшно.

– Рис...

– Нет. Прошу тебя. Ответишь мне завтра.

Он решительно повернулся, пошел по проходу и, поднявшись на сцену, присоединился к остальным.

Оставшись одна, леди Хелен заставила себя следить за сценой, но мысли ее были далеко. Они упрямо возвращались к мыслям о верности. Если эта встреча с Рисом была проверкой ее преданности ему, то и любому тупице было бы ясно, что она этой проверки не выдержала. Не означал ли этот мгновенный провал самого худшего, не спрашивает ли она себя в душе о том, что на самом деле делал тогда в Уэстербрэ Рис, пока она спала? Она презирала себя.

Поднявшись, она вернулась в фойе и прошла к кабинетам администрации. Она решила отказаться от искусной лжи. Она скажет секретарше Стинхерста правду.

Честность и только честность – в данном случае это самое мудрое решение.

– Этот стул, Хейверс, – снова повторил Линли, возможно, в четвертый или в пятый раз.

День становился нестерпимо холодным. Резкий ветер дул с моря, несясь над Болотами, не сдерживаемый ни лесами, ни холмами.

Линли повернул назад к Портхилл-Грин, когда Барбара закончила свой третий просмотр фотографий места самоубийства и убрала их в папку, которую на время дал им главный констебль Плейтер.

Она мысленно покачала головой. Дело, которое выстраивал ее шеф, было более чем шатким: оно было несуществующим.

– Не понимаю, как можно прийти к какому-то твердому и надежному заключению, посмотрев на фотографию стула, – сказала она.

– Тогда *вы* посмотрите на нее еще раз. Если она повесилась сама, как бы она опрокинула стул *набок!* Это нельзя было сделать. Она могла пнуть спинку стула или даже встать на нем боком, но *все равно* толкнуть в спинку. В любом случае стул упал бы назад, а не набок. Единственный способ, каким стул мог оказаться в таком положении с помощью Ханны Дэрроу – если бы она зацепила ногой спинку и на самом деле попыталась бы отбросить эту штуку.

– Но так могло быть. Она обронила туфлю, – напомнила ему Барбара.

– Верно. Но у нее слетела правая туфля, Хейверс. А если вы посмотрите еще раз, то увидите, что стул лежит *слева* от нее.

Барбара понимала, что он полон решимости ее убедить. Возражать было бесполезно. И, однако, она пыталась спорить.

– Значит, вы считаете, что Джой Синклер, собирая материалы для книги о самоубийстве, совершенно случайно напала на убийство. Как? Среди всего этого жуткого количества самоубийств в стране наткнуться именно на то, которое было убийством? О боже, и, по-вашему, это достаточно вероятно?

– Но посудите, *почему* ее внимание привлекла именно смерть Ханны Дэрроу. Посмотрите, сколько тут странностей, которые резко выделяют его среди прочих случаев. Место: Болота. Прорытые каналы, периодические наводнения, земля, отвоёванная у моря. Края, вдохновлявшие очень многих – от Диккенса до Дороти Сейерс. Как там Джой описала это место на пленке? «Кваканье лягушек, и звук насосов и совершенно плоская земля...» Затем место самоубийства: старая, заброшенная мельница. Это странное одеяние на погибшей: два пальто поверх двух свитеров. И затем несоответствие, которое наверняка поразило Джой, едва она увидела полицейские фото: положение стула.

– Если это *действительно* несоответствие, как вы объясните тот факт, что Плейтер сам просмотрел его в ходе

расследования? Он совсем не похож на полицейского типа неумехи Лестрейда.

– К тому времени, как туда попал Плейтер, все местные мужчины искали Ханну, все они были убеждены, что ищут самоубийцу. И когда они ее нашли и позвонили в полицию, то сообщили о самоубийстве. Плейтера как бы поставили перед фактом. Поэтому он уже не мог судить объективно – еще до того, как увидел тело. И ему представили весьма убедительную улику – прощальную записку Ханны.

– Но вы слышали, что сказал Плейтер – записка не фальшивая.

– Естественно, – сказал Линли. – Я уверен, что это ее почерк.

– Тогда как вы объясните...

– Боже мой, Хейверс, да посмотрите же. Где тут хоть одна орфографическая ошибка? Или хотя бы пропущенная запятая?

Барбара вынула записку и пробежала ее глазами.

– Вы хотите сказать, что Ханна Дэрроу что-то *копировала*? Зачем? Исправляла почерк? Упражнялась от скуки? Жизнь в Портхилл-Грин и впрямь, наверно, скучновата, но я что-то не представляю себе деревенскую жительницу, которая готова тратить время на то, чтобы улучшить свой почерк. Но даже если так и было... Вы что же, собираетесь доказывать, что Дэрроу где-то нашел этот листок и сообразил, как его можно использовать? Что у него хватило ума при-

прятать его, пока не пробьет час? Что это он положил его на кухонный стол? Что он... что? Убил свою жену? Как? Когда? И как он заставил ее надеть все эти пальто и свитера? И даже если ему это удалось, не вызвав ни у кого подозрений, каким образом он может быть связан с Уэстербрэ и смертью Джой Синклер?

– Через телефонные звонки, – сказал Линли. – В Уэльс и Суффолк, снова и снова. Джой Синклер, ничего не подозревая, рассказывает своему двоюродному брату Рису Дэвис-Джонсу о неудачной встрече с Джоном Дэрроу и, естественно, о все нарастающих подозрениях относительно причины смерти Ханны Дэрроу. И Дэвис-Джонс, дождавшись подходящего юмента, предлагает, чтобы Джой поселилась рядом с Хелен, и затем приканчивает ее при первой же возможности.

Барбара слушала его, не веря своим ушам. Она в очередной раз увидела, как он мастерски выворачивает все факты, используя только то, что делает арест Дэвис-Джонса все более реальным.

– *Зачем?* — раздраженно потребовала она ответа.

– Потому что между Дэрроу и Дэвис-Джонсом существует связь. Пока еще не знаю какая. Возможно старые отношения. Возможно, долг, который надо заплатить. Возможно, они что-то знают друг о друге. Но что бы это ни было, мы приближаемся к развязке.

«Вино – это Плут» должен был закрыться всего через несколько минут, в двенадцать, когда туда вошли Линли и Хейверс. Джон Дэрроу не стал скрывать своего недовольства.

– Закрываюсь, – буркнул он.

Линли словно и не заметил явного нежелания говорить с ними. Он подошел к стойке бара, открыл досье и достал предсмертную записку Ханны Дэрроу. Рядом с ним Хейверс открыла свой блокнот. Дэрроу наблюдал за всем этим, угрожающе стиснув губы.

– Расскажите мне об этом, – попросил Линли, передавая ему записку.

Мужчина бросил на нее мрачный беглый взгляд, но ничего не сказал. Начал собирать стаканы, выстроившиеся на стойке, с грохотом швыряя их в таз с мутной водой, стоявший под ней.

– Какое образование было у вашей жены, мистер Дэрроу? Она закончила школу? Училась в университете? Или занималась самообразованием? Возможен много читала?

На угрюмой физиономии Дэрроу отразились неуверенные попытки отыскать в словах Линли западню. По-видимому, не обнаружив таковой, он коротко ответил:

– Книжки Ханна особо не читала. И школа ей обрыдла

уже к пятнадцати.

– Понятно. Но она ведь любила изучать природу? Всякие местные растения и тому подобное?

Губы бармена сложились в презрительную ухмылку.

– Чего тебе от меня надо, приятель? Говори и убирайся. Тебя сюда никто не звал...

– Она пишет здесь о деревьях. О дереве, которое засохло, но все равно качается от ветра со всеми остальными. Довольно поэтично, вы не находите? Даже для записки самоубийцы. Что это на самом деле за записка, Дэрроу? Когда ваша жена ее написала? Зачем? Где вы ее нашли? – Ответа не было. Дэрроу молча продолжал мыть стаканы. Они, клацая, царапали металлический таз. – В ночь, когда она умерла, вы ушли из паба. Зачем?

– Пошел ее искать. Поднялся в квартиру, нашел это... – Дэрроу резким кивком указал на записку, – на кухне и пошел ее искать.

– Куда?

– В деревню.

– Стучали в двери? Заглядывали в сарай? Искали в домах?

– Нет. Вряд ли она сотворила бы такое над собой в чужом доме.

– А вы точно знали, что она *собиралась* убить себя.

– Черт возьми, там же ясно сказано!

– И правда. Где вы ее искали?

– Да везде. Не помню. Прошло пятнадцать лет. Тогда я не обратил на это внимания. А теперь это все быльем поросло, давно *забыто*. Ты меня понял, приятель? Давно забыто.

– Было забыто, – признал Линли. – И вполне основательно, полагаю. Но сюда явилась Джой Синклер и начала допытываться. И очень похоже, что кто-то этого боится. Почему она так много раз вам звонила, Дэрроу? Что ей было нужно?

Дэрроу вынул обе руки из таза и яростно хлопнул ими по стойке.

– Я же вам сказал! Эта сука хотела поговорить о Ханне, но я не захотел. Я не хотел, чтобы она ворошила прошлое и пачкала наши жизни. Мы пережили это. И на этом, черт вас возьми, мы и собираемся стоять. А теперь или убирайтесь отсюда, или к черту арестовывайте.

Линли продолжал спокойно на него смотреть, поэтому последняя фраза, брошенная Дэрроу, все меньше казалась случайной.

Его лицо начало покрываться пятнами. Вены на руках набухли.

– Арест, – повторил Линли. – Странно, что вы заговорили об этом, мистер Дэрроу. С чего бы это мне арестовывать вас из-за самоубийства? Ну разве только... если мы оба знаем, что это было не самоубийство, не так ли? Напрасно Джой Синклер была так неосторожна и в открытую заявила вам, что это никакое самоубийство.

– Убирайтесь! – проревел Дэрроу.

Линли не спеша убрал материалы обратно в папку.
– Мы еще вернемся, – любезно пообещал он.

К четырем часам, после семи часов дипломатических переговоров и споров, собравшиеся в театре «Азенкур» сошлись на том, что для дня открытия театра нужно взять Теннесси Уильямса. Но какую именно пьесу, еще не решили.

Из последних рядов зрительного зала Сент-Джеймс наблюдал за спорящими. Там, на сцене, теперь дискутировали по поводу положительных и отрицательных сторон трех возможных пьес, и, насколько мог судить Сент-Джеймс, верх пока брала Джоанна Эллакорт. Она решительно возражала против «Трамвая «Желание», ее отвращение к нему диктовалось быстрым подсчетом – сколько сценического времени получит Айрин Синклер, если, как бы это ни было нелепо, сыграет Стеллу. В том, кого возьмут на роль Бланш Дюбуа, сомнений, видимо, не было.

Лорд Стинхерст выказывал замечательное терпение в течение тех пятнадцати минут, что Сент-Джеймс наблюдал за ними. Проявляя необыкновенное великодушие, он позволил всем актерам, художникам, режиссеру и ассистентам сказать свое слово о кризисе, постигшем труппу, и о насущной необходимости как можно скорее начать репетиции. Наконец он поднялся, поддерживая пальцами поясницу.

– О своем решении я сообщу вам завтра, – сказал он. – Сегодня мы пробыли вместе уже достаточно долго. Давайте

встретимся завтра утром. В половине десятого. Будьте готовы к читке.

– Ну хоть намекните, Стюарт? – попросила Джоанна Эллакорт, лениво потягиваясь и откидываясь на спинку стула так, чтобы ее волосы рассыпались на свету мерцающей золотой вуалью. Сидевший рядом Роберт Гэбриэл любовно провел по ним пальцами.

– Рад бы, – ответил лорд Стинхерст. – Но я еще не принял окончательного решения.

Джоанна улыбнулась ему, шевельнув плечом, чтобы освободить свои волосы от руки Гэбриэла.

– Ну что мне сделать, чтобы вы послушались меня, дорогой? Приказывайте.

Гэбриэл издал низкий утробный смешок.

– Поймайте ее на слове, Стюарт. Одному Богу известно, до чего может дойти наша дорогая Джо, чтобы убедить...

Некоторое время все молчали, никак не отреагировав на эту реплику, содержащую открытый намек. Сначала никто даже не пошевелился, никто, кроме Дэвида Сайдема, который медленно поднял голову, отвлекшись от сценария, и тяжелым взглядом посмотрел на Гэбриэла. Его лицо стало просто страшным, но на Гэбриэла это, похоже, не произвело ни малейшего впечатления.

Рис Дэвис-Джонс бросил свой сценарий.

– Боже, ну и осел же ты, – устало сказал он Гэбриэлу.

– Надо же, а я думала, что мы с Рисом никогда ни в чем

не сойдемся во мнении, – добавила Джоанна.

Айрин Синклер с резким скрежетом отодвинула от стола свой стул.

– Хорошо. Завтра так завтра. Я уйду.

Она произнесла это достаточно спокойно, прежде чем спуститься и пойти по центральному проходу к выходу.

Но когда она шла мимо Сент-Джеймса, он увидел, что ей стоит невероятных усилий справиться со своим лицом, не выдать своей боли. И невольно спросил себя: зачем она вообще терпела Роберта Гэбриэла в мужьях?

Пока актеры, ассистенты и художники расходились к кулисам, Сент-Джеймс поднялся и пошел к передним рядам. Зал был не слишком большим, человек на пятьсот, и серый туман застоявшегося сигаретного дыма повис над открытой сценой.

– У вас есть минутка, лорд Стинхерст? – спросил Сент-Джеймс, взобравшись по ступенькам.

Стинхерст вполголоса беседовал с тщедушным молодым человеком, державшим пюпитр и тщательно записывавшим его слова.

– Проследите, чтобы у нас было достаточно экземпляров для завтрашней читки, – сказал он в заключение и только тогда поднял взгляд.

– Значит, вы им солгали, что еще не решили окончательно, – сделал вывод Сент-Джеймс.

Стинхерст ответил ему не сразу, крикнув куда-то вверх:

– Нам больше не нужен такой свет, Дональд.

И в ответ сцена укрылась тенями, сделавшись похожей на пещеру. Освещенным остался только стол. Стинхерст сел к нему, вынул трубку и табак и положил рядом.

– Иногда легче солгать, – признался он. – Боюсь, что всякий опытный продюсер не может обойтись без подобных уловок. Если бы вы хоть раз побывали в эпицентре перетягивания каната, вы бы поняли, что я имею в виду... все эти творческие амбиции...

– Эта труппа кажется особенно вспыльчивой.

– А что вы хотите... За последние три дня им здорово досталось. – Стинхерст набил трубку. Его плечи были напряжены, разительно контрастируя с вялыми от усталости голосом и лицом. – Полагаю, мистер Сент-Джеймс, что это не светский визит.

Сент-Джеймс подал ему пачку увеличенных фрагментов, сделанных для него Деборой с фотографии у здания суда, снятой во время дознания по делу Джеффри Ринтула. На каждом новом отпечатке было только лицо, иногда часть туловища, но больше ничего. Невозможно было догадаться, что эти люди когда-то составляли одну группу. Дебора особо об этом позаботилась.

– Вы не назовете мне этих людей? – попросил Сент-Джеймс.

Стинхерст перебрал пачку, медленно поворачивая снимки один за другим и забыв о трубке. Сент-Джеймс видел яв-

ную нерешительность его движений и гадал, пойдет ли этот человек на контакт.

Стинхерст, без сомнения, прекрасно знал, что не обязан ничего говорить. Но при этом хорошо понимал, как Линли истолкует его отказ, если узнает о нем.

Поэтому Сент-Джеймсу оставалось только надеяться, что Стинхерст поверит, будто он находится здесь в некоем официальном качестве по просьбе Линли. Тщательно рассмотрев снимки, Стинхерст выложи их в один ряд и стал называть, показывая:

– Мой отец. Муж моей сестры, Филип Джеррард. Моя сестра Франческа. Моя жена Маргерит. Адвокат моего отца... он умер несколько лет назад, и в данный момент я не могу вспомнить его имя. Наш врач. Я.

Стинхерст пропустил того самого человека которого им требовалось опознать. Сент-Джеймс указал на фотографию, лежавшую рядом со снимком его сестры:

– А этот мужчина в профиль?

Стинхерст наморщил лоб:

– Не знаю. По-моему, я никогда с ним раньше не встречался.

– Странно, – сказал Сент-Джеймс.

– Почему?

– Потому что на оригинальном фото, с которого сделаны все эти, он разговаривает с вами. И на той фотографии вид у вас такой, будто вы довольно хорошо его знаете.

– В самом деле? Может, и знал, в то время. Но дознание по делу моего брата проводилось двадцать пять лет назад. И по прошествии стольких летя вполне мог кого-то и забыть – из тех, кто там тогда был.

– Безусловно, – ответил Сент-Джеймс, тут же отметив, что сам он ни словом не обмолвился, что фотографии были сделаны в день дознания по делу Джеффри Ринтула.

Стинхерст встал со стула.

– Если это все, мистер Сент-Джеймс, позвольте откланяться, мне еще многое сегодня предстоит сделать.

Он взял трубку и табак, готовясь уходить, а на фотографии больше даже не взглянул, в этом было что-то не то... Казалось, он боится смотреть на них, боится, что его лицо его выдаст больше, чем он хочет сказать. В одном Сент-Джеймс был теперь абсолютно убежден. Лорд Стинхерст прекрасно знал, кто тот «забытый» человек на фотографии.

Некоторые виды освещения безжалостно подчеркивают возраст. Они неумолимо выставляют напоказ все недостатки – ни на йоту их не умаляя. Прямые солнечные лучи, резкий, льющийся сверху свет ламп дневного света в учреждениях, свет софитов, используемых в кино без смягчающих фильтров, – они совершенно беспардонны в своем разоблачительстве. Столик в гримерной Джоанны Эллакорт был тоже освещен как раз таким светом. По крайней мере сегодня.

Здесь было довольно прохладно, как она всегда любила,

чтобы не вяли цветы, которые сонм поклонников присылал ей перед спектаклем. Цветов сейчас не было. В воздухе чувствовалась смесь ароматов, характерных для всех примерных: кольдкрема, стягивающих веществ и лосьона, которыми был уставлен столик. Джоанна лишь машинально отметила этот запах, не отрываясь глядя на свое отражение и заставляя глаза останавливаться на каждом предвестнике подступающего среднего возраста: еле приметные морщины от крыльев носа к губам; сеточка тонких морщинок у глаз; первые складочки на шее, предшествующие старческим складкам, которые невозможно будет спрятать.

Она насмешливо улыбнулась при мысли о том, что ей удалось избежать почти всех «зыбучих песков» в ее жизни. Неряшливый пятикомнатный муниципальный дом в Ноттингеме; ее отец, мрачный и не бритый, проводящий дни напролет у окна, машинист на пособии по безработице, с разбитыми мечтами; вечные причитания матери из-за сквозняков из плохо заклеенных окон, или черно-белый телевизор со сломанными регуляторами, так что звук постоянно оставался на одной, рвущей нервы визгливой ноте; будущее, которое выбрала себе каждая из ее сестер, повторивших путь их родителей, – замужество, постоянные беременности, мучительное производство младенцев каждые полтора года, жизнь без надежды и радости. Она избежала всего этого.

Подобно многим эгоцентричным натурам, чья красота блистает на сцене, на экране и на обложках бесчисленных

журналов, она думала о том времени, когда может потерять ее. В сущности, она привыкла к мысли о том, что так и будет. Потому что Дэвид всегда позволял ей думать об этом.

Ее муж был для нее гораздо большим, чем избавителем от кошмаров Ноттингема. Дэвид был единственной по-настоящему постоянной величиной в непостоянном мире, в котором слава эфемерна, в котором дифирамбы критика в адрес нового таланта могут означать крушение карьеры признанной актрисы, которая всю жизнь отдала сцене. Дэвид все это знал, знал, как пугает ее грядущее, и своей постоянной поддержкой и любовью – несмотря на ее вспышки раздражения, вечные капризы и флирты – успокаивал ее страхи. Всегда. Пока не появилась пьеса Джой Синклер, безвозвратно разрушившая эти отношения.

Устремив взгляд на свое отражение, но не видя его, Джоанна вновь и вновь изнемогала от гнева. Это был не тот огонь, что пожирал ее с такой иррациональной, безудержной силой в субботу вечером в Уэстербрэ, он тлел теперь постоянно, готовый при малейшем толчке воспламенить обиду и жажду мести.

Дэвид предал ее. Она снова и снова растравляла себя этой мыслью, несмотря на то, что долгие годы близких отношений пронизывали все ее существо и требовали, чтобы она его простила. Но нет. Ни за что! Он знал, как сильно она надеялась на то, чтобы «Отелло» стал последним спектаклем, в котором она играет вместе с Робертом Гэбриэлом. Он знал,

как мерзко ей его преследования, приправленные якобы случайными столкновениями, вроде бы нечаянными прикосновениями, когда его ладонь скользила по самым кончикам ее груди, страстные сценические поцелуи перед огромной аудиторией, которая считала, что это часть спектакля, двусмысленные комплименты наедине, сдобренные похвальбой его сексуальным доблестям.

– Нравится тебе это или нет, но когда вы с Гэбриэлом на сцене, вы творите чудеса, – говорил Дэвид.

Ни ревности, ни тревоги. Она всегда пыталась понять почему. До этого момента.

Он солгал ей о пьесе Джой Синклер, сказав, что участие Роберта Гэбриэла – это идея Стинхерста, сказав, что Гэбриэла, возможно, выведут из состава. Но она знала истинную правду, хотя ей невыносимо было то, что эта правда означала... Настоять на том, чтобы Гэбриэла уволили, означало сократить доход от спектакля, что урежет и ее собственный процент... процент Дэвида. А Дэвид любит свои деньги. Свои туфли от Лобба, свой «роллс», свой дом на Риджентс-парк, свой коттедж за городом и костюмы и рубашки с Сэвил-роу. Если все это можно сохранить, что за беда, если его жена еще годик-другой будет отбиваться от потных блудливых рук Роберта Гэбриэла? В конце концов, она делает это уже более десяти лет.

Когда дверь ее уборной открылась, Джоанна даже не обернулась, потому что дверь почти целиком была видна в зерка-

ле. Но ей не нужно было даже смотреть на отражение. За двадцать лет она хорошо изучила повадки своего мужа – его размеренные шаги, треск спички, когда он зажигает сигарету, шуршание одежды, когда он одевается, постепенное расслабление мышц, когда он засыпает. Она могла узнать на слух любое движение и вычислить, что именно он сейчас сделает; в конце концов, они и составляли его суть.

Но сейчас она была не в состоянии ни на чем сосредоточиться. Поэтому взяла щетку для волос и шпильки, отодвинула в сторону коробку с гримировальными принадлежностями и занялась волосам, считая каждое движение щеткой, словно они все дальше уносили ее от длительного отрезка жизни, которую она делила с Дэвидом Сайдемом.

Он ничего не сказал, когда вошел в комнату. Просто как всегда, прошел к шезлонгу. Но на этот раз он не сел. Молча стоял, пока она наконец не положила щетку на столик и не взглянула на него отсутствующим взглядом.

– Полагаю, мне будет немного легче, если я хотя бы узнаю, зачем ты это сделала, – сказал он.

Леди Хелен приехала в дом к Сент-Джейсам около шести. Она чувствовала одновременно и воодушевление, и уныние. Даже поднос в кабинете Сент-Джеймса – с лепешками, сливками, чаем и сэндвичами – не слишком ее приободрил.

– Судя по твоему виду, тебе не помешает выпить шерри, –

констатировал Сент-Джеймс, когда она сняла пальто и перчатки.

Леди Хелен покопалась у себя в сумочке в поисках блокнота.

– Похоже, именно это мне и нужно, – горько согласилась она.

– Не повезло? – спросила Дебора.

Она сидела на пуфике справа от камина, то и дело отщипывая кусочек лепешки для Персика, нечесаной маленькой таксы, которая терпеливо ждала у ее ног, периодически нежно облизывая изящным розовым язычком ее лодыжку. Рядом, на письменном столе Сент-Джеймса, прямо поверх кипы бумаг, с блаженным видом свернулся клубком серый кот Аляска. При появлении леди Хелен он даже не пошевелился, только чуть приоткрыл глаза.

– Не сказала бы, – ответила она, с благодарностью принимая бокал с шерри из рук Сент-Джеймса. – Я получила нужные нам сведения. Только вот...

– Они мало чем помогают Рису, – догадал Сент-Джеймс.

Она ответила ему улыбкой, хорошо если просто дрожащей, а не жалкой. Его слова вдруг причинил ей боль, и, почувствовав, как она несчастна, леди Хелен осознала, что очень рассчитывала на разговор секретаршей лорда Стингерста, надеясь снять всеобщие подозрения с Риса.

– Да, Рису они не помогают. Да и вообще мало что дают.

– Рассказывай, – попросил Сент-Джеймс.

Рассказывать было особенно нечего. Секретаршу лорда Стинхерста долго уговаривать не пришлось: поняв, что ее рассказ о тех телефонных звонках поможет снять подозрения в соучастии в убийстве с ее шефа, она охотно разоткровенничалась с леди Хелен. Настолько, что даже показала свой блокнот, куда занесла сообщение, которое Стинхерст попросил ее передать всем, кому он назначил встречи. Оно было достаточно простым и коротким. «Непредвиденная задержка в Шотландии из-за несчастного случая. Свяжусь с вами, как только смогу».

Только одна продиктованная ей телефонограмма отличалась от этого повторяющегося сообщения, и хотя текст ее был весьма странным, никакой скрытой крамолы в нем не чувствовалось. «Всплытие вынуждает меня второй раз за этот месяц отложить нашу встречу. Ужасно сожалею. Позвоните мне в Уэстербрэ, если возникнут трудности».

– Всплытие? – переспросил Сент-Джеймс. – Странное словечко. Ты ничего не перепутала?

– Ничего. Секретарша Стинхерста записала все слово в слово.

– Может, театральный жаргон? – предположила Дебора.

Сент-Джеймс неловко уселся в кресло рядом с ней. Она подвинулась на пуфике, освобождая место для его ноги.

– Кому адресовано это последнее сообщение, Хелен?

Она сверилась со своими записями.

– Сэру Кеннету Уиллингейту.

– Друг? Коллега?

– Я не вполне уверена. – Леди Хелен колебалась, пытается решить, как подать следующие сведения, чтобы Сент-Джеймс уверовал в их исключительность. Она знала, какой мелочью была эта подробность, и отдавала себе отчет в том, что цепляется за нее, чтобы, если повезет, вывести из-под подозрения Риса. – Вероятно, я хватаюсь за соломинку, Саймон, – чистосердечно продолжала она. – Но в этом последнем разговоре кое-что настораживает. Все остальные звонки должны были отменить договоренности Стинхерста на следующие несколько дней. Секретарша просто прочла мне все фамилии из его ежедневника. Но этот последний звонок Уиллингейту к ежедневнику вообще никакого отношения не имел. Его имя даже не было там записано. Поэтому либо это была встреча, которую Стинхерст назначил сам, не сказав секретарше...

– Либо речь шла вовсе не о встрече, – закончила за нее Дебора.

– Есть только один способ узнать, – заметил Сент-Джеймс. – Вырвать информацию у Стинхерста. Или самим узнать, кто такой Уиллингейт. Но боюсь, мы не можем двинуться дальше, не привлекая Томми. Нам придется отдать ему полученные нами скромные сведения, а дальше он будет действовать сам.

– Но Томми не возьмет их! Ты же знаешь! – возразила леди Хелен. – Ему главное – накинуть петлю на Риса. Его ин-

тересуют только те факты, которые по его мнению, позволят ему произвести арест. Сейчас для Томми ничто другое значения не имеет! Разве вы это еще не поняли за прошлые выходные? Кроме того если вы сообщите ему, он непременно узнает, что Барбара сама работала над этим делом... с нашей помощью, Саймон. Ты не можешь с ней так поступить.

Сент-Джеймс вздохнул.

– Хелен, одно из двух. Ты не можешь защитить их обоих. Придется принимать решение. Пожертвуешь ли ты Барбарой Хейверс? Или – Рисом?

– Ни им, ни ею.

Он покачал головой.

– Понимаю твои чувства, но боюсь, ничего не выйдет.

Когда Коттер проводил Барбару Хейверс в кабинет, она сразу же почувствовала царившую в комнате напряженность. Резкая тишина, следовавшая после быстрого всплеска взаимных приветствий, выдала смущение, которое испытывали ее «сообщники».

– Что такое? – спросила она.

У нее к ним имелись кое-какие претензии, но людьми они были бесспорно честными.

– Саймон считает, что мы не можем двигаться дальше без Томми.

И леди Хелен сообщила ей о странном телефонном послании, которое Стинхерст направил сэру Кеннету Уиллингей-

ту.

– У нас нет полномочий вмешиваться в жизнь этих людей и расспрашивать их, Барбара, – вставил Сент-Джеймс, когда леди Хелен закончила. – Ты сама знаешь, что они не обязаны с нами разговаривать. Поэтому, если Томми не возьмет все это в свои руки, мы зашли в тупик.

Барбара обдумала услышанное. Она очень хорошо знала, что у Линли нет намерения обрывать ниточку из Восточной Англии. Она была слишком заманчива. Непонятный звонок какому-то Уиллингейту он отметет, не станет с этим возиться. Тем более, покорно подумала она, что телефонограмму посылал лорд Стинхерст. Сент-Джеймс и леди Хелен правы. Они действительно зашли в тупик. Но если она не сможет убедить их не привлекать Линли, Стинхерст выйдет сухим из воды.

– Разумеется, мы понимаем, что если Томми узнает, что вы проводите расследование в другом направлении без его санкции...

– Да на это мне плевать, – грубо перебила Барбара и с удивлением подумала, что это чистая правда.

– Вас могут временно отстранить. Или перевести назад, в патрульную службу. Даже уволить.

– Сейчас это не важно. Важно к чему-то прийти. Я целый день гонялась за призраками по всей Восточной Англии – без малейшей надежды на что-то путное. Такая мерзость... А здесь мы наконец на что-то напали, и я не собираюсь мол-

чать об этом только потому, что кто-то там снова засунет меня в патрульную службу. Или даже уволит. Или... ну не знаю. Раз надо все ему рассказать, расскажем. Все-все. – она открыто посмотрела на них. – Сделаем это сейчас?

Несмотря на ее решимость, остальные колебались.

– Вы не хотите еще раз подумать? – спросила леди Хелен.

– Тут и думать нечего, – довольно резко ответила Барбара, она не стала больше сдерживаться. – Послушайте, я видела, как *умирал* Гоуван. Он вытащил нож из спины и полз по полу судомойни, надеясь добраться до помощи. Его кожа была похожа на вареное мясо. У него был сломан нос. Разбиты губы. Я хочу найти того, кто сделал это с шестнадцатилетним мальчишкой. Выследить убийцу, а если это будет стоить мне работы, что ж, я полагаю, это минимальная цена. Кто со мной?

Ответить помешали громкие голоса в прихожей. Дверь распахнулась, и мимо Коттера протиснулся Джереми Винни. Он был весь красный и запыхавшийся. Брюки промокли до колен, а голые, без перчаток, руки, видимо, застыли от холода.

– Не мог поймать такси, – задыхаясь, сказал он. – Бежал бегом от Слоан-сквер. Боялся, что не застаю вас. – Он скинул пальто и бросил его на диван. – Узнал, кто тот парень на фотографии. И сразу к вам. Его фамилия Уиллингет.

– Кеннет?

– Он самый. – Винни согнулся, упершись руками в коле-

ни и пытаюсь отдышаться. – Это не все. Фамилия-то ладно. Главное, кто он. – Он быстро улыбался. – Не знаю, кем он был в шестьдесят третьем. Но сейчас он глава МИ-5.

Комментарии, как говорится, были излишни. МИ-5: военная разведка, пятый отдел. Отдел государственной безопасности при правительстве Великобритании. И сразу стало ясно, почему Винни примчался к ним, не сомневаясь в том, что ему окажут радушный прием, абсолютно уверенный, что он принес чрезвычайно важные сведения. Этот новый поворот полностью выводил его из числа подозреваемых. Похоже, окончательно успокоившись, он продолжал:

– Но это не все. Меня заинтриговал наш утренний разговор о деле Профьюмо – Килер шестьдесят третьего года, поэтому я порылся в архиве: нет ли какой статьи, указывающей на возможную связь между их делом и смертью Джеффри Ринтула. Вдруг у Ринтула была связь с девушкой по вызову, и вот он и сорвался среди ночи в Лондон, чтобы увидеться с ней. Так спешил, что погиб...

– Но Профьюмо и Килер такая древность, – заметила Дебора. – Наверняка скандал такого рода не затронул бы сейчас репутацию семьи.

– А ведь действительно, Саймон, – согласилась леди Хелен, но как-то неуверенно. – Убить Джой. Уничтожить сценарии. Убить Гоувана. И все из-за того, что двадцать пять лет назад Джеффри Ринтул встречался с девушкой по вызову? Как можно выдвигать это в качестве убедительного мотива?

– Все зависит от уровня этого человека, от его служебного положения, – ответил Сент-Джеймс. – Рассмотрим дело того же Профьюмо – в качестве примера. Он был военным министром, поддерживал отношения с Кристин Килер, девушкой по вызову, которая, по воле случая, встречалась еще с неким Евгением Ивановым.

– Сотрудник советского посольства, но на самом деле разведчик, – добавил Винни и тут же с ходу продолжил: – Во время разговора в полиции по совершенно другому делу Кристин Килер добровольно сообщила, что ее просили выведать у Джона Профьюмо дату, когда некие атомные секреты будут переданы Америкой Западной Германии.

– Очаровательное создание, – сказала леди Хелен.

– Это просочилось в прессу – вероятно, на это она и рассчитывала, – и для Профьюмо настали жаркие деньки.

– И для правительства тоже, – сказала Хейверс.

Винни согласно кивнул.

– Лейбористская партия потребовала, чтобы отношения между Профьюмо и Килер обсудили в парламенте, в палате общин, а партия либералов тем временем потребовала из-за этого отставки премьер-министра.

– Почему? – спросила Дебора.

– Они заявили, что как глава службы безопасности премьер-министр либо знал все факты касательно отношений Профьюмо с девушкой по вызову и скрывал их, либо он виновен в некомпетентности и халатности. Однако, – закон-

чил Винни, – на самом деле премьер-министр просто почувствовал, что не переживет еще одного серьезного дела, которое повлечет за собой отставку одного из его министров. А ведь это было весьма вероятно, если бы поведение Профьюмо подверглось тщательному расследованию. Поэтому он сделал так, чтобы ничего компрометирующего Профьюмо не вышло наружу. Если бы интрижка Профьюмо вышла на свет сразу после дела Вассалла, вполне возможно, премьер-министру пришлось бы уйти в отставку.

– *Вассалла?* – Леди Хелен с побелевшим лицом выпрямилась в кресле.

Винни посмотрел на нее, явно изумленный ее реакцией на его слова.

– Уильям Вассалл. Его приговорили к тюремному заключению в октябре шестьдесят второго. Он был служащим Адмиралтейства, шпионившим в пользу Советов.

– Боже мой. *Боже мой!* – воскликнула леди Хелен. Она вскочила, повернулась к Сент-Джеймсу. – Саймон! Это же реплика из пьесы, на которую отреагировали все Ринтулы. «Еще одним Вассаллом». Герой сбегает, у него нет времени вернуться в Лондон. Он сказал, что не станет *еще одним* Вассаллом. И они поняли, что это значит, когда услышали это. Они поняли! Франческа, Элизабет, лорд и леди Стинхерст! Они все поняли! Дело тут совсем не в романе с девушкой по вызову! Ничего подобного!

Сент-Джеймс уже выбирался из кресла.

– На это Томми *отреагирует*, Хелен.

– На что? – вскричала Дебора.

– На Джеффри Ринтула, любовь моя. Еще одного Вассалла. Похоже, что Джеффри Ринтул был советским агентом. И да поможет им Бог, но все члены семьи и добрая часть правительства, как видно, об этом знают.

Линли оставил двери между гостиной и столовой открытыми – чтобы слышать во время ужина доносившуюся из стереосистемы музыку. Потому что последние несколько дней еда мало его привлекала.

Вот и сегодня он отставил тарелку с почти не тронутым ягненком и отдался потоку бетховенских звуков, лившихся из соседней комнаты. Он отодвинулся от стола и откинулся на стуле, вытянув перед собой ноги.

Вот уже почти сутки он старался не думать о том, каким образом обвинение, которое он выстраивал против Риса Дэвис-Джонса, скажется на Хелен Клайд, Упорно заставляя себя переходить от факта к факту, он сумел полностью выбросить из головы Хелен. Но сейчас она снова вмешалась.

Он понимал ее нежелание поверить в виновность Дэвис-Джонса. В конце концов, она была влюблена в ого мужчину. Но как она переживет, когда узнает – и это будет подтверждено множеством неопровержимых фактов, – что ее хладнокровно использовали чтобы проще было совершить убийства. И как он может защитить ее от того душевно-

го опустошения, которое неизбежно последует потом? Думая об этом Линли понял, что больше не может прятаться от правды: он чертовски скучает по Хелен и может безвозвратно потерять ее, если продолжит плести сети вокруг Дэвис-Джонса.

– Милорд?

Его лакей мялся на пороге, потирая носок левой туфли о правую штанину, словно нуждался в улучшении своего и без того безупречного вида. Он провел ладонью по своим идеально уложенным волосам.

Щеголь Браммел³⁹ с Итон-террас, подумал Линли и подбодрил его: «Дентон?» – когда понял, что молодой человек может до бесконечности наводить лоск.

– Леди Хелен Клайд в передней, милорд. Вместе с мистером Сент-Джеймсом и сержантом Хейверс.

Выражение лица Дентона было образцом невозмутимости, вполне подобающей. Однако в тоне его голоса проскользнуло очевидное удивление, и Линли стало интересно, насколько уже Дентон осведомлен – ох уж эти всезнающие слуги! – о его разрыве с леди Хелен. Впрочем, последние пять лет он серьезно ухаживает за горничной леди Хелен, Каролиной.

– Что ж, не оставляйте их стоять в холле, – сказал Линли.

– В таком случае – в гостиную? – дотошно поинтересовал-

³⁹ Щеголь Браммел (1778 – 1840) – английский законодатель мод начала XIX в., фаворит принца-регента (будущего короля Георга IV).

ся Дентон. Слишком уж дотошно.

Он кивнул, поднимаясь, и раздраженно подумал при этом: «А куда же еще, черт возьми, в кухню, чтоли?»

Все трое стояли, тесно сгрудившись в одном конце гостиной. Они выбрали место под портретом отца Линли и, пользуясь прикрытием музыки, вполголоса переговаривались озабоченными голосами. Но при его появлении тут же умолкли и почему-то сразу принялись снимать пальто, шапки, перчатки и шарфы. Создавалось впечатление, что они стараются выиграть время. Линли выключил музыку, убрал пластинку в конверт и с любопытством посмотрел на визитеров. Вид у них был непривычно подавленный.

– Мы наткнулись на кое-какую информацию, которую тебе нужно знать, Томми, – сказал Сент-Джеймс, и было похоже, что это вступление было тщательно продумано.

– Что за информация?

– Она касается лорда Стинхерста.

Взгляд Линли тут же переместился на сержанта Хейверс. Она встретила его с достойной храбростью.

– Вы в этом участвуете, Хейверс?

– Да, сэр.

– Это все я, Томми, – сказал Сент-Джеймс, прежде чем Линли обрел дар речи. – Барбара нашла могилу Джеффри Ринтула в поместье Уэстербрэ и показала ее мне. Она стояла того, чтобы ею заняться.

Линли с усилием сохранил спокойствие.

– Почему?

– Из-за завещания Филипа Джеррарда, – порывисто вмешалась леди Хелен. – Мужа Франчески. Он сказал, что не позволит похоронить себя на земле Уэстербрэ. Из-за телефонных звонков, которые в утро убийства сделал лорд Стинхерст. Они касались не только отмены встреч, Томми. Потому что...

Линли посмотрел на Сент-Джеймса: с этой стороны он никак не ожидал предательства.

– Боже мой. Ты рассказал им о моей беседе со Стинхерстом.

Сент-Джеймс пристыженно опустил глаза:

– Прости. Я понял, что у меня нет выбора.

– Нет выбора, – повторил Линли, не веря своим ушам.

Леди Хелен нерешительно шагнула к нему, протягивая руку:

– Прошу тебя, Томми. Представляю, что ты сейчас чувствуешь. Будто мы все против тебя. Но это совсем не так. Прошу тебя. Выслушай.

Сочувствие Хелен было последней каплей... он не выдержал. И, не помня себя, грубо набросился на нее:

– Думаю, мы все прекрасно понимаем, в чем твой интерес, Хелен. Вряд ли ты можешь претендовать на объективность, учитывая твою причастность к этому делу.

Леди Хелен опустила руку. Ее лицо исказилось от боли. Заговорил Сент-Джеймс, голос его был полон холодной яро-

сти.

– Как и ты сам, Томми, если уж говорить совсем откровенно. – Он помолчал несколько секунд. А затем уже более ровным тоном продолжал: – Лорд Стинхерст солгал тебе о своем брате и жене. Так и знай. Вполне возможно, что Скотленд-Ярд именно на это и рассчитывал. Поэтому они намеренно поставили тебя на это расследование: ты был самым подходящим человеком, который поверит любым рассказам Стинхерста. Романа между его братом и его женой никогда не было, Томми. Теперь ты хочешь услышать факты или нам лучше уйти?

У Линли было такое ощущение, будто в костях у него плавитя лед.

–О чем, ради всего святого, вы говорите?

Сент-Джеймс направился к креслу.

– Это мы и пришли тебе рассказать. Но мне кажется, что нам всем не помешал бы глоток-другой бренди.

Пока Сент-Джеймс излагал добытые ими сведения о Джеффри Ринтуле, Барбара Хейверс тайком наблюдала за Линли, заранее зная, что он будет всячески выгораживать Ринтула, они ведь с ним одного поля ягоды – джентльмены... Все его аристократическое нутро сейчас проявится, побуждая Линли отрицать и факты, и предположения. Барбара и сама понимала, насколько несущественны некоторые из их фактов. Что означало одно: если Джеффри Ринтул дей-

ствительно был советским агентом, – при том, что долгие годы работал не где-нибудь, в министерстве обороны! – единственный способ узнать это наверняка – «расколоть» его брата Стюарта.

В идеале им требовался доступ к компьютеру МИ-5. Если уже сам файл на Джеффри Ринтула будет помечен словом «недоступен», значит, братец Стюарта находился под каким-то следствием со стороны контрразведки. Но доступа к компьютеру у них не было, как не было и своего человека в МИ-5, который мог бы подтвердить их догадки. Нет смысла соваться даже в Особый отдел Скотленд-Ярда, ведь Ярд сам и подвиг лорда Стинхерста на все эти сказки относительно причин смерти своего брата. Поэтому все теперь зависело от Линли: Сумеет ли он преодолеть свое предубеждение к Рису Дэвис-Джонсу, посмотреть правде в глаза. А правда была такова, что вовсе не у Дэвис-Джонса имелась весьма существенная причина избавиться от Джой Синклер. Это лорд Стинхерст взяв у своей сестры запасной ключ от комнаты Джой убил эту женщину. Ведь ее пьеса – мастерски переделанная без его ведома – вытаскивала на свет божий самые темные тайны его семьи.

– Поэтому как только Стинхерст услышал имя «Вассалл», он сразу понял, о чем пойдет речь в обновленном варианте пьесы, – заключил Сент-Джеймс. – Да ты сам посмотри, какая у Джеффри Ринтула биография... Самая подходящая для Советов кандидатура. Учился в Кембридже в тридцатые

годы. Мы же знаем, что в то время Советы вербовали себе агентов как бешеные. Ринтул изучал экономику, что, без сомнения, сделало его еще более восприимчивым ко всем этим вывертам Маркса. А вспомни его поведение во время войны. Попросил назначения на Балканы, что обеспечивало ему контакты с русскими. Я нисколько не удивлюсь, узнав, что на Балканах был и его хозяин. Наверняка именно тогда он получил самую важную инструкцию: проникнуть в министерство обороны. Одному богу ведомо, сколько секретных сведений он передал Советам за эти годы.

Когда Сент-Джеймс закончил говорить, никто не произнес ни слова, все смотрели на Линли. Уселись они – как по уговору – прямо под портретом седьмого графа Ашертона. И под их пытливыми взглядами Линли поднял глаза на лицо своего отца, словно нуждаясь в совете. Лицо самого Линли было непроницаемым.

Повторите еще разок, какое сообщение Стинхерст направил Уиллингейту, – попросил он наконец.

Сент-Джеймс наклонился вперед.

– Он сказал, что всплытие вынуждает его отложить встречу с Уиллингейтом во второй раз за этот месяц. И просил звонить в Уэстербрэ, если возникнут трудности.

– Как только мы выяснили, кто такой Уиллингейт, в этом сообщении забрезжил какой-то смысл, – подхватила Барбара, жаждавшая во что бы то ни стало убедить. – Похоже, он предупредил Уиллингейта относительно Джеффри Ринтула:

что второй раз выплыло наружу то, что он был агентом, а первый был в канун Нового года в шестьдесят втором году. Поэтому Уиллинггейт должен был позвонить в Уэстербрэ, чтобы помочь в решении проблемы. А проблема – это смерть Джой Синклер и новый вариант пьесы, где во всех подробностях вскрыто неприглядное прошлое Джеффри.

Линли кивнул. Барбара продолжала:

– Разумеется, лорд Стинхерст не мог сам позвонить Уиллингейту, верно? При проверке записей телефонных переговоров из Уэстербрэ мы узнали бы об этом звонке. Поэтому он позвонил только своей секретарше. А она – передала. И Уиллинггейт, поняв сообщение, *действительно* позвонил ему, сэр. Полагаю, дважды. Помните? Мэри Агнес сказала мне, что слышала два телефонных звонка. Наверняка от Уиллинггейта. Один – чтобы узнать, что все же стряслось. Второй – сказать Стинхерсту, что ему удалось договориться со Скотленд-Ярдом.

– Ты вспомни, – добавил Сент-Джеймс, – что сказал инспектор Макаскин: Департамент уголовного розыска Стрэтклайда вообще не просил у Скотленд-Ярда помощи в этом деле. Их просто поставили в известность, что им займется Ярм. Очень похоже что все это устроил Уиллинггейт – позвонил кому-то из руководства Ярда, договорился насчет расследования и затем снова позвонил Стинхерсту – сообщил, кто будет вести следствие. Не сомневаюсь, что Стинхерст был абсолютно готов к твоему появлению на сцене, Томми.

У него был целый день, чтобы придумать историю, которой ты, пэр несчастный, почти наверняка поверишь. Это должно было быть что-то личное, что истинный джентльмен вряд ли кому перескажет. А что может быть более личным, чем измена жены и не его ребенок? Отличная находка. Он просто не подумал, что ты можешь довериться мне. И что я – боюсь, не совсем джентльмен – не оправдаю твоего доверия. Каюсь, не оправдал. Сложись все иначе, я бы и слова никому не сказал. Надеюсь, ты мне веришь.

Последнее замечание Сент-Джеймса прозвучало как полувопрос. Но после него Линли лишь молча взял графин с бренди. Налил себе еще, передал графин Сент-Джеймсу. Руки его не дрожали, лицо оставалось спокойно-невозмутимым. Снаружи, на Итон-террас дважды прогудел клаксон. В ответ из соседнего дома что-то крикнули.

Надо было заставить его занять какую-то позицию, поэтому снова заговорила Барбара:

– По пути сюда, сэр, мы пытались понять: с чего правительству так хлопотать о разбирательстве подобного дела. И решили, что причина кроется в том, что в шестьдесят третьем году им пришлось скрыть правду о деятельности Ринтула – вероятно, при помощи Закона о государственной тайне, – чтобы спасти премьер-министра от позора: советский шпион в высших эшелонах власти, когда еще не утихли страсти после дела Вассалла и скандала с Профьюмо. Поскольку Джеффри Ринтул умер, он не мог больше причи-

нить министерству обороны никаких неприятностей. Зато премьер-министру не поздоровилось бы, если бы произошла утечка сведений о его деятельности. И потому тогда этого не допустили. И теперь, очевидно, тоже предпочли сохранить старую тайну. Иначе возникли бы определенные проблемы. Или, может, у них есть какой-то долг перед семьей Ринтул и они таким образом платят его. В любом случае они снова их покрывают. Только...

Барбара замолчала, не решаясь продолжить: несмотря на все их ссоры и зачастую непреодолимые разногласия, она не могла причинить ему такую боль...

Линли сам договорил:

– ... только сделать это для них должен был я, – глухо проговорил он. – И Уэбберли это знал. С самого начала.

По отчаянию, стоявшему за этими словами, Барбара поняла, о чем думает Линли: что эта ситуация доказала – для своего начальства он всего лишь подручный материал; что никому нет дела до его судьбы, и репутации: ведь если выйдет на свет даже невольная его попытка скрыть вину Стинхерста, ему грозит увольнение. И не важно, что все было совсем не так. Барбара знала, что само предположение, как ржавчина, разъедает его гордость.

В течение прошедших пятнадцати месяцев она то любила Линли, то ненавидела и постепенно научилась понимать его. Но никогда до этого ей не приходило в голову, что его аристократическое происхождение причиняло ему иногда боль,

а семейные узы были в тягость, но это бремя он умудрялся нести со скромным достоинством, даже в те моменты, когда ему нестерпимо хотелось стряхнуть его с себя.

– Но откуда Джой Синклер могла все это узнать? – спросил Линли, сохраняя безупречно хладнокровный вид, и это мучительное насилие над собой было больно видеть...

– Лорд Стинхерст сам тебе об этом сказал. Она была там в ночь, когда погиб Джеффри.

– А я даже не заметил, что в кабинете Джой нет ничего, связанного с ее пьесой. – В голосе Линли слышался беспощадный упрек себе. – Боже, кто же так ловко все это изъясил?

– Господа из МИ-5 не оставляют визитных карточек, Томми, – сказал Сент-Джеймс. – Ни единого следа обыска. Откуда ты мог знать, что они там побывали? И в конце-то концов, ты пришел искать сведения не о пьесе.

– И все равно, надо было быть просто слепцом, чтобы не заметить отсутствия материалов по ней. – Он мрачно улыбнулся Барбаре. – Отличная работа, сержант. Не представляю, куда бы нас вынесло, если бы рядом со мной не было вас.

Похвала Линли не принесла Барбаре радости. Никогда еще ощущение собственной правоты не приносило ей столько отчаяния и боли.

– Что мы будем?..

Она умолкла, не желая проявлять столь немилую ей инициативу. Линли поднялся.

– Отправимся утром к Стинхерсту, – сказал он. – А сего-

дня я бы хотел еще кое-что обдумать.

Барбара знала, что на самом деле это означает: обдумать, как действовать дальше, уже зная, что Скотленд-Ярд его использовал. Ей захотелось как-то его утешить. Она хотела сказать, что планы начальства сделать его ширмой сорвались, что они с ним оказались умнее. Но она понимала, что он тут же переосмыслит ее слова. Это она оказалась умнее их боссов. И спасла Линли от безрассудного поступка и позора.

Поскольку говорить было больше не о чем, все начали надевать пальто, натягивать перчатки и обматываться шарфами.

А в воздухе витали слова, так и оставшиеся невысказанными. Линли не спеша убрал графин с бренди, собрал пузатые хрустальные стаканчики на поднос, выключил свет в комнате. Они прошли за ним в холл.

Леди Хелен стояла в пятне света у двери. За целый час она не сказала ни слова и теперь, когда он приблизился, застенчиво произнесла:

– Томми...

– Завтра в девять встречаемся в театре, сержант, – резко бросил Линли. – Возьмите констебля, чтобы забрать Стинхерста.

До сих пор Барбара не осознавала, насколько трагичной для Линли была ее победа в борьбе версий, но этот краткий разговор открыл ей глаза. Она увидела как растет пропасть между Линли и леди Хелен, почти физически ощутила ее

мучительную непреодолимость. Но вслух произнесла: «Да, сэр», – и направилась к двери.

– Томми, ты не можешь больше меня игнорировать, – настаивала леди Хелен.

Линли в первый раз с того момента, как Сент-Джеймс начал говорить, взглянул на нее.

– Я ошибался, Хелен. Но это еще не самый страшный мой грех... Я хотел, чтобы мои подозрения на его счет подтвердились.

Кивнув, он пожелал им доброго вечера и – ушел.

Заря занималась на свинцовом небе. Наступившая среда выдалась на редкость холодной. Снег вдоль тротуара сковало твердой тонкой коркой, покрытой грязью и копотью от выхлопов машин.

Когда Линли в восемь сорок пять подкатил к театру «Азенкур», сержант Хейверс уже ждала его, до бровей укутавшись в знакомый, не идущий ей коричневый шарф. Рядом с ней стоял молодой констебль. Линли мрачно подметил, что Хейверс знала, кого выбрать – Уинстона Нкату, этот уж точно не спасует перед титулом и богатством Стинхерста. Некогда главарь «Брикстонских воинов» – одной из самых крепких чернокожих банд города, – теперь двадцатипятилетний Нката метил в элиту департамента. За него то и дело ходатайствовали его упрямые коллеги из Отдела А7, три его закадычных дружка. Сам Нката любил повторять: если не арестуют, так обратят в свою веру.

Он одарил Линли одной из своих ослепительнейших улыбок.

– Инспектор, – сказал он, – почему вы никогда не приезжали на этой малышке в мой район? Нам нравится жечь таких милашек.

– Когда у вас начнется очередная заварушка, дайте мне знать, – сухо парировал Линли.

– Непременно пришлем приглашение, приятель. И постараемся, чтобы все там были.

– Ах, ну да. Приносите свой кирпич с собой.

Чернокожий констебль закинул голову и от души расхохотался, пока Линли шел к ним по тротуару.

– Вы мне нравитесь, инспектор, – сказал он. – Дайте мне ваш домашний адрес. Думаю, мне надо жениться на вашей сестре.

Линли улыбнулся.

– Вы слишком хороши для нее, Нката. Не говоря о том, что лет на шестнадцать моложе. Но если сегодня утром вы будете вести себя примерно, уверен, придем к обоюдному соглашению. – Он посмотрел на Хейверс. – Стинхерст приехал?

Она кивнула:

– Десять минут назад. – В ответ на молчаливый вопрос сказала: – Нас он не видел. Мы пили кофе через дорогу. С ним была его жена, инспектор.

– А вот это, – сказал Линли, – очень кстати. Ну, вперед.

Жизнь в театре была ключом: всюю шла подготовка премьерного спектакля. Двери в зрительный зал были открыты; говор и смех смешивались с шумом работ над декорациями. Мимо них торопливо прошел человек с папкой в руках и карандашом за каждым ухом. В углу рядом с баром сгрудились над большим листом бумаги агент по рекламе и художник, набрасывая рекламные эскизы. Здесь царил творческий подъем, слышались возбужденные голоса, но Линли ничуть не сожалел, что станет орудием, которое положит конец радостям этих людей. Как и самому делу, как только Стинхерст будет арестован.

Они направлялись к дверям административных помещений в дальнем конце здания, когда оттуда в сопровождении жены вышел лорд Стинхерст. Леди Стинхерст что-то поспешно и возбужденно ему говорила, крутя на пальце кольцо с огромным бриллиантом. Увидев полицию, она разом прекратила – крутить кольцо, говорить, идти.

Стинхерст не стал отнекиваться, когда Линли предложил пройти в уединенное место для разговора.

– Пойдемте в мой кабинет, – сказал он. – А моей жене...
– Он выжидающе замолчал.

Однако Линли уже знал, какую выгоду можно извлечь из присутствия леди Стинхерст. Часть его – *лучшая* часть, как он думал – хотела отпустить ее с миром и не втягивать в эту игру фактов и вымысла. Но другой его части она была нужна как орудие шантажа. И он ненавидел эту свою часть, даже

зная, что иного выхода нет.

– Я бы хотел, чтобы леди Стинхерст тоже присутствовала, – коротко произнес он.

Поставив констебля Нкату у двери снаружи и дав секретарю указание соединять только звонки для полиции, Линли вместе с Хейверс проследовали в кабинет за лордом Стинхерстом и его супругой. Это помещение отражало очень точно стиль и характер своего хозяина: сдержанные черные и серые тона, безупречно аккуратный письменный стол и вращающиеся кресла с роскошной обивкой; в воздухе стоял едва уловимый запах трубочного табака. В отлично подобранных рамках на стенах висели афиши прошлых постановок Стинхерста, свидетельствуя о более чем тридцати годах успеха: «Король Генрих V», Лондон; «Три сестры», Норвич; «Розенкранц и Гильденстерн мертвы»⁴⁰, Кезуик; «Кукольный дом»⁴¹, Лондон; «Частные жизни», Эксетер; «Эквус», Брайтон; «Амадей»⁴², Лондон. В одном углу комнаты стояли стол для переговоров и кресла. Линли жестом направил их туда, чтобы Стинхерст не мог с комфортом взирать на полицию с командного поста, отгороженный широкой полированной столешницей личного стола.

Пока Хейверс извлекала свой блокнот, Линли вынул фотографии со следствия, а также увеличение снимки, которые

⁴⁰ «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» – пьеса Т. Стоппарда (1967).

⁴¹ «Кукольный дом» – пьеса Г. Ибсена (1879).

⁴² «Амадей» – пьеса П. Шеффера (1975).

сделала Дебора Сент-Джеймс. Молча разложил их на столе. Вчера днем Стинхерст, без сомнения, звонил сэру Кеннету Уиллингейту. И успел основательно подготовиться к предстоящей беседе. Долгой бессонной ночью Линли тщательно проработал различные способы, как разрушить новую, умело сплетенную сеть лжи. И все-таки нашел у Стинхерста ахиллесову пяту.

Линли повел атаку в этом направлении:

– Джереми Винни знает всю историю, лорд Стинхерст. Я не знаю, опишет ли он ее, поскольку на настоящий момент у него нет веских доказательств. Но я не сомневаюсь, что он собирается начать поиски этих доказательств. – Линли нарочито внимательно стал раскладывать фотографии. – А вы пока можете рассказать мне еще одну сказочку. Или давайте в подробностях разберем то, что вы поведали мне в прошедшие выходные в Уэстербрэ. Или, если угодно, можете сказать правду. Но позвольте заметить, что если бы вы сразу рассказали мне правду о своем брате, она, вероятно, действительно не пошла бы дальше Сент-Джеймса, кому я доверился. Но поскольку вы мне солгали и поскольку эта ложь не вяжется с могилой вашего брата в Шотландии, сержант Хейверс знает о Джефффри, равно как и Сент-Джеймс, и леди Хелен Клайд, и Джереми Винни. И узнает любой, кто получит доступ к моему отчету в Скотленд-Ярде, как только я его напишу. – Линли увидел, что Стинхерст перевел взгляд на жену. – Так что это будет? – спросил расслабляясь в кресле. –

Поговорим о том лете тридцать шесть лет назад, когда ваш брат Джеффри был в Сомерсете, а вы колесили по стране с провинциальными театрами, а ваша жена...

– Довольно, – сказал Стинхерст, улыбнувшись ледяной улыбкой. – Угодил в свою же ловушку: браво, инспектор.

Леди Стинхерст нервно потирала руки, лежавшие на коленях.

– Стюарт, что все это значит? Что ты им сказал?

Вопрос прозвучал в самый подходящий момент.

Линли ждал ответа этого человека. Окинув долгим задумчивым взглядом обоих полицейских, лорд Стинхерст повернулся к жене и заговорил. И тут же стало ясно, что это игрок высшего класса и, как никто, умеет обезоружить и удивить.

– Я сказал ему, что вы с Джеффри были любовниками, что Элизабет была вашим ребенком и что пьеса Джой Синклер была посвящена вашему роману. И еще что она переделала пьесу без моего ведома, чтобы отомстить за смерть Алека. Да простит меня Бог, по крайней мере насчет Алека – абсолютная правда. Прости меня.

Леди Стинхерст сидела молча, не в состоянии постичь сказанное, ее губы кривились, пытаясь произнести слова, которые не шли с языка. Одна сторона ее лица, похоже, ослабла от этого усилия. Наконец она выдавила:

– *Джефф*? Но ты ведь никогда не думал, что мы с Джеффри... Боже мой, Стюарт!

Стинхерст потянулся было к жене, но она невольно

вскрикнула и отпрянула от него.

Он сел в прежнюю позу, только рука его осталась лежать на столе. Пальцы согнулись, а потом сжались в кулак.

– Нет, конечно, нет. Но мне нужно было что-то им сказать. Мне нужно было... Мне *пришлось* увести их от Джеффа.

– Тебе нужно было сказать им... Но ведь он *умер*. – На ее лице отразилось нарастающее презрение – она все больше осознавала чудовищность того, что сделал ее муж – Джефф умер. Но я – нет. Стюарт, я жива! Ты сделал из меня шлюху, чтобы защитить умершего! Ты принес меня в жертву! Боже мой! Как ты *мог* так поступить?

Стинхерст покачал головой. Слова дались ему с трудом.

– Не умершего. Совсем не умершего. Очень даже живого – и он перед тобой. Прости меня, если сможешь. Я трус и всегда им был. Я только пытался защитить себя.

– От чего? Ты же ничего не сделал! Стюарт, ради бога. Ты же *ничего* не сделал в ту ночь! Как ты можешь говорить...

– Это неправда. Я не мог тебе сказать.

– Что сказать? Скажи же *сейчас!*

Стинхерст пристально посмотрел на свою жену, словно лицо ее могло придать ему мужества.

– Это я сдал Джеффа правительству. Все вы узнали о нем самое худшее в тот новогодний вечер. Но я... О господи, помоги, я с сорок девятого года знал, что он советский агент.

Говоря, Стинхерст держался абсолютно неподвижно, словно боялся, что при малейшем движении шлюз откроет-

ся и боль, копившаяся тридцать девять лет, хлынет наружу. Его голос звучал сухо, и хотя глаза его все больше краснели, слезы не появились. А способен и Стинхерст вообще плакать после стольких лет обмана?

– Я узнал, что Джефффри марксист, когда мы учились в Кембридже. Он не делал из этого тайны, и, честно говоря, я воспринимал это как развлечение, что-то, что он со временем перерастет. А если нет, думал я, даже забавно будет иметь будущего графа Стинхерста, преданного борьбе рабочих за изменение хода истории. Чего я не знал, так это того, что его склонности были должным образом отмечены и что он был соращен на путь шпионажа еще будучи студентом.

– Соращен? – спросил Линли.

– Это процесс соращения, – ответил Стинхерст. – Действуют и лестью и убеждением, заставляют студента поверить, что он играет важную роль в исторических переменах.

– А как вы об этом узнали?

– Совершенно случайно, после войны, когда мы все были в Сомерсете. В эти выходные родился мой сын Алек. Я, как увидел Маргерит и младенца, сразу же пошел искать Джеффа. Это было... – Он улыбнулся своей жене в первый и единственный раз. На ее лице не отразилось никакого отклика. – Сын. Я был так счастлив. Я хотел, чтобы Джефф узнал. Поэтому и стал его искать, а нашел в одном из излюбленных мест нашего детства – в заброшенном коттедже в Кванток-Хиллс. Очевидно, он считал Сомерсет безопасным.

– Он с кем-то встречался?

Стинхерст кивнул.

– Вероятно, я бы подумал, что это просто фермер, но за пару часов до того я видел, что Джефф работал с какими-то правительственными бумагами из тех, на которых поперек первой страницы стоит яркий штамп «секретно». Тогда я ничего такого не подумал, только что он захватил работу домой. Его портфель лежал на письменном столе, и он укладывал документы в конверт из плотной коричневой бумаги. Не в официальный, не в правительственный. Я это отчетливо запомнил. Но я ничего не заподозрил, пока не наткнулся на него в коттедже и не увидел, как он передает этот самый конверт тому человеку. Я часто думал, что, приди я минутой раньше – или минутой позже, – я действительно мог решить, что его собеседник – сомерсетский фермер. Но, увидев, как конверт переходит из рук в руки, я заподозрил самое худшее. Конечно, сначала я пытался убедить себя, что это просто совпадение, что конверт не может быть тем же самым, который я видел в кабинете. Но если бы это было невинное послание, законное и честное, – зачем вручать его в таком глухом месте, в Кванток-Хиллс?

– Если ты их обнаружил, – оцепенело спросила леди Стинхерст, – почему они не... ничего с тобой не сделали, чтобы предотвратить свой провал?

– Они не знали точно, что я видел. И даже если бы и знали, мне ничто не грозило. Несмотря ни на что, Джефф не

позволил бы уничтожить своего родного В конце концов, он оказался более мужественным чем я, когда дошло до дела.

Леди Стинхерст отвела глаза.

– Не говори так о себе.

– Боюсь, это правда.

– Он признался? – спросил Линли.

– Как только тот человек ушел, я потребовал от него ответа, – сказал Стинхерст. – Он признался. И не стыдился этого. Он верил в свое дело. А я... я не знал, во что я верю. Я только знал, что он был моим братом. Я любил его. Всегда. Даже несмотря на отвращение, которое испытывал из-за его предательства, я не мог его выдать. Понимаете, он бы сразу понял, что это я его выдал. Поэтому я ничего не сделал. Но это терзало меня все эти годы.

– Полагаю, в шестьдесят втором году вам наконец представилась возможность действовать.

– Правительство наказало Уильяма Вассалла в октябре; в сентябре уже арестовали и судили за шпионаж итальянского физика Джузеппе Мартелли. Я подумал, что если деятельность Джеффа до сих пор не раскрыта, через столько лет после того, как я о ней узнал, вряд ли он подумает, что это я выдал его правительству. Поэтому я... в ноябре я передал свои сведения властям. И началось расследование. В душе я надеялся – молил Бога, – что Джефф заметит слезку и убежит к Советам. Это ему почти удалось.

– Что же ему помешало?

При этом вопросе кулак Стинхерста сжался плотнее. Его рука задрожала от напряжения, суета на пальцах побелели. В комнате секретаря зазвон телефон, раздался заразительный взрыв хохота. Сержант Хейверс перестала писать, бросив вопросительный взгляд на Линли.

– Что же ему помешало? – повторил Линли.

– Скажи им, Стюарт, – пробормотала леди Стинхерст. – Скажи им правду. На этот раз. Наконец-то.

Ее муж потер веки. Его кожа казалась серой.

– Мой отец, – сказал он. – Он убил его.

Стинхерст ходил по комнате, его высокая, гибкая фигура была похожа на ровный металлический стержень, только голова была опущена и глаза устремлены в пол.

– Это, в общем, случилось так, как в тот вечер описывалось в пьесе Джой. Джеффу позвонили, а мы с отцом прошли тайком от него в библиотеку и подслушали часть разговора, услышали, как он сказал кому-то, что ему придется поехать к себе на квартиру за книгой с кодом, иначе провалится целая сеть. Отец начал задавать ему вопросы. Джефф... он всегда был таким красноречивым, у него был так хорошо подвешен язык, он до безумия хотел уехать тут же. Совсем неподходящий момент для расспросов. Он был рассеян, отвечал не по существу, поэтому отец догадался, в чем дело. Это было не слишком трудно после того, что мы слышали по телефону. Когда отец понял, что подтвердилось самое худшее, его точно замкнуло. Для него это было больше чем государственная

измена. Это было предательство семьи, всего образа жизни. Думаю, им сразу овладел этот порыв – уничтожить. Поэтому... – Стинхерст внимательно рассматривал красивые афиши на стенах кабинета. – Мой отец набросился на него. Со всем как медведь. А я... Боже, я смотрел на все это, замерев. Совершенно беспомощный. И с тех пор каждую ночь, Томас, я наново переживаю тот кошмарный миг... когда услышал, как хрустнула шея Джеффа, точно ветка дерева.

– Муж вашей сестры, Филип Джеррард, принимал в этом во всем участие? – спросил Линли.

– Да. То есть его не было в библиотеке, когда Джеффу позвонили, но они с Франческой и Маргерит услышали вопль отца и ринулись вверх. Они ворвались в комнату всего секунду спустя после того... как все было кончено. Разумеется, Филип сразу же пошел к телефону вызвать полицию. Но мы... все остальные отговорили его. Скандал. Суд. Отец возможно, угодил бы в тюрьму. При одной этой мысли с Франческой случилась истерика. Поначалу Филип был непреклонен, но, в конце концов, что он мог сделать против нас всех и особенно Франчи? Поэтому отец помог нам перевезти своего... Джеффри, его тело... туда, на развилку, где влево дорога уходит к Хиллвью-фарм, а прямо – спуск к Килпейри-Виллидж. Мы взяли только автомобиль Джеффа, чтобы не было следов от других колес. – Он улыбнулся, охваченный приступом изощренного самобичевания. – Мы все учли. От развилки долгий отлогий спуск, с двумя крутыми поворота-

ми, один за другим, зигзагом. Мы посадили Джеффа за руль и включили мотор. Автомобиль набрал скорость. На первом повороте он перелетел через дорогу, врезался в изгородь, опустился на второй поворот и врезался в ограждение. Потом загорелся. – Он вытащил белый носовой платок – идеально выглаженный квадратик льна – и вытер глаза. Вернулся к столу, но не сел. – Потом мы пошли домой. Дорога почти полностью обледенела, поэтому следов мы не оставили. Ни у кого даже не возникло сомнения в том, что это был несчастный случай. – Его пальцы коснулись фотографии отца, по-прежнему лежавшей на столе там, куда, среди прочих, положил ее Линли.

– Тогда почему из Лондона приехал сэр Эндрю Хиггинс, чтобы опознать тело и дать показания на следствии?

– Подстраховка. На случай, если кто-то вдруг заметил бы что-то странное в характере травм Джефффри, что могло поставить под сомнение всю нашу историю. Сэр Эндрю был старейшим другом моего отца. Ему можно было доверять.

– А участие Уиллингейта?

– Не прошло и двух часов после аварии, как он приехал в Уэстербрэ. Он ехал сюда, чтобы увезти Джеффа в Лондон и побеседовать с ним. Предупреждение о его приезде, очевидно, и содержалось в телефонном звонке моему брату. Отец сказал Уиллингейту правду. И они заключили уговор. Это останется тайной – на официальном уровне. Правительство не хотело, чтобы теперь, когда агент мертв, стало известно,

что он много лет проработал в министерстве обороны. Мой отец не хотел, чтобы стало известно, что его сын был агентом. И тем более не хотел идти под суд за убийство. Поэтому остановились на истории с автокатастрофой. А остальные поклялись молчать, что все эти годы и делали. Но Филип Джеррард был порядочным человеком. Всю жизнь его мучила совесть из-за того, что он позволил уговорить себя скрыть убийство.

– И поэтому он не похоронен на земле Уэстербрэ?

– Он считал, что осквернил ее.

– Почему вашего брата похоронили там?

– Отец и слышать не хотел о том, чтобы хоронить его в Сомерсете. Еле-еле уговорили вообще устроить Джеффу мало-мальски приличную могилу. – Стинхерст наконец посмотрел на жену. – Мы все поплатились за мятеж Джеффа, верно, Мадж? Но больше всего мы с тобой. Мы потеряли Алека. Мы потеряли Элизабет. Мы потеряли друг друга.

– Между нами всегда стоял Джефф, – бесцветным голосом произнесла она. – Все эти годы. Ты всегда вел себя так, словно это ты убил его, а не твой отец. Иногда я даже спрашивала себя, уж не ты ли и в самом деле это сделал.

Стинхерст покачал головой, отказываясь от оправданий.

– Я. Конечно, я. В ту ночь в библиотеке был миг, когда я еще мог броситься к ним, остановить отца. Они были на полу, и... Джефф посмотрел на меня. Маджи, я последний человек, кого он видел. И последнее, что он узнал, это: его

единственный брат стоял в сторонке и смотрел, как он умирает. Понимаете, это равносильно тому, что я убил бы его своими руками. В конечном счете ответственность лежит на мне.

«*Чуме подобная, измена глубоко проникает в кровь*».

Линли подумал, что эта строка из Уэбстера⁴³ на редкость точна для данного случая. Ибо измена Джеффри Ринтула стала источником разрушения всей его семьи. И оно не ослабевало, оно продолжало питаться другими жизнями, соприкоснувшимися с кругом Ринтулов: Джой Синклер и Гоувана Килбрайда. Но теперь это кончится.

Осталось выяснить всего одну деталь.

– Почему в эти выходные вы связались с МИ-5?

– Я не знал, что делать. Я только понимал, что любое расследование неизбежно сосредоточится на сценарии, который мы читали вечером того дня, когда умерла Джой. И я подумал – я *был уверен*, – что подробное изучение сценария вытащит на свет божий все то, что моя семья и правительство так тщательно скрывали двадцать пять лет. Когда Уиллингет позвонил мне, он согласился, что все экземпляры сценария должны быть уничтожены. Потом он связался с вашими людьми из Особого отдела, а они в свою очередь – с Департаментом уголовного розыска, который обещал прислать в Уэстербрэ кого-нибудь... кого-нибудь не из простых слу-

⁴³ Джон Уэбстер (1580? – 1625?), английский драматург, представитель барокко.

жак.

Эти последние слова принесли с собой новый прилив горечи, с которой безуспешно боролся Линли. Он твердил себе, что, не будь в Уэстербрэ леди Хелен и не узнай он об ее отношениях с Рисом Дэвис-Джонсом, он распутал бы паутину лжи, сплетенную Стинхерстом, и сам нашел бы могилу Джеффри Ринтула и сделал бы соответствующие выводы – без великодушной помощи своих друзей. Сейчас ему ничего не оставалось, как только цепляться за эту веру – единственное, что могло спасти остатки его гордости.

– Я прошу вас написать полное признание для Скотленд-Ярда, – обратился к Стинхерсту Линли.

– Разумеется, – через силу проговорил тот и почти автоматически сразу добавил: – Я не убивал Джой Синклер. Не убивал. Я клянусь вам, Томас.

– Он не убивал. – Тон леди Стинхерст был скорее сдержан, чем настойчив. Линли не ответил. Она добавила: – Я бы знала, если бы он выходил из комнаты в ту ночь, инспектор.

Леди Стинхерст выбрала, прямо скажем, не самый убедительный довод, горько усмехнулся про себя Линли. Он повернулся к Хейверс:

– Отвезите лорда Стинхерста. Ему необходимо сделать предварительное заявление, сержант. Проследите, чтобы леди Стинхерст поехала домой.

Она кивнула:

– А вы, инспектор?

Он прикинул, сколько времени ему понадобится, чтобы еще раз осмыслить то, что случилось.

– Я буду следом за вами.

Как только такси увезло леди Стинхерст в их дом на Холланд-парк, а сержант Хейверс и констебль Нката вывели лорда Стинхерста из театра «Азенкур», Линли вернулся в здание. Ему отнюдь не хотелось случайно наткнуться на Риса Дэвис-Джонса, а то, что этот человек был где-то здесь, сомнений не вызывало. Тем не не менн Линли медлил, словно подспудно хотел таким образом искупить свои грехи: подозревал Дэвис-Джонса в убийстве, всячески пытался и Хелен внушить это подозрение. Ведомый силой страсти, а не разумом, он наспех собирал факты, которые компрометировали валлийца, и не обращал внимания на те, которые могли вывести на кого-то еще.

«А все потому, – с иронией думал он, – что я, как последний дурак, не замечал, что Хелен значит для меня, слишком поздно хватился...»

– И утешать не стоит. – Это был запинаящийся женский голос, донесшийся из дальнего конца бара, который как раз не был виден Линли. – Мы здесь на равных. Вы сказали – давайте начистоту. Давайте! Но тогда уж как на духу – без уверток, без утаек, без стыдливости даже!

– Джо... – вклинился Дэвид Сайдем.

– Я люблю вас – это уже не секрет. Да и не было никогда

секретом. Люблю давно, с тех самых пор, как попросила вас прочесть пальцами имя ангела в парке. Вот когда они начались еще, муки любви, и уж не проходили с тех пор. Вот вам моя исповедь...

– Джоанна, замолчи. Ты пропустила по меньшей мере десять строк!

– Нет!

Слова Сайдема и Эллакорт пробились в мозг Линли. Он пересек фойе, подошел к бару бесцеремонно выхватил сценарий из рук Сайдема и молча пробежал глазами страницу, чтобы найти слова Альмы из «Лета и дыма»⁴⁴. Он не надел очки, поэтому слова расплывались перед глазами. Но он мог их прочесть. И они накрепко врезались в память.

«И утешать не стоит. Мы здесь на равных. Вы сказали – давайте начистоту. Давайте! Но тогда уж как на духу – без уверток, без утаек, без стыдливости даже! Я люблю вас – это уже не секрет. Да и не было никогда секретом, люблю давно, с тех самых пор, как попросила вас проесть пальцами имя ангела в парке. О, как мне помнится наше детство...»

И тем не менее, секундой раньше, на какое-то мгновение Линли показалось, что Джоанна Эллакорт говорит сама, а не повторяет слова Теннесси Уильямса. Так же могло показаться и молоденькому констеблю Плейтеру, когда пятнадцать лет назад в Портхилл-Грин он увидел записку Ханны Дэр-

⁴⁴ «Лето и дым» – пьеса американского драматурга Т. Уильямса (1948).

poy.

Из-за пробок на шоссе М-11 он приехал в Портхилл-Грин только во втором часу дня, когда вдоль горизонта уже горбились облака, похожие на огромные клочья серой ваты. Назревала метель. «Вино – это Плуг» еще не был закрыт на дневной перерыв, но, вместо того чтобы сразу пойти в паб к Джону Дэрроу, Линли прохрустел по заснеженной лужайке к телефонной будке и позвонил в Скотленд-Ярд. Он почти сразу же услышал голос сержанта Хейверс и по звяканью посуды и шуму голосов определил, что разговор перевели для нее в столовую.

– Что с вами случилось, черт побери? – рявкнула она. И затем резко смягчила тон, добавив: – Сэр. *Где* вы? Нам позвонил инспектор Макаскин. Они сделали полное вскрытие Синклер и Гоувана. Макаскин просил вам передать, что время смерти Синклер – между двумя и четвертью четвертого. А еще он сказал, без конца экая и мекая, что в нее не вторгались. Полагаю, это он деликатно дал мне понять, что нет свидетельств изнасилования или сексуального контакта. Он сказал, что эксперты обработали еще не все, что было собрано в комнате. Он позвонит снова, как только они завершат.

Линли благословил въедливость инспектора Маскина, которого не испугало участие самоуверенного Скотленд-Ярда, его навязанная помощь.

– Мы получили признание Стинхерста, и я не смогла поймать его ни на одной нестыковке в отношении субботней ночи в Уэстербрэ, сколько бы раз он ни повторял свой рассказ. – Хейверс презрительно фыркнула. – Только что приехал его адвокат... типичный свой человек, остроносый такой тип, его наверняка прислала жена, разве мог его светлость опуститься до того, чтобы попросить разрешения позвонить у плебеев вроде меня или Нкаты! Мы отвели его в одну из комнат для допросов, но если мы быстренько не раздобудем неопровержимую улику или свидетеля, то окажемся в трудном положении. Поэтому куда, во имя всего святого, вы делась?

– В Портхилл-Грин. – Он прервал ее возмущенные возгласы словами: – Слушайте меня. Я не собираюсь оспаривать того, что Стинхерст причастен к смерти Джой. Но ситуация с Дэрроу пока не прояснилась. И потом, нельзя упускать из виду то, что дверь Джой Синклер была заперта, Хейверс. Поэтому хотите вы этого или нет, но доступ по-прежнему остается через комнату Хелен.

– Но мы уже обсудили, что Франческа Джеррард могла запросто отдать ему запасные ключи...

– И предсмертная записка Ханны Дэрроу скопирована из пьесы.

– *Пьесы?* Какой пьесы?

Линли глянул через лужайку на паб. Из его трубы змейкой вился дымок.

– Не знаю. Но полагаю, Джон Дэрроу знает. И думаю, он мне скажет.

– И куда же нас это приведет, инспектор? А *что*, по-вашему, я должна делать с его драгоценной светлостью, пока вы там развлекаетесь на Болотах?

– Допросите его еще раз с самого начала, в присутствии его адвоката, если он настаивает. Порядок вы знаете, Хейверс. Составьте план вместе с Нкатой. Измените вопросы.

– А потом?

– Потом отпустите его на сегодня.

– Инспектор...

– И вы, и я прекрасно знаем, что на данный момент у нас нет против него ничего существенного. Разве что уничтожение улики – эти сожженные сценарии. Ну да, его брат был советским шпионом, и он сам помешал правосудию в деле о смерти Джеффа, но это двадцать пять лет назад. Вряд ли целесообразно арестовывать Стинхерста прямо сейчас. Вы же знаете, что его адвокат будет настаивать на том, чтобы мы либо предъявили ему обвинение, либо отпустили к семье.

– Мы можем получить что-то еще от судебной команды Стрэтклайда, – возразила она.

– Можем. И когда это случится, мы снова его возьмем. А пока мы сделали все, что могли. Ясно?

– А что прикажете делать мне, когда я отпущу Стинхерста и он как ни в чем не бывало отправится домой? – В ее голосе вновь зазвучало раздражение.

– Идите в мой кабинет. Закройте дверь. Ни с кем не общайтесь. Ждите сообщений от меня.

– А если Уэбберли спросит, как продвигается дело?

– Пошлите его к черту, – ответил Линли, – но сначала скажите, что мы осведомлены об участии в этом деле Особого отдела и МИ-5.

Он услышал по телефону, как Хейверс усмехнулась – против своей воли.

– С удовольствием, сэр. Как я всегда говорила: когда корабль тонет, уже не важно, сколько пробоин в носу.

Когда Линли спросил «обед пахаря» и пинту «Гиннесса», в первый момент Джон Дэрроу, похоже, хотел ему отказать. Однако присутствие трех угрюмого вида мужчин у стойки и пожилой женщины, дремавшей над джином и блюдечком с миндалем у потрескивавшего камина, заставило его сдержаться. И минут через пять Линли уже сидел за столом у окна и опустошал большую тарелку со стилтоном, чеддером, маринованным луком, заедая это хрустящим хлебом.

Ел он с аппетитом, не обращая внимания на плохо скрываемое любопытство посетителей.

Линли знал, что фермеры вскоре уйдут, вернутся к своим заботам, и Джону Дэрроу ничего не останется, как вступить в беседу с нежеланным клиентом.

Спустя несколько минут Линли услышал, как Дэрроу даже попытался встрять в разговор фермеров, словно надеял-

ся, что его непривычное дружелюбие задержит их подольше. Они громко обсуждали футбольную команду Ньюкасла и вдруг умолкли: дверь паба открылась, и внутрь с холода поспешно вешел парнишка лет шестнадцати.

Линли видел, как он едет со стороны Милденхолла на древнем мопеде, густо заляпанном грязью. На подростке были грубые рабочие башмаки, синие джинсы и старая кожаная куртка – все в каких-то пятнах, как оказалось, смазки. Мальчик запарковался перед пабом, подошел к машине Линли и несколько раз с восхищением погладил изящный верх. Он был коренастым – как Джон Дэрроу, но волосы в мать – светлые.

– Чья это тачка? – войдя, бодро поинтересовался он.

– Моя, – отозвался Линли.

Парнишка неторопливо приблизился, по-мальчишески неловко откидывая со лба светлые волосы.

– Клевая штучка. – Он с завистью посмотрел в окно. – Стоила вам, наверно, кучу денег.

– И сейчас я трачу на нее порядочно. Она жрет бензин так, словно я – единственная опора «Бритиш Петролеум». Откровенно говоря, я всерьез подумываю перейти на твой способ передвижения.

– Простите?

Линли кивнул в сторону улицы:

– Купить себе мопед.

– Да ну! – Мальчик рассмеялся. – Тот еще драндулет. Так

приложился на нем на прошлой неделе, а на нем даже ни царапины. Правда, не очень-то на нем и видно. Он такой старый, что...

– Хватит болтать, Тедди, – резко перебил Джон Дэрроу. – Займись делом.

Прервав таким образом разговор сына с лондонским полицейским, он и другим невольно напомнил о времени. Фермеры выложили на стойку мелочь и банкноты, старуха у камина громко всхрипнула и открыла глаза; через несколько минут в пабе остались только Линли и Дэрроу. Приглушенный рок-н-ролл и позвякивание посуды в буфете в квартире наверху означали, что Тедди действительно занят каким-то делом.

– Он не в школе, – заметил Линли.

Дэрроу покачал головой:

– Он уже не учится. В мать пошел. Не слишком любит книги.

– Ваша жена не любила читать?

– Ханна? Ни разу не видел ее с книжкой в руках. Да у нее ни одной своей и не было.

Линли достал из кармана сигареты и, закурив, открыл папку с делом о смерти Ханны Дэрроу. Вынул предсмертную записку.

– Тогда это странно, верно? Откуда она могла это скопировать?

Дэрроу поджал губы, узнав листок, который уже показы-

вал ему Линли.

– Я вам все уже сказал.

– Боюсь, что нет. – Линли подошел к стойке бара, держа в руке записку Ханны. – Потому что ее убили, мистер Дэрроу и, сдается мне, вы знали это все эти пятнадцать лет. Честно говоря, до сегодняшнего утра я был уверен, что это вы сами ее убили. Теперь у меня появились сомнения. Но я не уйду отсюда, пока вы не скажете мне правду. Джой Синклер умерла, потому что слишком близко подобралась к истинной причине гибели вашей жены. Напрасно вы думаете, что расследованием ее смерти прекратят заниматься только потому, что вы не желаете говорить о том, что на самом деле случилось тогда, в семьдесят третьем году. Подумайте еще раз. Или давайте поедem в Милденхолл и побеседуем с констеблем Плейтером. Вы, Тедди и я. Если не поможете вы, что-то, вероятно, сможет припомнить ваш сын.

– Не смейте впутывать сюда парня! Он ничего не знает! Он не может знать!

– О чем знать? – спросил Линли. Владелец паба теребил фарфоровые краники на бочонках с элем и пивом, лицо его было настороженным. Линли продолжил: – Послушайте меня, Дэрроу. Я не знаю, что тут у вас тогда случилось. Но был изуверски убит шестнадцатилетний паренек – ровесник вашему, – потому что оказался слишком близко от убийцы. К тому самому, – я чувствую это! – который убил и вашу жену. А я знаю, что она была убита. Поэтому, бога ради, помогите

мне, пока не прикончили кого-нибудь еще.

Дэрроу подавленно посмотрел на него:

– Мальчик, вы говорите?

Линли по его голосу понял, что в обороне Дэрроу появились трещины... И тут же безжалостно надавил, воспользовавшись слабиной противника:

– Гоуван Килбрайд. Он всего-то и хотел, что поехать в Лондон и стать новым Джеймсом Бондом. Мальчишеская мечта, понимаете? Но он умер на ступеньках судомойни в Шотландии, его лицо и грудь были ошпарены, превратившись в вареное мясо, а в спину ему воткнули кухонный нож. И если убийца теперь приедет сюда, чтобы узнать, сколько Джой Синклер удалось у вас выведать... Как, скажите мне, ради бога, вы защитите жизнь своего сына или свою собственную от мужчины или женщины, которых вы даже не знаете!

Дэрроу уже не скрывал, как тяжело ему делать то, о чем просил его Линли: вернуться в прошлое, восстановить его, оживить. Только ради того, чтобы попытаться спасти себя и своего сына от убийцы, который с опустошительной жестокостью вторгся в их жизнь много лет назад, он решился заговорить, проведя языком по пересохшим губам.

– Это был мужчина.

Дэрроу запер дверь паба, и они прошли к столику у камина. Он захватил с собой непечатую бутылку «Олд Бушмилл-

са», открыл колпачок и налил себе стакан. После чего долго молча пил, подбадривая себя перед тем, что неизбежно должно было прозвучать.

– Вы пошли за Ханной, когда она ушла в тот вечер, – предположил Линли.

Дэрроу вытер рот тыльной стороной ладони.

– Ну да. Она вместе с одной местной девчонкой должна была помогать мне в пабе, поэтому я поднялся за ней наверх и нашел на кухонном столе записку. Только это была совсем не та записка, которая у вас в папке. В той говорилось, что она уезжает. Едет с каким-то хлыщом в Лондон. Чтобы играть на сцене.

Линли почувствовал волнение, оттого что он, похоже, был на верном пути. И, судя по всему, несмотря на все услышанное от Сент-Джеймса, Хелен, Барбары Хейверс и Стинхерста, чутье в конечном итоге не подвело его.

– Больше в записке ничего не было?

Дэрроу мрачно покачал головой и посмотрел стакан. От виски шел крепкий запах солода.

– Нет. Она сделала мне выволочку... что я не такой, как надо. И сравнивала, чтобы я точно понял чего ей надо и почему она решила уйти. Дескать, ей нужен был настоящий мужчина, который знает, как надо любить женщину, ублажать женщину в постели. Я, дескать, никогда не удовлетворял ее. Никогда. Но этот парень... Она описала, как он с ней это делал, чтобы если я когда-нибудь захочу сойтись с жен-

щиной, то буду уже ученый, буду делать все как надо. В общем, вроде как еще и одолжение мне сделала, написав все это.

– Откуда вы знали, где ее искать?

– Да увидел ее. Когда я читал записку, подошел к окну. Должно быть, она пару минут как ушла: смотрю, идет с большим чемоданом, сворачивает на дорожку к каналу, который проходит через Милденхолл-Фен. Это на окраине нашей деревни.

– И вы сразу же подумали о мельнице?

– Я думал только о том, как добраться до чертовой сучки и как следует ее взгреть. Но потом решил, что лучше ее выследить, поймать ее с ним и уже всласть отделать их обоих. Поэтому я держался на расстоянии.

– Она не видела, что вы за ней идете?

– Было темно. Я держался другой стороны дорожки, где заросли погуще. Она раза два или три обернулась. Я подумал, что она догадалась, что я там. Но она продолжала идти. Она немного опередила меня, канал сворачивает, поэтому я пропустил поворот на мельницу и прошел еще... наверно, ярдов триста. Когда я наконец сообразил, что потерял ее из виду, то стал прикидывать, куда она могла идти... ну идти у нас особо некуда... поэтому я быстро вернулся и пошел по тропинке к мельнице. Ярдов через тридцать наткнулся на ее чемодан.

– Она пошла дальше без него?

– Он был жутко тяжелый. Я подумал, что она пошла на мельницу, чтобы прислать за ним своего дружка. Поэтому решил подождать и схватить его прямо на тропинке. А с ней бы разобрался на мельнице. – Дэрроу налил себе еще и подтолкнул бутылку к Линли, но тот пить не стал. – Однако за чемоданом никто не шел, – продолжал он. – Я подождал минут пять. Затем пробрался по тропинке, чтобы получше посмотреть. Только подошел к поляне, из мельницы выходит этот парень – и деру. Обежал ее вокруг. Я услышал только, как зашумел мотор машины и он уехал. Вот так.

– Вы его разглядели?

– Где уж, здорово темно было. И я был слишком далеко. Через минуту я зашел на мельницу. И нашел ее. — Он поставил стакан на стол. – В петле.

– В точности так, как на полицейских фотографиях?

– Ну да. Только из кармана пальто торчал краешек бумаги, поэтому я вытащил его. Это была записка, которую я отдал полиции. Когда я ее прочел, то смекнул, что тот малый хотел, чтобы подумали, что она сама...

– Ясно. Но если бы вы оставили там чемодан, никто бы не подумал, что это самоубийство. Значит, вы забрали его домой.

– Да. Отнес наверх. Потом поднял тревогу с помощью записки из кармана. А ту, другую, я сжег.

Несмотря на все ужасы, которые пережил этот человек, Линли ощутил прилив злости.

Загубили женщину – безжалостно, хладнокровно. И пятнадцать лет эта смерть остается неотмщенной.

– Но зачем вы все это сделали? – спросил он. – Вы же наверняка хотели, чтобы убийца был наказан?

Взгляд Дэрроу отразил насмешливую усталость.

– Ты не представляешь, приятель, что значит жить в деревне, а? Не представляете, каково будет человеку, если все соседи узнают, что его вертихвостку жену удавил какой-то мерзавец, который, видите ли, умеет как надо пристроиться у нее между ног. И удавил не брошенный муж, заметьте, которого все в деревне поймут, а тот самый ублюдок, который трахал ее за спиной мужа. По-вашему, если бы я позволил всем узнать, что Ханна убита, ничто из этого не вышло бы наружу? – Хотя в его голосе звучала неуверенность, Дэрроу продолжил, словно отвечая: – А так Тедди хотя бы не знает, какой на самом деле была его мать. Ханну все равно уже было не вернуть. А покой Тедди стоил того, чтобы позволить убийце скрыться.

– Пусть лучше его мать будет самоубийцей, чем его отец рогоносцем? – поинтересовался Линли.

Дэрроу со всей силы припечатал кулаком по заляпанному столу.

– Ну да! Это ведь со мной он живет эти пятнадцать лет. Это мне он каждое утро смотрит в глаза. И когда смотрит, то видит мужчину, боже ты мой. Не какого-то там скулящего гомика, который не смог заставить бабенку, на которой

женился, выполнять супружеские обязанности. Думаете, тот парень смог бы удержать ее лучше меня? – Он налил себе еще виски, небрежно расплескивая его, когда бутылка соскользнула с края стакана. – Он наобещал ей преподаватель, уроки, роль в какой-то пьесе. Но когда все это прошло бы, что осталось бы...

– Роль в пьесе? Преподаватели? Уроки? Откуда вы все это знаете? Это было в записке?

Резко повернувшись к огню, Дэрроу не ответил. Но Линли уже понял, почему Джой Синклер названивала ему десять раз, чего от него добивалась. Без сомнения, в порыве гнева он невольно проговорился, существовал какой-то еще источник информации, который очень был нужен для ее книги.

– Или есть что-то еще, Дэрроу? Дневники? Ответа не последовало.

– Боже мой, дружище, вы уже зашли так далеко! Может, вы знаете имя убийцы?

– Нет.

– Тогда что вы знаете? И откуда знаете?

Дэрроу по-прежнему апатично смотрел на огонь.

Но его грудь вздымалась от подавленных чувств.

– Дневники, – сказал он. – Девчонка всегда была чертовски самовлюбленной. Все записывала. Они были в ее чемодане. Вместе с остальными вещами.

Линли знал, что, если он спросит, где они, Дэрроу заявит, что уничтожил их много лет назад. И выстрелил наугад:

– Отдайте мне дневники, Дэрроу. Не могу обещать, что Тедди никогда не узнает правды о своей матери. Но клянусь, что от меня он ее не узнает.

Подбородок Дэрроу дрогнул.

– Как я могу? – пробормотал он.

Линли продолжал давить:

– Я знаю, что Джой Синклер разбередила вашу старую рану. Заставила вас страдать. Но ради бога разве она это заслужила: умирала одна, с восемнадцатидюймовым кинжалом, воткнутом ей в горло? Неужели есть преступления, за которые следует наказывать столь чудовищно? А Гоуван. Он же совсем мальчик! Он вообще ничего никому не сделал – и все равно погиб. Дэрроу! Подумайте, дружище! Мы не можем не считаться с этими смертями!

Он сказал все, что мог. Оставалось только ждать, что надумает этот человек. Выстрелило в камине полено. Отскочил и скатился по решетке уголек. Над ними сын Дэрроу продолжал возиться в квартире. После мучительной паузы мужчина поднял отяжелевшую голову.

– Идемте в квартиру, – вяло произнес он.

В квартиру можно было попасть по лестнице, скорее наружной, чем внутренней, которая шла по задней стене здания. Под ней посыпанная гравием дорожка вела через буйные заросли заброшенного сада к воротам, за которыми расстилались бесконечные поля, их монотонная ровность нарушалась изредка случайным деревом, каналом, неуклюжими

очертаниями ветряной мельницы на горизонте. Все было почти бесцветным под этим меланхолическим небом, и отовсюду веяло густым запахом торфа – свидетельство бесконечной череды наводнений и разложения, без которых эта пустынная часть страны просто невысказима. Вдалеке ритмично постукивали дренажные насосы.

Открыв дверь, Джон Дэрроу впустил Линли в кухню, где Тедди, стоя на четвереньках у ведра с водой, окруженный коробками с чистящими средствами, тряпками и циновками, чистил закопченную плиту, по возрасту значительно старше его самого. Пол был мокрым и грязным. Из радио на стойке орал простуженным голосом певец. При их появлении Тедди отвлекся от своих тяжких трудов, скорчив обезоруживающую гримасу.

– Она слишком долго дожидалась, пап. Тут надо действовать не тряпкой, а долотом.

Он ухмыльнулся, вытерев лицо рукой, отчего на щеке остался длинный след сажи. Дэрроу заговорил с ним с грубоватой нежностью:

– Спустись вниз, парень. Присмотри за пабом. Плита может подождать.

Парень обрадовался и, вскочив на ноги, выключил радио.

– Я каждый день буду понемногу ее скрести, ладно? И тогда, – он снова ухмыльнулся, – глядишь, к следующему Рождеству отчистим. – Он жизнерадостно им отсалютовал и убежал.

Когда дверь за мальчиком закрылась, Дэрроу сказал:

– Я держу ее вещи на чердаке. И буду благодарен, если вы там их и просмотрите, чтобы Тедди ненароком на вас не наткнулся и не сунул нос куда не надо. Там холодно, так что пальто не снимайте. Но свет там есть.

Он провел его через скудно обставленную гостиную в темный коридор, куда выходили двери двух спален. В конце его имелся в потолке люк, через который можно было проникнуть на чердак. Дэрроу толкнул дверь вверх и выдвинул вниз складную металлическую лестницу, довольно новую по виду.

Словно прочитав мысли Линли, он сказал:

– Я прихожу сюда время от времени. Когда мне нужно напомнить себе об этом.

– Напомнить?

Дэрроу ответил на вопрос сухо:

– Когда меня тянет к женщине. Приду, полистаю тетрадки Ханна, и никакого зуда, как рукой снимает.

Он поднялся по лестнице.

Чердак очень напоминал гробницу. Здесь было пугающе тихо, очень душно и почти так же холодно, как на улице. На картонных коробках и сундуках густым слоем лежала пыль, при малейшем движении она вздымалась вверх удушающими клубами. Помещение было маленьким, пропитанным запахами времени: слабым ароматом камфары, одежды, отдающей плесенью, и древесной гнилью. Робкий лучик дневного

света пробивался сквозь единственное, все в полосах окошко под самой крышей.

Дэрроу потянул за шнурок, свисавший с потолка, и лампочка выпустила конус света. Он кивнул в сторону двух сундуков, стоявших по обе стороны от единственного деревянного стула. Линли заметил, ни на стуле, ни на сундуках пыли не было. И спросил себя, как часто Дэрроу навещает эту могилу своего брака.

– Ее вещи лежат как попало, – сказал мужчина, – потому что меня не очень заботило, что я со всем этим сделаю. В ту ночь, когда она умерла, я в спешке вывалил ее шмотки из чемодана в комод, перед тем как звать деревенских на помощь. А уж потом, после похорон, запихнул все в эти два сундука.

– Почему в ту ночь на ней были два пальто и два свитера?

– Жадность, инспектор. В чемодан уже не лезло. А взять хотелось, вот и пришлось бы либо надеть, либо так нести. Надеть-то было проще. Было довольно холодно. – Дэрроу достал из кармана связку ключей, открыл сундуки и откинул на обоих крышки. – Я вас здесь оставлю. Дневник, который вам нужен, сверху стопки.

Когда Дэрроу ушел, Линли надел очки для чтения. Но он не сразу взял пять тетрадок в переплетах, которые лежали поверх одежды. Сначала он решил осмотреть вещи, хотел понять, какой была Ханна Дэрроу.

Вещички были из тех, что шьются подешевле в надежде, что сойдут за дорогие. Они были вызывающими – свитера,

расшитые бусинами, облегающие юбки, короткие просвечивающие платья с очень открытым вырезом, брюки с узкими, расклешенными книзу штанинами и застежкой-молнией спереди. Когда он осмотрел брюки, то увидел, что материал растянулся, отъехав от металлических зубцов, значит на ней они сидели очень плотно, облекая фигуру.

От большой пластиковой косметички исходил специфический запах жира. Там лежала разнообразная недорогая косметика и кремы – набор теней, с полдюжины тубиков очень темной помады, приспособление для завивки ресниц, тушь, три или четыре лосьона, пачка ваты. В кармашек засунуты противозачаточные таблетки на пять месяцев. Одна из упаковок была начата.

Пакет из норвичского магазина был набит новым дамским бельем. И снова – полная безвкусица, то, что простая деревенская девушка считает очень соблазнительным, чем можно сразить мужчину. Крошечные трусики из алых, черных и пурпурных кружев, вместе с поясами для чулок того же материала и цвета; прозрачные бюстгалтеры, вырезанные до самых сосков и украшенные игривыми бантиками в стратегически важных местах; две ночные сорочки, без лифа, его заменяли две широких атласных полосы, которые перекрещивались от талии к плечам, почти ничего не скрывая.

Под всем этим лежала пачка фотографий. На всех была запечатлена Ханна, каждая выгодно демонстрировала ее достоинства, позировала ли она на приступке у изгороди, сме-

ялась ли, сидя на лошади или на скамейке, и ветер трепал ее волосы. Возможно, это были ее рекламные фотографии. Или, возможно, ей требовались уверения в том, что она красива, или подтверждение, что она вообще существует.

Линли снял со стопки верхнюю тетрадь. Обложка потрескалась от времени, несколько страниц склеены вместе, а часть других покоробились от сырости. Он осторожно пролистал их, пока не нашел последнюю запись, на треть страницы. Сделанная 25 марта 1973 года, она была написана тем же детским почерком, что и предсмертная записка, но, в отличие от той записки, здесь было полно ошибок.

Решено. Уижэсаю завтра вечером. Я так рада что это накануне между нами решено. Сегодня вечером мы говорили и говорили, несколько часов пока все не спланировали. Когда все было накануне решено, я захотела любить его, но он сказал что у нас нет времени, Хан, и на минутку я подумала что может он разозлился, потому что он даже оттолкнул мою руку, но потом он улыбнулся этой своей милой улыбкой и сказал, дорогая любимая у нас будет для этого уйма времени каждую ночь как только мы приедем в Лондон. Лондон!!! ЛОНДОН!!! В это же время завтра! Он сказал его квартира готова и что он оба всем позаботился. Не представляю как я проживу завтрашний день без него. Дорогой любимый. Дорогой любимый!

Линли поднял глаза к единственному окошку на чердаке, посмотрел на пылинки, пляшущие в прямоугольнике сла-

бого света. Он не ожидал, что его могут хоть сколько-нибудь тронуть изливания женщины, умершей так давно, женщины, которая грубо размалевывалась, кричаще одевалась, стремясь разбудить похоть, но при этом мечтала, и пылко мечтала, о новой жизни в Лондоне, который был для нее землей обетованной, землей благодати. Однако ее наивные слова действительно почему-то тронули его. В своей жизнерадостной уверенности она была похожа на умирающее от жажды растение, вдруг расцветшее благодаря чьему-то умению и заботе. Даже несмотря на неуклюжую чувственность, от откровений ее веяло простодушной невинностью. Не зная жизни Ханна Дэрроу в конце концов превратила себя в идеальную жертву.

Он принялся листать страницы назад, бегло просматривая записи, ища тот момент, когда начались ее отношения с неизвестным мужчиной. Вот: запись от 13 января 1973 года, и по мере того как Линли читал, он чувствовал, как его постепенно согревает огонь уверенности.

Никогда у меня не было дня лучше чем сегодня в Норвиче чему трудно поверить после ссоры с Джоном. Мы с мамой пошли там в магазин потому что она сказала что меня надо как следует утешить. Мы зашли к тете Пэмми и взяли ее с собой. (Она снова прикладывалась с утра и от нее пахло джином – это было ужасно.) За обедом мы увидели афишу и Пэмми сказала что мы вполне заслужили развлечение, поэтому она повела нас в театр не иначе как хотела

соснуть – так здорово храпела что мужчина сзади пнул ее кресло. Я никогда раньше не видела пьесу, кто б знал! Она была про герцагиню которая бродит среди папартника а после ее удушили, а все остальные позакалывали друг друга кинжалами. А один мужчина все говорил что он волк. Ну и представление, я вам скажу. Но костюмы были что надо я никогда ничево подобнова не видела – таких длинных платьев и шапочек. Дамы такие красивые а мужчины были в таких смешных колготках с сумочками спереди. А в конце они передали той герцагине цветы и люди встали и хлопали. В програмке я прочитала что они ездят по всей стране и дают представления. Здорово. И мне тоже захотелось что-то такое сделать. Ненавижу ПГрин. Иногда от этого паба мне хочется завизжжать. А Джон хочет делать это со мной все время, а я просто больше этого не хочу. Мне все еще плохо после маленькова но он мне не верит.

Затем последовала неделя, когда она просто перечисляла события своей деревенской жизни: стирка, уход за младенцем, ежедневные разговоры с матерью по телефону, уборка квартиры, работа в пабе. Подруг у нее, похоже, не было. Работа, телевизор – вот и все развлечения. Дальше Линли наткнулся на подходящую запись, от 25 января.

Коечто произошло. Не могу этому поверить даже когда об этом думаю. Я наврала Джону сказала что у меня опять кровотечение и что мне надо к доктору. К новому доктору в Норвиче, специалисту, я сказала. Сказала что поужси-

наю у тети Пэмми и чтобы он не волновался если я буду поздно. Непредставляю как я умудрилась так все сказать! Я просто хотела снова увидеть эту пьесу и эти костюмы! Место мне досталось не очень хорошее далеко и очков у меня с собой не было и пьеса была другая. Жуткая скукота и эти три дамы ненавидят другую на которой женился их брат. Но вот удивительно это были те же самые актеры! Но в другой пьесе они все были совсем другие. И как только они не путаются. Когда все кончилось я пошла к задней двери. Подумала что может перекинуть словечком двумя с кем-то из них или он подпишет мне програмку. Я ждала час. Но все выходили парами или группами. Только 1 человек вышел один. Не знаю кого он играл потому что я ведь сидел слишком далеко но я захотела чтобы он подписал мне програмку но только испугалась. Поэтому я за ним пошла!!! Не представляю что на меня нашло. А он вошел в паб и взял поесть и выпить и я наблюдала за ним и наконец просто подошла и сказала – вы ведь играли в той пьесе, да? Не подпишите ли мне програмку? Вот так. Господи какой же он красивый. Он здорово удивился и предложил сесть рядом и мы говорили о театре и он сказал что занимается этим много лет. Я сказала ему как сильно мне понравилась пьеса про герцагиню и какие там были красивые костюмы. И он спросил не хочу ли я вернуться в театр и как следует их рассмотреть. Он сказал что вблизи там не на что смотреть. Он сказал что

я может даже смогу примерить какойнибудь костюм если там никакого не будет. И мы туда вернулись! За сценой так много места! Я даже не представляла. Все эти костюмерные и комнаты ожидания и на столах полно бутафории. А декорации! Они сделаны из дерева а выглядят как каменные!!! Мы пошли в костюмерную и он показал мне кучу костюмов. Они были из бархата! Мяхче не бывает. Тогда он сказал – хочешь примерить. Никто не узнает. И я примерила!!! Только когда я его снимала, мои волосы запутались и он стал распутывать их а потом начал целовать меня в шею и всю меня гладить. Там в углу стояла кушетка но он сказал нет, нет, прямо сдесь на полу и он бросил на пол все костюмы и мы занимались любовью прямо на них! Потом мы услышали в театре женский голос и я здорово испугалась и он сказал мне плевать кто это. О боже мне плевать, мне плевать и он так счастливо засмеялся и снова на меня накинулся! И было совсем не больно!!! Меня бросало то в жар то в холод и внутри чтото делалось а он засмеялся и сказал глупышка вот как это должно быть! Он спросил приеду ли я к нему на будущей неделе. Приеду ли я!!! Я приехала домой после полуночи но Джон все еще был в пабе так что он не узнал. Надеюсь он не хочет этого. Не понимаю но с ним все еще больно.

Следующие пять дней в дневнике были посвящены воспоминаниям о любовных играх, о всякой чувствительной чепухе, какой напичканы мозги молоденькой женщины, когда

в первый раз мужчина полностью пробуждает ее к радостям – вместо обязанностей – плоти. На шестой день появились и другие мысли. Запись от 31 января.

Он не останется здесь навсегда. Они тут на гастролях и они уедут в марте! Не могу даже думать об этом. Завтра я с ним увижусь. Попытаюсь взять его домашний адрес. Джон спрашивает зачем я снова еду в Норвич и я сказала – к врачу. Я сказала что у меня сильные внутренние боли и что доктор сказал чтобы он меня не трогал пока они не пройдут. Сколько, захотел он узнать. Что за боли? Я сказала когда ты это со мной делаешь мне больно и доктор сказал что так быть не должно поэтому ты не должен этого делать пока боль не прекратится. Мне плохо с рождения Тедди, сказала я ему. Незнаю поверил ли он мне но не трогает меня слава богу.

На следующей странице она сообщала о встрече со своим любовником.

Он привел меня к себе домой!!! Ну, там ничего особенного. Безобразная комната в старом доме у собора. У него тут ничего почти нет потому что его настоящий дом в Лондоне. И я не понимаю зачем он поселился так далеко от театра. Он говорит что любит ходить пешком. Кроме того, он сказал с этой своей улыбкой что нам много не надо, верно? Он раздел меня прямо у двери и сначала мы сделали это стоя!!! Потом я сказала ему что знаю что он уезжает в марте с трупной. Я сказала что думаю что могла бы быть актри-

сой. По виду это нетрудно. Я могу играть не хуже тех дам которых я видела. Он сказал да, что мне следует об этом подумать, что он может устроить мне уроки актерского мастерства у преподавателей. А потом я сказала что хочу есть и не могли бы куданибудь пойти поесть. А он сказал что тоже голоден... но ему нужна не еда!!!

Очевидно, что в течение следующей недели у Ханны не было никаких встреч с этим мужчиной. Но большую часть своего времени она проводила, планируя их совместное будущее. Как они вместе будут в театре, с помощью которого она собиралась привязать его к себе и сбежать из Портхилл-Грин. Десятого февраля она коротко написала о своих планах.

Он меня любит. Он сам так сказал. Мама бы сказала что все мужчины так говорят когда ты их ублажаешь и верить им нельзя пока они не натянут штаны. Но у нас совсем по-другому. Я знаю что он говорит правду. Я все обдумала и лучше всего мне кажется присоединится к его труппе. Мне большую роль конечно не дадут. Я не оченьто знаю что делать но у меня довольно хорошая память. И если я буду в труппе мы не будем волноваться что будем врозь. Я не хочу его потерять. Я дала ему номер так что он может позвонить мне сюда в квартиру но он еще не звонил. Я знаю он занят. Но если он не позвонит мне до завтра поеду в Норвич. Подожду его у театра.

Ее поездка в Норвич была описана только 13 февраля.

Столько всего случилась. Ятаки поехала в Норвич. Ждала и ждала около театра. Потом он вышел. Но не один. С ним была одна дама из пьесы и другой мужчина. Они разговаривали похоже как ссорились. Я позвала его по имени. Сначала он меня не услышал поэтому я подошла и тронула его за руку. Они все как онемели когда я это сделала. Тогда он улыбнулся мне и сказал, здравствуй я не видел что ты здесь. Ты давно ждешь? Извини на минутку. И они с этой дамой и другим мужчиной подошли к машине. Дама и мужчина сели в нее и уехали, а он вернулся ко мне. Злой-презлой. А я ему говорю почему ты меня им не представил? А он сказал что я тут делаю не сообщив что приеду? А я спросила – а зачем – ты что меня стесняешься? И он сказал – не будь душой. Разве ты не знаешь что я пытаюсь устроить тебя в труппу? Но я немогу сделать это слишком быстро пока ты не готова. Они профессионалы и не примут никаво кто тоже не профессионал. Поэтому начинай вести себя как профессионал. Тогда я заплакала. И он сказал о черт, Хан, не надо. Идем. И мы пошли к нему домой. Боже я пробыла у него до двух ночи. Вернулась домой позавчера и он сказал что добивается для меня прослушанья, но я должна заучить очень трудную сцену из пьесы я надеялась что это будет роль герцagini но это было и другой пьесы. Он велел переписать роль а потом выучить. Она показалась мне ужасно длинной и я спросила зачем мне писать и почему он не может просто дать мне сценарий. Но он сказал что их мало и про-

пажу заметят и тогда они узнают и мое прослушанье не будет сюрпризом. Поэтому я стала переписывать. Но я не закончила и придется ехать туда завтра. Мы занимались любовью. Он сначала вроде не хотел но потом было все хорошо и он выглядел счастливым!!

От Линли не укрылась легкая небрежность, уже сквозившая в последней фразе, удивительно, что Ханна сама этого не заметила. Но, видимо, она была настолько одержима желанием попасть в театральную труппу и начать жизнь с новым мужем, что пропустила тот момент, когда занятие любовью превратилось в обыденную рутину.

Следующая запись была сделана 23 февраля.

Тедди болел 5 дней. Очень сильно. Джон все говорил и говорил об этом пока я подумала что сейчас закричу. Но я 2 р. уиэжсала штобы закончить переписывать свою роль. Не знаю почему я не могу взять сценарий но он говорит что они узнают. Велит мне выучить слова и не волноваться как сыграть. А сам потом – черт покажи мне как играть. Конечно он знает как это делается!!! Уж это он делать умеет. В любом случае это всего 8 страниц. Поэтому вот что я хочу сделать – удивить его. Я сыграю ее для него! Тогда он больше не будет сомневаться. Иногда мне кажется он все же во мне сомневается. Кроме когда мыв постели. Он знает я от него без ума. Когда он рядом мне всегда хочется его раздеть. Ему это нравится. Он говорит о боже Ханна ты знаешь что мне нравится, да? Ты действительно зна-

ешь, лучше других. Ты лучше всех. Потом он забывает о чем мы говорили и мы это делаем.

Несколько следующих записей Ханна посвятила подробному описанию их постельных утех. Эти страницы были сильно истрепаны, Джон Дэрроу, без сомнения, обращался именно к этой части дневника, когда хотел вспомнить свою жену в наилучшем свете. Ибо она была скрупулезна в описаниях, ничего не упускала и в качестве итога сравнивала способности своего мужа и его действия с квалификацией любовника. Это была жестокая оценка, такое мужчина не сразу сможет пережить. Теперь Линли довольно четко представлял, какой была ее прощальная записка Джону Дэрроу.

Предпоследняя запись была от 23 марта.

Всю неделю пока Джон был внизу в пабе я тренировалась. Тедди смотрит на меня из своей кровати и смеется ему странно видеть как мамочка ходит с важным видом точно русская дама. Но получалось ничево себе. Это было совсем нетрудно. Через 2 ночи я буду в Норвиче и мы решим что делать и когда будет мое прослушанье. Не могу дожидаться. Я тоскую по нему ужасно. Сегодня утром Джон накинулся на меня как свинья. Он сказал что уже 2 месяца как доктор все запретил и он устал ждать пока он разрешит. Меня чуть не вырвало когда он сунул мне в рот язык. Клянусь от него воняло дерьмом. Он сказал – теперь лучше правда Хан? И делал так больно что я еле сдерживалась чтоб не закричать. Как паду маю что еще 2 месяца назад я думала что

что так и должно быть и что я должна терпеть. Теперь мне смешно. Теперьто я знаю. И я решила сказать об это Джону перед уходом. Он это заслужил после севодняшнева утра. Он думает что он такой МУЩИНА. Если бы он знал что настоящий мущина и я делаем друг с другом в постели он наверно упал бы в обморок. Боже не знаю как выдержжу еще 2 дня пока снова его не увижу, я так по нему скучаю. Я ПОНАСТОЯЩЕМУ ЕГО ЛЮБЛЮ.

Линли захлопнул тетрадь, потому что замечания Ханна Дэрроу о театре сошлись воедино, как наконец-то собранная головоломка. Ходит с важным видом, как русская дама. Пьеса о мужчине, который женился и сестры которого ненавидят его жену. Люди без конца говорят об отъезде и женитьбе. И сама афиша – огромная как жизнь – на стене кабинета лорда Стинхерста. «Три сестры», Норвич. Жизнь и смерть Ханна Дэрроу.

Он начал копаться в ее вещах, перебирая сумочки, перчатки, украшения, но не нашел того, что искал. Зато во втором сундуке, на самом дне, под свитерами и туфлями, под девичьим альбомом для наклеивания вырезок, полным вырезок из газет и разных памятных пустячков, лежала старая театральная программка, он молил Бога, чтобы она там нашлась; к ее обложке были прицеплены очки Ханна в тонкой металлической оправе. По диагонали обложка была разделена полосой, разграничивая названия двух пьес, которые представляла труппа, они были напечатаны яркими буквами,

белыми на черном, в верхня части и в нижней: «Герцогиня Мальфи»⁴⁵ и «Три сестры».

Линли нетерпеливо листал страницы, ища состав исполнителей. Но, дойдя, уставился на него, не веря своим глазам, едва веря в циничную насмешливость случая, который руководил подбором исполнителей для этих спектаклей. Потому что за исключением Айрин Синклер и горстки актеров и актрис, которые его не интересовали, все остальные были те же самые. Джоанна Эллакорт, Роберт Гэбриэл, Рис Дэвис-Джонс и даже Джереми Винни в маленькой роли, она, конечно, и стала лебединой песней его недолгой сценической карьеры.

Линли отбросил программку в сторону, встал со стула и прошелся по этой маленькой конурке, потирая лоб. Наверняка было что-то, чего он не заметил в тех записях, которые Ханна посвятила своему любовнику. Что-то, что указало бы на его личность, пусть косвенно, что-то, на что Линли не обратил внимания, не уловив, что это значит. Он снова уселся на стул и стал все перечитывать.

Только с четвертого раза он нашел это: «А сам потом – черт покажи мне как ее играть. Конечно он знает как это делается!!! Уж это-то он делать умеет». Таких знатоков могло быть только двое: режиссер постановки или актер, занятый в сцене, из которой была скопирована «предсмертная записка» Ханны. Режиссер конечно же знал, как показать диле-

⁴⁵ «Герцогиня Мальфи» – трагедия английского драматурга Уэбстера (1614).

тантке азы актерской игры. Или актер, задействованный в этом акте: он тоже знал, как надо играть эту роль, поскольку сам был партнером ее исполнительницы уже на протяжении нескольких недель.

Быстро сверившись с программкой, Линли увидел, что режиссером был лорд Стинхерст. Один – ноль в пользу интуиции сержанта Хейверс. Теперь оставалось только найти, из какой части «Трех сестер» взята «предсмертная записка» и кто играл роли в этой сцене. Потому что теперь он все четко представлял: Ханну, идущую на мельницу, чтобы встретиться с любовником, в кармане у нее восемь страниц текста, старательно переписанного ею от руки для прослушивания. И того, кто убил ее. Он взял эти восемь страниц, вырвал тот кусок, который больше всего годился для предсмертной записки, а остальное унес с собой, оставив ее тело на крюке.

Линли закрыл сундуки, выключил свет, взял все тетрадки и программку. Внизу, в гостиной сидел Тедди, положив ноги на дешевый, заляпанный пищей кофейный столик, и ел из голубой жестяной тарелки рыбные палочки. На полу стояла пинта эля, наполовину опустошенная. На экране маленького цветного телевизора мелькало что-то спортивное, кажется, показывали слалом. Увидев Линли, парнишка вскочил и выключил телевизор.

– У вас в доме есть какие-нибудь пьесы? – спросил Линли, заранее зная, каким будет ответ.

– Это, что ли, книги с пьесами? – переспросил мальчик

и покачал головой. – Ни одной. Вы уверены, что вам нужна книга? У нас есть записи и все такое. Еще журналы. – Он, похоже, понял, что книга требуется Линли не для того, чтобы просто почитать. – Папа говорит, что вы полицейский. Говорит, чтобы я с вами не разговаривал.

– А ты, я смотрю, его не слушаешься.

По лицу мальчика скользнула насмешка, он кивнул на тетради, которые держал под мышкой Линли.

– Про маму, да? Я их, между прочим, читал. Однажды вечером папа оставил ключи. Я прочел их все. – Он неловко перекатился на пятках, сунув одну руку в карман синих джинсов. – Мы об этом не говорим. Думаю, папа не сможет. Но если вы поймаете этого парня, вы мне сообщите?

Линли колебался. Мальчик снова заговорил:

– Понимаете, она была моей мамой. Она не была идеальной, не была такой уж ученой. Но она все равно была моей мамой. Мне она ничего плохого не сделала. И себя не убивала.

– Нет. Не убивала. – Линли направился к двери, обдумывая, что ответить парню. Остановившись, сказал: – Следи за газетами, Тедди. Когда мы поймем человека, который убил Джой Синклер, это будет тот самый тип.

– Вы арестуете его и за мою маму тоже, инспектор?

Линли хотел было солгать, чтобы избавиться этого мальчика от очередного столкновения с неприглядной действительностью. Но, глядя в его дружелюбное вопрошающее лицо, по-

нял, что не может этого сделать.

– Только если он сознается.

Мальчик кивнул, по-детски изображая умудренность, а сам до боли стиснул челюсти... С вымученной небрежностью он произнес:

– Полагаю, нет улик.

– Улик нет. Но это тот самый человек, Тедди. Поверь мне.

Тот повернулся к телевизору.

– Я немного ее помню. – Он стал нажимать на кнопки, не включив телевизора. – Поймайте его, – тихо сказал он.

Линли не стал останавливаться в Милденхолле, поскольку не был уверен, что там есть публичная библиотека, а сразу поехал в Ньюмаркет, где библиотека была точно. Приехав туда, он, однако, потерял двадцать минут из-за вечерних пробок на улицах и только в четверть шестого нашел здание, которое искал. Он припарковался в неполюженном месте, оставив свое полицейское удостоверение на самом виду – прислонил к рулю, – и понадеялся на лучшее. Начиная снегопад, и было дорого каждое мгновение... Чуть не бегом поднялся по ступенькам библиотеки, нащупав в кармане пальто сложенную театральную программку.

В здании сильно пахло воском, старой бумагой, батареи отопления, к несчастью, шпарили всюю. Здесь были высокие окна, темные книжные полки, латунные настольные лампы, снабженные крошечными белыми абажурами, и огром-

ный U-образный абонементный стол, за которым сотрудник в хорошо сшитом костюме заносил информацию в компьютер. Сие чудо техники выглядело весьма неуместным в столь древнем антураже. Но компьютер хотя бы не производил шума.

Линли подошел к картотеке и поискал Чехова. Не прошло и пяти минут, как он уже сидел за длинным, выдавшим виды столом, раскрыв перед собой экземпляр «Трех сестер». Он начал просматривать текст, начала читая только первую строчку каждой реплики. Однако на середине пьесы он осознал, что, судя по длине реплик и по тому, как была оторвана «предсмертная записка», написанное Ханной могло быть взято и из середины реплики. Он начал снова, медленнее, в то же время с озабоченностью сознавая, что плохая погода за окном затруднит движение транспорта в Лондон, ощущая уходящее время и то, что может происходить в городе, пока его нет. Ему потребовалось почти тридцать минут, чтобы найти монолог, среди тех десяти страниц в четвертом акте. Он прочел слова раз, потом другой, чтобы убедиться наверняка.

«Какие пустяки, какие глупые мелочи иногда приобретают в жизни значение, вдруг ни с того ни с сего. По-прежнему смеешься над ними, считаешь пустяками, и все же идешь и чувствуешь, что у тебя нет сил остановиться. О, не будем говорить об этом! Мне весело. Я точно первый раз в жизни вижу эти ели, клены, березы, и все смотрит на меня с лю-

бопытством и ждет. Какие красивые деревья и, в сущности, какая должна быть около них красивая жизнь!... Надо идти, уже пора... Вот дерево засохло, но все же оно вместе с другими качается от ветра. Так, мне кажется, если я и умру, то все же буду участвовать в жизни так или иначе. Прощай, моя милая... Твои бумаги, что ты мне дала, лежат у меня на столе, под календарем».

Оказывается, это вообще был монолог мужчины, а не женщины... Барон Тузенбах разговаривает с Ириной в одной из финальных сцен. Линли вытащил из кармана норвичскую программку, открыл ее на составе исполнителей, провел пальцем по странице и обнаружил то, что он боялся – и надеялся – увидеть, в ту зиму 1973 года Тузенбаха действительно играл Рис Дэвис-Джонс, Джоанна Эллакорт – Ирину, Джереми Винни – Ферापонта, а Роберт Гэбриэл – Андрея.

Вот оно, последнее подтверждение того, что он искал. Сообразить, какой кусок текста лучше всего использовать, может лишь тот, кто произносит эти строки из вечера в вечер. Человек, которому доверяла Хелен. Человек, которого она любила и была уверена в его невинности.

Линли поставил книгу на полку и пошел искать телефон.

Весь день леди Хелен напоминала себе, что ей следует торжествовать. Ведь они сделали то, чего она так страстно желала. Они доказали, что Томми не прав. Порывшись в прошлом лорда Стинхерста, они доказали, что почти все подозрения насчет Риса Дэвис-Джонса, что будто бы он причастен к смерти Джой Синклер и Гоувана Килбрайда, были необоснованными. Сделав это, они придали расследованию совершенно другое направление. Поэтому когда сержант Хейверс в полдень сообщила Сент-Джеймсу по телефону, что они привезли Стинхерста для допроса, что он признал, что его брат был связан с Советами... леди Хелен поняла: вот он, момент окончательного триумфа.

В третьем часу она покинула дом Сент-Джеймса и несколько часов провела в восхитительных хлопотах, предвкушая встречу с Рисом, вечер, который станет одним из праздников их любви. Она несколько часов беспокойно бродила по улицам Найтсбриджа, пытаясь найти идеальное обрамление для своего настроения. Но только довольно скоро обнаружила, что не очень-то понимает, какое у нее настроение. Она ни в чем не была уверена.

Сначала она уговаривала себя, что ее смятение вызвано тем, что Стинхерст не признался ни в убийстве Джой Синклер, ни в убийстве Гоувана Килбрайда. Но она понимала,

что не сможет долго цепляться за эту ложь. Ведь если стрэтклайдский Департамент уголовного розыска сможет найти волосок, пятнышко крови или незамеченный отпечаток пальца – что-то, что свяжет смерти в Шотландии со Стинхерстом, ей придется взглянуть правде в глаза. Нынешнее её беспокойное состояние вызвано отнюдь не выяснением того, кто все-таки на самом деле виновен. Все дело было в Томми, в его полном отчаяния лице... И эти его последние слова, сказанные ей прошлым вечером.

И все-таки она понимала: какую бы боль ни испытывал Томми, нельзя допустить, чтобы он повлиял на нее сейчас. Потому что Рис был невиновен. *Невиновен.* Она так сильно цеплялась за эту веру на протяжении последних четырех дней, что почти не могла думать ни о чем другом, вернее, не позволяла себе отвлечься. Ей так важно было, чтобы все поняли, что на Риса возвели напраслину, чтобы все видели его таким, какой он на самом деле – все, а не только она.

Был уже восьмой час, когда ее такси затормозило у ее дома на Онслоу-сквер. Шел сильный снег, беззвучные порывы налетали с востока, нагромождая мягкие сугробы вдоль железной ограды, которой был обнесен газон в центре площади. Когда леди Хелен вышла морозный воздух и почувствовала на щеках и ресницах нежное покалывание снежинок, она мгновение помедлила, любясь переменами, которые свежий снег всегда несет городу. Затем, пожившись, подхватила свои пакеты и взбежала по выложенным плит-

кой ступенькам. Она порылась в сумочке, ища ключи, но не успела их найти, как дверь распахнула служанка, поспешно втянувшая ее внутрь.

Каролина Шеферд служила у леди Хелен последние девять лет, и хотя была на пять лет моложе своей хозяйки, была предана леди Хелен до страсти и была в курсе всех ее дел. Так что, не успев захлопнуть дверь – при этом порыв морозного ветра на миг взметнул вверх облако ее черных волос, – она затараторила:

– Слава богу! Я так о вас беспокоилась. Вы знаете, что уже восьмой час и лорд Ашертон все звонил, и звонил, и звонил весь последний час? И мистер Сент-Джеймс тоже. И эта дама сержант из Скотленд-Ярда. А мистер Дэвис-Джонс уже сорок минут дожидается вас в гостиной.

Леди Хелен слушала ее вполуха, восприняв только последнюю фразу. Пока они торопливо поднимались по лестнице, она передала свертки Каролине.

– Боже, неужели я так припозднилась? Рис, наверное, уже извелся от волнения. И потом, сегодня у тебя свободный вечер, да? Извини меня, Каролина. Ты очень из-за меня опоздала на свидание с Дентоном? Он простит меня?

Каролина улыбнулась:

– Простит, куда денется, если я хорошенько постараюсь. Я только заброшу все это в вашу комнату и побегу.

Леди Хелен и Каролина занимали самую большую квартиру в доме: семь комнат на втором этаже с большой квадрат-

ной гостиной, которая выходила окнами на площадь. Шторы на французском окне, снаружи которого имелся засыпанный снегом балкончик, были раздвинуты. Смотревший на улицу Рис Дэвис-Джонс тотчас повернулся, услышав, что вошла леди Хелен.

– Они почти весь день продержали Стинхерста в Скотленд-Ярде, – проговорил он, нахмурившись.

Она помедлила у двери.

– Да. Знаю.

– Они действительно думают... не могу в это поверить, Хелен. Я знал Стюарта много лет. Он не мог...

Она быстро подошла к нему.

– Ты много лет знал всех этих людей, не так ли, Рис? И все же один из них убил ее. Один из них убил Гоувана.

– Но Стюарт? Нет. Я не могу... Господи боже, почему? – гневно спросил он.

Он стоял против света, поэтому она не видела его лица, лишь слышала в его голосе настойчивую мольбу о доверии. И она действительно ему доверяла – всецело. Но даже это не могло заставить ее рассказать ему подробности о семье Стинхерста и его прошлом. Потому что это означало предать Линли, раскрыть все его промахи и ошибки, которых было сделано так много за последние несколько дней. Нет, во имя долгой дружбы, связывавшей их с Линли – не важно, что теперь дружбе этой, похоже, пришел конец, – она никак не могла выставить его на посмешище, пусть даже и заслу-

женное.

– Я думала о тебе весь день, – ответила она, сжав его ладонь. – Томми знает, что ты невиновен. А я знала это с самого начала. И теперь мы здесь вдвоем. Разве что-то может быть важнее этого?

Она почувствовала, как его напрягшиеся мышцы обмякли. Его напряженность растаяла. Он потянулся к ней, и его лицо смягчилось, потеплело от этой его потрясающей улыбки.

– О боже, ничего. Ничего не существует, Хелен. Только ты и я.

Он притянул ее к себе, целуя, шепча единственное слово – «люблю». Ужасы прошедших дней уже ничего не значили. Теперь они позади. И жизнь продолжается... Он увел ее от окна к дивану, стоявшему в противоположном конце комнаты у низкого камина. Усадив ее рядом с собой, он снова поцеловал ее, уже крепче, с нарастающей страстью, которая разжигала и ее. После долгого поцелуя он поднял голову и провел пальцами, легкими как пушинки, по ее подбородку, по шее.

– Это безумие, Хелен. Я приехал, чтобы отвезти тебя поужинать, а сам думаю только о том, как уложить тебя в постель. И... мне стыдно признаться... немедленно. Давай лучше пойдем, пока я вообще не потерял интереса к ужину.

Она поднесла ладонь к его щеке, нежно улыбнувшись, когда ощутила ее жар.

В ответ на этот жест он что-то пробормотал, снова наклонился к ней, и его пальцы принялись расстегивать пуговицы на ее блузке. Затем тепло его губ двинулось по ее оголенной шее и плечам. Его пальцы коснулись ее груди.

– Я люблю тебя, – прошептал он и снова нашел ее рот.

Резко зазвонил телефон.

Они отскочили в разные стороны, словно кто-то вошел, и стояли, виновато глядя друг на друга, пока надрывался телефон. Только после четырех двойных дребезжащих звонков леди Хелен сообразила, что Каролина, и так уже задержавшаяся на целых два часа в свой свободный вечер, ушла. Они были совершенно одни.

Со все еще сильно бьющимся сердцем, она вышла в коридор и подняла трубку на девятом звонке.

– Хелен. Слава богу. Слава богу. Дэвис-Джонс с тобой?

Это был Линли.

Его до предела напряженный голос был полон такой очевидной тревоги, что леди Хелен застыла, лишившись способности соображать.

– Что такое? Где ты? – Она поняла, что шепчет, хотя не собиралась.

– Я в телефонной будке рядом с Бишопс-Стортфорд. На М-11 серьезная авария, а все боковые дороги, где я пытался проехать, замело снегом. Я не знаю, когда доберусь до Лондона. Хейверс еще с тобой не говорила? А Сент-Джеймс не звонил? Черт возьми, ты мне так и не ответила. Дэвис-Джонс

с тобой?

– Я только что пришла домой. Что такое? Что случилось?

– Да ответь же. Он с тобой?

В гостиной Рис так и сидел на диване, только нагнулся к огню, глядя на догорающие языки пламени. Леди Хелен видела, как на его лице и кудрявых волосах пляшут блики и тени. Но она не произнесла ни слова. Что-то в голосе Линли заставило ее молчать.

Он заговорил очень быстро и ужасающе убежденно, не давая ни единого шанса ему не поверить:

– Послушай меня, Хелен. Была одна девушка. Ханна Дэрроу Он познакомился с ней в конце января семьдесят третьего года, когда играл в «Трех сестрах» в Норвиче. У них был роман. Она была замужем, с младенцем. Она решила бросить мужа и ребенка и уйти к Дэвис-Джонсу. Он убедил ее, что она пройдет прослушивание в театре – заставил разучивать роль, которую он для нее выбрал, она верила, что после этого прослушивания он заберет ее с собой в Лондон. Но в ночь, когда они должны были уехать, он убил ее, Хелен. А потом инсценировал самоубийство: повесил ее мертвую на крюк в потолке. Все происходило на мельнице.

Ей удалось лишь прошептать:

– Нет. Стинхерст...

– Смерть Джой не имеет к Стинхерсту никакого отношения! Она собиралась написать о Ханне Дэрроу в своей новой книге. Но, на свою беду, рассказала об этом Дэвис-Джонсу.

Она позвонила ему в Уэльс. На магнитофоне, найденном в ее сумочке, даже было напоминание себе не забыть спросить у Дэвис-Джонса, как подкатиться к Джону Дэрроу, мужу Ханны. Разве ты не понимаешь? Он все время знал, что она пишет эту книгу. Он знал уже в прошлом месяце. Поэтому он убедил Джой, что вам с ней лучше поселиться в смежных комнатах, чтобы наверняка получить к ней доступ. А теперь, ради бога, мои люди ищут его с шести часов. Скажи мне, Хелен, он с тобой?

Все ее нутро восстало, чтобы не дать ей заговорить. В глазах защипало, горло сдавило, желудок словно зажалось тискарами. И хотя она не желала ничего вспоминать, она явственно услышала голос Риса и его так легко сказанные ей в Уэстер-брэ слова, полные укора себе: «Я отработывал зимний сезон в Норфолке и Суффолке... когда я вернулся в Лондон, она уже уехала».

– Ханна Дэрроу оставила дневник, – в отчаянии говорил Линли. – И сохранила программку той пьесы. Я видел и то и другое. Я прочел его. Хелен, прошу тебя, дорогая, я говорю тебе правду!

Хелен как сквозь пелену видела, как Рис встает, идет к огню, увидела, как он берет кочергу. Смотрит в ее сторону. Его лицо было мрачно. Нет! Это невозможно, нелепо. Ей ничто не угрожает. Кто угодно, только не Рис. Он не был убийцей. Он не убивал свою двоюродную сестру. Он не мог никого убить. Но Томми все еще говорил. А Рису, видимо, уже на-

доело просто так сидеть.

– Он устроил все так, чтобы она переписала сцену из пьесы своим почерком, а затем взял часть написанного, чтобы сварганить предсмертную записку самоубийцы. Но слова... они были из одного монолога в этой пьесе. Они принадлежали Тузенбаху. А Тузенбах играл он. Он убил трех человек, Хелен. Гоуван умер у меня на руках. Ради бога, ответь мне! Скажи! Сейчас же!

Ее губы дрогнули и все-таки произнесли это ненавистное слово, которое она так старалась удержать в себе.

– Да, – услышала она свой голос.

– Он там?

– Да, – снова выдавила она.

– Вы одни?

– Да.

– О боже, Каролины нет?

Как легко было его говорить. Такое простое слово.

– Да.

А Линли все говорил и говорил... Рис снова повернулся к огню, помешал угли в камине, добавил еще полено, снова откинулся на спинку дивана. Наблюдая за ним, она вдруг осмыслила, что она сейчас совершила, какой сделала выбор.

Леди Хелен почувствовала жжение слез в глазах, горло перехватил спазм. Она поняла, что пропала.

– Слушай меня внимательно, Хелен. Я хочу установить за ним наблюдение, пока мы не получим окончательные дан-

ные судебной экспертизы из Стрэтклайда. Я мог бы арестовать его и сейчас, но что толку? Очередной допрос без всяких результатов. Поэтому сейчас я позвоню в департамент. Они пришлют констебля, но он прибудет только минут через двадцать. Ты сможешь задержать его на это время? Это не опасно?

Она боролась с отчаянием. И не могла говорить. Голос Линли снова наполнился тревогой.

– Хелен! Ответь мне! Ты можешь продержаться с ним двадцать минут? Можешь? Ради бога...

Ее губы вдруг пересохли и стали непослушными.

– Я справлюсь. Это довольно просто.

Линли на миг умолк, словно пытался постичь кий тайный смысл ее ответа. Затем резко спросил:

– Что ему нужно от тебя?

Она молчала.

– Ответь мне! Он пришел переспать с тобой? – Когда она опять ничего не сказала, он закричал. – Хелен! Прошу тебя!

Она услышала свой безнадежный шепот:

– Что ж, на это как раз уйдут нужные тебе двадцать минут, верно?

– Нет! Хелен! Не... – вырвалось у него, но она уже повесила трубку.

Она стояла опустив голову, пытаясь собраться с духом. Он уже звонит в Скотленд-Ярд. Значит, время пошло – эти двадцать минут начались...

Странно, подумалось ей, ни малейшего страха. Стук сердца отдавался в ушах, в горле пересохло. Но она не боялась. Одна в квартире с убийцей, Томми – за многие мили от нее, и снегопад мешал ему выбраться. Но она ничуть не боялась. И когда совсем близко подступили горячие слезы, до нее вдру дошло, почему она не боялась. Просто ей было все равно. Ничто в этой жизни больше не имело значения, а уж тем более – останется она живой или умрет.

Барбара Хейверс взяла трубку в кабинете Линли после второго звонка. Четверть восьмого, значит, она сидела за его столом уже больше двух часов. Горло саднило от множества выкуренных сигарет, а нервы... она была на грани срыва. Услышав наконец-то голос ти она испытала такое облегчение, что от радости набросилась на него с проклятьями, но он тут же резко ее перебил:

– Хейверс, где констебль Нката?

– Нката? – тупо повторила она. – Ушел домой.

– Разыщите его. Пусть он отправится на Онслоу-сквер.

Немедленно.

Она затушила сигарету и взяла листок бумаги.

– Вы нашли Дэвис-Джонса?

– Он в квартире Хелен. Я хочу установить за ним наблюдение, Хейверс. Но если до этого дойдет, мы его возьмем.

– Как? Почему? – Она решила, что ослышалась. – Нам практически не с чем работать, эта ниточка к Ханне Дэрроу,

видит бог, такая же тонкая, как и та, что выводит на Стинхерста. Вы сами мне сказали, что все до одного, кроме Айрин Синклер, участвовали в той постановке в Норвиче в семьдесят третьем. Это по-прежнему включает Стинхерста. И потом, Макаскин...

– Хейверс, у меня нет времени на споры. Просто делайте, что я говорю. А как только вы это сделаете, позвоните Хелен. Держите ее у телефона не меньше тридцати минут. Если сможете, больше. Вы поняли?

– Тридцать минут? И каким это образом? Рассказывать ей про свою чертову жизнь? С самого младенчества?

– Черт подери, немедленно выполняйте приказ! – вдруг прорычал Линли. – И ждите меня в Ярде!

Связь оборвалась.

Хейверс позвонила констеблю Нкате, отправила его к дому леди Хелен и, брякнув трубку на рычаг, мрачно уставилась на бумаги, лежавшие на столе Линли. Это была последняя информация из Стрэтклайда – данные об отпечатках пальцев, результаты использования оптико-волоконной лампы, анализ пятен крови, результаты экспертизы четырех волосков найденных рядом с кроватью, и экспертизы коньяка который Рис Дэвис-Джонс принес в комнату Хелен. И решительно ничего обнадеживающего. Ничего похожего на улику, которую не отмел бы мало-мальски грамотный адвокат.

Но Линли еще ничего этого не знает. Но если они собираются отдать Дэвис-Джонса – или кого-то другого – в руки

правосудия, результаты экспертизы, полученные из Шотландии от инспектора Макаски-на, ничего им не дадут.

Ее звали Линетт. Но когда она распростерлась под ним, пылко извиваясь и блаженно постанывая при каждом его толчке, Роберт Гэбриэл забеспокоился, что нечаянно назовет ее каким-нибудь другим именем. Ведь за последние несколько месяцев их было так много. Попробуй всех упомяни... Но он – тьфу-тьфу, все же вспомнил, кто она такая: девятнадцатилетняя ученица декоратора театра «Азенкур», чьи тугие джинсы и желтый трикотажный свитер лежали сейчас в темноте на полу его примерной.

Кстати, довольно скоро выяснилось – к великому его облегчению, – что под ними у нее совершенно ничего не было.

Почувствовав, как ее ногти впились ему в спину, он издал вопль удовольствия, хотя куда охотнее предпочел бы, чтобы она выбрала какой-нибудь другой способ выразить свое нараставшее упоение. Тем не менее он продолжал действовать так, как ей, похоже, нравилось – грубо, – изо всех сил стараясь не вдохнуть аромат ее духов и слабый маслянистый запах, исходивший от ее волос. Он бормотал какие-то нежности, думая о другом, выжидая, когда она наконец дойдет до кондиции, и тогда уже можно будет сосредоточиться на своем удовольствии. Ему нравилось ощущать себя заботливым любовником, в отличие от большинства мужчин он любил сделать женщине приятное.

– О-о-о, не останавливайся! Я этого не выдержу! *Не могу!*

– стонала Линетт.

Я тоже, подумал Гэбриэл, когда ее ногти, царапая, заплясали по его позвоночнику. Он успел уже почти дочитать третий монолог Гамлета, когда ее экстатические всхлипывания достигли крайней точки. Ее тело выгнулось. Она дико вскрикнула. Ее ногти вонзились ему в ягодицы. И Гэбриэл тут же мысленно запретил себе связываться с юной порослью.

Это решение было подкреплено дальнейшим поведением Линетт. Получив свое удовольствие, она сразу потеряла всякий интерес и равнодушно и даже нетерпеливо ждала, когда он получит свое. Ждать ей пришлось недолго: он простонал в нужный момент с притворным восторгом ее имя, более всего желая поскорее покончить с этой морокой, как, похоже, и она. Возможно, художница по костюмам окажется более подходящим объектом – для завтрашнего дня, подумал он.

– Уф, ничего было, а? – зевнув, сказала Линетт, когда все было позади. Она села, свесила ноги с дивана и стала ощупью искать на полу одежду. – Время у тебя есть?

Гэбриэл посмотрел на светящийся циферблат своих часов.

– Пятнадцать минут десятого, – ответил он, надеясь, что она отправится восвояси и он сможет как следует принять душ, но все же погладил ее по спине и пробормотал: – Давай еще разок завтра, Лин. Ты сводишь меня с ума, – на тот слу-

чай, если художница по костюмам окажется недостижимой.

Она хихикнула, взяла его руку и приложила к своей похожей на арбуз груди. Несмотря на юный возраст, грудь у нее уже начала отвисать – из-за нежелания носить нижнее белье.

– Не могу, милый. Мой муж сегодня в дороге. Но завтра вернется.

Гэбриэл резко сел:

– Твой муж? Боже! Почему же ты мне не сказала, что за мужем?

Линетт снова хихикнула, втискиваясь в узкие джинсы.

– Ты же не спрашивал, верно? Он водит грузовик и ночует дома по крайней мере трижды в неделю. Так что...

Боже! Водитель грузовика! Какой-нибудь громила с умственным развитием младенца.

– Послушай, Линетт, – поспешно сказал Гэбриэл, – давай-ка немного остынем, ладно? Я не хочу встречать между тобой и твоим мужем.

Он скорее почувствовал, чем увидел, как она безразлично пожалала плечами. Натянула свитер и откинула назад волосы. И снова его обдало их маслянистым запахом. И снова он задержал дыхание, стараясь не вдохнуть.

– Он немного туповат, – призналась она. – И никогда не узнает. Никаких проблем, ведь я с ним всегда, когда он меня хочет.

– Все равно, – воспротивился Гэбриэл – она его не убедила.

Она потрепала его по щеке.

– Ну, в общем, сам мне скажешь, если захочешь еще. Ты не так уж плох. Немножко затягиваешь, это да, но думаю, это возрастное, да?

– Возрастное, – послушно повторил он.

– Ну конечно, – весело сказала она. – Когда мужик в возрасте, ему надо время, чтобы разогреться, разве нет? Я-то понимаю. – Она пошарила по полу. – Не видел моей сумки? А, вот она. Ну, я пошла. Может, перепихнемся в воскресенье? Мой Джим тогда уже снова отбудет. – И, попрощавшись таким образом, она ушла, оставив его в темноте.

Возрастное, подумал он и словно услышал ироничный ку-дахчущий смешок своей матери. Она бы закурила одну из своих вонючих турецких сигарет, критически его оглядела и попыталась бы сохранить отсутствующее выражение лица. Это была ее личина психоаналитика. В эти минуты он ненавидел мать, кляня себя за то, что его угораздило заполучить в матери фрейдистку. То, с чем мы столкнулись, сказала бы она, типично для мужчины твоего возраста, Роберт. Кризис среднего возраста, внезапное осознание надвигающейся старости, пересмотр жизненных установок, поиск обновления. В соединении с твоим чересчур развитым либидо это побуждает тебя искать новые пути самоутверждения. И боюсь, все они замешены на сексе. Вот твоя дилемма. К несчастью для твоей жены, так как она, по всей видимости, единственный человек, умеющий хоть как-то держать тебя в узде. Но ты

боишься Айрин, верно? Она всегда была для тебя слишком женщиной, чтобы ты мог справиться с ней. Она была требовательна к тебе, верно? Требовала взрослости, которую ты просто терпеть не мог. Поэтому ты добивался ее сестры – чтобы наказать Айрин и продолжать чувствовать себя молодым. Но ты не можешь иметь все сразу, мальчик. Люди, которые хотят всего, обычно остаются ни с чем.

Самое ужасное, что все это было правдой. Все. Гэбриэл, застонав, сел и начал на шаривать одежду. Тут дверь в примерную открылась.

Он успел только посмотреть в ту сторону и увидеть огромную тень на фоне темного почему-то коридора.

У него было всего мгновение подумать: кто-то выключил свет в коридоре, прежде чем тень ворвалась в комнату.

Гэбриэл почувствовал запах виски, сигарет и едкую вонь пота. А затем на него обрушился град ударов. Его молотили по лицу, по животу, по ребрам.

Он слышал – ранее, чем успел почувствовать, – как ломаются кости. Ощутил вкус крови и прикусил изнутри щеку, которую ударом впечатали в зубы.

Нападавший кричал от усилий, в ярости брызгал слюной и, наконец, проскрипел, нанося четвертый жуткий удар Гэбриэлу между ног:

– Отныне держи свою похотливую сосиску в штанах, приятель.

Гэбриэл успел только подумать: *Никаких девчонок в сле-*

дующий раз» ', – и потерял сознание.

Линли положил трубку.

– Не отвечает, – сказал он. Барбара увидела, как на щеке его дернулся мускул. – Когда Нката позвонил первый раз?

– В четверть девятого.

– Где был Дэвис-Джонс?

– Зашел в бар рядом со станцией Саут-Кенсингтон. Нката был в телефонной будке снаружи.

– И он был один? Он не взял с собой Хелен? Вы в этом уверены?

– Он был один, сэр.

– Но вы говорили с ней, Хейверс? Вы действительно разговаривали с Хелен после того, как Дэвис-Джонс ушел от нее?

Барбара кивнула, чувствуя нарастающее беспокойство за него, без которого она вполне могла бы обойтись. Линли выглядел совершенно измученным.

– Она позвонила мне, сэр. Сразу, как он ушел.

– И что сказала?

Барбара терпеливо повторила то, что уже один раз ему пересказывала:

– Только, что он ушел. Я хотела поддержать ее на проводе в течение тридцати минут, как вы просили. Но она не поддержала разговора, инспектор. Только сказала, что она не одна и перезвонит мне позже. И все. Думаю, она не хотела моей

помощи, правда. – Барбара увидела отразившуюся на лице Линли тревогу. И продолжила: – Я думаю, она хотела справиться с этим одна, сэр. Возможно... ну, возможно, она до сих пор не считает его убийцей.

Линли откашлялся.

– Нет. Она понимает.

Он притянул к себе через стол записи Барбары. В них были две подборки информации: результаты допроса Стинхерста и окончательные сведения от инспектора Макаскина из Стрэтклайда. Он надел очки и погрузился в чтение. За стенами его кабинета ночь утихомирила обычную разноголосицу шумов. Только редкие звонки телефона, раздавшийся вдруг чей-то голос, веселый взрыв смеха говорили им, что они не одни в департаменте. Городские шумы за окном приглушил снег.

Барбара сидела напротив него, держа в одной руке дневник Ханны Дэрроу, а в другой программку спектакля «Три сестры». Она прочла и то и другое, но ждала, что он скажет по поводу материалов, которые она подготовила для него, пока он был в Восточной Англии и пробирался сквозь снежные заносы в Лондон.

Она видела, что он все больше хмурится, а вид у него такой, словно последние несколько дней нанесли ему глубочайшие раны. Она отвела глаза и принялась разглядывать его кабинет, стараясь определить, что тут выдает двойственность его характера. Книжки. Исключительно касающи-

еся юриспруденции, судебные тексты, комментарии к судебным установлениям и несколько исследований эффективности работы столичной полиции. То есть книжные полки являли взору довольно стандартный набор для человека, сосредоточенного только на своей работе. Но стены кабинета были более красноречивы, выдавали, что Линли не только олицетворение профессионализма, но натура куда более сложная. На них мало что висело: две литографии с ландшафтами Юго-Запада Америки, которые свидетельствовали о неизменной любви к гармонии и покою, и единственная фотография, обнажавшая то, что хранилось в самом сердце этого человека.

Это была фотография Сент-Джеймса, старый снимок, сделанный до аварии, обернувшейся увечьем. Барбара заметила, в сущности, безобидные подробности: Сент-Джеймс стоит, скрестив руки и опираясь на крикетную битку; он в белых фланелевых брюках, и на левом колене зияет большая неровная дыра; все бедро отсвечивает зеленью – явный след валяния на траве; он смеется – от души и с неподдельной радостью. Лето прошло, подумала Барбара. Лето умерло навсегда. Она очень хорошо знала, почему здесь висит эта фотография. Она отвела от нее глаза.

Линли подпер щеку, потирая время от времени пальцами лоб. Прошло несколько минут, прежде чем он поднял глаза, снял очки и встретился с ней взглядом.

– Здесь у нас ничего нет для ареста, – сказал он, указывая

на информацию от Макаскина.

Барбара колебалась. Страсть, прозвучавшая в долгожданном его телефонном звонке, почти убедила ее в том, что она напрасно ополчилась на лорда Стинхерста, настолько, что даже сейчас она не решилась отметить очевидное. Но ей и не пришлось это делать, потому что он продолжил сам:

– Видит бог, мы не можем взять Дэвис-Джонса на основании его фамилии в афише пятнадцатилетней давности. Мы можем с таким же успехом арестовать и всех остальных, если исходить из тех улик, которыми мы располагаем.

– Но лорд Стинхерст сжег сценарии в Уэстербрэ, – заметила Барбара. – Это по-прежнему остается.

– Если вы хотите доказать, что он убил Джой, чтобы заставить ее молчать о своем брате, то – да. Это по-прежнему остается, – согласился Линли. – Но я смотрю на это по-другому, Хейверс. Худшее, что ожидало Стинхерста, – это унижение семьи, если вся история о Джефффри Ринтуле станет известна благодаря пьесе Джой. Но убийце Ханны Дэрроу грозило разоблачение, суд и тюрьма, если бы Джой написала свою книгу. Так что какой мотив вам кажется наиболее весомым?

– Возможно... – Барбара понимала, что должна предложить это с осторожностью, – тут двойной мотив. И один убийца.

– Снова Стинхерст?

– Но это же он поставил «Трех сестер» в Норвиче, ин-

спектор. Он мог быть тем мужчиной, с которым познакомилась Ханна Дэрроу. И мог получить ключ от комнаты Джой у Франчески.

– Вы забыли кое-какие факты. Все, касающееся Джеффри Ринтула, было изъято из кабинета Джой. Но все, связанное с Ханной Дэрроу – все, что привело нас прямо к ее смерти в семьдесят третьем году, – осталось на виду.

– Разумеется, сэр. Но Стинхерст вряд ли мог просить ребят из МИ-5 забрать заодно и материалы на Ханну Дэрроу. Едва ли это так уж волновало правительство. Это же не государственная тайна. И потом, как он мог знать, что она собирала сведения о Ханне Дэрроу? Она просто упомянула о Джоне Дэрроу за ужином в тот вечер. Ведь если Стинхерст – ладно-ладно, убийца – не побывал в кабинете Джой до этих выходных, откуда он мог знать, какие материалы ей удалось добыть? Или не удалось добыть, коль уж на то пошло.

Линли смотрел куда-то мимо нее, по внезапному блеску в глазах она поняла, что его осенила какая-то мысль.

– Вы подали мне идею, Хейверс – Он побарабанил пальцами по столешнице. Его взгляд переместился на тетрадку в руке Барбары. – Думаю, мы сможем уладить все это и без помощи из Стрэтклайда, – сказал он наконец. – Но нам понадобится Айрин Синклер.

– Айрин Синклер?

Он задумчиво кивнул:

– Она наша последняя надежда. Она – единственная из

них, кто не участвовал в «Трех сестрах» в постановке семьдесят третьего года.

Айрин Синклер дома не оказалось, соседка, которую попросили побыть с детьми и успокоить их, направила Линли и Хейверс в Блумсбери, в больницу университетского колледжа. Когда они вошли в отделение «Скорой помощи», Айрин вскочила на ноги.

– Он сказал – никакой полиции! – вне себя закричала она. – Как вы?.. Вам позвонил врач?

– Мы были у вас дома. – Линли подвел ее к одному из диванчиков, что стояли вдоль стен комнаты ожидания. В комнате было полно народу, кого-то скрутила болезнь, кто-то стал жертвой несчастного случая – отовсюду доносились крики, стоны и позывы к рвоте. Воздух был пропитан запахом лекарств типичным для больниц. – Что случилось?

Айрин машинально покачала головой, опускаясь на диван и подперев щеку ладонью.

– Роберта избили. В театре.

– В такой поздний час? Что он там делал?

– Репетировал. Завтра утром у нас вторая читка, и он сказал, что хочет посмотреть, как это будет звучать на сцене.

Линли видел, что она сама не верит этой истории.

– Он был на сцене, когда на него напали?

– Нет, он пошел к себе в примерную, чтобы выпить. Кто-то выключил свет и напал там на него. Потом ему удалось добраться до телефона. Единственный номер, который он су-

мел вспомнить, – мой. – Последние слова прозвучали как оправдание ее присутствия здесь.

– Не номер «Скорой помощи»?

– Он не хотел вмешивать полицию. – Она озабоченно на них посмотрела. – Но я лично рада, что вы приехали. Возможно, вы хоть немного сможете его образумить. Совершенно очевидно, что он должен был стать следующей жертвой!

Линли придвинул неудобный пластиковый стул, чтобы заслонить ее от любопытных взглядов. То же самое сделала Хейверс.

– Почему? – спросил Линли.

Лицо Айрин сделалось напряженным, словно вопрос ее смутил.

Но что-то подсказывало Линли, что это было частью спектакля, спонтанного и задуманного специально и для него.

– Что вы хотите этим сказать? А что еще это могло быть? Его жестоко избили. Два ребра сломаны, подбиты оба глаза, выбит зуб.

– Но вообще-то убийцы действуют иначе, верно? – заметил Линли. – Наш предполагаемый убийца пользуется ножом, а не кулаками. Совсем не похоже, что кто-то хотел его убить.

– Тогда что еще это могло быть? Что вы такое говорите? – Она гордо выпрямилась, словно оскорбленная их сомнением.

– Думаю, вы знаете ответ. Мне кажется, что вы мне не все

рассказали. Защищаете его. Почему? Чем он заслужил такую преданность? Он обидел вас всеми мыслимыми способами. Он обращается с вами с нескрываемым презрением. Айрин, послушайте...

Она подняла руку, и ее полный муки голос подсказал ему, что краткое представление окончено.

– Прошу вас. Вы сказали более чем достаточно. Он был с женщиной. Не знаю, кто она. Он не сказал. Когда я туда приехала, он все еще был... на нем не... – Она не могла подобрать слов. – Он не смог одеться.

Линли слушал это признание, не веря своим ушам. Что она испытала, примчавшись к нему на помощь, чувствуя этот запах недавнего совокупления, который ни с чем не спутаешь, натягивая на него одежду, которую он сбросил, спеша предаться любви с другой женщиной?

– Я пытаюсь понять, почему вы до сих пор храните верность человеку, который зашел так далеко: обманывал вас с вашей же сестрой! – Произнося это он вспомнил, как Айрин только что попыталась обелить Роберта Гэбриэла, потом вспомнил ее слова, сказанные про ночь, когда умерла Джой Синклер. Он много теперь мог представить четко. – И о той ночи, когда умерла ваша сестра, вы тоже мне не все сказали. Даже в этом вы защищаете его. *Почему, Айрин?*

Она на мгновение прикрыла глаза.

– Он отец моих детей, – с достоинством, без тени лукавства ответила она.

– Защищая его, защищаете их?

– В конечном счете да.

Сам Джон Дэрроу не мог бы ответить лучше. Но Линли знал, что нужно говорить. Ему подсказал Тедди Дэрроу.

– Обычно дети все равно узнают худшее о своих родителях, независимо от того, что кто-то пытается уберечь их от травмы. Ваше молчание ничему не помогает, только защищает убийцу вашей сестры.

– Он *не убивал!* Он не мог. Я не могу поверить в это. Роберт на многое способен, видит бог. Но только не на убийство.

Линли наклонился к ней и накрыл ее ледяные ладони своими.

– Вы думаете, что он убил вашу сестру. И чтобы защитить детей, спасти их от унижения, от сознания того, что их отец – убийца, вы предпочитаете скрывать свои подозрения.

– Он *не мог*. Только не это.

– Однако вы думаете, что это он. Почему?

Заговорила сержант Хейверс.

– Если Гэбриэл не убивал вашу сестру, то, что вы скажете, только поможет ему.

Айрин покачала головой. В ее глазах затаился дикий страх.

– Не это. Он *не мог*. — Она по очереди посмотрела на них, ее пальцы впились в потертую кожу сумочки. Она была похожа на беглеца, решившего бежать, но который вдруг

понял, что все пути отрезаны. Когда она наконец заговорила, ее тело затряслось, словно от какой-то тайной болезни. В каком-то смысле она действительно была больна. – В ту ночь моя сестра была с Робертом в его комнате. Я слышала их. Я пришла к нему. Как дура... О боже, почему я такая жалкая дура? Мы с ним до этого были вместе в библиотеке, после читки, и в какой-то момент я вдруг подумала, что еще не все потеряно. Мы говорили о наших детях, о... нашей прежней жизни. Потом, позже, я пошла к Роберту, чтобы... О боже, я не знаю, что я собиралась сделать. – Она запустила пальцы в свои темные волосы и, взъерошив их, накрепко в них вцепилась, словно хотела боли. – Сколько же можно быть такой идиоткой? Я чуть было не наткнулась на свою сестру и Роберта во второй раз. И представьте... это даже смешно... он говорил те же самые слова, которые говорил ей в тот день в Хэмпстеде, когда я застала их вместе. «Давай, малышка. Давай, Джой. Давай! *Давай!*» И пыхтел, и пыхтел, и пыхтел, как бык.

Ее слова, словно поворот калейдоскопа, выявили новый ракурс этого дела. Выстроили все в иной перспективе.

– В какое время это было?

– Поздно. Возможно, около двух.

– Но вы слышали его? Вы в этом уверены?

– О да. Я его слышала. – От стыда она опустила голову.

И даже после этого, изумился Линли, она по-прежнему жаждет защитить этого человека. Такая незаслуженная, са-

моотверженная преданность... это было выше его понимания. Он даже не стал пытаться это понять и спросил совсем о другом:

– Вы помните, где вы были в марте семьдесят третьего года?

Она не сразу сообразила, о чем речь.

– Семьдесят третьего? Я была... я наверняка была дома, в Лондоне. Нянчила Джеймса. Нашего сына. Он родился в январе, и я взяла небольшой отпуск.

– Но Гэбриэла дома не было?

Она задумалась, припоминая:

– Нет, по-моему... Мне кажется, он тогда играл где-то в провинции. А что? Какое это ко всему имеет отношение?

Прямое, подумал Линли. Он вложил все свои силы в то, чтобы заставить ее выслушать и понять его следующие слова:

– Ваша сестра собиралась написать книгу об убийстве, которое произошло в марте семьдесят третьего года. Тот, кто его совершил, убил и ее, и Гоувана Килбрайда. Улики, которые у нас есть, практически бесполезны, Айрин. И я боюсь, что без вашей помощи мы не сумеем добиться для этого недочеловека хоть какого-то правосудия.

Ее глаза взмолились о правде.

– Это Роберт?

– Не думаю. Несмотря на все, что вы мне рассказали, я просто не вижу, как он мог раздобыть ключ от ее комнаты.

– Но если в ту ночь он был с ней, она могла ему дать свой!

Это было возможно, признал Линли. Но как это объяснить? И как связать это с тем, что показало судебно-медицинское вскрытие, не обнаружившее никаких следов сексуального контакта? И как сказать Айрин, что даже если, с помощью полиции, она докажет невиновность своего мужа, она тем самым докажет виновность своего двоюродного брата Риса?

– Вы нам поможете? – спросил он.

Линли видел, как она борется, принимая решение. И точно знал, какая перед ней стоит дилемма.

Надо было делать выбор: или продолжать защищать дальше Роберта Гэбриэла – ради детей; или принять активное участие в том, чтобы убийца ее сестры попал в руки правосудия. Выбрав первое, она обречет себя на вечное сомнение: действительно ли тот, кого она защищает, – невиновен? Однако, выбрав второе, она неизбежно должна простить, отпустить своей сестре все грехи и обиды.

Выбирать надо было между живым и мертвой. Но живой мог ей дать только очередную ложь, а мертвая – душевный покой, который приходит вместе с исчезновением злобы, и жизнь продолжается. На первый взгляд перевесить, конечно, должен был живой человек. Но Линли слишком хорошо знал, что у сердца свои, недоступные разуму, законы. Ему оставалось надеяться, что Айрин дозрела до того, чтобы понять: ее брак с Гэбриэлом был подточен недугом неверности, а сестра ее сыграла лишь небольшую, хоть и роковую роль в

драме почившей любви, которая усугублялась годами.

Айрин шевельнулась. Ее пальцы оставили влажные отпечатки на коже сумочки. Сначала голос ее не слушался, но потом она овладела собой:

– Я помогу вам. Что я должна сделать?

– Провести ночь в доме вашей сестры в Хэмпстеде. С вами поедет сержант Хейверс.

Когда на следующее утро в половине одиннадцатого Дебора Сент-Джеймс открыла Линли дверь, ее растрепавшиеся волосы, покрытый пятнами фартук и протертые до дыр джинсы подсказали ему, что он явился в самый разгар работы. Тем не менее ее лицо осветилось радостью.

– Хоть отвлекусь. Слава богу! Уже целых два часа торчу в темной комнате, со мной только Персик и Аляска. Они, конечно, очень милые, как все собаки и кошки, но с ними не поговоришь. Саймон тоже там, в лаборатории, когда он на чем-то сосредоточен, от него и словечка не дождешься. Я так рада, что вы пришли. Возможно, вам удастся вытащить его на утренний кофе. – Она подождала, пока он снял пальто и шарф, и, легко тронув его за плечо, сказала: – Вы хорошо себя чувствуете, Томми? Ничего не?.. Понимаете, мне кое-что об этом рассказали и... Вы не очень хорошо выглядите. Вы хоть спите? Вы не голодны? Попросить папу что-нибудь принести?.. Вы не хотите?.. – Она прикусила губу. – И почему я всегда трещу как идиотка?

Линли с нежностью улыбнулся ее сбивчивым словам, осторожно убрал за ухо выбившийся из ее прически локон и пошел следом по лестнице. Она продолжала говорить:

– Саймону звонил Джереми Винни. Чем поверг его в долгие, очень долгие и загадочные размышления. Вы же знаете

Саймона. А потом, минут пять назад позвонила Хелен.

Линли на секунду замер.

– Хелен сегодня здесь нет?

Несмотря на его, как ему казалось, небрежный тон, Линли понял, что Дебору ему провести не удалось. В ее зеленых глазах мелькнуло сочувствие.

– Нет. Ее здесь нет, Томми. Поэтому вы и пришли, да? – Не дожидаясь его ответа, она мягко произнесла: – Вот и поговорите с Саймоном. Он все-таки лучше всех знает Хелен.

Сент-Джеймс встретил их в дверях лаборатории, держа в одной руке старый экземпляр Симпсоновой «Судебной медицины», а в другой – жуткого вида банку: человеческий палец, плавающий в формальдегиде.

– Репетируешь постановку «Тита Андроника»?⁴⁶ – со смехом спросила Дебора. Она взяла у мужа банку и книгу, мазнула поцелуем по щеке и сказала: – К тебе Томми, мой милый.

Линли решил действовать с места в карьер, изобразив чисто профессиональный интерес.

– Сент-Джеймс, где Хелен? – Он понял, что с порором провалился. – Я звоню ей с прошлого вечера. Заходил к ней на квартиру сегодня утром. Что с ней случилось? Что она тебе сказала?

Он прошел за другом в лабораторию, с нетерпением ожидая ответа. Сент-Джеймс лишь молча внес какую-то помет-

⁴⁶ «Тит Андроник» – трагедия У. Шекспира (1594).

ку в компьютер. Линли слишком хорошо знал этого человека, чтобы пытаться его подгонять. Подавив свои дурные предчувствия, он окинул взглядом комнату, в которой Хелен провела так много времени.

Эта лаборатория многие годы была святилищем Сент-Джеймса, пристанище ученого, оснащенное компьютерами, лазерными принтерами, микроскопами, печами для выращивания микроорганизмов; здесь стояли полки с образцами, висели листы схем и графиков, а в углу красовался видеоэкран, на котором образцы крови, волос, кожи или волокон, подготовленные для микроскопа, можно было увеличить. Это новейшее оборудование было последним пополнением лаборатории, и Линли вспомнил, как смеялась Хелен, описывая попытки Сент-Джеймса обучить ее работать с ним – всего три недели назад. «Безнадежно, Томми, дорогой. Видеокамера, прицепленная к микроскопу! Можешь представить себе мой ужас? Боже мой, вся эта премудрость компьютерного века! А я только недавно разобралась, как вскипятить чашку воды в микроволновой печи». Разумеется, это было неправдой. Но он все равно рассмеялся, сразу освободившись от всех забот, которые навалил на него тот день. Это был особый дар Хелен...

Он должен был знать.

– Что с ней случилось? Что она тебе сказала?

Сент-Джеймс добавил еще какую-то поправку к набранному тексту, проверил соответствующие изменения в графиче-

ке на экране, закрыл файл.

– Только то, что сказал ей ты, – ответил он идеально бесстрастным тоном. – Боюсь, больше ничего.

Линли знал, что означает этот осторожный тон, но не стал сразу ввязываться в дискуссию, на которую его провоцировали слова Сент-Джеймса. Решил потянуть время, заметив:

– Дебора сказала, что тебе звонил Винни.

– В самом деле. – Сент-Джеймс крутанулся на своем стуле, неуклюже слез с него и подошел к аккуратнейшему столу, на котором выстроились в ряд пять микроскопов, три были задействованы. – По всей видимости, ни одна газета не бросилась на историю смерти Синклер. По словам Винни, он предложил сегодня утром статью, которую редактор отклонил.

– В конце концов, Винни – театральный критик, – заметил Линли.

– Да, но когда он обзвонил своих коллег, чтобы узнать, не работает ли кто над этим убийством, то обнаружил, что никому из них не было поручено заняться этой историей. Запрет идет сверху. На время, как ему сказали. Пока не будет произведен арест. Мягко говоря, он был вне себя. – Сент-Джеймс поднял взгляд от стопки слайдов, которую старательно выравнивал. – Он охотится за историей Джеффри Ринтула, Томми. Старается нащупать связь между ней и смертью Джой Синклер. Думаю, он не успокоится, пока что-нибудь не напечатает.

– Он никогда этого не добьется. Во-первых, нет ни единой доступной улики против Джеффри Ринтула. Во-вторых, и Ринтул, и Джой мертвы. А без солидных доказательств ни одна газета в стране не решится напечатать скандальную статью о такой известной семье, как Стинхерсты. Никому из журналистов не хочется прослыть клеветником.

Линли внезапно ощутил беспокойство, потребность двигаться, поэтому он прошелся по комнате к окну и посмотрел на сад. Как и всё, он был покрыт снегом, выпавшим ночью, но все растения обернуты мешковиной, а на верх стены аккуратно насыпаны хлебные крошки. Заботливые руки Деборы, подумал он.

– Айрин Синклер считает, что в свою последнюю ночь Джой заходила к Роберту Гэбриэлу. – Он повторил слова Айрин. – Она рассказала мне об этом вчера вечером. Она скрывала это, надеясь защитить Гэбриэла.

– В таком случае Джой повидалась в ту ночь и с Гэбриэлом, и с Винни?

Линли покачал головой:

– Едва ли. Она не могла быть с Гэбриэлом. По крайней мере, не в постели с ним. – Он сообщил данные вскрытия, присланные департаментом Стрэтклайда.

– Возможно, стрэтклайдская команда ошиблась, – заметил Сент-Джеймс.

Линли невольно улыбнулся:

– Это при таком шефе, как Макаскин? И, по-твоему это

вероятно? Я бы на такую вероятность не поставил. Вчера вечером, когда Айрин сказала мне, сначала подумал, что она ослышалась.

– Гэбриэл был с кем-то другим?

– Именно это я и подумал. Что Айрин лишь предположила, что это Джой. Или, возможно, предположила самое худшее, что могло происходить в комнате между Джой и Гэбриэлом. Но потом я подумал, что она вполне могла и солгать мне, намекнуть на виновность Гэбриэла в смерти Джой, все время повторяя, что хочет защитить его ради своих детей.

– В таком случае это очень тонкая месть, – заметила с порога своей темной комнаты Дебора, где она стояла с проявленной пленкой в одной руке и с лупой в другой.

Сент-Джеймс рассеянно смешал две стопки слайдов.

– А в самом деле. И умная. От Элизабет Ринтул мы знаем, что Джой Синклер была в комнате Винни. Тогда это дополнительное подтверждение, если Элизабет можно доверять. Но кто еще подтвердит заявление Айрин, что Джой была и с ее мужем? Гэбриэл? Конечно нет. Он будет с жаром это отрицать. А больше никто ничего не слышал. Поэтому нам придется решать, верить ли бабнику-мужу или настрадавшейся жене. – Он взглянул на Линли. – Ты все еще уверен насчет Дэвис-Джонса?

Линли повернулся к окну спиной. Вопрос Сент-Джеймса тут же жестко вернул его к отчету, который он получил от констебля Нкаты всего три часа назад, сразу же после ночной

слежки констебля за Дэвис-Джонсом. Информация была достаточно четкой. Покинув квартиру Хелен, он пошел в бар, где купил четыре бутылки спиртного. Нката был точно уверен в количестве, потому что, купив их, Дэвис-Джонс пошел гулять. Температура была ниже нуля, но он словно не замечал ни мороза, ни все еще идущего снега. Он предпринял основательную прогулку, пройдя по Бромптон-роуд, обойдя Гайд-парк, пройдя по Бейкер-стрит и, наконец, закончив ее в своей квартире на Сент-Джонс-Вуд. Целых два часа. И по пути Дэвис-Джонс открывал одну бутылку за другой. Но вместо того, чтобы заливать жидкость внутрь, он методично, варварски выливал содержимое на землю. Пока не покончил со всеми четырьмя бутылками, сказал Нката, покачав головой по поводу пустой траты хорошей выпивки.

И теперь, снова обдумав поведение Дэвис-Джонса, Линли сосредоточился на том, что оно означало: человек, который преодолел алкоголизм, который боролся за шанс возобновить свою карьеру и нормальную жизнь. Человек, полный непреклонной решимости победить, несмотря ни на что, а уж тем более на свое прошлое.

– Он – убийца, – сказал Линли.

Айрин Синклер понимала, что этот спектакль – самый главный в ее карьере, понимала, что должна без единой подсказки почувствовать и ухватить нужный момент. Не будет ни выхода из-за кулис, ни мгновения высшего напряжения,

когда на тебя устремлены все взгляды. Ей придется обойтись без этих счастливых мгновений ради театра жизни. И этот момент настал сразу после перерыва на ланч, когда она и Джереми Винни одновременно прибыли к театру «Азенкур».

Она высаживалась из такси как раз в тот момент, когда Винни пробирался сквозь поток машин из кафе напротив. Просигналил, предупреждая, автомобиль, и Айрин посмотрела в ту сторону.

Винни держал в руках пальто, даже не накинув его, и она подумала, уж не ее ли прибытие заставило его поспешно выскочить из кафе. Журналист подтвердил это сам, с первых же слов. В них звучало злобное возбуждение.

– Как я понял, вчера вечером кто-то напал на Гэбриэла.

Айрин остановилась. Ее пальцы крепко обхватили дверную ручку, и даже сквозь перчатку она почувствовала резкий холод металла. Бессмысленно было выяснять, откуда Винни известна эта новость. Роберт сумел сегодня утром приползти в театр на вторую читку, несмотря на перебинтованные ребра, синяк под глазом и пять швов на подбородке. Весть о том, что его избили, уже через пять минут облетела весь театр. И хотя вся труппа, и художники, и помощники режиссера разразились горячим негодованием, любой из них мог тайком позвонить Винни. Особенно если кто-то втайне жаждал поквитаться с Робертом Гэбриэлом, обрушить на него поток скандальной славы.

– Ты спрашиваешь меня об этом для статьи? – спросила Айрин.

Обхватив себя руками, чтобы немного согреться, она вошла в театр. Винни последовал за ней. Поблизости никого не оказалось. Внутри стояла тишина.

Только навязчивый запах табака свидетельствовал о том, что сегодня утром здесь всюю кипела работа – театр готовился к спектаклю.

– Что он тебе об этом рассказал? И – нет, это не для публикации.

– Тогда зачем ты здесь?

Она, не замедляя шаг, шла к зрительному залу, Винни упрямо ее преследовал. Уже перед самыми тяжелыми дубовыми дверями он поймал ее за руку.

– Потому что твоя сестра была моим другом. Потому что ни от кого в полиции я не могу добиться ни единого слова, несмотря на то, что они там целый день промурыжили нашего грустного лорда Стинхерста. Потому что вчера вечером я не мог дозвониться до Стинхерста и мой редактор твердит мне, что я ни о чем не могу написать, ни единого словечка, пока мы не получим что-то вроде волшебного разрешения сверху сделать это. Все, что касается этой заварухи, испускает вонь до самых небес. Или тебя это не волнует, Айрин? – Его пальцы впились ей в руку.

Она чуть не задохнулась от внезапной злости.

– По-твоему, мне безразлично, что случилось с моей сест-

рой?

– Я думаю, что ты до чертиков довольна, – ответил он. – Ты бы и сама с великой радостью всадила в нее нож.

От этих слов Айрин даже оторопела, почувствовав, как отлила от лица кровь.

– Боже мой, это неправда, и ты это знаешь, – сказала она, слыша, что у нее вот-вот сорвется голос.

Она выдернула руку и бросилась в зрительный зал, смутно сознавая, что он вошел за ней и сел в темноте последнего ряда, как незримая Немезида, защитница мертвых.

Что-что, а стычка с Винни была ей совсем ни к чему перед грядущей встречей с трупой. Она надеялась, что во время ланча обдумает, как ей лучше сыграть роль, которую всю эту ночь разучивала с ней сержант Хейверс. Однако сейчас она чувствовала, как колотится сердце, вспотели ладони, а разум был занят яростным отрицанием последнего обвинения Винни. Это было неправдой. Она снова и снова клялась себе в этом, пока шла к пустой сцене. Однако охватившее ее смятение нельзя было унять простым отнекиванием, и, зная, как много зависит сегодня от ее уровня игры, она воспользовалась уроками театральной школы. Заняв место за одиноко стоящим столом в центре сцены, она прижала сложенные руки ко лбу и закрыла глаза. Это помогло ей без усилий войти в образ, когда несколько минут спустя раздались приближающиеся шаги и голос ее двоюродного брата.

– Ты хорошо себя чувствуешь, Айрин? – спросил Рис Дэ-

вис-Джонс.

Она посмотрела на него, вымученно улыбнувшись.

– Да. Прекрасно. Боюсь, немного устала. – Пока достаточно.

Стали подходить остальные. Айрин скорее слышала, чем видела их, мысленно отмечая приход каждого человека, прислушиваясь к ноткам напряжения в их голосах, признакам вины, признакам нараставшей озабоченности. Роберт Гэбриэл робко сел рядом. С жалкой улыбкой провел пальцами по своему отеку лицу.

– У меня еще не было возможности поблагодарить тебя за прошлую ночь, – нежно произнес он. – Я... в общем, прости меня, Рини. На самом деле, я жутко обо всем сожалею. Я бы кое-что сказал тебе, когда врачи со мной закончили, но ты уже ушла. Я звонил тебе, но Джеймс сказал, что ты уехала в дом Джой. – Он на мгновение задумался. – Рини. Я думал... я действительно надеялся, что мы могли бы...

Она прервала его:

– Нет. Этой ночью у меня было очень много времени для раздумий, Роберт. И я подумала. Как следует. Наконец.

Гэбриэл уловил ее тон и отвернулся.

– Могу представить, до чего ты додумалась в доме сестры, – сказал он с оскорбленным видом.

Появление Джоанны Эллакорт позволило Айрин избежать ответа. Она шествовала по проходу между мужем и лордом Стинхерстом, и Дэвид Сайдем говорил:

– Мы хотим окончательно обсудить все наши костюмы, Стюарт. Я знаю, что это не входит в первоначальный контракт. Но, учитывая все, что произошло, мне кажется, мы имеем право обговорить новую поправку. Джоанна считает...

Джоанна не стала дожидаться, пока ее муж изложит условия.

– Я бы хотела, чтобы по костюмам было видно, кто играет главную роль, – с намеком сказала она, холодно посмотрев в сторону Айрин.

Стинхерст никому из них не ответил. Он так выглядел и так двигался, словно разом превратился в старика. Подъем на сцену, казалось, лишил его последних сил. На нем был тот же костюм, та же рубашка и галстук, что накануне; угольно-черный пиджак измялся, на рукавах обозначились глубокие заломы. Похоже, он полностью утратил интерес к своей внешности. Глядя на него, Айрин, похолодев, вдруг подумала, что он может и не дожить до премьеры своей постановки... Когда он занял свое место и кивнул в знак подтверждения Рису Дэвис-Джонсу, читка началась.

Они дошли до середины пьесы, когда Айрин позволила себе задремать. В театре было так тепло, атмосфера на сцене была такой интимной, их голоса вздымались и опадали с таким гипнотическим ритмом, что заставить себя отключиться оказалось очень легко. Она больше волновалась, что кто-то из них заподозрит что-то не то, она превратилась в актри-

су, которой была много лет назад, до того, как в ее жизнь вторгся Роберт Гэбриэл и подорвал ее уверенность в себе, год за годом, и прилюдно, и наедине унижая ее.

Она даже увидела какой-то сон, когда раздался злобный голос Джоанны Эллакорт:

– Бога ради, может, кто-нибудь ее разбудит? Я не собираюсь прорабатывать свою роль, когда она сидит тут как бабка, похрапывающая у кухонного очага.

– Рини?

– Айрин!

Она, вздрогнув, открыла глаза, с удовольствием ощутив, как ее захлестнула волна смущения.

– Я задремала? Ради бога простите.

– Поздно легла, милочка? – ядовито осведомилась Джоанна.

– Да, боюсь... я... – Айрин сглотнула комок в горле улыбнулась дрожащей улыбкой, чтобы замаскировать боль, и сказала: – Я почти всю ночь разбирала вещи Джой – в Хэмпстеде.

Это заявление всех ошеломило. Айрин была довольна, увидев, какой эффект произвели на них ее слова, и на какое-то мгновение поняла гнев Джереми Винни. С какой легкостью они забыли о ее сестре, как удобно потекли дальше их жизни. Но ничего, для кое-кого еще найдется камень преткновения, подумала она и начала его сооружать, используя всю доступную ей власть.

– Понимаете, там были дневники, – глухо проговорила она, искусно прослезившись.

Джоанна Эллакорт словно почувяла, что она присутствует на представлении, способном затмить ее собственное, и стала тянуть одеяло на себя.

– Вне всякого сомнения, отчет о жизни Джой – это увлекательнейшее чтение, – сказала она. – Но, если ты уже проснулась, возможно, эта пьеса тоже окажется увлекательной.

Айрин покачала головой и позволила себе немного повысить голос:

– Нет, нет, не это. Понимаете, это были не ее дневники. Они пришли вчера экспресс-почтой, и когда я их открыла и нашла там записку от мужа той несчастной женщины, которая их написала...

– Бога ради, может быть, хватит? – Лицо Джоанны побелело от гнева.

– ... я начала читать. И почти с первых строк поняла, что это были как раз те дневники, которые ждала Джой для своей следующей книги. Той женщины, о которой она говорила в тот вечер в Шотландии. И внезапно... я вдруг поняла, что она действительно умерла, что она не вернется. – Из глаз Айрин потекли слезы, став неожиданно обильными, поскольку она почувствовала вдруг прилив искренней скорби. Ее следующие слова почти не соответствовали сценарию, который они с сержантом Хейверс так тщательно готовили. Она говорила довольно бессвязно, но слова эти должны были быть

сказаны. И ничто больше не имело значения, кроме этих слов, произнесенных вслух. – И поэтому никогда не напишет этой книги. И я подумала... сидя в ее доме с дневниками Ханны Дэрроу... что мне следует написать эту книгу за нее, если только я смогу. Как способ сказать, что... в конце я поняла, как это между ними случилось. Я действительно поняла. О, как же это больно. Боже, все равно это было мукой. Но я поняла. И я не думаю... Она всегда была моей сестрой. Я никогда ей этого не говорила. О боже, и никогда больше не смогу сказать, потому что она умерла!

И потом, высказав все это, она расплакалась, определив наконец причину своих слез, скорбя о сестре, которую любила, но простила слишком поздно, скорбя о юности, отданной человеку, который в конце концов уже ничего для нее не значил. Она отчаянно рыдала, оплакивая ушедшие годы и несказанные слова, забыв обо всем на свете, кроме своей скорби.

Снова заговорила Джоанна Эллакорт:

– Ну хватит. Кто-нибудь может ее успокоить, или она будет реветь тут до вечера? – Она повернулась к мужу. – Дэвид! – потребовала она.

Но Сайдем всматривался в зрительный зал.

– К нам посетитель, – сказал он.

Они проследили за его взглядом. В центральном проходе, на полпути к сцене, стояла Маргерит Ринтул, графиня Стинхерст.

Едва закрылась дверь кабинета, она выпалила:

– Где ты был прошлой ночью, Стюарт? – Она не старалась смягчить тон и, сняв пальто и перчатки, бросила их в кресло.

Леди Стинхерст знала, что еще сутки назад она не получила бы ответа на подобный вопрос. Тогда она бы молча проглотила это унижение, скрывая в душе обиду и страшась узнать правду. Но теперь она не собиралась этого терпеть. Вчерашние откровения в этой комнате заставили ее всю ночь заново все оценивать и вызвали злость, настолько яростную, что от нее нельзя было больше отгородиться стеной намеренного равнодушия.

Стинхерст прошел к своему столу, опустился в массивное кожаное кресло.

– Сядь, – сказал он.

Его жена не шелохнулась.

– Я задала тебе вопрос. Я хочу получить ответ. Где ты был прошлой ночью? И пожалуйста, не говори, что Скотленд-Ярд держал тебя до девяти утра. Мне хочется думать, что я все-таки не совсем дура.

– Я пошел в гостиницу, – сказал Стинхерст.

– Не к себе в клуб?

– Нет. Мне хотелось побыть одному.

– А дома это невозможно, да?

Минуту Стинхерст молчал, вертя в руках длинный серебряный нож для вскрытия писем, который лежал на его столе. Он отбрасывал тускловатые блики.

– Я что, не смогу посмотреть тебе в глаза?

Возможно, ее собственная реакция лучше всего показала ей, насколько изменились их отношения. Его голос звучал ровно, но ломко, словно при малейшем поводе лорд Стинхерст готов был потерять самообладание. Его кожа была мертвенно-бледной, глаза налились кровью, и, когда он положил ножик на стол, его жена заметила, что руки у него дрожат. И тем не менее все это совершенно ее не трогало, ибо она прекрасно знала, что ему наплевать на ее благополучие, на благополучие их дочери, даже на его собственное... Ему бы только скрыть от газетных писак подробности жизни этого предателя Джеффри Ринтула и правду о его насильственной смерти. Она сама видела Джереми Винни в последних рядах зрительного зала. И понимала, зачем он здесь. Ее злость закипела снова.

– А я сидела дома, Стюарт, терпеливо дожидаясь, как всегда, беспокоясь о тебе, о том, что происходит в Скотленд-Ярде. Час за часом. Я подумала – я только потом поняла, как это глупо, – что каким-то образом эта трагедия может сблизить нас. Вообрази, что я думала, несмотря на сочиненную тобой историю о моем «романе» с твоим братом, что мы все еще можем спасти наш брак? И как дура, я послушно ждала и ждала. Пока наконец не поняла, что спасать нечего. Все умерло много лет назад, конечно, только я слишком боялась себе в этом признаться. До прошлой ночи.

Лорд Стинхерст поднял руку, надеясь остановить ее.

– Ты умеешь выбрать время, нечего сказать. Сейчас не самый подходящий момент обсуждать наш брак. Полагаю, хотя бы это ты должна понимать.

Это был тот самый его тон, каким он отпускал ее. Такой холодный и как бы завершающий разговор. Суровый в своей сдержанности. И странно, что он никак на нее не подействовал. Она вежливо улыбнулась:

– Ты не понял. Мы не обсуждаем наш брак. Тут нечего обсуждать.

– Тогда зачем...

– Я рассказала Элизабет о ее бабушке. Я думала, что мы могли бы сделать это вместе вчера вечером. Но ты не вернулся домой, я и сказала сама. – Она прошла по комнате и остановилась перед столом. Оперлась костяшками пальцев о девственно чистую поверхность. На ее пальцах почти не было колец. Он смотрел на нее, но молчал. – И знаешь, что она сказала, когда я поведала ей, как ее любимый бабушка убил ее дядю Джеффри, переломил его красивую шею пополам?

Стинхерст покачал головой. Опустил глаза.

– Она сказала: «Мамочка, ты загоразливаешь телик. Отойди, пожалуйста». Ну разве это не смешно? Все эти годы, посвященные охране священной памяти бабушки, которого она обожала, свелись вот к этому. Разумеется, я сразу же отошла в сторону. Я ведь такая, верно? Сговорчивая, всем хочу угодить. Вечно надеюсь, что все обернется к лучшему, если я терпеливо не буду обращать на что-то внимание. Я

– пустая оболочка, а не человек, и наш брак – пустая оболочка. Я как тень бродила по нашему великолепному дому в Холланд-парке, обладая всеми привилегиями, за исключением одной, которой я отчаянно желала все эти годы. Любви. – Леди Стинхерст ждала, что на лице ее мужа отразится хоть что-то похожее на чувство. Ничего подобного. Она продолжала: – И тогда я поняла, что не могу спасти Элизабет. Она слишком долго жила среди лжи и полуправды. Спасти ее может только она сама. Как и я.

– И что это должно означать?

– Что я от тебя уйду, – сказала она. – Не знаю, навсегда ли. Пока мне недостает смелости это сделать. Но я уезжаю в Сомерсет, пока не разберусь в себе, пока не пойму, чего хочу. И если все же навсегда, можешь не беспокоиться. Мне много не нужно. Несколько комнат где-нибудь и немного тишины и покоя. Не сомневаюсь, что мы сможем прийти к обоюдному согласию. А если не получится, наши уважаемые адвокаты...

Стинхерст сдвинул кресло в сторону.

– Не *делай* этого со мной. Не сегодня. Пожалуйста. У меня и так много проблем.

Ее улыбка была полна сожаления.

– Вот-вот, проблем? Я собираюсь добавить тебе еще одну, еще одно неудобство. Мало ли, вдруг это станет известно инспектору Линли, опять придется что-то изобретать. Что ж, спешки никакой нет, просто мне нужно было с тобой пого-

ворить, почему бы не сейчас? Надо же все тебе сказать.

– Все? – тупо переспросил он.

– Да. Есть еще кое-что, прежде чем я уйду. Сегодня утром звонила Франческа. Она сказала, что больше этого не вынесет. Из-за Гоувана. Она думала, что сможет это сделать. Но Гоуван был ей дорог, и ей нестерпимо думать, что она предала его память. Сначала она, разумеется, была готова – ради тебя. Но поняла, что не в состоянии притворяться. Поэтому сегодня днем она намерена поговорить с инспектором Мааскином.

– О чем ты говоришь?

Леди Стинхерст натянула перчатки, взяла пальто, готовясь уйти. И с великим удовольствием – это была радость мести – пояснила:

– Франческа солгала полиции относительно того, что она делала и что видела в ночь, когда умерла Джой Синклер.

– Пап, я принесла китайскую еду. – Барбара Хейверс просунула голову в дверь гостиной. – Но только ты воюй в этот раз с мамой из-за креветок. Договорились? А она где?

Ее отец сидел перед оглушительно оравшим телевизором. Горизонтальная настройка соскальзывала, и головы людей были срезаны как раз над бровями, так что программа Би-би-си больше смахивала на фантастический фильм.

– Пап? – повторила Барбара.

Он не ответил. Она прошла в комнату, уменьшила гром-

кость и повернулась к нему. Он спал, челюсть у него отвисла, трубочки, питавшие его кислородом, криво сидели в ноздрях. На полу рядом с креслом валялись кипы журналов для лошадников и любителей скачек, а на коленях лежала развернутая газета. В комнате было слишком жарко, собственно, как и во всем доме, и мускусный старческий запах ощущался сильнее, словно сочился из стен и мебели. Он смешивался с еще более резким запахом переваренной пищи, явно уже несъедобной.

Появление Барбары и ее возня с телевизором разбудили отца. Увидев дочь, он улыбнулся, обнажив почерневшие, кривые зубы, местами вовсе отсутствующие.

– Барби. Папуля задремал.

– А где мама?

Джимми Хейверс заморгал, поправляя трубочки в носу и доставая носовой платок, чтобы хорошенько в него откашляться. При каждом вдохе в груди у него булькало.

– У соседки. Миссис Густафсон опять свалил грипп, и мама понесла ей супу.

Зная, насколько сомнительны кулинарные таланты ее матери, Барбара на секунду встревожилась за миссис Густафсон – как бы ей не стало хуже от материнской стряпни. И все-таки хорошо, что мать решила выйти из дому. Впервые за многие годы.

– Я принесла китайской еды, – сказала она отцу, указывая на пакет, висевший у нее на руке. – Сегодня ночью меня

опять не будет. У меня всего полчаса, чтобы поесть.

Отец нахмурился:

– Маме это не понравится, Барби. Совсем не понравится.

– Поэтому я и купила еды. Хочу ее задобрить. – С этими словами она пошла на кухню, расположенную в задней части дома.

При виде того, что там творилось, сердце у нее упало. Дюжина жестянок с супом стояли рядом около раковины, крышки их были открыты и в каждой торчала ложка, словно ее мать попробовала из каждой, решая, что именно предложить соседке. Три жестянки разогревались – каждая в отдельной кастрюльке, под кастрюльками горел огонь, содержимое их выкипело и поджарилось, благоухая подгоревшими овощами и молоком. Совсем близко от горящей конфорки лежала открытая пачка печенья, содержимое ее вывалилось, обертка была в спешке оторвана, и часть ее валялась на полу.

– О, черт, – устало проговорила Барбара, выключая плиту. Она положила свой пакет на кухонный стол, рядом с последним альбомом матери о путешествиях. Мельком на него взглянув, она определила, что на этой неделе мать тешилась Бразилией, но Барбаре было не до фотографий, вырезанных из журналов. Нашарив под раковиной мешок для мусора, она стала бросать туда жестянки с супом, а вскоре входная дверь открылась и в коридоре послышались неуверенные шаги, и вот уже мать появилась в дверях кухни, держа в руках об-

шарпанный пластмассовый поднос. На нем так и остались суп, печенье и сморщенное яблоко.

– Он остыл, – сказала миссис Хейверс, ее бесцветные глаза старались не выдать смущения. Поверх обтрепанного домашнего платья на ней была криво застегнутая кофта. – Я не догадалась накрыть суп, доченька. А к ней как раз дочка приехала, она сказала, что миссис Густафсон не нужно никакого супа.

Барбара посмотрела на причудливое месиво и благословила дочь миссис Густафсон если не за тактичность, то за мудрость.

Суп представлял собой мешанину из всего, что грелось в кастрюльках: горох, похлебка из моллюсков и помидоры с рисом. Сразу застыв на уличном холоде, эта бурда покрылась сморщенной пленкой, отдаленно напоминавшей свернувшуюся кровь. При виде ее Барбара почувствовала легкую тошноту.

– Ну и ладно, мама, – сказала она. – Ведь ты же о ней подумала, верно? И миссис Густафсон наверняка это запомнит. Ты повела себя по-соседски.

Ее мать рассеянно улыбнулась:

– Да. По-соседски, правда? – Она поставила поднос на самый край стола. Барбара метнулась к нему, чтобы поймать, пока он не упал на пол. – Ты видела Бразилию, доченька? – Миссис Хейверс с любовью погладила альбомную обложку из искусственной кожи. – Я сегодня над ним славно порабо-

тала.

– Да. Я глянула одним глазком. – Барбара продолжала скидывать в мусорный мешок то, что стояло на столе. В раковине высилась стопка невымытых тарелок. От нее исходил слабый запах гнили, говоривший, что под этой кучей были погребены остатки пищи. – Я принесла китайской еды, – сказала она матери. – Но мне уже пора уходить.

– Ох, доченька, не надо, – отозвалась мать. – В холод? В темноту? Думаю, это неразумно. Молодые барышни не должны ходить по улицам одни.

– Это служебные дела, мама, – ответила Барбара.

Она подошла к буфету и увидела, что остались только две чистые тарелки. Не важно, сама она поест прямо из коробки, когда отложит родителям их порции.

Пока она накрывала стол, ее мать бессмысленно толклась рядом. И вдруг в дверь позвонили. Они переглянулись.

Лицо матери помрачнело.

– Этого не может быть... Нет, я знаю. Тони не вернется, правда? Он же умер, да?

– Он умер, мама, – твердо ответила Барбара. – Поставь чайник. А я открою дверь.

Позвонили еще раз. Нетерпеливо чертыхаясь, она нащупала выключатель наружного света и открыла дверь. О боже! На крыльчке стояла леди Хелен Клайд... Она была вся в черном, и уже одно это должно было насторожить Барбару. Но в тот момент она с ужасом думала лишь о том, что, если

только это не кошмар, от которого она, к счастью, очнется, ей придется пригласить эту женщину в дом.

Младшую дочь десятого графа Хесфилда, выросшую в огромном доме в Суррее, обитательницу одного из самых фешенебельных районов Лондона. Зачем она пришла в эти трущобы, в худший из кварталов Эктона... зачем? Барбара в изумлении молча смотрела на нее, искала взглядом ее автомобиль и увидела красный «мини» леди Хелен, припаркованный за несколько домов отсюда. Она услышала нервное всхлипывание матери где-то позади.

– Доченька? Кто это? Это не...

– Нет, мама. Все в порядке. Не волнуйся, – крикнула она через плечо.

– Извините меня, Барбара, – сказала леди Хелен. – У меня не было другого выхода.

Ее слова привели Барбару в чувство. Она распахнула дверь:

– Входите.

Когда леди Хелен прошла мимо нее и остановилась в холле, Барбара невольно посмотрела на свой дом глазами этой женщины, увидев, как кружатся тут в диком танце безумие и бедность, крепко взявшись за руки. Потертый линолеум на полу, не мытый месяцами, по которому протянулись цепочки следов и лужицы растаявшего снега; выцветшие обои, отстающие в углах и с растущим пятном сырости у двери; разбитая лестница и ряд крючков в стене, на которых небрежно

висела потрепанная одежда, часть которой не надевали много лет; старая ротанговая подставка для зонтиков, зиявшая дырами там, где мокрые зонты проели со временем пальмовое волокно; запахи пригоревшей еды, старости и заброшенности.

Моя комната не такая! – захотелось ей крикнуть. – *Но я не в состоянии ухаживать за ними как надо, и платить по счетам, и готовить, и следить, чтобы они убирали за собой!*

Но она ничего не сказала. Просто стояла и ждала, что скажет леди Хелен, и, умирая от стыда, смотрела, как ее отецковыляет к двери гостиной, в этих своих мешковатых брюках и серой, в пятнах рубашке, подтягивая за собой на тележке свой баллон с кислородом.

– Это мой отец, – сказала Барбара и, когда ее мать выглянула из кухни, как перепуганная мышь, добавила: – А это моя мать.

Леди Хелен подошла к Джимми Хейверсу, протягивая руку.

– Я – Хелен Клайд, – сказала она и, заглянув в кухню: – Я, видимо, прервала ваш ужин, миссис Хейверс?

Джимми Хейверс широко улыбнулся.

– Сегодня едим китайское, – сказал он. – У нас хватит, если вы хотите перекусить, верно, Барби?

В другое время Барбара, наверное, мрачно усмехнулась бы, представив, как леди Хелен Клайд ест китайские дешевые деликатесы из картонных коробок, расположившись за

кухонным столом и болтая с ее матерью о путешествиях в Бразилию, Турцию и Грецию, которыми был заполнен ее больной мозг. Но теперь Барбара только почувствовала растерянность, оттого что стала известна унижительная правда о ее жизни, от сознания, что леди Хелен может ненароком рассказать об условиях ее жизни Линли.

– Спасибо, – любезно ответила леди Хелен. – Я совсем не голодна. – Она улыбнулась Барбаре, но улыбка была похожа на гримасу боли.

Увидев это, Барбара поняла, что, каким бы ни было ее собственное состояние из-за этого визита, леди Хелен сейчас гораздо хуже. Так что она приветливо сказала:

– Я только усажу их за стол, Хелен. Гостиная вот здесь, если вас не слишком напугает жуткий беспорядок.

Не дожидаясь, как леди Хелен отреагирует на их обветшавшую гостиную, заставленную очень старой потрескавшейся мебелью, Барбара повела отца на кухню. Успокоив мать, разволновавшуюся из-за неожиданного визитера, она ловко раскладывала рис, жареные креветки, курицу с кунжутном и устрицы, не переставая гадать, что же привело эту женщину в ее дом. Ей не хотелось думать, что леди Хелен могла уже знать о предстоящем сегодня аресте. Что именно этот арест стал причиной ее прихода. Но в душе она знала, что другой причины быть попросту не могло. Она и леди Хелен вращались в разных социальных кругах. Так что вряд ли это был просто светский визит, внезапная прихоть.

Когда через несколько минут Барбара вошла в гостиную, леди Хелен сидела на краешке дивана, набитого искусственным конским волосом, устремив взгляд на стену напротив, где висела единственная фотография младшего брата Барбары, окруженная прямоугольниками более темных обоев, оставшимися от висевших здесь прежде снимков, связанных с его смертью. Как только Барбара вошла в комнату, леди Хелен встала.

– Сегодня вечером я иду с вами, – сразу, без обиняков заявила она и тут же виновато взмахнула рукой: – Я могла бы выразиться повежливее, но мне кажется, что это теперь не так уж важно, не так ли?

Верно, и лгать теперь тоже было ни к чему.

– Как вы узнали? – спросила Барбара.

– Я позвонила Томми примерно час назад. Дентон сказал, что он сегодня ведет наблюдение. А Томми обычно сам наблюдение не ведет, верно? Потому я и догадалась. – Она снова взмахнула рукой и грустно улыбнулась. – Если бы я знала, где все это происходит, я просто поехала бы туда сама. Но я не знаю. И Дентон не знает. И в Скотленд-Ярде никто не смог или не захотел мне сказать. Поэтому я еду с вами. И я *последую* за вами, даже если вы будете против. – Она понизила голос. – Простите меня. Я знаю, в какое дурацкое положение я вас ставлю. И знаю, как разозлится Томми. На нас обеих.

– Тогда зачем вы это делаете?

Взгляд леди Хелен снова уперся в фотографию брата Барбары. Это был старый школьный снимок, не очень умелый, но Тони был на нем таким, каким Барбаре нравилось его помнить: широкая улыбка, щербинка на месте выпавшего верхнего зуба, веснушчатое лицо – лукавое и проказливое, копна спутанных волос.

– После... всего, что случилось, я должна там быть, – сказала леди Хелен. – Это завершение. Мне это нужно. И похоже, единственный способ, которым я могу положить этим конец для себя... единственный способ наказать себя за то, что была такой жуткой дурой... быть там, когда вы его схватите. – Леди Хелен снова посмотрела на нее. Она была очень бледной. Вид у нее был истощенный и болезненный. – Как мне передать вам, что чувствуешь, когда знаешь, что тебя использовали? И после того как набросилась на Томми, который хотел лишь открыть мне глаза?

– Мы звонили вам вчера вечером. Инспектор пытался связаться с вами целый день. Он с ума сходит от беспокойства.

– Простите. Я не... я была не в состоянии посмотреть ему в глаза.

– Простите, что говорю вам это, – нерешительно начала Барбара, – но мне кажется, что инспектор совсем не рад, что оказался прав. И не только из-за вас.

Она не стала рассказывать о своей дневной встрече с Линли, о том, как он нервничал, подбирая группу для наблюдения, о его бесконечных звонках на квартиру леди Хелен, в

дом ее родителей в Суррее, домой Сент-Джеймсу. Она не стала упоминать о его все более мрачных мыслях, или о том, как он нетерпеливо бросался каждый раз к телефону, или о том, как его голос становился все более безразличным, что совсем не вязалось с окаменевшим от напряжения лицом.

– Вы позволите мне поехать с вами? – спросила леди Хелен.

Барбара знала, что этот вопрос – простая формальность.

– Вряд лия смогу вас остановить, – ответила она.

Линли находился в доме Джой Синклер в Хэмпстеде с половины пятого. Члены группы, ведущей слежку, прибыли чуть позже, разместившись в условленных местах: двое в грязном фургончике со спущенным колесом на полдороге по Флэскуок, еще один человек над книжным магазином на углу Бэк-лейн, другой в лавке лекарственных трав и еще один – на Хай-стрит, откуда он мог видеть станцию подземки. Сам Линли засел в доме, недалеко от наиболее вероятного места вторжения: дверей столовой, выходящих в задний садик. Он сидел в одном из низких кресел в неосвещенной гостиной, слушая по рации короткие сообщения от ведущих наблюдение снаружи.

В самом начале девятого пара в фургончике объявила:

– Хейверс в нижнем конце Флэск-уок, сэр. Она не одна.

Изумленный Линли встал, подошел к парадной двери и чуть приоткрыл ее в тот момент, когда сержант Хейверс и

леди Хелен прошли под уличным фонарем, их лица осветил жуткий янтарный свет. Бросив быстрый взгляд по сторонам, они поспешно вошли в садик перед домом, а потом и в дверь.

– Ради бога, что... – горячо заговорил Линли, как только они, закрыв за собой дверь, очутились в темном холле.

– Я сама за ней увязалась, Томми, – сказала леди Хелен. – Дентон сказал мне, что ты пошел на наблюдение. Я сразу сообразила, что к чему, и поехала домой к сержанту Хейверс.

– Я не могу тебя здесь оставить. Проклятье, может случиться все, что угодно. – Линли прошел в гостиную и схватил рацию: – Мне понадобится здесь человек, чтобы...

– Нет! Не делай этого! – Леди Хелен в отчаянии бросилась к нему, но не прикоснулась. – Вчера вечером я сделала то, о чем ты меня просил. Я сделала все о чем ты меня просил. Поэтому позволь мне теперь остаться здесь. Мне нужно, Томми. Я тебе не помешаю, я обещаю. Клянусь. Просто позволь мне закончить это так, как мне надо. Пожалуйста. – Он внезапно почувствовал странную нерешительность. Хотя знал, что обязан был выпроводить ее. Ради нее же самой. Ее присутствие здесь было не более уместным, чем в гуще уличной свалки. Слова – очень правильные и убедительные – уже готовы были сорваться у него с языка, но тут Хелен снова заговорила, поразив его до глубины души: – Позволь мне покончить с Рисом наилучшим для меня способом. Умоляю тебя, Томми.

– Инспектор? – проскрипел из рации голос. Линли отры-

висто ответил:

– Все в порядке. Оставайтесь на своих местах.

– Спасибо, – прошептала леди Хелен. Ответить он не смог. В его мозгу накрепко засела одна-единственная ее фраза: «Я сделала все, что ты просил». Он помнил ее последние слова, сказанные прошлым вечером, и мысль о том, что они означали, была просто невыносима. Он молча прошел мимо нее в темный угол столовой, на дюйм отвел штору, чтобы посмотреть на улицу, и, ничего не увидев, снова уселся в кресло. Их долгое совместное ожидание началось.

Следующие шесть часов леди Хелен вела себя, как обещала. Она не шевелясь сидела в кресле напротив. Не разговаривала. Иногда Линли казалось, что она спит, но ее лицо было плохо различимо. Лишь призрачное расплывчатое пятно под черной банданой, которую она повязала на голову.

Игра света делала ее бестелесной, словно она ускользала от него, как исчезает со временем лицо на фотографии. Теплые карие глаза, дуги бровей, нежные очертания щек и губ, откровенно упрямый подбородок – все это делалось менее различимым по мере того, как проходили часы. И, сидя напротив нее – сержант Хейверс была третьей в их треугольнике ожидания, – он почувствовал к ней страстное влечение, какого никогда не испытывал раньше, ничего похожего на сексуальную тягу, это было глубокое влечение сердца, тяга души к родственной душе, к существу, которое и есть та самая единственная твоя половинка. Он чувствовал себя пу-

тешественником, исходившим множество дорог – для того только, чтобы вернуться к началу своего путешествия и оценить это благословенное место в полной мере.

Одновременно он ощущал, что пришел слишком поздно. Без десяти два рация с треском ожила:

– Пешеход, инспектор. Идет по Флэск-уок... Старательно держится в тени... О, отличный приемчик, чтобы... Не хочет лезть на глаза полиции... темная одежда, темная вязаная шапка, воротник пальто поднят... Теперь остановился. За три дома от гнездышка. – На несколько минут наступила пауза. Затем монолог шепотом возобновился: – Перешел улицу, чтобы осмотреться... Продолжает приближаться... Снова перешел к Бэк-лейн... Это наш птенчик, инспектор. Никто не станет шляться по этой улице в два ночи да еще в такую погоду... Передаю дальше. Мне уже не видно... Свернул на Бэк-лейн.

Другой голос подхватил, сказав только:

– Подозреваемый приближается к садовой стене... натягивает что-то на лицо... проводит рукой по кирпичам...

Линли выключил рацию. Бесшумно переместился в столовую – в самый темный угол. Сержант Хейверс последовала за ним. Позади них встала леди Хелен.

Сначала Линли ничего не видел за дверями столовой. А затем на фоне темного неба возник еще более темный силуэт: злоумышленник забрался на садовую стену. Внутрь свесилась нога, потом другая. Затем раздался глухой удар, когда

он прыгнул на землю. Лица видно не было, хотя и от звезд, и от уличных фонарей с Бэк-лейн было достаточно света, чтобы осветить снег, тонкие ветки деревьев на его фоне, полосы раствора между кирпичами стены, даже – слегка – внутренность дома. Но потом Линли сообразил, что мужчина надел лыжную маску. И сразу стал походить не на взломщика, а на убийцу.

– Хелен, возвращайся в гостиную, – выдохнул Линли.

Но она не двинулась. Он оглянулся через плечо и увидел, что ее широко раскрытые глаза застыли на фигуре в саду, крадучись приближающейся к двери. Она стояла, прижав к губам кулак.

И затем произошло невероятное.

Когда он поднялся на четыре ступеньки и поднял руку, чтобы обследовать дверь, леди Хелен неистово выкрикнула:

– Нет! О боже, Рис!

И с этого момента события понеслись с ужасающей быстротой.

Фигура на мгновение застыла, а потом метнулась назад, к стене, и одолела ее единым рывком.

– Господи Иисусе! – закричала сержант Хейверс, бросилась к дверям столовой и распахнула их, впустив ледяной ночной воздух.

Невероятность того, что сделала Хелен, парализовала Линли. Она *не могла*... Она не хотела... Она никогда бы... Она шла к нему в темноте.

– Томми, *прошу* тебя...

Ее дрожащий голос тут же привел его в чувство. Оттолкнув ее в сторону, он кинулся к радиации и коротко сообщил:

– Мы его упустили.

Затем кинулся к парадной двери и выскочил наружу, не обращая внимания на тех, кто остался сзади.

– Бежит к Хай-стрит! – прокричал голос над книжным магазином на другой стороне улицы, когда Линли мчался мимо.

Но Линли и сам увидел черный силуэт, услышал отчаянный топот ног по тротуару, вот беглец поскользнулся на полоске льда, выправился и побежал дальше. Он больше не прятался в тень, а мчался по середине улицы, то вбегая, то выбегая из кругов света от уличных фонарей. Его бег грохотом отдавался в ночном воздухе.

В нескольких шагах позади себя Линли слышал Хейверс. Она мчалась во весь дух, ругая леди Хелен последними словами. – Полиция!

Два констебля из фургончика стремительно обогнули угол, быстро догоняя их.

Тем временем преследуемый выскочил на Хит-стрит, на одну из главных улиц Хэмпстед-Виллидж. Вдруг его, как загнанного зверя, высветил свет фар встречного автомобиля. Завизжали шины, громко загудел клаксон. Огромный «мерседес» затормозил в каком-то дюйме от его бедра. Но он не побежал дальше. Развернулся и ухватился за дверцу. Даже

на расстоянии в полквартила Линли услышал жуткий крик внутри машины. – Ты! Стой!

Еще один констебль выскочил из-за угла с Хай-стрит, менее чем в тридцати ярдах от «мерседеса». Однако, услышав крик, фигура в черном круто повернула направо и продолжила свой бег в горку.

Однако остановка у машины стоила ему преимущества во времени, и Линли почти нагнал его, даже слышал его хриплое дыхание, и вдруг тот метнулся к узкой каменной лестнице, что вела на склон холма – в квартал наверху. Перескакивая через три ступеньки, он одолел лестницу и остановился на площадке, где в тени арки стояла у двери металлическая корзина с пустыми молочными бутылками. Схватив корзину, он швырнул ее на ступеньки позади себя, прежде чем побежать дальше, но разбившееся стекло только перепугало местных собак, которые разразились чудовищным лаем.

В домах, что стояли вдоль лестницы, загорелся свет, что облегчило Линли продвижение среди битого стекла.

Улица наверху была обсажена огромными буками и платанами, чьи кроны укрывали ее смутными тенями. Линли остановился, прислушался, пытаясь сквозь вой ночного ветра и лай собак различить топот ног и разглядеть в темноте бегущего. Хейверс взбежала следом, пыхтя и продолжая ругаться.

– Куда он...

Линли услышал его первым, слева. Слабый удар о металл

– беглец, обзор которого был ограничен лыжной маской, наткнулся на урну. Это Линли и было нужно.

– Он бежит к церкви! – Он развернул Хейверс назад, к ступенькам. – Идите за остальными, – приказал он. – Скажите им, чтобы бежали к Святому Иоанну! Быстро!

Линли некогда было проверять, как она выполнила приказ. Топот впереди снова увлек его в погоню, через Холли-хилл в узкую улочку, где он сразу определил, что здесь преимущество у него – сердце его дрогнуло от радости. Высокие стены с одной стороны и открытые лужайки – с другой, то есть никакого прикрытия. Через мгновение он увидел – ярдах в сорока впереди, – как мужчина свернул в открытые ворота в стене. Когда он сам добежал до ворот, то увидел, что снег на дорожке лежит неубранным и что смазанные удлиненные следы ведут через широкую лужайку в сад. Там беглец, продираясь через живую изгородь из остролиста, зацепился за колючие листья. Он громко крикнул от боли. Бешено залаяла собака. Вспыхнул прожектор. Внизу, на Хай-стрит, завывала сирена, все громче и громче, по мере того как приближался полицейский автомобиль.

Этот оглушительный вой, видимо, вызвал прилив адреналина у мужчины, которому необходимо было срочно высвободиться из кустов. Когда Линли приблизился к нему, он бросил на него дикий взгляд и, собрав силы, вырвался из колючих объятий растения. Упал на колени – уже по другую сторону изгороди, с трудом поднялся на ноги и побе-

жал дальше. Линли бросился в другом направлении, увидел в стене вторые ворота и стал прокладывать к ним путь по снегу, потеряв по меньшей мере тридцать секунд. Выскочил на улицу.

Справа от него неясно темнела за низкой кирпичной стеной церковь Святого Иоанна. Там шевельнулась тень, прижалась к земле, перепрыгнула через стену. Линли продолжал бежать.

Он сам с легкостью перемахнул через стену, приземлившись в сугроб. Через секунду слева от себя он увидел легко двигавшуюся в сторону кладбища фигуру. Звук сирены неотвратно приближался, визг шин по мокрой мостовой отдавался эхом.

Линли пробивался вперед по колено в снегу – в сторону расчищенной дорожки.

Темная фигура впереди начала прятаться за могилами.

Этого Линли и ждал. На кладбище снег был глубже, некоторые могильные камни были завалены полностью. Очень скоро он услышал, как беглец отчаянно мечется, врезаясь в указатели и пытаясь пробраться к дальней стене, за которой была улица.

Сирена замолчала, лишь мигали и переливались синие огни, полицейские начали перепрыгивать через стену. Свет их фонарей метался по снегу, нащупывая беглеца. Но они невольно хорошенько осветили и могилы, и он, огибая саркофаги и памятники, двинулся к стене.

Линли держался расчищенной дорожки, которая вилась среди густо посаженных сосен, иглы которых усыпали обледеневшую дорожку, и поэтому башмаки его почти не скользили. И в конце концов он наверстал здесь время, драгоценные секунды, которые потратил, чтобы снова найти этого субъекта.

Тот был секундах в двадцати от стены. Слева от него бабахнулись в снегу два констебля. Позади – пробиралась среди могил Хейверс. Справа бежал, сделав решающий бросок, Линли. У противника уже не оставалось ни единого шанса. Тем не менее, издав дикий вопль, который, похоже, означал последнюю отчаянную попытку, он прыгнул вверх. Но Линли оказался проворнее.

Тип бешено вырывался, изворачивался. Линли ослабил хватку, чтобы увернуться от удара, противник тут же воспользовался секундным преимуществом, чтобы попытаться взобраться на стену. Он подпрыгнул, ухватился за верх стены, изо всех сил вцепился в нее, подтянулся и начал переваливаться на другую сторону.

Но Линли не растерялся. Схватив его за черный свитер, он стащил беглеца со стены, обхватил его рукой за шею и швырнул в снег. Он, тяжело отдуваясь, стоял над ним, пока сбоку не подоспела Хейверс, дышавшая со свистом, как бегун на длинные дистанции. Пропахав сугроб, подоспели два констебля, и один из них успел выдать: «Ты готов, сынок», – прежде чем разразился кашлем.

Линли подошел, рывком поставил мужчину на ноги, стянул с него лыжную маску и подтащил к свету.

Это был Дэвид Сайдем.

– Дверь Джой не была заперта, – сказал Сайдем.

Они сидели за столом в одной из комнат для допросов Нью-Скотленд-Ярда. Эта комната была спроектирована так, чтобы исключить всякую возможность побега, в ней не было ни одной декоративной детали, которая могла бы хоть как-то разбудить фантазию. Говоря, Сайдем ни на кого не смотрел, ни на Линли, сидевшего напротив него, сводившего воедино все подробности дела; ни на сержанта Хейверс, которая впервые не делала заметок, а только подбрасывала вопросы, чтобы добавить информацию к уже имеющимся у них данным; ни на зевающую стенографистку – ветерана полиции с двадцатидвухлетним стажем работы, которая записывала все с выражением скуки на лице, из чего можно было заключить, что ее уже невозможно было удивить никакими хитро-сплетениями человеческих отношений, приводящих к насилию. Сайдем повернулся ко всем троем боком, чтобы дать возможность насладиться своим профилем. Его глаза были устремлены в угол комнаты, где лежал мертвый мотылек, он пристально смотрел на него, словно это помогало ему воссоздать ужасающее прошлое, полное насилия.

В его голосе звучала только чудовищная усталость, естественная в половине четвертого утра.

– Кинжал я взял раньше, когда спустился в библиотеку

за виски. Оказалось, это совсем просто: снять его со стены в столовой, пройти через кухню, вверх по черной лестнице и принести в комнату. А потом мне оставалось только подождать.

– Вы знали, что ваша жена с Робертом Гэбриэлом?

Сайдем перевел взгляд на «Ролекс», который золотым полумесяцем блеснул из-под черного свитера. Он ласкающим движением провел пальцем по его циферблату. Руки у него были довольно большие, но не огрубевшие, незнакомые с тяжелым трудом. Они совсем не походили на руки убийцы.

– Я быстро об этом догадался, инспектор, – наконец ответил он. – Как признает, без сомнения, и сама Джоанна, я сам сводил ее с Гэбриэлом, и она просто сделала то, чего мне хотелось. Театр абсурда реальности. Мастерская месть, не так ли? Сначала я, разумеется, не был уверен, что она действительно с ним. Я подумал... возможно, я надеялся... что она ушла в какое-то другое место в доме, чтобы похандрить. Но полагаю, я все же знал, что это совсем не в ее духе. В любом случае позавчера в «Азенкуре» Гэбриэл откровенно намекнул, что завоевал мою жену. Он ведь не из тех, кто молчит о таких вещах, не так ли?

– Это вы напали на него позавчера в его примерной?

Сайдем печально улыбнулся:

– Единственное, чем я по-настоящему наслаждался в этой чертовой заварухе. Мне не нравится, когда другие мужчины имеют мою жену, инспектор, независимо от того, насколько

она сама этого хочет.

– Но сами вы были очень даже не прочь развлечься с чужой женой, раз уж мы об этом заговорили.

– А, Ханна Дэрроу. В конце у меня было чувство, что эта маленькая распутница меня доконает. – Сайдем взял пластиковую чашку из-под кофе, стоявшую перед ним на столе. Его ногти оставили на ней узор из полумесяцев. – Когда Джой говорила за ужином о своей новой книге, она упомянула о дневниках, которые пыталась добыть у Джона Дэрроу, и я сразу понял, чем все обернется. Она была не из тех, кто сдаётся, даже если Дэрроу и сказал один раз «нет». Она никогда не добилась бы такой славы, если бы отступала перед вызовом, верно? Поэтому, когда она заговорила о дневниках, я понял, что рано или поздно она их все равно получит. А я не знал, что Ханна там понаписала, поэтому не мог рисковать.

– Что случилось с Ханной Дэрроу в ту последнюю ночь? Сайдем посмотрел на Линли.

– Мы встретились на мельнице. Она опаздывала минут на сорок, и я начал думать – вернее, надеяться, – что она не придет. Но она наконец появилась, как всегда горя нетерпением заняться любовью – прямо там, на полу. Но я... я отвлек ее. Я принес ей шарф, который она облюбовала в одном магазинчике в Норвиче. И настоял, чтобы она позволила мне сразу же повязать его ей. – Он смотрел на свои пальцы, которые теребили белую кофейную чашечку, загибая ее края внутрь. – Тут все прошло гладко. Целуя ее, я затянул узел.

Линли подумал о некоторых простодушных замечаниях в дневнике Ханны, на которые он не сразу обратил внимание, и рискнул проверить свои догадки:

– Я удивлен, что вы не осчастливили ее в последний раз, там, на мельнице, если уж она этого хотела.

Линли тут же услышал именно тот ответ, которого он ждал.

– Она мне надоела. Каждый раз мне было с ней все труднее. – Сайдем презрительно усмехнулся в свой собственный адрес. – Это был еще один вариант Джоанны.

– Красивая женщина, которая добивается славы, женщина, заполучить которую мечтают все мужчины, а ее собственный муж не в состоянии ей угодить.

– Что ж, вы попали в точку, инспектор. Точнее не скажешь.

– И однако же вы оставались с Джоанной все эти годы.

– Она – единственное удачное предприятие в моей жизни. Мой абсолютный успех. С подобными подарками судьбы так просто не расстаются, я никогда об этом даже и не помышлял. Я не мог дать ей уйти. А Ханна просто подвернулась в момент нашей с Джо размолвки. Между нами... ничего не было уже около трех недель. Она подумывала подписать контракт с лондонским агентом, а меня вроде как оставляли за бортом. Как ненужный хлам. Должно быть, именно с этого и начались мои... неприятности. Затем, когда появилась Ханна, я на месяц или два почувствовал себя новым человеком.

Каждый раз, когда мы встречались, я ее имел. Иногда два или три раза за вечер. Боже! Я словно переродился.

– А потом она захотела стать актрисой, как ваша жена?

– История начала повторяться. Да.

– Но зачем же было ее убивать? Почему не расстаться по хорошему?

– Она нашла мой лондонский адрес. И было довольно неприятно, когда она как-то вечером притащилась к театру, а мы с Джо как раз договаривались с лондонским агентом. После этого я понял, что если оставлю ее в ее Болотах, в один прекрасный день она заявится к нам на квартиру. Я бы потерял Джоанну. Поэтому я вынужден был пойти на это.

– А Гоуван Килбрайд? Чем он вам помешал?

Дотерзав чашечку, Сайдем поставил ее на стол.

– Он знал о перчатках, инспектор.

Они закончили предварительный допрос Дэвида Сайдема в пять пятнадцать и, пошатываясь, с красными глазами, вышли в коридор, где Сайдема повели к телефону, чтобы он мог позвонить жене. Линли смотрел, как он идет, и вдруг почувствовал, как его затопляет жалость к этому человеку. Он сам себе удивился, потому что Сайдем заслужил самого жестокого наказания. Все так. Но Линли понимал, что эти убийства – как камень, брошенный в пруд, перебаламутивший безмятежную воду, и порожденные ими волны постепенно докатятся до каждого из тех, кто причастен к этой истории. Он отвернулся.

А сколько еще впереди малоприятных моментов, те же журналисты, которые наседали со всех сторон, словно материализовались из воздуха, приставая со своими идиотскими вопросами, добиваясь от него интервью. Он быстро прошел мимо них, сжимая в кулаке записку, которую суперинтендант Уэбберли сунул ему в руку. Почти ничего не видя от непомерной усталости, он прошел к лифту, одолеваемый одной мыслью: найти Хелен. Одним желанием: поскорее уснуть.

Он чисто автоматически нашел дорогу домой, а придя, упал на кровать не раздеваясь. Он не почувствовал, как Дентон снял потом с него ботинки и укрыл одеялом. Он проснулся уже днем.

– Это все ее близорукость, – сказал Линли. – Из дневников Ханны Дэрроу я много чего выудил, а такую важную вещь – ссылку на то, что на втором спектакле она была без очков и поэтому не могла ясно видеть сцену, – упустил. Она лишь подумала, что Сайдем был одним из актеров, поскольку после спектакля он вышел из служебного входа. И еще я был слишком взбудоражен тем, что Дэвис-Джонс тоже играл в «Трех сестрах», из-за своего предубеждения я даже не сообразил, что в той сцене, из которой была вырвана предсмертная записка, участвовала и Джоанна Эллакорт. А это означало, что Сайдем знал назубок все сцены, в которых была занята Джоанна, вероятно, лучше, чем ее партнеры. Он ведь помогал ей разучивать роли. Я сам слышал, как он распекал

ее за пропуск текста... Когда приходил в «Азенкур».

– Джоанна Эллакорт знала, что ее муж был убийцей? – спросил Сент-Джеймс.

Линли, слабо улыбнувшись, покачал головой, беря из рук Деборы чашку с чаем.

Они сидели в кабинете Сент-Джеймса, отдавая должное кексам, сэндвичам и тартинкам и, естественно, чаю. Тусклое вечернее солнце освещало окно и снежный холмик на оконном карнизе. С набережной Виктории все явственнее доносился шум машин, постепенно нараставший из-за часа пик.

– Мэри Агнес Кэмпбелл сказала ей – как и всем остальным, – что дверь в комнату Джой была заперта, – ответил он. – Она, как и я, подумала, что убийцей был Дэвис-Джонс. Но она не знала – и этого до вчерашнего дня не знал никто, – что дверь Джой была заперта не всю ночь. Ее заперли только тогда, когда Франческа Джеррард в три пятнадцать пришла в комнату, чтобы забрать свое ожерелье. Увидев, что Джой мертва, она решила, что это сделал ее брат, сходила в кабинет за ключами и заперла дверь, чтобы потом его выгородить. Мне следовало догадаться, что она лжет, когда она сказала, что жемчуг лежал на комодe у двери. Зачем Джой было класть его там, если остальные ее украшения лежали на туалетном столике, стоявшем в другом конце комнаты? Я сам это видел.

Сент-Джеймс выбрал еще один сэндвич.

– Что-нибудь изменилось бы, если б инспектор Макаскин

успел вчера дозвониться до тебя раньше того, как ты уехал в Хэмпстед?

– Что он мог мне сказать? Только что Франческа Джеррард призналась, что солгала нам в Уэстербрэ про якобы запертую дверь. Не знаю, хватило бы у меня ума сопоставить эту деталь с теми фактами, которые я старательно игнорировал. Факт, что в комнате у Роберта Гэбриэла была женщина; факт, что Сайдем признал, что Джоанны не было с ним в течение нескольких часов в ту ночь, когда умерла Джой; факт, что имена Джо и Джой легко перепутать, особенно такому типу, как Гэбриэл, который не пропускает ни одной юбки, тащит в постель всех подряд.

– Значит, Айрин Синклер слышала их с Джоанной. – Сент-Джеймс сел поудобнее, скривившись от досады, когда поврежденная нога зацепилась за окантовку пуфика. С раздраженным ворчанием он высвободил ее. – Но почему Джоанна Эллакорт? Она не делала тайны из своего отвращения к Гэбриэлу. Или это была только игра, способ усыпить бдительность мужа?

– К Сайдему в ту ночь она испытывала еще большее отвращение, чем к Гэбриэлу, хотя бы потому, что он втравил ее в пьесу Джой. Она считала, что он ее предал. Ей хотелось отомстить ему. Поэтому в половине двенадцатого она пошла в комнату Гэбриэла и стала его ждать, полная решимости отплатить мужу самым унижительным для него способом. Ей было и невдомек, что ее бегство к Гэбриэлу было Сайдему

на руку; она сама предоставила ему случай действовать, которого он начал искать сразу, как только Джой обмолвилась за ужином о Джоне Дэрроу.

– Полагаю, Ханна Дэрроу не знала, что Сайдем был женат. Линли покачал головой:

– Очевидно, нет. Она видела их вдвоем всего раз, да и то в компании с их лондонским агентом. Ей было лишь известно, что у Сайдема есть связи с преподавателями актерского мастерства и со всем прочим, что необходимо для успеха. В представлении Ханны Сайдем мог стать ключом к ее новой жизни. А она временно стала его ключом к сексуальной доблести, которой ему не хватало.

– Ты думаешь, Джой Синклер знала об интрижке Сайдема с Ханной Дэрроу? – спросил Сент-Джеймс.

– Нет, этого она узнать не успела. И Джон Дэрроу рьяно оберегал эту тайну. Джой всего лишь упомянула за ужином имя Дэрроу. Но Сайдем не мог рисковать. Поэтому и убил ее. И душераздирающего рассказа Айрин о дневниках Ханны, я имею в виду вчера в театре, было достаточно, чтобы он помчался ночью в Хэмпстед.

Дебора слушала их молча, но тут вмешалась:

– Но он же жутко рисковал, когда убил Джой Синклер. Разве его жена не могла в любой момент вернуться и обнаружить, что его нет? И потом, он мог случайно столкнуться с кем-нибудь в коридоре, разве не так, Томми?

Линли пожал плечами:

– В конце концов, он точно знал, где находится Джоанна, Деб. А еще он хорошо знал Роберта Гэбриэла и не сомневался, что тот продержит ее у себя как можно дольше, постарается блеснуть перед ней своими мужскими талантами. Поведение всех остальных в доме можно было легко просчитать. Поэтому, как только он услышал, что Джой вернулась от Винни – это было незадолго до часу, – ему только оставалось немного подождать, пока она уснет.

Дебора, совершенно потрясенная, никак не могла осмыслить...

– Но его собственная жена... – страдальчески пробормотала она.

– Думаю, Сайдем готов был позволить Гэбриэлу пару раз переспать со своей женой, лишь бы избежать разоблачения. Но не желал, чтобы он хвастал этим перед всей труппой. Поэтому он дождался, пока Гэбриэл остался один в театре. И поймал его в его примерной.

– Интересно, знал ли Гэбриэл, кто его бьет? – задумчиво спросил Сент-Джеймс.

– Полагаю, желающих поквитаться с ним могло набраться довольно много. И ему повезло, что это оказался Сайдем. Потому что любой другой мог его убить. А Сайдем этого делать не хотел.

– Почему нет? – спросила Дебора. – После того, что было между Гэбриэлом и Джоанной, Сайдем, вероятно, был бы только рад увидеть его мертвым.

– Сайдём все же не круглый дурак Зачем бы он стал сужать круг подозреваемых. – Линли покачал головой. В следующих его словах отразился весь его мучительный стыд. – Он же не знал, что я сам уже постарался донельзя сузить его. До одного человека. Как замечательно прокомментировала это Хейверс «Я горжусь нашей полицией».

Дебора и его друг ничего не ответили. Дебора вдруг стала крутить крышку фарфорового чайника, якобы рассматривая лепестки изображенной на нем розы. Сент-Джеймс передвинул сэндвичи на тарелке. Ни тот, ни другая не смотрели на Линли.

Он знал, что им очень не хочется отвечать на вопрос, который он пришел задать, знал, что ими при этом движут преданность ему и любовь. И все же Линли втайне надеялся, что узы, связывающие их троих, настолько крепки, что позволят им понять, что ему надо найти ее, несмотря на ее желание спрятаться от него. Поэтому он задал свой вопрос:

– Сент-Джеймс, где Хелен? Когда нынче ночью я вернулся в дом Джой, ее там уже не было. Где она?

Он увидел, как Дебора отдернула руку от чайника, как сжала складки своей шерстяной юбки. Сент-Джеймс поднял голову.

– Ты просишь слишком многого, – ответил он.

Другого ответа Линли и не ждал, он получил то, что заслужил. Тем не менее он не отступил.

– Я не могу изменить того, что случилось. Я не могу из-

менить того факта, что вел себя как дурак. Но я могу хотя бы извиниться. Хотя бы сказать ей...

– Еще не время. Она не готова.

Линли почувствовал, как в ответ на столь твердый отпор в нем поднимается злость.

– Черт побери, Сент-Джеймс. Она пыталась его предостеречь! Это она тебе сказала? Когда он перелез через стену, она закричала, он услышал этот крик, и мы его чуть не упустили. Из-за Хелен. Поэтому, если она не готова меня видеть, пусть скажет мне это сама. Пусть она примет решение.

– Она его приняла, Томми.

Слова прозвучали настолько холодно, что его злость погасла. Он почувствовал спазм в горле.

– Значит, она уехала с ним. Куда? В Уэльс?

Молчание. Дебора посмотрела на мужа, тот уставился на незажженный камин.

Линли почувствовал, как из-за их нежелания говорить в нем нарастает отчаяние. С тем же самым он столкнулся до этого и на квартире Хелен, обратившись к ее горничной, так же неумолимы были родители Хелен и три ее сестры, когда он говорил с ними по телефону. Он знал, что вполне заслужил это наказание, и все равно все его существо восставало против этого, не желало смириться, несмотря ни на что.

– Ради бога, Саймон. – Он почувствовал, как его захлестывает отчаяние. – Я люблю ее. Тебе, как никому другому, должно быть понятно, каково это – расстаться с тем, кого ты

любишь. Без единого слова. Без шанса. Прошу тебя. Скажи мне.

И тут Дебора быстро схватила мужа за тонкое запястье. Линли едва расслышал ее голос, когда она заговорила с Сент-Джеймсом.

– Любовь моя, извини. Прости меня. Я больше не могу. – Она повернулась к Линли. Ее глаза блестели от слез. – Она уехала на Скай, Томми. Она одна.

Перед тем как отправиться на север, к Хелен, ему надо было еще повидаться с суперинтендантом Уэбберли и тем самым поставить точку в этом деле. И во всем прочем. Утренние же послания от своего начальника с официальными поздравлениями по поводу хорошо выполненной работы и просьбой поскорее к нему явиться Линли предпочел проигнорировать. Памятуя о том, что каждым шагом его расследования руководила слепая ревность, Линли совсем не жаждал ничьих похвал. Тем более похвал от человека, который с готовностью использовал его в качестве орудия в чьих-то грязных играх.

Потому что помимо виновного Сайдема и невиновного Дэвис-Джонса существовал еще лорд Стинхерст. И Скотленд-Ярд, ходивший перед ним на задних лапках в связи с обязательствами правительства скрывать от общественности ту историю двадцатипятилетней давности.

Оставалось разобраться с этим. Утром Линли еще не чувствовал себя готовым к бою. Но теперь он созрел.

Уэбберли он нашел в его кабинете. Как обычно, его круглый стол был завален раскрытыми папками, книгами, фотографиями, отчетами и грязной посудой. Склонившись над картой улиц, которая была жирно расчерчена желтым маркером, суперинтендант помахивал сигарой, выпуская в и без того тесное помещение вонючую дымовую завесу. Он разговаривал со своей секретаршей, которая сидела за его столом, согласно кивая и делая пометки, и одновременно пыталась отогнать рукой сигарный дым, чтобы он не пропитал ее хорошо сшитый костюм и светлые волосы. Как обычно, она выглядела почти точной – настолько, насколько ей это удалось, – копией принцессы Уэльской⁴⁷.

При виде Линли она закатила глаза, изящно наморщила носик, демонстрируя отвращение к запаху и полному развалу на столе:

– Пришел детектив инспектор Линли, суперинтендант.

Линли ждал, что Уэбберли поправит ее. У этих двоих была своя игра. Уэбберли предпочитал званиям обращение «мистер». Доротея Харриман («пожалуйста, зовите меня Ди») очень трепетно относилась к званиям.

Однако суперинтендант лишь сердито что-то проворчал и, оторвавшись от карты, спросил:

– Вы все записали, Харриман?

Секретарша сверилась с записями, поправляя высокий зубчатый воротник своей блузки в эдвардианском стиле. Под

⁴⁷ Принцесса Уэльская – Диана (леди Диана, леди Ди; 1961 – 1997).

него она надела элегантный галстук-бабочку.

– Все. Перепечатать?

– Пожалуйста. И сделайте тридцать копий. В обычном порядке.

Харриман вздохнула:

– И обязательно сегодня, суперинтендант?.. Нет, ничего не говорите. Знаю, знаю. «Запишите это себе в отгулы». – Она бросила на Линли многозначительный взгляд. – У меня их уже столько набралось, что хватило бы даже на свадебное путешествие. Если кто-нибудь будет таким милым, что учтет это.

Линли улыбнулся:

– Вот так всегда! И как раз сегодня вечером я занят.

Харриман в ответ засмеялась, собрала свои заметки и смахнула три бумажных стаканчика со стола Уэбберли в мусорную корзину.

– Посмотрим, сможете ли вы заставить его что-то сделать с этой помойкой, – выдала она, уходя.

Уэбберли молчал, пока они не остались одни. Тогда он сложил карту, сунул ее в один из картотечных ящичков и вернулся к столу. Но не сел. Вместо этого, с наслаждением попыхивая сигарой, он посмотрел на силуэт Лондона за окном.

– Некоторые полагают, что заняться собственным продвижением мне мешает недостаток честолюбия, – не оборачиваясь, признался Уэбберли. – Ничего подобного, все дело в этом виде из окна. Если бы мне пришлось менять кабинет, я

бы больше не мог смотреть, как озаряется огнями город по мере того, как густеют сумерки. Вы не представляете, какое это наслаждение, видеть из года в год эту картину. – Его покрытые веснушками пальцы теребили цепочку от часов, свисавшую из жилетного кармана. Сигарный пепел просыпался на пол, но Уэбберли этого даже не заметил.

Линли подумал о том, как ему когда-то нравился этот человек, как он уважал его за тонкий ум, таившийся под неопрятной оболочкой. Этот человек умел выявить лучшее в тех, кто находился под его началом, честно используя сильные стороны человека и никогда – слабые. Способность шефа видеть людей такими, какие они есть на самом деле, восхищала Линли больше всего. Однако теперь он видел, что его прозорливость была обоюдоострым оружием, что оно могло быть использовано – как в случае с ним самим – для того, чтобы, нащупав чью-то слабость, сыграть на ней.

Уэбберли, без сомнения, знал, что Линли поверит честному слову пэра. Эту веру он впитал с детства, бесценное доверие «слову джентльмена», которое веками исповедовали люди из благородного сословия. Это был такой же непреложный закон, как право старшего сына на наследование, это нельзя было с легкостью отринуть. На это и рассчитывал Уэбберли, посылая Линли выслушать придуманную лордом Стинхерстом сказку о неверности его жены. Ни Макферсона или Стюарта, ни Хейла, ни любого другого детектива-инспектора, который выслушал бы все это, но тут же вызвал бы

леди Стинхерст, чтобы она тоже послушала эту историю... а затем во весь опор двинулся бы дальше, докапываясь до истинной причины гибели Джеффри Ринтула.

Ни правительство, ни Скотленд-Ярд не хотели этого. Поэтому они послали того, на кого полностью можно было рассчитывать, кто непременно поверит слову джентльмена и таким образом прикроет лорда Стинхерста. И это было непростительным оскорблением. Линли не мог простить Уэбберли за то, что он так с ним поступил. И не мог простить себя – за то, что, как полный идиот, оправдал все их ожидания.

И не важно, что Стинхерст был невиновен в смерти Джой Синклер. Ибо в Ярде этого не знали, и даже не волновались по этому поводу, их волновало только скандальное прошлое этого джентльмена, как бы оно не выплыло наружу. Если бы Стинхерст оказался убийцей, но при этом избежал правосудия, эти умники в правительстве и в Ярде не испытали бы ничего похожего на угрызения совести. Зачем? Главное, тайна Джеффри Ринтула оставалась нераскрытой.

Он чувствовал себя отвратительно, будто его изваляли в грязи. Достав из кармана свое полицейское удостоверение, он швырнул его на стол Уэбберли.

Суперинтендант посмотрел на карточку, потом снова на Линли. Прищурился от сигарного дыма.

– Что это значит?

– С меня хватит.

Лицо Уэбберли застыло.

– Надеюсь, я вас не так понял, инспектор.

– В этом нет нужды, не так ли? Вы получили, что хотели.

Стинхерст спасен. Великая тайна сохранена.

Уэбберли вынул сигару изо рта и сунул ее в пепельницу между другими окурками, разбрасывая пепел.

– Не делай этого, мальчик. Не стоит.

– Мне не нравится, когда меня используют. Такой вот я чудак. – Линли направился к двери. – Я заберу свои вещи...

Уэбберли хлопнул ладонью по столу, отчего разлетелись бумаги.

– И вы думаете, мне нравится, когда меня используют, инспектор? Значит, вот как вы себе это представляете? И какую же роль вы отводите мне?

– Вы знали о Стинхерсте. О его брате. И о его отце. Вот почему в Шотландию послали меня, а не кого-то другого.

– Я знал только то, что мне было приказано. Приказ послать вас на север поступил через Хильера от заказчика. Не от меня. Мне это понравилось не больше, чем вам. Но в данном случае выбора у меня не было.

– Вот как, – ответил Линли. – Что ж, по крайней мере, я могу быть благодарен судьбе за то, что у меня выбор есть. И я делаю его сейчас.

Лицо Уэбберли покраснело от гнева. Но голос остался спокойным.

– Ты рассуждаешь не очень здраво, мальчик. Обдумай несколько моментов, прежде чем твой благородный правед-

ный гнев выведет тебя на стезю непонятого мученика. Я ничего не знал о Стинхерсте. И до сих пор не знаю, так что, если ты расскажешь мне, буду рад послушать. Одно я могу сказать: как только Хильер пришел ко мне с приказом направить тебя, и только тебя, на это дело, я почуял недоброе.

– И все равно назначили меня.

– Ну не будь же таким дураком! У меня не было другого выхода! Но я хотя бы попытался тебя подстраховать. Назначил Хейверс. Ты же не хотел этого, верно? Как ты меня отговаривал, помнишь? Так какого же черта, по-твоему, я настоял, чтобы именно она помогала тебе? Потому что знал: уж кто-кто, а Хейверс прилипнет к Стинхерсту, как репей к собаке, если представится возможность. И она представилась, верно? Отвечай, черт возьми! Да или нет?

– Да.

Уэбберли ударил своим кулачищем в ладонь другой руки.

– Мерзавцы! Я знал, что они пытаются его защитить. Я только не знал от чего. – Он мрачно посмотрел на Линли. – Но сдастся мне, ты мне не веришь.

– Вы правы. Не верю. Вы не так уж беспомощны, сэръ. Я-то вас знаю.

– Ошибаешься, мальчик. Именно беспомощен, когда речь идет о моей работе. Я подчиняюсь приказу. Легко быть несгибаемым, когда можешь позволить себе в любой момент убраться отсюда, как только унюхаешь что-то неприятное. Но у меня такой роскоши нет. Ни капиталов, ни поместья.

Эта работа для меня не забава. Это мой хлеб с маслом. И когда мне отдадут приказ, я его выполняю. Независимо от того, нравится мне это или нет.

– А если бы Стинхерст был убийцей? Если бы я закрыл дело, не произведя ареста?

– Но ты же этого не сделал, верно? Я положился на Хейверс, чтобы она этого не допустила. И я доверял тебе. Я знал, что твое чутье в конце концов выведет тебя на убийцу.

– Но они этого не знали, – сказал Линли. Эти слова стоили ему хорошей порции гордости, и он спросил себя, почему его так задело то, что он оказался таким глупцом.

Уэбберли посмотрел на него принципиальным взглядом.

Когда он заговорил, его голос звучал уже по-доброму, с полным пониманием.

– Поэтому-то ты и бросил удостоверение, да, сынок? Не из-за меня и не из-за Стинхерста. И не потому, что какие-то шишки посчитали тебя за человека, которого можно использовать в своих целях. Ты бросил его, потому что сам совершил ошибку. Не смог быть объективным в расследовании, верно? Гонялся не за тем человеком. Вот так-то. Добро пожаловать в наш клуб, инспектор. Вы больше не идеальны.

Уэбберли взял удостоверение, повертел его в руках. Потом без церемоний сунул его в нагрудный карман Линли.

– Мне жаль, что произошел этот случай со Стинхерстом, – сказал он. – Не могу обещать, что подобного не повторится. Но если повторится, полагаю, вам больше не понадобится.

ся сержант Хейверс, чтобы вы не забывали, что вы прежде всего полицейский, не пэр, черт возьми. – Он повернулся к своему столу и обвел взглядом завалы бумаг. – Вам положены выходные, Линли. Так что возьмите их. Отпускаю вас до вторника. – И затем, посмотрев Линли в глаза, очень тихо добавил: – Надо научиться прощать себя – это часть нашей работы, мой мальчик. И это единственная часть, в которой полный успех попросту исключен.

Выезжая по пандусу из подземного гаража на Бродуэй, он услышал приглушенный крик. Нажав на тормоза, он глянул в сторону станции метро «Сент-Джеймс-парк» и увидел среди пешеходов Джереми Винни: тот шел размашистым шагом, и полы его пальто хлопали вокруг колен, как крылья нескладной птицы. Он приближался, размахивая блокнотом на спиральке. Исписанные страницы трепетали на ветру. Линли опустил стекло, когда Винни подошел к машине.

– Я написал про историю Джеффри Ринтула, – тяжело дыша и выдавив улыбку, сказал журналист. – Господи, какая удача, что я вас поймал! Вы нужны мне как источник. Не для записи. Только подтвердить. И все.

Линли смотрел, как мельтешат над улицей снежинки. Узнал группу секретарш, бегущих по окончании рабочего дня к станции метро, их мелодичный смех зазвенел в воздухе.

– Нет никакой истории, – сказал он.

Лицо Винни сразу изменилось, став холодно-официаль-

НЫМ.

– Но вы же говорили со Стинхерстом! Вы не можете отрицать, что он подтвердил все подробности относительно своего брата! Иначе и быть не могло! Уиллингейт на той фотографии, пьеса Джой, где полно очень прозрачных намеков... Только не говорите мне, что он вышел сухим из воды!

– Нет никакой истории, мистер Винни. Мне жаль. – Линли начал поднимать стекло, но Винни остановил его, сунув поверх стекла палец.

– Она этого хотела! – В его голосе послышалась мольба. – Понимаете, Джой хотела, чтобы я рассказал всю эту историю. Понимаете, поэтому я здесь. Она хотела, чтобы люди узнали наконец, каковы эти Ринтулы.

Дело было закрыто. Убийца найден. А Винни все еще шел по старому следу. На журналистскую сенсацию он рассчитывать не мог, поскольку статью тут же завернули бы. Это была верность, чересчур крепкая для простой дружбы. И снова Линли задумался, что же лежало в основе ее, какой долг чести Винни платил Джой Синклер.

– Джер! Джерри! Бога ради, поторопись! Поли ждет, и ты знаешь, как он разозлится, если мы снова опоздаем.

Этот голос донесся с другой стороны улицы. Нежный, капризный, очень похожий на женский. Линли нашел глазами его обладателя. Юноша – не старше двадцати – стоял под аркой, ведущей на станцию. Он топнул ногой, поежился от холода, одна из ламп в переходе освещала его лицо. Он был

до боли красив, словно перенесся сюда из эпохи Возрождения, до того совершенными были его черты. И тут же в голове Линли всплыла оценка, данная подобной красоте по-этом Возрождения, слова Марло⁴⁸, не менее уместные сейчас, чем в шестнадцатом веке. «Опаснее, чем за руном золотым поход».

Наконец-то последний кусочек головоломки со щелчком встал на место, настолько очевидный, что Линли подивился, что помешало ему догадаться раньше. На пленке Джой говорила не о Винни. Она разговаривала с ним, напоминая себе о том, что непременно должна сказать своему другу. И вот вам, пожалуйста: на той стороне улицы стоял тот, о ком она собиралась говорить с Винни: *«почему надо так спешить из-за него? Вряд ли это предложение так невероятно ценно»*

– Джерри! Джемми! – снова позвал улещивающий голос. Юноша крутанулся на каблуках, нетерпеливый щенок. Он рассмеялся, когда пальто обернулось вокруг его тела, как балахон циркового клоуна.

Линли перевел взгляд на журналиста. Винни глянул куда-то в сторону, а не на молодого человека.

– Это не Фрейд сказал, что случайностей не бывает? – В голосе Винни прозвучали нотки смирения. – Я, должно быть, хотел, чтобы вы узнали... чтобы вы поняли мои слова, когда я сказал, что мы с Джой всегда – и только – были друзьями. Назовите это оправданием. Или попыткой защититься. Те-

⁴⁸ Кристофер Марло (1564 – 1593) – английский драматург.

перь это не имеет значения.

– Значит, она знала?

– У меня не было от нее секретов. Не думаю, что мог бы завести хоть один, даже если бы захотел. – Винни, теперь уже не таясь, обернулся и посмотрел на юношу. Лицо его смягчилось. Губы изогнулись в удивительно нежной улыбке. – Мы прокляты любовью, верно, инспектор? Она не дает нам покоя. Мы неустанно ищем ее, каждый по-своему, разными способами, и когда повезет, на какой-то миг обретаем ее. И это дает удивительное ощущение свободы, разве не так? Даже когда нам приходится терпеть из-за любви непомерные тяготы.

– Не сомневаюсь, что Джой это поняла бы.

– Видит бог. Только она одна меня и понимала. – Он убрал руку со стекла. – Потому я и должен ей Ринтулов. Она этого хотела. Вытащить на свет эту историю. Она хотела правды.

Линли покачал головой:

– Она хотела мести, мистер Винни. И думаю, она своего добилась. В какой-то мере.

– Значит, вот как оно все будет? И вы на самом деле дадите этому так бесславно закончиться, инспектор? После всего, что эти люди с вами сделали? – Он махнул рукой в сторону здания Скотленд-Ярда.

– Мы всё с собой делаем сами, – ответил Линли. Кивнул, поднял стекло и поехал.

Путешествие на Скай осталось в его памяти как некая

фантазмагория: размытая полоса проносящихся мимо сельских пейзажей, которые он, мчась на бешеной скорости, почти не видел. Остановливаясь, только чтобы перекусить и заправиться, и раз, чтобы отдохнуть несколько часов где-то между Карлайлом и Глазго, он приехал в маленькую деревеньку Кайлоф-Лохалш к вечеру следующего дня. Остров Скай располагался прямо напротив нее.

Он загнал автомобиль на стоянку прибрежной гостиницы и сидел за рулем, глядя на пролив, его рябая поверхность была цвета старых монет. Солнце садилось, и величественная вершина Сгурр-на-Коинник казалась облитой серебром. Внизу, у ее подножия, отчалил и медленно двинулся к материку паром, на нем Линли разглядел только грузовик, парочку туристов, которые обнялись, спасаясь от резкого ветра, и одинокую стройную фигурку: гладкие каштановые волосы развевались вокруг поднятого лица, она подставила его последним лучам зимнего солнца, словно ждала от них благословения.

Увидев Хелен, Линли вдруг сразу осознал всю дикость своего приезда. Он понимал, что меньше всего она хочет сейчас видеть именно его. И специально уехала подальше. Однако все его сожаления были уже бессмысленны: когда паром стал приближаться к берегу, она сразу увидела его «бентли». Он вылез из машины, надел пальто и пошел к пристани. Холодный ветер кусал за щеки, ерошил волосы. В нем была соль отдаленной Северной Атлантики.

Когда паром пришвартовался, грузовик выпустил из выхлопной трубы грязное облако и покатил по дороге на Инвергарри. Держась за руки, прошли, смеясь, туристы, мужчина и женщина, остановились, чтобы поцеловаться, потом обернулись посмотреть на берег Ская: Остров был укрыт облаками, их сизый – как крылья горлинки – цвет сменялся буйными красками заката.

Весь долгий путь сюда Линли обдумывал, что скажет Хелен, когда наконец увидит ее. Но когда она сошла с парома, убирая со щек волосы, он забыл все слова. Он хотел только обнять ее, но не имел на это ни малейшего права. И просто молча пошел рядом с ней вверх, к гостинице.

Они вошли внутрь. В вестибюле было пусто, его огромные окна, выходившие на пролив, открывали панораму воды, гор и расцветенных солнцем облаков над островом. Леди Хелен подошла и встала у окна, и хотя ее поза – слегка наклоненная голова, худенькие сгорбленные плечи – красноречивее всяких слов говорила о желании побыть одной, Линли не мог просто взять и уйти... между ними осталось столько невысказанного. Он подошел к ней и увидел темные круги у нее под глазами, свидетельство печали и усталости. Она скрестила на груди руки, словно нуждалась в тепле или защите.

– Зачем же он убил Гоувана? Это было уж совсем бессмысленным, правда, Томми?

Линли даже опешил... И он еще посмел думать, что Хелен встретит его потоком обвинений! Он заранее был готов

услышать их, смиренно признав абсолютную их справедливость. За сумятицей последних дней он как-то забыл, что сердцевину характера Хелен составляли человечность и благородство. Она конечно же должна была заговорить о Гоуване, а не о себе.

– В Уэстербрэ Дэвид Сайдем заявил, что оставил свои перчатки на стойке портье, – ответил он, глядя, как задумчиво опустились ее глаза, и на сливочного цвета кожу легли темные ресницы. – Он сказал, что оставил их там, когда они с Джоанной только приехали.

Она кивнула.

– Но когда в тот вечер Франческа Джеррард наткнулась в холле на Гоувана и он уронил поднос с ликерами, парню пришлось потом убирать весь холл. И он видел, что перчаток Дэвида Сайдема там не было. Только он не сразу об этом вспомнил.

– Да, думаю, именно это и произошло. Во всяком случае, как только Гоуван вспомнил, он сразу понял, что это значит. Единственная перчатка, которую сержант Хейверс нашла за стойкой на следующий день – и та, что ты нашла в сапоге, – могли попасть туда только одним путем: Сайдем сам положил их туда, после того как убил Джой. Думаю, это и пытался сказать мне Гоуван. Перед смертью. Что он не видел перчаток на стойке. Но я... я думал, что он говорит о Рисе.

Линли увидел, как ее глаза мучительно зажмурились, и понял, что она не ожидала услышать это имя от него.

– Как же Сайдему это удалось?

– Он все еще сидел в салоне, когда Макаскин и кухарка пошли ко мне спросить, можно ли пустить всех в библиотеку. Тогда он и проскользнул в кухню, чтобы взять нож.

– Хотя дом был полон людей? Причем главным образом из полиции?

– Они собирались уезжать. Все болтались кто где. И на это у него ушло не более минуты. А потом он по черной лестнице прошел в свою комнату.

Не думая, что делает, Линли прикоснулся к волосам Хелен, нежно провел по всей их длине, и, следуя за их изгибом, дотронулся до ее плеча. Она не отстранилась. Он почувствовал, как тяжело бьется его сердце.

– Прости меня... за все, – сказал он. – Мне нужно было увидеть тебя... хотя бы для того, чтобы сказать тебе это, Хелен.

Она не смотрела на него. Казалось, у нее совершенно не было на это сил.

Когда она заговорила, ее голос звучал тихо, а взгляд остановился на дальних развалинах замка Маол, стены которого озаряли лучи заходящего солнца.

– Ты был прав, Томми. Ты сказал, что я пыталась повторить историю с Саймоном, но чтобы финал был счастливым, и я поняла, что это правда. Но финал все равно оказался другим, не так ли? Я с восторгом рисовала себе нечто идиллическое. Единственное, что отсутствовало в этом жалком сце-

нарии, – больничная палата, где я оставляла его – в полном одиночестве.

В ее голосе не было иронии. Но и без этого каждое ее слово было полно жгучего презрения к себе.

– Нет, – с несчастным видом произнес он.

– Да. Рис догадался, что это ты звонил. Это было всего два дня назад? А кажется, что прошла целая вечность. И когда я положила трубку, он спросил, не ты ли это был. Я сказала – нет, это мой отец. Но он понял. И увидел, что ты убедил меня в том, что он убийца. Разумеется, я продолжала отрицать, отрицать все. Когда он спросил, сказала ли я тебе, что он со мной, я стала отрицать и это. Но он знал, что я лгу. И увидел, что я сделала тот выбор, который, как он сказал, я сделаю. – Она стала подносить руку к щеке, но даже на это у нее не хватило сил. Она опустила ее. – Мне даже не нужно было ждать, когда трижды прокричит петух⁴⁹. Я поняла, что я сделала. С нами обоими.

Каковы бы ни были желания Линли, гораздо важнее сейчас было убедить леди Хелен в том, что ее вины тут нет. Что она напрасно приписывает этот грех себе. Он должен был дать ей хотя бы это утешение.

– Ты не виновата, Хелен. Ты ничего бы этого не сделала, если бы не я. Что ты должна была подумать, когда я рассказал тебе о Ханне Дэрроу? Чему ты должна была верить? И

⁴⁹ На самом деле в Евангелии от Иоанна (13:38) сказано: «... истинно говорю тебе не пропоет петух, как отречешься от меня трижды».

кому?

– Вот именно. Кому. Я могла выбрать Риса, несмотря на твои слова. Могла. Но я выбрала тебя. Когда Рис это понял, он ушел. И кто посмел бы его укорить? Естественно, вера в то, что твой любовник – убийца, наносит непоправимый ущерб отношениям. – Она наконец посмотрела на него, повернувшись и оказавшись так близко, что он смог ощутить чистый, свежий запах ее волос. – И до Хэмпстеда я действительно думала, что Рис – убийца.

– Тогда почему ты его предупредила? Чтобы наказать меня?

– Предупредила его?.. Ты это подумал? Нет. Когда он перелез через стену, я сразу же увидела, что это не Рис. Я... понимаешь, я же помню тело Риса. И этот мужчина был гораздо больше. Поэтому я закричала не думая. От ужаса, наверное. Именно в тот момент я осознала, *что* я ему сделала и что окончательно его потеряла. – Она отвернулась к окну. Но через секунду снова посмотрела ему в глаза. – В Уэстер-брэ я чувствовала себя его спасительницей, утонченной, все понимающей женщиной. Женщиной, которая поможет ему восстать из пепла. Благодаря которой он бросит пить. Так что, понимаешь, по сути ты был прав... В конечном итоге это снова было как с Саймоном.

– Нет. Хелен, я сам не знал, что говорю. Я сходил с ума от ревности.

– Все равно ты был прав.

Пока они разговаривали, тени в вестибюле удлиннились, и по нему прошел бармен. Он включил свет и открыл бар, находившийся в дальнем конце холла: начинался вечер. От стойки портье до них донеслись голоса: спор о том, какую лучше выбрать открытку, мирное обсуждение того, куда стоит завтра пойти. Линли слушал, завидуя этой сладкой обыденности выходных, когда проводишь их с тем, кого любишь.

Леди Хелен шевельнулась.

– Я должна переодеться к ужину. – И направилась к лифту.

– Зачем ты сюда приехала? – резко спросил Линли.

Она остановилась и взглянула на него:

– Захотелось посмотреть на Скай зимой. Мне нужно было почувствовать, как это бывает, когда ты здесь один.

Он положил ладонь на ее руку. Ее тепло словно вливало жизнь.

– Ну и как, вволю насмотрелась? Я имею в виду, одна.

Она, конечно, поняла, о чем он на самом деле спрашивает. Но вместо ответа подошла к лифту и нажала на кнопку, неотрывно глядя на вспыхнувший огонек, словно это было поразительное творение науки. Он подошел к ней и едва услышал ее слова.

– Пожалуйста. Я не вынесу, если снова причину боль, тебе или себе.

Где-то над ними жужжал механизм. И он понял, что сейчас она пойдет в свою комнату, ища одиночества, ради кото-

рого приехала, и бросит его одного. И еще он понял, что разлука продлится не несколько минут. А неопределенно, бесконечно, невыносимо долго. Он понимал, что сейчас самый неподходящий момент. Но вероятно, у него не будет другой возможности.

– Хелен. – Она взглянула на него, и он увидел в ее глазах слезы. – Выходи за меня.

У нее вырвался смешок – не от веселья, но от отчаяния. Она слабо шевельнула рукой, жест этот был жестом безнадежности.

– Ты знаешь, что я тебя люблю, – сказал он. – Не говори, что слишком поздно.

Она наклонила голову. И тут двери лифта раскрылись. Они словно придали ей смелости, и она произнесла слова, которых он так боялся – и был готов – от нее услышать.

– Я не хочу видеть тебя, Томми. Какое-то время.

Сердце его заныло от боли, и он лишь спросил:

– Сколько?

– Несколько месяцев. Возможно, дольше.

– Похоже на смертный приговор.

– Прости. Но мне так нужно. – Она вошла в лифт и нажала кнопку своего этажа. – Даже после всего этого я по-прежнему не хочу тебя обидеть. И никогда не могла, Томми.

– Я люблю тебя, – сказал он. И затем снова, словно каждое слово могло доказать, как искренне его раскаяние: – Хелен. Хелен. Я тебя люблю.

Он увидел, как ее губы раскрылись, увидел ее быструю, милую улыбку, прежде чем двери лифта закрылись.

Барбара Хейверс сидела в баре паба «Королевский герб» недалеко от Нью-Скотленд-Ярда, угрюмо глядя в кружку со своей еженедельной пинтой светлого пива. Она тянула ее вот уже полчаса. До закрытия оставался час, значит, ей давно пора было отправляться назад, к родителям и Эктону, но она решительно была еще не в состоянии сделать это. Со всякими бумажками было покончено, отчеты составлены, оставались только переговоры с Макаскином. Но, как всегда при завершении дела, ее охватило чувство собственной бесполезности. Люди по-прежнему будут истреблять друг друга, несмотря на ее ничтожные попытки остановить их.

– Угостите парня выпивкой?

Услышав голос Линли, она подняла глаза:

– Я думала, вы уехали на Скай! Боже великий, ну и вид у вас. Вы очень устали.

И в самом деле. Небритый, в мятой одежде, он был просто неузнаваем.

– Я действительно устал, – признал он, силясь улыбнуться. – Последние несколько дней я почти не вылезал из машины. Что это вы пьете? Полагаю, сегодня это не тоник?

– Сегодня я перешла на «Басе». Но раз уж вы здесь, я могу изменить своим вкусам. Смотря кто будет платить.

– Ясно. – Он снял пальто, небрежно кинул его на сосед-

ний столик и опустился на стул. Пошарив в карманах, достал портсигар и зажигалку. Как всегда, она взяла предложенную сигарету, разглядывая его сквозь пламя зажигалки, которую он для нее держал.

– Что случилось? – спросила она его. Он закурил.

– Ничего.

– А.

Какое-то время они молча курили. Он даже не заказал себе выпить. Она ждала.

Потом, глядя на противоположную стену, он сказал:

– Я сделал ей предложение, Барбара. Это ее отнюдь не удивило.

– Что-то не похоже, что у вас хорошие новости.

– Это верно. – Линли закашлялся, изучая кончик своей сигареты.

Барбара вздохнула, почувствовав тяжелое бремя его грусти, и вдруг поняла, что воспринимает эту грусть как свою собственную. За стойкой неряшливая барменша Эвелин, близоруко щурясь, перебирала счета и старательно не замечала хищные взгляды двух припозднившихся завсегдатаев. Барбара окликнула ее по имени.

– Да? – зевая, отозвалась Эвелин.

– Принеси два «Гленливета». Чистых. – Барбара посмотрела на Линли и добавила: – И потом повторишь заказ, договорились?

– Конечно, милая.

Когда напитки поставили на стол и Линли потянулся за бумажником, Барбара снова заговорила:

– Сегодня за мой счет, сэр.

– Праздник, сержант?

– Нет. Поминки. – Она залпом опрокинула виски. Оно огнем побежало по жилам. – Пейте, инспектор. Давайте надемся.